

пустые города
Байкальский
регион
малые города
PS к региональным
школам

2020 / 65

провинция / province

проект
байкал /
project
baikal

12+

ALFRESCO™
НАРУЖНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
www.allfresco.ru

КОМПАНИЯ ALFRESCO
Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 43
+7 (495) 290-31-30

e-mail: info@allfresco.ru
www.allfresco.ru

В Москву! В Москву! В Москву!

А. П. Чехов, «Три сестры»

Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря...

И. Бродский, «Письма римскому другу»

Соотношение провинции и метрополии, как и многие другие процессы, подвержено периодическим колебаниям. Систола сменяет диастолу, творческая энергия поочередно то стремится в единый центр, то растекается по множеству локальных центров и объектов. Похоже, что именно сейчас происходит смена тренда. Некоторые тенденции сегодняшнего дня наводят на мысль, что центростремительное движение на наших глазах сменяется центробежным. Притягательность мегаполисов, еще недавно такая очевидная, тает. Начинает казаться, что жизнь в небольших городах и здоровее, и безопаснее, да и в культурном отношении может дать очень многое.

Возможно, одна из причин – в деградации культурной политики центров, как глобальных, так и национальных. Метрополии «заболевают» высокомерием и самодовольством и начинают относиться к провинциям как к культурным колониям (с. 18). В ответ провинции отворачиваются от образцов, предлагаемых метрополиями, и все больше внимания уделяют каждой своей идентичности (с. 27). В очередной раз переосмыслению и переоценке подвергается опыт отечественной провинциальной архитектуры первой половины XX века (с. 32, 37). Набирает новую актуальность охрана памятников локальной культуры и истории (с. 89), забота об индустриальном наследии, уникальных ландшафтах (с. 96) и неповторимом облике малых городов.

Мы снова переживаем эпоху перемен. Как ощущаемое решительное изменение мира отразится на отношении к нашим провинциальным городам, к их обликам и стилям жизни, к системе расселения вообще?

Елена Григорьева

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

65

провинция / province

To Moscow! To Moscow! To Moscow!

A. P. Chekhov, "Three Sisters"

If you were destined to be born in the Empire,
It's best to find some province, by the ocean...

I. Brodsky, "Letters to a Roman Friend"

The relation between a province and a metropolis, like many other processes, is subject to periodic oscillations. Systole comes after diastole; creative energy tends to move towards the common center one day, and spreads among a number of local centers and objects another day. The trend seems to be changing right now. Some of today's tendencies convey the suggestion that the centripetal motion is giving way to the centrifugal one. The metropolises' attractiveness, which was so evident just a short time ago, is melting. It is starting to seem that life in small towns is healthier and safer and can satisfy a lot of cultural needs.

Probably, one of the reasons is degradation of cultural policies of global and national centers. Metropolises "come down" with haughtiness and self-complacency and start to treat the provinces as cultural colonies (p. 18). In return, provinces ignore the models proposed by metropolises and pay more attention to their own identity (p. 27). Once again, the experience of national provincial architecture of the first half of the 20th century (pp. 32, 37) is reconsidered and reassessed. Protection of monuments of the local culture and history (p. 89), concern for industrial heritage, unique landscapes (p. 96) and unique appearances of small towns are gaining ground.

We are living again in a time of change. How will the drastically changing world affect our attitude to provincial towns, their appearances and lifestyles, as well as the settlement system in general?

Elena Grigoryeva

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск, пер. Черемховский, 1а

корректоры, литературные редакторы
Марина Ткачева,
Инесса Бражникова
дизайн, верстка
Татьяна Анненкова
заместитель главного редактора по международной деятельности
Анна Григорьева
адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com
на обложке
Церковь Параскевы Пятницы в Барабаново. Ожидаемый реставрационный результат. Рис. А. Б. Бодэ

на последней обложке
Исторические дома в деревне Барабаново.
Рис. А. Б. Бодэ
адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 200 экз. Заказ 1364-01
Подписано в печать 20.08.2020
Журнал №65 от 31.08.2020
Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Периодичность 4 раза в год
Цена свободная

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture “Interarch-2009” in “Periodicals” category

12+

65

провинция / province

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Леонид Салмин	Город и пустота.....	6
	Злата Гаевская Сергей Митягин	Умный город XXII века: замыкающийся круг	12
провинция	Константин Лидин Ольга Белобрыкина	Провинция VS Колония. Две парадигмы культурного взаимодействия	18
	Патрис де Рендинжер	О провинции.....	26
	Алексей Щенков Наталья Антонова	Архитектурное наследие и идентичность русских городов	27
	Юлия Косенкова	Опыт централизованного управления советским градостроительством. 1931–1937	32
	Елена Багина	Обидный призрак нелюбви	37
малые и исторические		.....	43
	Петр Капустин Денис Асташов	Борисоглебск. Идентичность малого города	44
	Андрей Бодэ Анна Ермакова	Пятницкая церковь в деревне Барабаново	50
	Юлия Петрусенко Анна Иванова-Ильичева	Реставрация дома И. О. Шендерова в Ростове-на-Дону.....	58
	Юлия Дианова Сергей Дианов	Ирбит. Город-ярмарка на Нице	64
байкальский регион		.....	73
	Валентина Казакова	«Город мастеров» в Шилке: создание комфортной среды	74
	Фёдор Кудрявцев Елена Токарева	Ново-Ленино: градостроительная реабилитация	80
	Яна Лисицина	Рассушинский прецедент: спасение культурного артефакта	89

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

**proofreaders,
literary editors**
Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking
Tatyana Annenkova
**associate editor-in-chief for
international activity**
Anna Grigorieva

**address of the publisher
and the editorial board**
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

front cover image
Paraskeva Pyatnitsa Church in Barabanovo. Ex-pected restoration result. Drawing by A. B. Bode
back cover image
Historic houses in the village of Barabanovo. Drawing by A. B. Bode
printed by
000 "Tipografia Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 200
passed for printing: 20.08.2020
issue 65 of 31.08.2020
Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

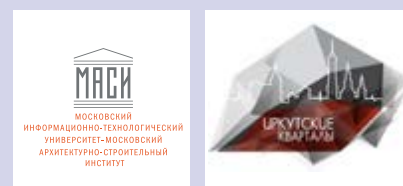
quarterly publication
free price
The journal is registered in the following international databases:
– Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
– **the Avery Index to Architectural Periodicals**
– **Google Scholar**
– **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
– The Open Archives Initiative (**OAI**)
– **JournalTOCs**
– **SHERPA/RoMEO**
– **PKP index**
– Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
– Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Logo, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Logo, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

спонсоры номера

	Елизавета Запова Инна Дружинина	Исследовательский центр науки и культуры в пос. Ангасолка на Байкале.....	96
	Дмитрий Фальковский Марина Ткачева	«Тулун ИЯ». Концепция благоустройства улицы Ленина	98
дальний восток	.....	.....	103
	Алина Иванова Андрей Ковалевский	Архитектурный ландшафт Еврейской автономной области	104
	Михаил Базилевич Николай Крадин	Промышленная архитектура Дальнего Востока. Благовещенск, Хабаровск	112
	Алёна Дмитриева	Промышленная архитектура Приморья. Владивосток, Уссурийск.....	122
	Софья Шутова Цыредарь Дагданова	Архитектура «интеллектуальных фабрик».....	132
образование	.....	.....	140
	Елена Булгакова	Нет провинций в интернете	144
	Елена Булгакова Алексей Буйнов Михаил Скворцов	Дистант как возможность?.....	148
	Анна Гельфонд Андрей Лапшин	Векторы развития кампуса ННГАСУ	157
ps к региональным школам	.....	.....	167
	Петр Капустин	Региональные школы: от проектов к надеждам.....	168
	Елена Багина Маргарита Арустамян	Ереван-1924: генеральный план.....	172
авторы	.....	.....	181

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Leonid Salmin	The city and emptiness	6
	Zlata Gaevskaya Sergey Mityagin	Smart city of the 22 century: a closing circle.....	12
province	Konstantin Lidin Olga Belobrykina	Province vs Colony: Two paradigms of cultural interaction	18
	Patrice de Rendinger	About province	26
	Alexei Shchenkov Natalia Antonova	Architectural heritage and identity of Russian cities	27
	Julia Kosenkova	Centralized management of Soviet town planning. 1931–1937	32
	Elena Bagina	The bitter specter of dislike	37
small and historic		.....	43
	Petr Kapustin Denis Astashov	Borisoglebsk. Identity of a small town	44
	Andrey Bode Anna Ermakova	Paraskeva Pyatnitsa Church in the village of Barabanovo	50
	Yuliya Petrusenko Anna Ivanova-Ilicheva	Restoration of I. O. Shenderov’s House in Rostov-on-Don	58
	Julia Dianova Sergey Dianov	Irbit. A market town on the Nitsa	64
baikal region		.....	73
	Valentina Kazakova	“Town of all trades” in Shilka: creation of a comfortable environment.....	74
	Fedor Kudryavtsev Elena Tokareva	Novo-Lenino: criminal activity and rehabilitation	80
	Yana Lisitsina	Rassushin’s precedent: to save a cultural artifact	89
	Elizaveta Zapova Inna Druzhinina	The Research Center for Science and Culture, Angasolka settlement, Baikal	96
	Dmitry Falkovsky Marina Tkacheva	“Tulun IYA”. The concept of improvement of Lenin Street.....	98
far east		.....	103
	Alina Ivanova Andrey Kovalevsky	Architectural landscape in the Jewish autonomous region.....	104
	Mikhail Bazilevich Nikolai Kradin	Industrial architecture of the Far East. Blagoveshchensk, Khabarovsk	112
		Industrial architecture of Primorye. Vladivostok, Ussuriysk	122
	Alena Dmitrieva	The architecture of "smart factories"	132
	Sofia Shutova Tsyredar Dagdanova	An innovative cluster in industrial areas of Irkutsk.....	140
education		.....	143
	Elena Bulgakova	There are no provinces in the Internet	144
	Elena Bulgakova Alexei Buinov Mikhail Skvortsov	Distance learning as an opportunity?	148
	Anna Gelfond Andrei Lapshin	Development vectors for the NNSUACE campus	157
ps to regional schools		.....	167
	Petr Kapustin	Regional schools: from projects to hopes.....	168
	Elena Bagina Margarita Arustamyan	Yerevan 1924: master plan	172
authors		.....	181

The Daylight Award 2020

The Daylight Award, established by VILLUM FONDEN, VELUX FONDEN and VELUX STIFTUNG, honours daylight research and daylight in architecture.

The jury conferred Daylight Award 2020 for Architecture to Juha Leiviskä (Finland), architect and designer, author of a number of religious buildings.

The Daylight Award 2020 for Research was attributed to neuroscientist Russell Foster (UK), today Director of the Nuffield Laboratory of Ophthalmology and Head of the Sleep

and Circadian Neuroscience Institute at the University of Oxford.

In the exceptional lifetime achievement category, the winner was Professor Emeritus of architectural history and design at the Center for Advanced Study at the University of Illinois Urbana-Champaign, Henry Plummer (USA).

<http://thedaylightaward.com/>

2ACAA 2020

The 2A Continental Architectural Awards (2ACAA) has been primarily structured and designed to acknowledge and recognize the noteworthy contributions of individuals and orga-

nizations in the field of Architecture worldwide.

The theme of 2ACAA 2020 is "Innovative Architecture in the Continents." You can submit your entries for 2ACAA 2020 between 25th July 2020 and 25th September 2020. The online judgment shall be undertaken between 10th and 25th October. The winners shall be announced on 10th November 2020. 2ACAA 2020 is a one-stage entry/ two-stage judging award.

<https://2acaa.2aincorp.com/>

The Kaira Looro Competition 2020

The "Emergency Operations Centre" is

the 4th of the Kaira Looro international architecture competition.

On 9th May 2020 the jury declared the 30 winning projects, including 1st, 2nd, and 3rd places, 2 honourable mentions chosen by Kengo Kuma and by the Balouo Salo Organisation, 5 special mentions, and 20 finalists.

The design goal was to create an EOC that manages humanitarian crises to facilitate activities that provide aid. The competition had an exceptional turnout with over 455 projects submitted from all around the world.

www.kairalooro.com

Международные новости архитектуры / International Architecture News

В новостях представлены лауреаты премии «Дневной свет», результаты конкурса Kaira Looro за 2020 год, а также анонс конкурса «Премия континентальной архитектуры 2А», который в этом году пройдет в Интернет-пространстве.

Ключевые слова: премия «Дневной свет»; 2ACAA; Kaira Looro; международный архитектурный конкурс. /

The news section presents the winners of The Daylight Award 2020 and The Kaira Looro Competition, and announces the theme of The 2A Continental Architectural Awards 2020, which will be conducted virtually this year.

Keywords: Daylight Award; 2ACAA; Kaira Looro; international architecture competition.

Премия «Дневной свет»-2020

Премия «Дневной свет» (Daylight Award) вручается некоммерческими частными благотворительными фондами Villum Fonden, Velux Fonden и Velux Stiftung и отмечает выдающиеся исследовательские и

архитектурные работы, связанные с естественным освещением.

Жюри присудило премию в номинации «архитектура» Юхе Лейвиска из Финляндии, архитектору и дизайнеру, автору многочисленных религиозных сооружений.

Премия в номинации «исследования» получил нейрочеловек Рассел Фостер из Великобритании, директор Лаборатории офтальмологии в Наффилде и руководитель Института нейробиологии сна и суточного ритма при Оксфордском университете.

Специальной премии за «достижения в профессиональной деятельности» удостоился почетный профессор, преподаватель истории архитектуры и дизайна Центра перспективных исследований при Университете Иллинойса в Урбане-Шампейне Генри Пламмер (США).

<http://thedaylightaward.com/>

2ACAA 2020

«Премия континентальной архитектуры 2А» (2ACAA) призвана отмечать выдающийся вклад частных лиц и организаций в мировую архитектуру.

Проект-победитель Конкурса Kaira Looro-2020 на проект операционного центра по чрезвычайным ситуациям. Авторы: Александра Врубель, Агнешка Витажек, Камил Овчарек из Польши / Winning project of Kaira Looro Competition EOC – 2020's Edition. Project by Aleksandra Wróbel, Agnieszka Witaszek, Kamil Owczarek from Poland

Тема 2ACAA 2020 – «Инновационная архитектура на континентах». Заявки на участие можно выслать с 25 июля по 25 сентября 2020 года. Архитекторы и архитектурные фирмы со всего мира могут представить реализованные и нерализованные проекты в различных категориях. Онлайн-голосование жюри пройдет с 10 по 25 октября 2020 года. Победителей объявят 10 ноября 2020 года. Подача заявок на премию 2ACAA 2020 пройдет в один этап, а голосование жюри – в два этапа.

<https://2acaa.2aincorp.com/>

Конкурс Kaira Looro 2020

Конкурс на проект операционного центра по чрезвычайным ситуациям – четвертый международный

архитектурный конкурс, который проводит организация Kaira Looro.

9 мая 2020 года жюри объявило 30 победителей, в том числе 1, 2 и 3 места, 2 почетных премии, которые присудили известный архитектор Кенго Кума и организация Balouo Salo, 5 специальных призов и 20 финалистов.

Целью конкурса было создание проекта операционного центра по чрезвычайным ситуациям, который помог бы справиться с гуманитарным кризисом и облегчить предоставление помощи пострадавшему населению.

На конкурс было выслано более 455 проектов со всего мира, которые продемонстрировали глубокое понимание конкурсных задач и географического контекста.

www.kairalooro.com

Церковь Доброго Пастыря (aka Pakila) в Пакиле, Хельсинки по проекту Юхи Лейвиска, 1997–2003. Фото: Арно де ла Шапель / Church of the Good Shepherd (aka Pakila Church, as located in Pakila, Helsinki) by Juha Leiviskä; 1997–2003. Photo by Arno de la Chapelle

Статья представляет авторскую попытку феноменологии пустоты применительно к городскому пространству. На примере трех исторических городов анализируются смыслы пустоты, проявляющиеся на фоне фатальных внешних угроз. Понятие пустоты вводится в символический и семиологический дискурс города. Ключевые слова: город; пустота; смысл; пространство; пространственная форма; телесность; визуальный образ. /

The article presents the author's phenomenological study of emptiness with regard to the urban space. Studying the cases of three historical cities, the author analyses the meanings of emptiness coming out against the background of fatal external threats. The notion of emptiness is introduced into the symbolic and semiologic discourse of the city.

Keywords: city; emptiness; meaning; space; spatial form; corporeality; visual image.

Город и пустота / The city and emptiness

текст и фото
Леонид Салмин
text and photos
Leonid Salmin

Сегодня уже понятно, что 2020-й год от Рождества Христова войдет в человеческую историю многими необычайными явлениями, событиями и фактами, в том числе – относящимися к области удивительных зрительных впечатлений.

Охвативший планету драматический разгул вирусной пандемии, помимо сцен небывалого общественного смятения и массовой растерянности на фоне бесконечной череды индивидуальных человеческих утрат, явил нам невообразимое зрелище пустых городов – одновременно страшное и прекрасное.

Уже в марте завораживающие ролики и фотографии с видами абсолютно опустевших городских пространств наводнили новостные порталы, чаты мессенджеров и ленты соцсетей. Пребывая в самоизоляции, я следил за этим гипнотическим потоком образов города без людей и пытался понять, с какой целью история и природа предоставили эту уникальную возможность – увидеть странную и страшную в своей стерильной красоте визуальную «минусовку». Архитектурное тело города (будь то Санкт-Петербург, Венеция, Рим, Париж или Москва), полностью очищенное от людей, предстало перед глазами дистанцированного наблюдателя в каком-то непостижимом, метафизическом величии, являя картину полной своей самодостаточности и обнаруживая неведомые ранее смыслы пустоты.

Пустота как наполненная собственным значением пространственная форма оказалась вдруг во всей своей чистоте и силе явлена зрителю, из нее исключенному, замкнутому на неопределенное время в крошечных полостях архитектурной плоти и обреченному на инфантильное подглядывание за грандиозным обнажением

города. Будоража чувства, давно, казалось бы, стертые рутинной повседневною, пробуждая архаические глубины восприятия, пустота простерлась навстречу комнатному вуайеристу. Она прорисовалась светом, обозначилась границами улиц и плоскостями фасадов, словно кристалл, в коем неожиданно сомкнулись полюса крика и тишины, ужаса и блаженства.

Пустота Венеции.

Формула любви и смерти

Терпеливый фотограф, специализирующийся на съемке архитектурной среды города и убежденный в абсолютной неуместности любого стаффажа, умеет найти момент, когда в кадре нет ни одной человеческой фигуры. Правда, для этого ему приходится долго и терпеливо ждать. Награда за ожидание – несколько вожделенных секунд, когда все сходится, и объект съемки предстает во всей своей вневременной, наджизненной сути. Поймать такие секунды в Венеции в середине дня – редкая возможность. Нужна была ситуация вирусной пандемии, чтобы город сам обнажился и, дразня фотографа, предложил ему выбор между величественной, но опасной магией прекрасной пустоты и унижительной безопасностью самоизоляции, между экстерьерной иллюзией воплощенного абсолюта и интерьерной обманкой жизни.

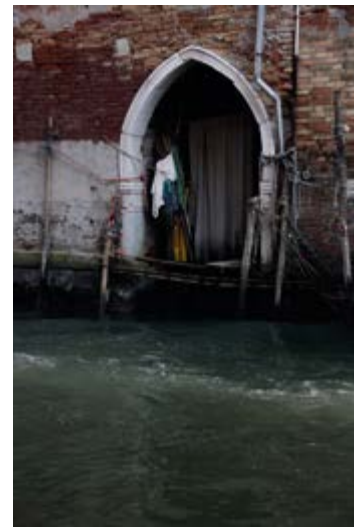
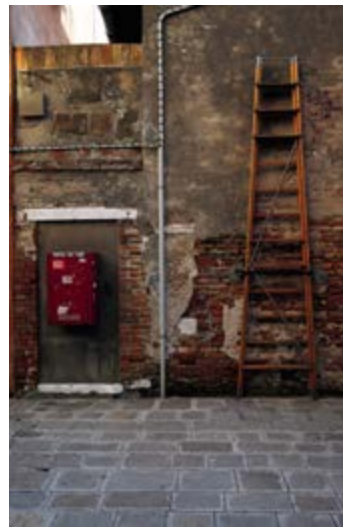
Смелчаки нашлись. Ловцов образа прекрасной пустоты оказалось немало. Раз за разом я пересматривал чьи-то вброшенные

в ленту соцсети фотоизображения оголившейся Венеции и особенно внимательно – ролики с пробегом камеры по бесчисленным сосудистым разветвлениям и пересечениям венецианских canali, via, viuzze, passaggi, vicoli, piazze, piazzali и т. д. Поначалу я проживал это запретное движение невидимого глаза в пространстве вымершего города так, будто сам превратился в собаку, потерявшуюся и бегающую паутинами знакомых маршрутов в поиске хозяина. На очередном ролике я вдруг почувствовал себя уже не жалким брошенным псом, но чудовищной «Собакой Баскервилей», воплощенным человеческим страхом, опустошившим город и заставившим его население попятаться, стать невидимым. Словно незримым супермагнитом, меня втягивало через экран в жуткий и прекрасный вакуум города, знакомого и любимого до сердечной боли. Эрос и Танатос сливались в объятьях в каждом кубометре большого венецианского пространства до полного взаиморастворения.

Было видно, что устрашающая и соблазняющая пустота диктует отважным визуализаторам и их камерам особый характер движения. При всей объективной возможности связанного, непрерывного и последовательного движения в пространстве, она парадоксальным образом ломает траектории, дробит движения, превращая зрительный маршрут в болезненное метание, в предсмертный визуальный тремор. Одинокий зритель, отважившийся

запечатлеть прекрасную пустоту, обнаруживает свое бессилие перед ней. Пустота предъявляет себя не только объектом экстремального эстетического (да что там! – эротического) влечения, но одновременно местом вне-бытия, упразднения индивидуальных телесных границ и аннигиляции личности наблюдателя.

Как тут не вспомнить визуализированные великим Висконти лихорадочные метания Густава Ашенбаха в экранизации манновской «Смерти в Венеции»? С пронзительной точностью сыгранный Дирком Богардом герой скитается по пустующему, охваченному холерной эпидемией городу в поисках встречи с юным Тадзио – «смутным объектом желания», не в силах оставить этот магнетический фантом и все глубже проваливаясь в его бесконечно влекущую пустоту. Слияние любви и смерти в единое пространство, стиснутое плотным архитектурным окружением и ограненное высочайшим духом трансцендентного великолепия – вот формула венецианской пустоты сквозь время.

Идет ли речь о потерявшей треть населения чумной Венеции 1629–1631 годов или о зараженной карнавальной экзальтацией сумасбродной Венеции эпохи Джакомо Казановы и Карло Гольдони, о холерной Венеции начала XX века, изображенной в новелле Томаса Манна, или об обездвиженной коронавирусной пандемией Венеции весны 2020 года – ее пустота неизменно обнажает незримый сюжет

любовного влечения и влечения к смерти как оборотных сторон друг друга, как неотвратимого эстетического тождества. Ее сжатое водой и камнем воздушное тело, полностью растворившее в себе всю дискретность человеческого множества и упразднившее, таким образом, границу между живым и мертвым, ровно в той же степени символически оформляет идею смерти, в какой и идею бессмертия.

Пустота Венеции – торжество химии растворения, утрата различия между любовной лихорадкой и предсмертной агонией, результат отказа от нудной и безвыходной утомительности собственного лица в пользу маски, в пользу яркого, театрализованного образа, куда более уместного в контексте венецианских архитектурно-исторических декораций и городской мифологии. Может ли стать входным билетом в трансвременную карнавальную пустоту Венеции сегодняшняя одноразовая санитарная маска? Почему бы и нет? Она, конечно, не так пластически совершенна и символически убедительна, как маска Чумного доктора, но разве это повод отказывать ей в такой возможности? В конце концов, с задачей растворения в пространстве измотанного бытийной скукой человеческого лица она справляется вполне удовлетворительно. А что еще нужно отчаянному сталкеру, ринувшемуся с фотокамерой в чумную, холерную, коронавирусную (нужное подчеркнуть) венецианскую пустоту в надежде вернуться живым?

Пустота Санкт-Петербурга.

Люди не нужны

При всех давно набивших оскомину риторических запараллеливаниях Санкт-Петербурга и Венеции, между петербургской пустотой и пустотой венецианской нет почти ничего общего. И пандемический карантин, изолировавший города, но резко активизировавший виртуальную трансляцию их актуальных образов на фоне этой изоляции, продемонстрировал это со всей убедительностью.

Мой старинный петербургский приятель живет в районе Площади

Мужества. Сидя дома, в самоизоляции, он репостит мне в мессенджере лапидарный вид на Петропавловскую крепость.

– Вот, только что прислали, – поясняет он. – В центре, говорят, немыслимая пустая красота. Мне туда не добраться. В транспорте не поеду.

Я рассматриваю фото, отмечая для себя концептуальную точность определения «немыслимая пустая красота» и пишу в ответ:

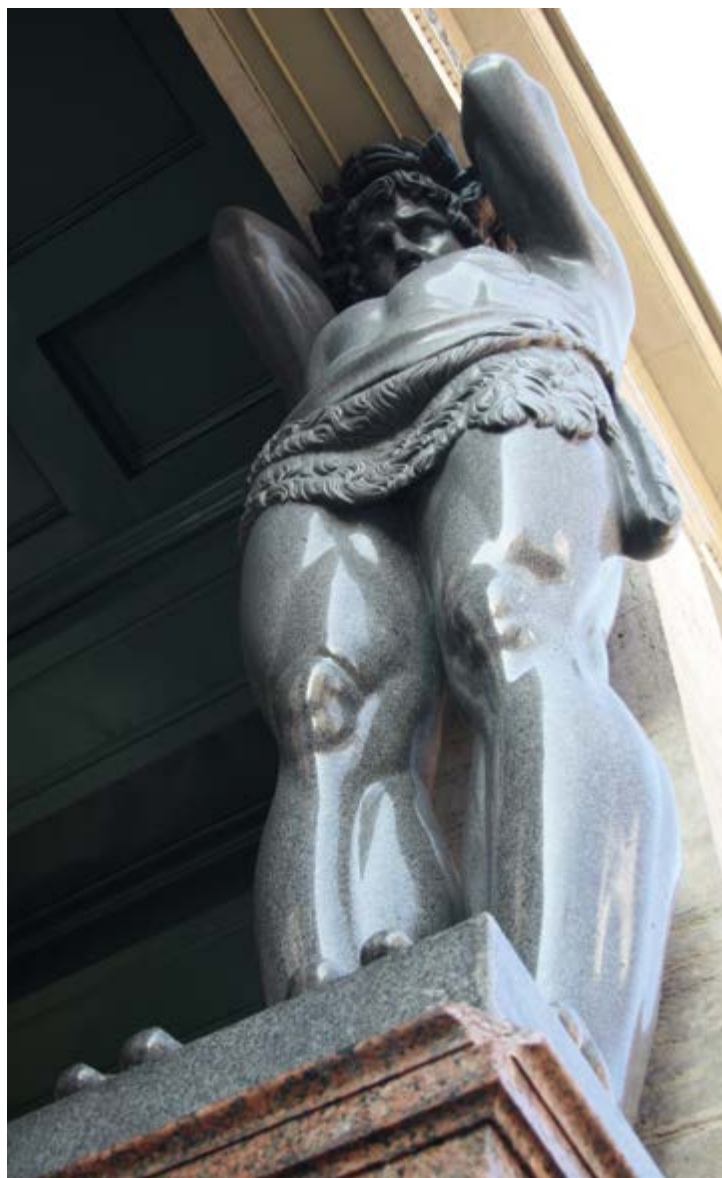
– Атаянц на фоне карантина регулярно публикует у себя в фейсбуке свежие фотографии архитек-

турных видов Питера без людей. Мистическое зрелище. Смотришь и понимаешь, что этому городу люди не к лицу. А без них, напротив – абсолютная метафизика, вне времени и событий. Город в себе.

– Да, он бродит, снимает. Ипполитов его недавно встречал. Ипполитов каждый день гуляет...

Я вспоминаю этот короткий обмен репликами, разглядывая в интернете очередные карантинные виды Северной столицы и погружаясь в стерильную оптику подлинного, отвечающего высшим смыслам самого себя петербург-

ского пространства. Однажды, несколько лет назад, я написал крошечный текст, объяснявший, почему Петербург не Венеция, в чем состоит принципиальное отличие друг от друга двух любимых городов и чем поэтика петербургского пространства противоположна поэтике пространства венецианского. Я говорил о том, что венецианское пространство стремится вобрать в себя, пластически согласовать с собой всю стихию живой и разнообразной человеческой телесности, тогда как Петербург всякую телесность, напротив, категорически вытес-

няет, соглашаясь терпеть ее разве что в кристаллических формах архитектурных хореографических ритуалов (в изводе, скажем, Императорского Мариинского театра или плац-парадов на Марсовом Поле времен Павла I).

Тезис этот с тех пор оставался, как говорится, «на кончике пера». Подтвердить его с помощью визуального материала было непросто, поскольку в живой фотосъемке города (тем более требующего для запечатления своего полномасштабного образа поистине панорамного оптического размаха)

всегда неизбежно присутствовали люди. Однако же наступивший карантин позволил зримо подтвердить гипотезу о том, что живые люди в петербургском пространстве – совершенно лишний элемент. Наводнившие информационные сети образы опустевшего Санкт-Петербурга явили во всем великолепии силу исходного градообразующего замысла. Позлащенная дефицитным северным солнцем классическая архитектура, очищенная от насекомообразного визуального шума человеческих фигурок, в полный голос загово-

рила о величии имперской идеи. Собственно, архитектура, уже давно выполнила свою работу по приданию петербургской пустоте формы и смысла вневременного абсолюта. Она – лишь оболочка идеальной пустоты. Пустота же главенствует, смотря сама в себя и простираясь пред оком Всевышнего. Зачем ей люди?

Однако, петербургская пустота не то чтобы абсолютно бесчеловечна. Человек в ней присутствует. Но затем лишь, чтобы указать его стремящееся к полной ничтожности место в пространстве и ми-

роздании. Пушкинский Евгений из «Медного всадника», обезумевший от фатального опустошения, и гоголевский Акакий Акакиевич, не менее фатально ограбленный прямо посреди площади, что «глядела страшно пустынею» – вот вечный и неисповедимый эталон меры человеческого присутствия в холодном кристалле петербургской пустоты. Карантинная пустота наших дней, конечно же, лишена экстремального пластического драматизма наводнения или бескрайнего «моря» площади, до конца которой и голос-то долететь

не в силах. Сегодняшняя пустота скорее могла бы иллюстрировать дьявольские «преимущества» нейтронной бомбы и экзистенциальные смыслы термина «социальная дистанция».

Впрочем, не все так мрачно. Да, в сегодняшней петербургской пустоте все же «бродит» с фотоаппаратом архитектор Атаянц и «гуляет», хотя и без фотоаппарата, искусствовед Ипполитов. А это дает надежду, что как визуальное, так и вербальное запечатление петербургской пустоты эпохи Великого карантина (назовем ее так) будет осуществлено профессионалами своего дела.

Помпеи. Пустота, полная жизни

Если когда-то я все же сподоблюсь сделать книгу об опытах пространства, где соберу все свои восторги и ликования, всю память удовольствий, полученных от переживания различных видов ландшафтно-, архитектурно или живописно оформленной пустоты, то в ней, в этой книге, обязательно будет глава, посвященная Помпеям. Точнее, помпейским руинам, дошедшим до нас сквозь толщи времени и везувианского пепла, этому восхитительно сохранившемуся скелету некогда живого, полнокровного городского тела.

Самое странное ощущение от Помпей, города мертвых, пережившего страшную трагедию гибели всего живого, – его невероятная, плещущая через край витальность. Казалось бы, о какой витальности можно говорить на пепелище? Все равно что поэтизировать Хиросиму или Чернобыль... Но нет, оказывается, можно. Оказывается, пространства города, в котором человеческая жизнь прекратилась почти два тысячелетия тому назад, могут так хранить дух наполнявшего их человеческого кипения, что даже извлеченный из-под восьмиметрового пресса вулканических осложнений, даже перенесший несколько веков археологической санации, мифологизированный и театрализованный всеми видами и жанрами искусств от Карла Брюллова до современных сценографов, превращенный в туристический ресурс и коммерческую золотую жилу, город «и теперь живет всех живых».

Это действительно парадоксальное впечатление: мертвый уже почти два тысячелетия город воспринимается куда более живым, чем современные, кишасшие людьми мегаполисы. Удивительно, но того немногого, что осталось от Помпей, оказывается достаточно, чтобы почувствовать город, его людей и его жизнь с необыкновенной силой и чувственной достоверностью. Визуальные и литературные образы Помпей, созданные за несколько веков со времени первых раскопок, преимущественно дают трагедийную картину конца. Для христианской цивилизации с ее культурой страдания и наказания такой взгляд на историю Помпей вполне закономерен. Однако фиксация исключительно на гибели города задает его истории однобокий эсхатологический (чтоб не сказать – некрофильский) уклон, уводя от осознания того, как этот город жил, от его веселой, напитанной солнцем и вином повседневности, от пронизанного гедонизмом человеческого быта, от экзистенциальной радости момента, ощутимой даже через многие века.

Собственно, главное свидетельство жизни Помпей – это городское пространство. То есть именно та пустота между каменными стенами домов и улиц, что образует практически бесплотное воздушное тело города. Именно это тело хранит память жизни, именно оно спустя века будто бы активизирует программы пластического поведения, коды жестов и насыщенный рисунок индивидуальной и коллективной

урбохореографии. На месте сегодняшних театральных хореографов я бы ставил танец в помпейских пространствах. Они, эти пространства, так давно осиротевшие без людей, ощущают тоску по танцу, по движению человеческой плоти, по ее всплескам и касаниям. Танец, возможно, наилучший способ сегодняшнего проживания и запечатления этих пространств.

Перемещаясь по улицам мимо череды охваченных камнем великолепных пространственных емкостей, бывших некогда жилищами, лавками, мастерскими, – таких живописно уютных, таких соразмерных человеческому телу – ощущаешь, как твое собственное тело словно бы вдавливается в тягучую материю застывшего от солнца воздуха и, подобно пчеле, увязшей в плошке меда, медленно движется, преодолевая незримую вязкость пустоты. При том, что архитектура помпейских villas предьявляет человеку стройное великолепие прочерченных пунктирами колоннад перистилей и атриумов, язык не поворачивается назвать ее стоечно-балочной. Нет, разумеется, конструктивно это торжество стоечно-балочной системы и того пространства, которое мудрейший А. Г. Габричевский называл позитивным. Но по чувству пребывания внутри помпейских домов, двориков и даже площадей, по ощущению их границ – это архитектура, еще не окончательно вышедшая из пещер, не вполне утратившая тот характер внутриутробности и телесного тождества с ландшафт-

том, что свойствен пространству, заимствованному у природного монолита. Это архитектура детства. Когда пространство под столом или где-нибудь в кладовке еще способно вмещать целый мир. Пожалуй, именно это ощущение безмятежной детскости пространства более всего объясняет жизнь Помпей две тысячи лет назад.

Самые противоречащие витальному духу Помпей артефакты – фигуры погибших при извержении горожан. Везувий лишил их жизни, отняв привычную пустоту, в которой покоились и двигались их тела. В какой-то момент пронизываемое воздушное тело города превратилось в непроницаемое пепельное. В непроницаемой среде можно только покоиться – и жизнь ушла. Уютная утроба Помпей исторгла воздух жизни и заменила пустоту камнем. Спустя века примерно это же проделали археологи, нашедшие в толще пепла и вулканической массы пустоты, образованные телами погибших. Они запованные телами погибших. Они превратили эти пустоты в гипсом, превратив их в скульптурные фантомы помпейских жителей в момент их перехода в мир иной.

Подобным образом природа, за миллионы лет замещая исходное органическое вещество минеральным субстратом, воспроизводит форму раковины древнего моллюска. По внешнему виду вроде бы все тот же аммонит, а нет: сохранилась лишь форма, внешне похожая на исходное существо, но лишенная жизни.

Когда городские пустоты заполнились пеплом Везувия и стали

непроницаемы, уютная дотеле
утроба помпейского пространства
извергла из себя все живое, пре-
вратив человеческие тела в пусто-
ты, годные для отливки скульптур,
но не способные более вмещать
жизнь. В этом смысле «последний
день Помпеи» – это, возможно,
не столько день гибели, сколько
день перерождения, день, когда
жители города, покинув свои тела,
перешли в более совершенное про-
странство... Оставив нам, впрочем,
завораживающую, непостижимо
прекрасную пустоту, полную так
и не погасшей жизни.

Литература

1. Башляр, Г. Избранное: Поэтика пространства. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 376 с.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть (1976). – Москва: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Ипполитов, А. В. Только Венеция. Образы Италии XXI. – КоLibри, Азбука-Аттикус. 2014. – 400 с.
4. Каганов, Г. З. Санкт-Петербург: Образы пространства. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. – 232 с.
5. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию/перевод с итальянского А. Г. Погоняйло и В. Г. Резник. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
6. Салмин, Л. Ю. Поэтика урбанистического пространства // Реалии новой культуры открытого города: материалы Всероссийской (с междунар. участи-

ем) междисциплинарной науч.-практ. конф./Екатеринбургская акад. совр. иск-ва. – Екатеринбург: ЕАСИ, 2014. – С. 24–30

7. Салмин, Л. Город и чума // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 64–69
8. Салмин, Л. Глобальный изолятор // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 31–35

References

- Bachelard, G. (2004). *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected works: The poetics of space]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- Baudrillard, J. (2000). *Simvolicheskiy obmen i smert (1976)* [Symbolic exchange and death (1976)]. Moscow: Dobrosvet.
- Eco, U. (1998). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The absent structure. Introduction to semiology] (A. G. Pogonyailo, & V. G. Reznik, Trans.). TOO TK "Petropolis".

Ippolitov, A. V. (2014). *Tolko Venetsiya. Obrazy Italii XXI* [Only Venice. Images of Italy XXI]. KoLibri, Azbuka-Attikus.

Kaganov, G. Z. (2004). *Sankt-Peterburg: Obrazy prostranstva* [Saint Petersburg: Images of space]. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.

Salmin, L. Yu. (2014). *Poetika urbanisticheskogo prostranstva* [Poetics of urbanistic space]. *Realii novoi kultury otkrytogo goroda: Proceedings of the All-Russian (with international participation) interdisciplinary scientific and practical conference. Ekaterinburgskaya akad. sovr. isk-va* (pp. 24-30). Yekaterinburg: EASI.

Salmin, L. (2019). *The city and the plaque. Project Baikal, 16(60), 64-69.* <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1475>

Salmin, L. (2020). *Global isolation unit, 17(64), 31-35.*

Коммуникации людей или устройств напрямую ликвидируют базовые принципы вертикального управления. Новые технологические прорывы, основанные на энергетическом Интернете, изменят способы взаимодействия людей между собой и окружающей средой, что роднит их с живыми организмами, где жизненные процессы протекают по принципу «закрывающегося круга». «Умный» город постиндустриальной цивилизации будет построен на совершенно новых энергетических, экономических моделях и способах взаимодействия с природой. Цифровое градостроительство будущего должно опираться на биосферное содержание.

Ключевые слова: умный город; замыкающийся круг; экосистема; биосфера; здание. /

Communications of people or devices eliminate the basic principles of vertical control. New technological breakthroughs based on the energy Internet will change the way people interact with each other and the environment. This brings them together with living organisms. In the world of nature, all life processes take place on the principle of a "closing circle". The "smart" city of the XX century will be built according to completely new energy, and economic models and ways of interacting with the nature. Digital urban development of the future should involve biosphere content.

Keywords: smart city; closing circle; ecosystem; biosphere; building.

Умный город XXII века: замыкающийся круг / Smart city of the 22 century: a closing circle

ТЕКСТ

Злата Гаевская
Сергей Митягин /
text
Zlata Gaevskaya
Sergey Mityagin

Введение

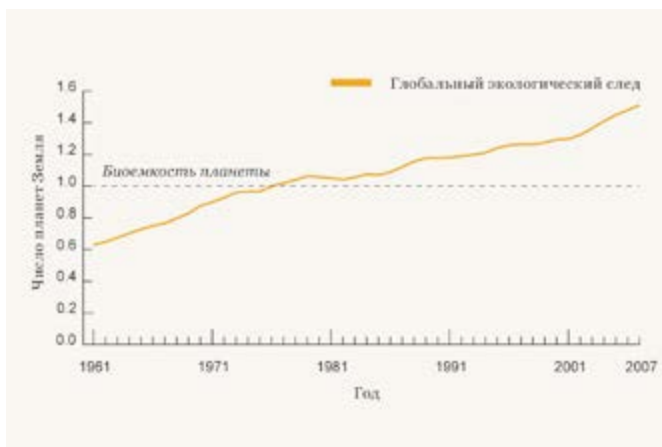
Термины «Умный город», «Умный дом», «Зеленая архитектура» в градостроительстве рассматриваются в оппозиционном и инновационном смыслах по отношению к устоявшимся и традиционным понятиям «город», «городская среда», «архитектура объекта капитального строительства». Что лежит в основе этой оппозиции? Насколько эта оппозиция действительно инновационна и оппозиционна к устоявшимся понятиям? Что скрывается за определениями «умный» и «зеленый»?

Но являются ли традиционная архитектура, планировка и застройка сложившихся и растущих городов, иных населенных пунктов, в том числе исторических и общепризнанных шедевров градостроительного искусства, «неумными»? Очевидно, нет. В таком контексте использование терминов «умный» и «неумный» по отношению к равноуровневым объектам материально-пространственного, искусственно созданного среднего окружения человеческих популяций в их историческом социальном развитии оказывается просто неуместным. Можно смело утверждать, что все созданное человечеством на всем протяжении эволюционного развития является результатом интеллектуальной работы, воплощенной в продукты созидательной деятельности отдельных индивидуумов и коллективов, а значит, любые объекты искусственной материальной среды являются «умными».

Думается, что термин «smart city» можно было бы точнее перевести как «разумный» или «самостоятельно мыслящий» город, в котором инфраструктурные системы способны самостоятельно, без участия человека принимать решения для поддержания своей работоспособности. Но на какой научной основе? Технические и энергетические процессы на планете Земля уже привели ее к точке бифуркации. Поэтому транспортные и инженерные системы городов должны вписываться в природу, чутко реагируя на ее состояние. Энергетика, транспорт, тепло должны быть тесно взаимосвязаны на основе методологических и эволюционных принципов биологических систем. Энергетика как «кровеносная» система городов должна быть максимально вписана в природные процессы на основе синтеза техники и природы. Академик В. И. Вернадский пророчески писал: «Природа не аморфна и бесформенна, как это веками считалось, а имеет определенное, очень точно ограниченное строение, которое должно как таковое отражаться и учитываться во всех заключениях и выводах с Природой связанных [1, с. 385–386]. Это важнейшее условие ее устойчивости. Таким образом, необходимо связывать термин «умный город» с зеленой архитектурой, энергетикой и строительством. Ведь термин «зеленый» прежде всего подразумевает тесное гармоничное взаимодействие объектов с окружающей средой.

Интеллект, который объективно присутствует во всех индивидуальных и коллективных программах созидательной и даже разрушительной деятельности, свидетельствует о степени, целях и результатах использования в историческом контексте природных и социальных ресурсов конкретных территорий и популяций. При этом от глубины интеллектуальной проработки вопросов создания оптимальных в данных конкретных временных и географических ситуациях средовых условий жизнедеятельности человеческих сообществ зависят масштабы преобразования компонентов окружающей среды.

Разразившаяся пандемия коронавируса показала, что город действует как автономная система и не находится в равновесии с природой. Ни человек, ни природные процессы не должны конфликтовать между собой. Многие ученые видят причину зарождения и широкого распространения коронавирусной инфекции в разрушении экосистем. Заболеваемость всегда связана с качеством биоразнообразия. Спусковыми механизмами для распространения болезни являются вырубку лесов, интенсификация землепользования и сельского хозяйства. Мы вынуждаем вирусы покидать естественные места обитания. Бифуркация в природе вызвала бифуркацию в градостроительстве. Меняется привычная организация жизни, децентрализуются места приложения труда. Но в градостроительстве

^ Рис. 1. Биоёмкость планеты и глобальный экологический след

УГЛЕРОДНЫЙ СЛЕД:	рассчитывается как площадь лесов, необходимая для поглощения выбросов CO ₂ от сжигания ископаемого топлива, изменений в землепользовании и химических процессов, за исключением доли, поглощаемой океанами. Эти выбросы представляют собой единственный вид отходов, учитываемый в методике расчета экологического следа.
ПАСТБИЩА:	рассчитывается на основе площади, используемой в животноводстве для производства мяса, молока, кожи и шерсти.
ЛЕСА:	рассчитывается на основе годового потребления древесины, пиломатериалов, целлюлозы и дров в стране.
РЫБОПРОМЫСЛОВЫЕ ЗОНЫ:	рассчитывается на основе оценки первичной продукции, необходимой для поддержания вылавливаемой рыбы и других морских организмов, с использованием данных о вылове 3439 морских видов и 268 пресноводных видов.
ПАШНЯ:	рассчитывается на основе площади, используемой для производства продовольствия, кормов для животных, волокон, масляных культур и каучука.
ЗАСТРОЕННЫЕ ЗЕМЛИ:	рассчитывается как площадь под человеческой инфраструктурой, включая транспортную инфраструктуру, жилую застройку, промышленные сооружения и водохранилища ГЭС.

^ Таблица 1. Определение экологического следа

сегодня в основном использует инструменты XIX века.

Неоспоримым является тот факт, что человечество на всем протяжении своей биологической и социально-эволюции выступает как активная часть природы Земли, которая вписана в естественные процессы массоэнергообмена в биосфере. По отношению к деятельности человеческого сообщества эти процессы определяются понятием «природопользование», поскольку всякое сознательное или даже неосознанное преобразование ландшафта и его компонентов, изменение качественных характеристик водной и воздушной сред, рельефа, почвенного покрова, растительности и животного мира связано с созидательной или разрушительной деятельностью человечества в материальном мире.

Можно согласиться с тем, что степень интеллектуальности формируемого человеческим сообществом материально-пространственного окружения в перспективе будет возрастать. Эта закономерность проявляется как устойчивая тенденция и следствие социального развития, которая исторически приурочена к конкретным территориям.

При этом территория выступает как интегрирующая категория, и от того, насколько рационально она планировочно организована и используется, будет зависеть будущее планеты Земля (рис. 1). «В 2007 экологический след человечества достиг 18 млрд. гга, или 2,7 гга на душу населения. Од-

нако биоёмкость Земли была в полтора раза меньше, всего 11,9 млрд. гга или 1,8 гга на душу населения. Таким образом, величина экологического перерасхода составляет 50%. В настоящее время Земле требуется полтора года для воспроизводства возобновляемых ресурсов, использованных людьми за один год, и поглощения CO₂, выброшенного за тот же период» [2].

В таблице 1 согласно докладу «Живая природа – 2010» представлена методика определения экологического следа [2].

Если на рубеже XIX – XX веков территории с полностью антропогенно разрушенными экосистемами занимали только 20% суши, то к концу XX столетия они охватывали уже 63,8% (без учета оледенелых и оголенных участков) [3]. Изменение климата, дефицит ресурсов, необходимость предотвращения возможных природных и техногенных катастроф требует формирования нового подхода к градостроительству и строительной отрасли. Нужны новые идеи для обеспечения совместной непротиворечивой эволюции природы и общества.

Человество прошло следующие стадии промышленной революции:

- первая – переход от ручного труда к машинному;
- вторая – массовое использование электричества и химикатов;
- третья – компьютеризация, цифровая революция конца XX – начала XXI века.

Уже обсуждается идеи индустрии 4.0 [4]. Эта индустрия

должна быть построена на интегрированности цифровых технологий и энергии возобновляемых источников энергии. Неотъемлемой ее частью становится технология 4D-печати, которая будет создавать «новое поколение самоизменяющихся продуктов, способных реагировать на изменение окружающей среды, включая температуру и влажность» [4, с. 18]. Трехмерные объекты в этой технологии могут менять форму (складываться, сужаться, растягиваться под воздействием тепла, света или жидкости). Архитектурная форма становится динамичной и следующей за изменениями среды. В ближайшем будущем на основе теории симбиотических систем будет совершен научный прорыв в проектировании зданий: они станут «думающими», перепрограммируемыми и энергоактивными, своеобразными мини-электростанциями, производящими больше энергии, чем им требуется для поддержания жизнедеятельности.

Основой этой цивилизации должны стать урбанизированные зоны, базирующиеся на вечных ценностях, и новые технологии, интегрирующие новые стили жизни, способы социальных коммуникаций.

По-настоящему «умный» город – это серьезнее, чем предполагалось, исходя из действующих принципов социальной организации. Ф. Новиков отмечает: «В ранних версиях «умных городов» предлагалось создать всеобъемлющую городскую инфраструктуру, управляемую из единого центра местными вла-

стями. Иначе говоря, вертикальное городское управление, доведенное до крайности. Интернет, особенно мобильный, создал среду, которая посягает на базовые принципы вертикальной городской власти. Сама возможность напрямую соединять людей или устройства стимулирует возникновение новых моделей поведения, в рамках которых в правительстве, как в единственном координаторе всего, уже нет нужды» [5]. Соответственно, концепция «умного» города нуждается в пересмотре и развитии в рамках децентрализации структуры обще-

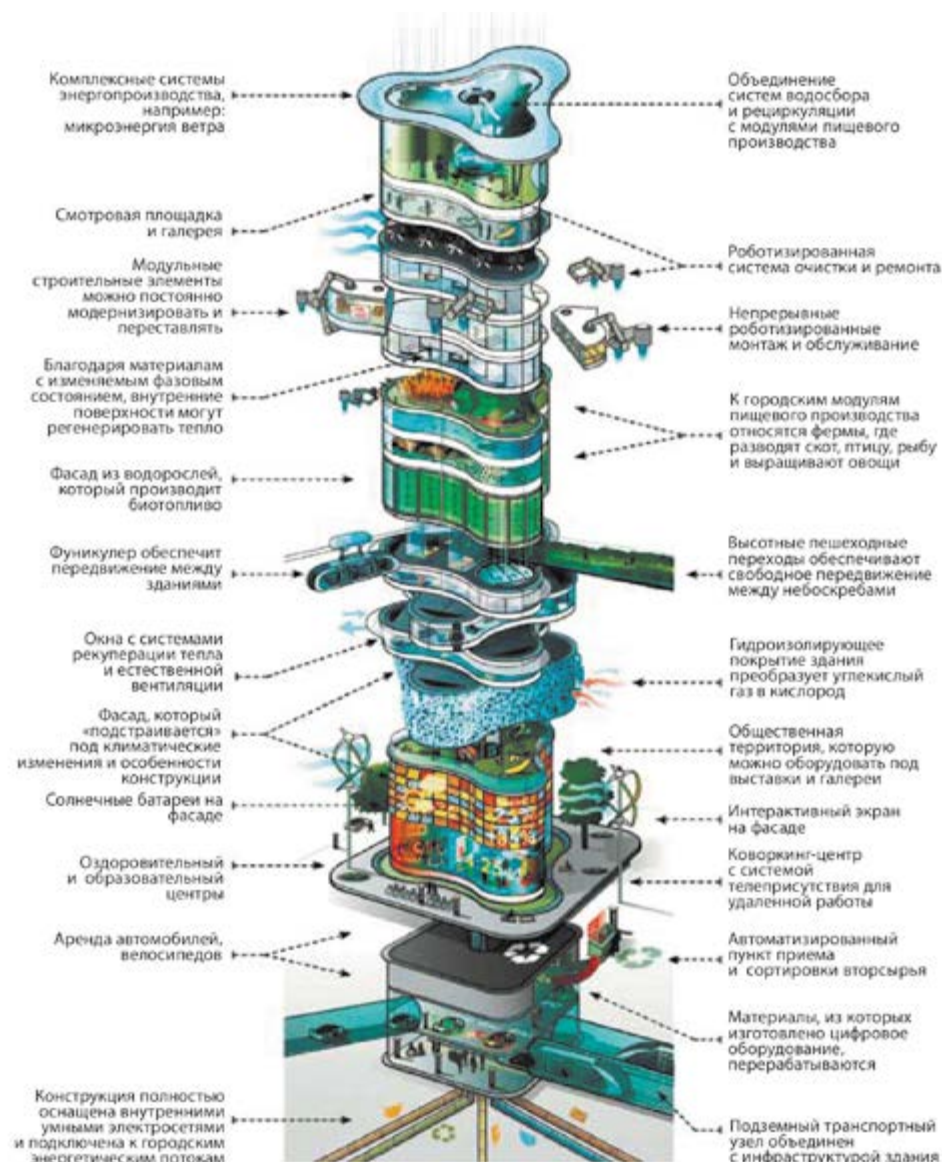
ства. Это делает возможным все более глубокое и тонкое «врастание» элементов искусственной среды в естественные биосферные циклы.

Условия сохранения и улучшения структуры баланса вещественно-энергетических обменных связей были выявлены в трудах ученых-космистов прошлого века: В. И. Вернадского [1], Н. Н. Моисеева, Н. Ф. Глазовского. Их теории развиваются сейчас в разных областях: философии – А. Д. Урсулом [6]; градостроительстве – З. А. Гавевской [7; 8; 9], С. Д. Митягиным [8;

9]; географии – В. А. Шальневым, А. И. Тревишем; медицины, биофизики, экологии – В. П. Казначеевым. В междисциплинарных исследованиях умных городов участвуют и зарубежные ученые: Yigitcanlar Tan, Kamruzzamanf Md, Buysb Laurie, Ioppoloc Giuseppe, Sabatini-Marquesd Jamile, Moreirada Costad Eduardo, JinHyo Joseph Yun [10].

Таким образом, методологическая база для создания «умных» городов должна стимулировать возможность расширения сферы ее практического применения в градостроительстве.

в Рис. 2. Здание будущего (конструкция 2050 г.; предложение научно-исследовательского центра и консультационной компании «Foresight+Innovation») [12]

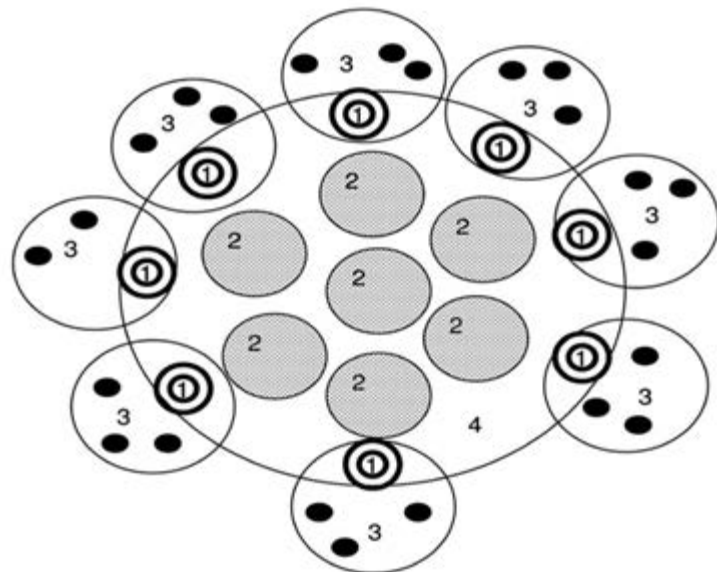

Методы

Человечество обречено на глубокую деградацию в случае неудачи рациональной организации пространства своего обитания и провала в сохранении природной среды. Но несмотря на это, город как пространственная форма своим появлением обязан людям. Он зачастую вступает в конфликт с их целенаправленной, рациональной деятельностью, на что указывают многочисленные примеры неконтролируемого роста или внезапного непредсказуемого упадка некоторых ранее благополучных районов, вспышки асоциальных проявлений и другие обстоятельства. Очевидно и то, что при всей отлаженности и упорядоченности систем управления, развитии различных институтов прогнозирования, программирования, проектирования и строительства, до сих пор не выработана единая объяснительная теория урбанизации. Но человечество в ней остро нуждается, так как практическое космическое исследование планеты Земля в XX веке дало неопровержимыми доказательствами его негативной роли в глобальных изменениях биосферы.

Видный американский биолог и эколог Барри Коммонер еще в 1974 году отмечал: «Загрязнение воздуха – это не только неприятность и угроза здоровью. Это показатель того, что лучшие достижения нашей технологии – автомобиль, реактивный самолет, электростанция, промышленность в целом и даже сам современ-

< Рис. 3. Теоретическая модель сельско-городского континуума:

- 1 – центр сельско-городского континуума;
- 2 – городские научно-исследовательские лаборатории и опытные площадки-фермы (открытые, закрытые, в зданиях, сооружениях для культур, не нуждающихся в создании специальных природных условиях);
- 3 – сельская местность с центрами управления экосистемами;
- 4 – город

ный город – это наш провал, если говорить о внешней среде. <...> Жизнь на Земле на первых порах пошла линейным самоубийственным курсом. Жизнь спасли от угасания появившиеся в ходе эволюции новые формы жизни, которые преобразовывали отбросы примитивных организмов в свежую органическую материю. Первые фотосинтезирующие организмы превратили потребительскую линейность жизни в первый великий экологический цикл Земли, замкнув круг. Эти организмы достигли того, что сам по себе, вне этого круга ни один живой организм не может выжить. Человеческие существа разомкнули круг жизни, и произошло это не в угоду биологической необходимости, а по вине социальной структуры, которую они сами создали, чтобы «покорить» природу; по той причине, что способы извлечения природных богатств диктуются требованиями, противоречащими законам, управляющим природой. В итоге это привело к кризису окружающей среды, к кризису выживания. Чтобы выжить, прежде всего мы должны замкнуть круг. <...> До тех пор, пока человек занимал свое место в окружающей экосистеме – потреблял пищу, рожденную почвой, кислород, выделяемый растениями, возвращал органические отбросы почве и углекислый газ растениям, – он не мог причинить серьезного ущерба экологической системе. Но, однажды выйдя из этого цикла, например, переместившись в города, где органические

отбросы не возвращаются в почву, а поступают в поверхностные воды, человеческая популяция оказывается изолированной от той системы, частью которой ими была прежде. Теперь по отношению к водной системе эти отбросы становятся внешним фактором, превышающим способность системы к саморегулированию, и потому загрязняют ее» [11].

Коронавирусная реальность показала, что градостроительству и строительству уже сейчас жизненно необходимо реформирование, перезагрузка созданной человеком искусственной среды обитания. Специалисты научно-исследовательского центра Foresight+Innovation пишут: «В век защиты экологии строительство – это создание не только пространства, но и атмосферы. Здания становятся частью городской экосистемы, стимулируют более экологически сознательное и эффективное управление ресурсами и активно стремятся соответствовать уникальным потребностям каждого жильца, а также более широким требованиям всего города. Создавая пищу и энергию, обеспечивая чистый воздух и воду, дома превращаются из пассивного каркаса в меняющиеся организмы – «живущие» и «дышащие», которые способствуют развитию города будущего» [12] (рис. 2). Думается, что в перспективе внешние оболочки зданий будут изменяться в зависимости от теплопроводности, а их конструктивные элементы будут адаптироваться к окружаю-

щей среде, придавая конфигурации объектов нужную форму.

Материальная оболочка зданий должна состоять из биопозитивных строительных материалов. Поверхность фасадов должна преобразовывать углекислый газ в кислород, способствовать производству и хранению энергии на местах, ее хранению и передаче. Накопление энергии и продуктов питания на местах делает допустимым реализацию идеи «закрывающегося круга» и в функционировании отдельного здания. Современные технологии в принципе не расходятся с естественным порядком вещей, существующим в природе. Видимо, станет реальной идея мгновенного изменения функционала здания, что позволит городам рационально использовать свои площади. Уже сегодня коронавирусное требование к автономности жизнедеятельности требует совмещения идеи жилья и рабочего пространства. Становится возможным реализовать идею Б. Коммонера о зацикливании процессов жизнеобеспечения. Город, состоящий из меняющихся, «живущих» и «дышащих» искусственных «организмов» – это цель преобразования существующих городов.

Результаты и обсуждение

Новое видение архитектуры зданий приводит к совершенно другой планировке городов. Основной их станет новая точка схождения коммуникационных и энергетических технологий. Необходимость развития альтернативной энер-

гетики подчеркивается Элфином Тоффлером: «До сих пор остается незамеченным факт огромного значения: энергетическая проблема не только количественная, но и структурная. Мы нуждаемся не только в определенном количестве энергии, но в энергии, вырабатываемой в возможно более разнообразных формах, в разных (и меняющихся) местах, в разное время дня, ночи и года и для конкретных целей» [13, с. 99]. Ему вторит известный ученый, влиятельный американский экономист и эколог Джереми Рифкин: «В грядущей эпохе сотни миллионов людей будут сами производить зеленую энергию у себя дома, в офисах и на заводах и делиться ею через «энергетический Интернет» точно так же, как мы сейчас создаем информацию и делимся ею в Сети. Демократизация энергии приведет к фундаментальной перестройке человеческих взаимоотношений, изменению самой сути бизнеса, управления обществом, образования и участия в жизни гражданского общества» [14, с. 12].

Следовательно, можно наметить следующие контуры города будущего, основанного на энергетическом Интернете и максимальном учете природных процессов массознеэнергообмена.

1. Места жительства, отдыха и места работы будут максимально совпадать, так как осуществится переход вертикальной структуры управленческих связей общества к горизонтальной.

2. Каждое здание будет умным – своеобразной мини-электростанцией, вырабатывающей энергию в конкретном месте и осуществляющими свое функционирование по принципу «закрывающегося круга».

3. Использование интернет-технологии для превращения энергосистемы каждого конкретного места в интеллектуальную электросеть (обеспечивающую распределение энергии, подобно распределению информации в Интернете) даст возможность повсеместно использовать электромобили.

4. Вместо единого города-центра появятся относительно крупные блоки образований, созданные по принципу самодостаточности в узловых точках коммуникаций. Пандемия уже показала необходимость этого нового подхода.

5. Создание защитных экосистемных образований потребует формирования сельско-городских континуумов (рис. 3). Человеческие поселения в виде социгородских континуумов не являются социальными изолятами, подерживающими с окружающей средой только производственные отношения. Они будут представлять собой биотехническую систему, сформированную по принципу бесконфликтного сосуществования ее важнейших составляющих – природы и человека. В ней, как и в природе, все отвечает «критериям оптимальности».

Центры общей генетики могут быть размещены в узлах сельско-городских континуумов, совмещающих все функции обеспечения условий жизнедеятельности. Создание городских ферм даст возможность для выживания населения в случае тотального карантина, нехватки продуктов или других природно-техногенных катастроф. Центры управления экосистемами позволяют регулировать проблемы взаимоотношения между человеком, животными и микромиром для снижения экологических угроз. Необходимо учитывать в будущем возможность еще больших эпидемиологических кризисов, нарастания глобального изменения температуры и химии планеты Земля.

Заключение

Посткоронавирусный мир требует учета требований природы, энергетического Интернета и горизонтального взаимодействия между людьми. Планетарные экологические угрозы изменяют базовые

принципы строительства зданий и отражаются в новых принципах градостроительства. Сутью их будет являться:

1. восстановление разрушенных за время Второй промышленной революции экосистем планеты Земля;

2. планирование умных зданий и городов по принципу замыкающегося энергоресурсного круга;

3. в связи с широким использованием IT-технологий массовое применение автоматизированных электромобилей совершенно изменит планировку городов и потребует их превращения в сетчато-узловые структуры;

4. выражение в системе градостроительства новых парадигм поведения на основе экономики нулевых отходов. Человеческое производство и потребление не будут истощать природу.

Мы верим, что Цивилизация XXII века должна стать более экологичной, благоразумной и устойчивой, чем любая из известных нам до сих пор.

Литература

- Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера. – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
- WWF: доклад «Живая природа – 2010». – URL: <https://wwf.ru/resources/publications/booklets/living-planet-report-2010/> (дата обращения: 29.05.2020)
- Данилов-Данильян, В. И., Лосев, К. С., Рейф, И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. – 2009. – URL: http://lit.lib.ru/r/rejf_i_e/peredglawnywyzowomciwilizacii.shtml (дата обращения: 29.05.2020)
- Шваб, К. Четвертая промышленная революция. – Москва: Эксмо, 2016. – 230 с.
- Новиков, Ф. Почему идея «умного города» провалилась, и мы должны с этим смириться. – 2015. – URL: <https://apparat.cc/world/death-of-smart-city/> (дата обращения: 29.05.2020)
- Урсул, А. Д. Устойчивое развитие: концептуальная модель. – Москва, 2005. – URL: <http://ni-journal.ru/archive/2005/n1> (дата обращения: 29.05.2020)
- Gaevskaya, Z. A., Rakova X. M. Modern bulding materials and the concept of «sustainability project». // Advanced Materials Research. – 2014. – № 941–944. – P. 825–830
- Gaevskaya, Z. A., Mityagin, S. D. Capital construction and noosphere genesis. // Applied Mechanics and Materials. – 2014. – № 587–589. – P. 123–127

9. Gaevskaya, Z. A. Shubenkov, M. V, Mityagin, S. D. The sixth technological revolution in construction industry: Noospheric paths. // Proceedings of the International Conference on Advances in Energy and Environment Research (ICAER). – Guangzhou City, China, 2016. – P. 129–134

10. Yigitcanlar, Tan, Kamruzzamanf, Md, Buysb, Laurie, Ioppoloc, Giuseppe, Sabatini-Marquesd, Jamile, Moreirada Costad, Eduardo, JinHyo, Joseph Yun. Understanding «smart cities»// Intertwining development drivers with desired outcomes in a multidimensional framework. – 2018. – November (Vol. 81). – P. 145–160

11. Коммонер, Барри. Замыкающийся круг. – Москва, 2003. – URL: <http://all4ecology.ru/> (дата обращения: 29.05.2020)

12. Конструкция 2050 года. // Высотные здания. – 2013. – № 4. – С. 64–67

13. Тоффлер, Э. Третья волна. – Москва: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 2004. – 326 с.

14. Рифкин, Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.

References

- Commoner, Barry. Closing Circle. (2003). Moscow. <http://all4ecology.ru/>
- Danilov-Danilyan, V. I., Losev, K. S., & Rafe, I. E. (2009). Pered glavnym vyzovom tsivilizatsii [Before the main challenge of civilization]. http://lit.lib.ru/r/rejf_i_e/peredglawnywyzowomciwilizacii.shtml
- Gaevskaya, Z.A., & Mityagin, S.D. (2014). Capital construction and noosphere genesis. Applied Mechanics and Materials, 587-589, pp. 123-127.
- Gaevskaya, Z.A., & Rakova, X.M. (2014). Modern building materials and the concept of "sustainability project". Advanced Materials Research, 941-944, pp. 825-830.
- Konstruktsiya 2050 goda [The construction of the year 2050]. (2013). High-rise buildings, 4, 64-67.
- Living Planet Report 2010. (2010). WWF. <https://wwf.ru/resources/publications/booklets/living-planet-report-2010/>
- Novikov, F. (2015). Pochemu ideya "umnogo goroda" provalilas, i my dolzhny s etim smiritsya [Why did the idea of a "smart city" fail, and we must put up with it]. <https://apparat.cc/world/death-of-smart-city/>
- Rifkin J. (2014). The Third Industrial Revolution: How Horizontal Interactions Change Energy, Economy and the World as a Whole. Moscow: Alpina non-fiction.
- Schwab, K. (2016). Chetvertaya

promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo.

Shubenkov, M.V, Mityagin, S.D., & Gaevskaya, Z.A. (2016). The Sixth Revolution in the Construction Industry: Noospheric Paths: Advances in Energy and Environment Research. Proceedings of the International Conference on Advances in Energy and Environment Research (ICAER). Guangzhou City, China.

Toffler, E. (2004). The Third Wave. Moscow: ООО "Фирма "Издательство АСТ".

Ursul, A.D. (2005). Ustoichivoe razvitiye: kontseptualnaya model [Sustainable development: a conceptual model]. Moscow. <http://ni-journal.ru/archive/2005/n1>

Vernadsky, V. I. (2004). Biosphere and noosphere. Moscow: Iris Press.

Yigitcanlar, Tan, Kamruzzamanf, Md, Buysb, Laurie, Ioppoloc, Giuseppe, Sabatini-Marquesd, Jamile, Moreirada Costad, Eduardo, & JinHyo, Joseph Yun (2018, November). Understanding «smart cities»: Intertwining development drivers with desired outcomes in a multidimensional framework. Vol. 81, pp.145–160.

провинция / province

В статье рассмотрены две парадигмы взаимоотношений центр – периферия в многоукладных и многоэтничных системах. На исторических примерах показаны особенности колониальной парадигмы, основанной на подавлении периферической культуры и вытеснении ее культурой центра (метрополии). Епархиальная парадигма основана на взаимном проникновении и обогащении культур центра и провинций. В течение последних десятилетий XX века происходили процессы замещения епархиального принципа на «культурную колонизацию» в глобальном масштабе. В результате культура «глобального Запада» претерпевает деградацию до предельно упрощенных форм, что особенно болезненно сказывается в сфере образования.

Ключевые слова: социальная психология; история; культура; империализм; метрополия; колония; провинция; архитектура.

The article considers two paradigms of the center-periphery interaction in the mixed and multiethnic systems. The historical examples show the peculiarities of the colonial paradigm where the peripheral culture is suppressed and displaced by the culture of the center (metropolis). The eparchial paradigm is based on cross-cultural interaction and enrichment between the center and the provinces. Within the final decades of the 20th century, the eparchial principle was replaced by the “cultural colonization” on the global scale. As a result, the “global West” culture is degrading to its lowest terms, which has a negative impact on the sphere of education. Keywords: social psychology; history; culture; imperialism; metropolis; colony; province; architecture.

Провинция VS Колония. Две парадигмы культурного взаимодействия / Province vs Colony: Two paradigms of cultural interaction

ТЕКСТ

Константин Лидин
Ольга Белобрыкина /
text
Konstantin Lidin
Olga Belobrykina

Введение

В апреле 1719 года из печати вышел роман под названием, вполне типичным для того времени: «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим».

Роман был с энтузиазмом встречен читающей публикой, так что уже в августе того же года вышло продолжение – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», а еще через год – третья часть «Серьезные размышления Робинзона Крузо». Судьба трех книг сложилась очень по-разному. Первая часть вошла в классический фонд книг для детей и юношества, получила множество переводов и переизданий, подражаний, экранизаций и прочих свидетельств глобальной популярности. Вторая часть известна гораздо меньше, а третья, состоящая из нравоучительных рассуждений, на современный вкус выглядит очень скучной и может вызывать разве что исторический интерес.

Вторая книга походов знаменитого отшельника в основном состоит из рассказов о столкновениях автора с разнообразными «дикарями», жителями южных островов Атлантического и Тихого океанов. Все эти люди – кровожадные, тупые и подлые звери, всегда готовые к убийствам и предательствам по отношению как к белому человеку, так и к своим соплеменникам. Впрочем, среди белых людей автор также встречает немало злобных и бессмысленно жестоких персонажей. В одной из стычек гибнет верный Пятница, а самого Робинзона судьба выбрасывает на китайский берег, откуда он движется на запад уже по суше [1].

Робинзон прибывает к торговому каравану и совершает длинное путешествие от берегов Тихого океана через Сибирь и северные российские земли, чтобы из Архангельска отплыть в родную Англию. К удивлению путешественника, далеко не все подданные московского царя оказались просвещенными христианами (царь не упоминается по имени, но это эпоха Петра Первого, к тому

моменту уже императора Всероссийского). Огромное количество сибиряков – самые омерзительные язычники и поклоняются они солнцу, луне и гнусным деревянным идолам. В деревне возле Нерчинска англичанин вблизи увидел такого идола по имени Чам-Чи-Тонгу – «<...> ужаснейшее, какое только можно себе представить, изображение дьявола. Голова не имела даже и отдаленного сходства с головой какой-нибудь земной твари; уши огромные, как козьи рога, и такие же высокие; глаза величиной чуть не в яблоко; нос словно кривой бараний рог; рот растянутый четырехугольный, будто у льва, с отвратительными зубами, крючковатыми, как нижняя часть клюва попугая. Одет он был в овчину, шерстью наружу, на голове огромная татарская шапка, сквозь которую торчали два рога. Ростом идол был футов в восемь, но у него не было ни ног, ни бедер и никакой пропорциональности в частях» [1, с. 188]. Праведный гнев охватывает мистера Крузо с такой силой, что он выхватывает саблю и одним ударом разрубает на идоле шапку. Ночью же он готовит горючую смесь из пороха, смолы и водки, а затем сжигает поганое идолище на глазах у его жрецов, крепко связанных.

На следующий день англичанин вынужден поспешно бежать, а с ним и весь торговый караван, потому что оскорбленные татары жаждут мести. Преследование продолжается еще много дней, и нелепая выходка Робинзона перестает быть угрозой для торговцев только в районе Удинска (возможно, имеется в виду Улан-Удэ), после пересечения «ужасной тунгусской пустыни». Странствия среди дикарей продолжаются, и лишь достигнув Тобольска Робинзон встречает людей, вполне достойных звания цивилизованных – ссыльных русских аристократов (князя Голицына и старого воеводу Робостского).

При всей сомнительности историко-этнографических сведений книга Дефо очень отчетливо показывает разницу между колонизаторским пафосом британца и той политикой, на которой строятся отношения российской имперской администрации с аборигенами Сибири.

1. Колонии и провинции

Считается, что слово «колония» латинского происхождения, хотя колонии активно создавали еще древние греки

> Рис. 1. Барельеф Зала приемов во дворце Ападана, Персеполис. Вереница послов из 27 государств империи Дария Первого несут свои подарки царю царей (IV в. до н. э.). Все фигуры, включая изображение царя, одинакового размера

v Рис. 2. Татарский идол Чам-Чи-Тонгу. Иллюстрация Жана Гранвиля к французскому изданию «Приключений Робинзона Крузо», 1860 г. Через полтора столетия после выхода в свет книги представления европейцев о культуре сибиряков остаются несколько неточными

архаического периода, задолго до возвышения Рима. Греческое законодательство Ликурга и Солона запрещало раздел земельных участков между наследниками. Отцовский надел доставался старшему сыну, а все остальные оставались безземельными и могли отправиться на поиски места для новых поселений. И отправлялись, благо пустой земли вокруг было достаточно.

На новом месте строили поселения, используя привычные приемы, технологии и образцы, принесенные из материнского города. Иногда колония вырастала настолько, что сама становилась источником колониационного движения: так, Милет был основан ионийскими переселенцами в XI веке до н. э., а через пятьсот лет сам стал «матерью» для 80–90 колоний [2]. При этом никакой интерференции культур не возникало, потому что колонии строились именно на пустующих землях, в культурном вакууме.

В тех же случаях, когда колонизуемые земли оказывались уже заселены, местная культура искоренялась как можно основательнее (зачастую вместе с ее носителями), чтобы искусственно создать вакуум для заполнения его культурой завоевателей. Геноцид и полное истребление одних народов другими в те времена были обычными элементами международных отношений; подобными сюжетами изобилуют, например, некоторые книги Ветхого завета или клинописные документы, восхваляющие военные подвиги шумеро-аккадских царей Месопотамии.

К середине первого тысячелетия до нашей эры нравы, по-видимому, несколько смягчились. Персидская империя Ахеменидов была построена по иному принципу: персы не пытались уничтожать автохтонное население, чтобы самим заселить опустошенные земли. Захватив очередное государство, «царь царей» облагал его данью серебром, золотом или (как арабскую Иорданию) сухой травой тимьяна ползучего. В каждое такое государство назначался полномочный представитель (сатрап), но местная элита оставалась у власти, и местная культура продолжала жить и развиваться. Сатрапии, таким образом, были не колониями, а провинциями империи персов. Да и отношение к геноциду сильно переменялось: из обычной и доблестной практики он стал восприни-

< Рис. 3. Имперская политика СССР последовательно придерживалась епархиальной парадигмы, как и политика Российской империи до 1917 г.

Разворот из книги: Агницев Н., Бонч-Осмоловская О. Г. Разноцветные ребята.

Ленинград-Москва : Радуга, 1928. 10 с. Все национальности изображены одинаково доброжелательно и уважительно

маться как мера нежелательная, расточительная по отношению к человеческому ресурсу и даже преступная.

Латинское слово «провинция» (provincia) буквально означает «под управлением» – это территориальная и/или этническая единица в составе государства, обладающая частичной автономией. В греческом языке такому образованию соответствует слово «епархия» (ἐπαρχικός). Александр Македонский, переняв епархиальный принцип у побежденных персов, триумфально пронес его от Египта до Индии, положив начало эллинистическому периоду евразийской истории. Монархии диадохов продемонстрировали блестящие примеры слияния и перемешивания местных культурных традиций с привнесенным греко-македонским влиянием. Влияние было двусторонним и происходило на разных уровнях, от принципов государственного устройства до подробностей интерьер-дизайна – так, победители-греки быстро освоили персидский обычай устраивать в жилых домах внутренние сады с колоннадой (перистиль); обычай прижился, и после завоевания Греции Римом перешел и к римлянам (виридарииум) [3].

Западная, а позже – Восточная Римские империи продолжали следовать «парадигме провинций». Метрополия (Рим, а затем Константинополь) не требовали от народов империи отказа от их традиционных богов и узладов жизни. Достаточно было платить налоги и воздержаться от убийства солдат из имперских гарнизонов, а метрополия за это делилась передовыми технологиями строительства, обеспечивала безопасность от внешних и внутренних врагов и поддерживала общую инфраструктуру – транспортную, финансовую, торгово-логистическую.

На «парадигме провинций» строились многие империи средневековья – и Византийская, и Франкская империя Шарлеманя, и Священная Римская (Оттоновская), и империя Чингизидов, и сменяющие друг друга китайские империи. На тех же принципах были организованы империи времен Ренессанса и Просвещения – Османская, Наполеоновская, Австро-Венгерская, Российская. Во всех этих полиэтничных государствах культуры входящих народов не искоренялись, напротив, зачастую представители национальных меньшинств имели заметные привилегии

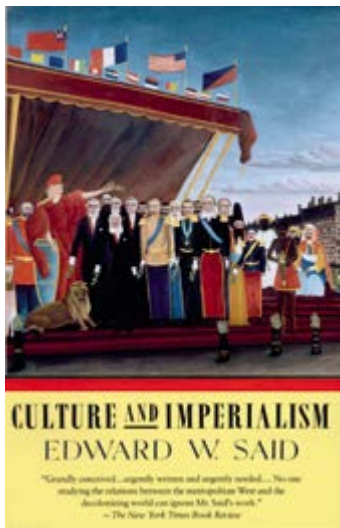
по сравнению с метрополией. Например, в Российской империи жители национальных провинций не подлежали крепостному праву. Крепостными крестьянами были только представители «титულიной нации» [4].

Епархиальная парадигма оказалась гораздо эффективнее для решения задач строительства и расширения империй. История присоединения Сибири и Дальнего Востока к Российской империи весьма напоминает стремительное движение македонских греков. Меньше века понадобилось, чтобы огромные сибирские просторы, населенные десятками племен и народностей, вошли в число российских провинций. Как отмечает Конрад Хаусхофер, причина коренится именно в епархиальном, не колонизационном подходе. «Почему русским удалось в баснословно короткое время пройти вдоль северной анэйкумены через Сибирь и достичь Тихого океана, создать громадное имперское образование, которое проникло в американское пространство вплоть до бухты Сан-Франциско и лишь под сильным нажимом англосаксов, а позже китайцев и японцев, вынуждено было отступить назад? Решающим был все же тот факт, что продвигавшийся в Северную Америку русский не считал эти пространства незаселенными <...>» [5, с. 46].

Сохранилась инструкция, которую царь Борис Годунов выдал воеводе кн. Петру Горчакову в 1592 г. о походе на Пелымское княжество (Югра), к которому дважды безуспешно подступал Ермак. В «наказе» подробно предписано, как следует договариваться с аборигенами-вотьяками (современное самоназвание «манси»), какие суммы хлебом и деньгами выделяются для найма отряда проводников, как следует изолировать хана от его воинов и по возможности убить, а младшего сына – взять в отряд и воспитать в русскоязычной среде. Наказ, разумеется, не лишен коварства и двуличия, но их уровень отнюдь не превышает то, что мы наблюдаем и сегодня, в современной нам политике. Никаких признаков политики «зачистки» территории от аборигенов или их порабощения в документе нет [6].

Но «парадигма колоний» отнюдь не умерла, и в соответствующей исторической обстановке возродилась со всей своей безжалостной силой.

< Рис. 4. Обложка книги Эдварда Саида «Культура и империализм». Изд. 1995 г. В оформлении использован фрагмент картины Анри Руссо «Представители иностранных держав собираются приветствовать Республику в знак мира», 1907 г.

< Рис. 5. Епархиальный период культурного империализма характерен переплетением и перемешиванием культур метрополии и провинций. Обложка журнала комиксов про Микки Мауса, изданного в Египте в 1952 г. На картинке Микки, Минни и их родственники отмечают празднование Мавлида (День рождения Пророка Мухаммеда или исламское Рождество). На рисунке изображен Микки, взбирающийся по лестнице к Минни перед мечетью, с множеством символов Мавлида. Круги вокруг Минни – отсылка к традиционному лакомству Аруста-эль-Мавлиду, другие мыши одеты в типичные праздничные костюмы (включая шляпу). На здании надпись: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его», а на лошади (еще один основной символ Мавлида) написано «Благослови Пророка»

2. Культурный империализм и культурная колонизация

На протяжении двадцатого века империи достигают особенно впечатляющих размеров и могущества: Российская империя занимает большую половину Евразийского материка, над британской никогда не заходит солнце, японская образует «сферу сопроцветания», в которую входит значительная часть Юго-Восточной Азии с общим населением более 400 миллионов человек. Империи растут и сливаются, пока не остается всего две, поделившие между собой почти весь мир. Обе организованы по епархиальному принципу (а иначе они вряд ли смогли бы стать супердержавами), и обе строятся на принципиально новом основании – не военное или политическое доминирование лежит в основе их могущества (хотя война и политика продолжают играть существенную роль). Империи второй половины XX века базируются на основании, которое современные исследователи (вслед за Эдвардом Саидом) обозначают терминами «культурная колонизация», «культурная экспансия», «культурное доминирование» и «культурный империализм» [7]. Согласно этой концепции, Центр (метрополия) доминирует за счет того, что транслирует свои культурные конструкции в культурное пространство провинций.

Трансляция реализуется главным образом двумя путями: через систему образования и через массовую культуру.

Доминирование метрополии через массовую культуру происходит за счет огромного потока популярной музыки, кинофильмов, книг (особенно для детей и подростков) – так, чтобы подрастающее поколение уже в раннем возрасте усвоило мысль о безусловном преобладании культуры Центра над любой периферической культурой. Музыка, кино и книги периферийных авторов могут быть хороши и интересны ровно настолько, насколько они следуют образцам культуры Центра.

«Необработанные мозги» перетекают из Периферии в Центр, чтобы получить там образование и, став уже «обработанными», понести культуру Центра обратно и дальше, в еще неосвоенные периферические земли и народы, и, тем самым, укрепить глобальное доминирование Центра. Получив образование в университетах

метрополии, молодые интеллектуалы из элитных семей становятся министрами, президентами банков и профессорами в странах «второго» и «третьего» мира.

В первые десятилетия существования bipolarного мира епархиальный принцип сохраняется в обеих мировых системах. Культурный империализм выглядит как огромная победа гуманизма. У людей еще очень свежи в памяти примеры колонизации, восходящей к древнейшим временам, но происходившей у них на глазах. Вот только несколько примеров, наиболее масштабных:

- зачистка восточно-европейских земель от славянских народов в рамках подготовки к их колонизации германской нацией по генеральному плану «Ost» в 1939–1944 годах повлекла около двадцати миллионов жертв среди мирного населения;
- голод в Бенгалии, спровоцированный британской администрацией в 1943 году, унес, по разным подсчетам, от 15 до 30 миллионов жизней (из 60 миллионов населения этого штата);
- великий голод, вызванный ошибками правительства Мао Цзэдуна в 1959–1961 годах, умирил до 36 миллионов китайцев [8].

Последний пример (как и голод в СССР в 1932–1933 годах) относится к процессам так называемой внутренней колонизации, когда освоение новых территорий происходит внутри государства силами его же правительства – то есть, одна часть населения страны выступает в качестве колонизатора по отношению к другой части.

Картины массовых смертей новейшего времени ужасают и заставляют усомниться в наличии хоть какого-то социального прогресса: ведь такие гекатомбы не снились ни Саргону Древнему, ни Иешу Бен Нуну.

Но вот наступает последняя треть XX века, и вместо откровенного геноцида приходит идеологическое соперничество супердержав и вызванный им подъем кино, литературы, музыки, архитектуры. Могучий взлет творческой активности в пятидесятых – шестидесятых годах рождает целую систему трансляции образов из обоих центров bipolarного мира в соответствующие провинции. Культура условного «Запада» перенимается, осмысливается и распространяется странами европейского «синего банана»¹, Японией и Южной Кореей. Не менее условный

1. «Blue banana» – название для группы наиболее богатых стран Центральной Европы, от северных скандинавских стран, Голландии и Бельгии до Франции на юге

^ Рис. 6. Острая критика имеющейся системы образования нарастает в большинстве стран мира. Карикатура пакистанского дизайнера Rana Mujahid Ali появилась на сайте <https://www.deviantart.com/> еще в 2007 году и с тех пор непрерывно перепечатывается на самых разных языках

«Восток» транслирует свою культуру через посредников в Восточной Европе и в Азии. В каждом регионе, согласно епархиальному принципу, культура метрополии творчески дорабатывается и соединяется с локальными традициями, принося удивительные по разнообразию и богатству плоды.

К сожалению, эйфория продолжалась недолго. К концу семидесятых годов обе метрополии преисполнились самодовольства настолько, что епархиальный принцип начал стремительно деградировать, и все чаще приобретает черты колонизации. Уважение и интерес к провинциальным культурам все заметнее сменяются высокомерным и презрительным отношением. Провинции все больше рассматриваются в качестве колоний, «культурный вакуум» которых должен быть заполнен исключительно культурой метрополии. Иркутская школа архитектуры на своем непростом опыте ощутила эти процессы в виде нарастающего конфликта сибирского брутализма с указаниями и предписаниями, исходящими из центра [9].

3. Образование провинциальное и колониальное

Деградация епархиальной парадигмы до колониальных форм в наглядных образах и с большой художественной силой описана М. Е. Салтыковым-Щедриным в книге «Господа ташкентцы» [10]. По определению писателя, Ташкент в данном конкретном случае обозначает некую обобщенную страну, населенную баранами, которые всегда готовы к стрижке, примирились с ней как с неизбежностью и даже как бы научились получать от нее удовольствие. В эту «страну баранов» едут столичные «цивилизаторы», и великий сатирик показывает два основных типа, которые порождает колонизация. Один тип – невежественный, злобный и агрессивный садист, наслаждающийся своей властью над «баранами». Второй тип – изнеженный паразит, не приносящий никакой реальной пользы, самовлюбленный и нарциссичный. Оба типажа обладают мировосприятием, согласно которому принадлежность к передовой цивилизации уже ставит их в культурном отношении неизмеримо выше коренных жителей «Ташкента» (хотя вся их «культурность» сводится к узкому набору самых примитивных и убогих влечений). В процессе трансляции столичной культуры оба эти типа искажают ее до неузнаваемости. Приспосабливая

^ Рис. 7. Одичание «носителей высокой культуры» при деградации епархиальной парадигмы показано М. Е. Салтыковым-Щедриным проникновенно и точно. Иллюстрация к сказке «Дикий помещик», художник В. Коверзнева, 2016 г.

культуру метрополии к уровню восприятия «примитивных дикарей» (а на самом деле – к своим корыстным и примитивным нуждам), «господа ташкентцы» создают убогую пародию исходной культуры, насколько бы богата и разнообразна она ни была изначально.

Деградация культуры западной метрополии до самых примитивных форм произошла быстро и незаметно. Ситуация монополярного мира, которая возникла в девяностых годах, дополнительно ускорила этот процесс и привела к массовой трансляции предельно упрощенных форм консюмеризма. Культурная колонизация постсоветского и постсоциалистического пространства происходит в тех самых «ташкентских» формах, которые с гневом и горечью выведены великим сатириком.

Мы исследовали результаты консюмеризации молодежи в российской провинции на примере студентов одного из новосибирских вузов. Исследование проводилось с 2014 по 2019 гг., и в нем приняли участие 159 респондентов (23 юноши и 136 девушек в возрасте 19–22 лет) из числа студентов третьего курса психологического факультета НГПУ. Включение студентов-третьекурсников в состав исследовательской выборки обусловлено тем, что этот период именуется как «кризис третьего курса» и рассматривается как онтогенетически закономерный этап перехода к взрослости, для которого характерны экзистенциальные противоречия, связанные с рефлексией профессионально-личностного выбора (переосмыслением правильности выбора), переоценкой ценностей.

Исследование проводилось с использованием двух идеографических методик:

Методика 1. «Персональный перечень ценностей» (далее – ППЦ): студентам предлагалось обозначить (в столбик) то, что для них в настоящее время является наиболее значимым, ценным.

Методика 2. «Ранжирование ценностей» (далее – РЦ): респондентам зачитывался перечень 10 ценностей, которые им предлагалось проранжировать по степени значимости для себя (расположив их от самого значимого – 1, к наименее значимому – 10).

По Методике 1 «ППЦ» за период с 2014 по 2019 гг. (таблица 1) перечень обозначаемых студентами ценностей варьировался в диапазоне от 3 до 18. Максимальное ко-

личество персональных ценностей было зафиксировано в 2015 (среднее значение 10) и 2016 (среднее значение 9) годах.

Таблица 1. Показатели (в %) частоты обозначения ценностной категории по данным Методики «Персональный перечень ценностей»

количество респондентов	25	32	25	26	27	24
%	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Семья\родные	76	75	72	50	70	67
Образование\учеба	12	56	68	15	4	4
Друзья\дружба	68	62	64	31	11	8
Саморазвитие\личностный рост	36	28	56	27	0	4
Любовь	60	72	48	35	33	33
Здоровье	52	72	60	58	74	83
Карьера\труд\профессия	40	31	16	19	7	17
Родина	4	22	24	8	0	0
Животные	0	0	16	0	4	0
Спорт\хобби	72	50	12	19	0	8
Деньги\материальные блага\достаток	44	41	12	27	67	92
Вера	0	0	8	4	0	0
Реализация\удовлетворение потребностей	16	31	36	38	52	75
Жизнь	24	12	28	8	0	0
Юмор	0	0	4	0	11	0
Достоинство\благородство	4	6	24	4	0	0
Свобода	24	62	44	38	55	54
Справедливость\правда	8	6	20	4	0	0
Дети	4	6	4	0	0	0

Анализ эмпирических данных (табл. 1) свидетельствует, что ценности «семья/родные» и «здоровье» сохраняют приоритет на протяжении всего периода исследования. Нарастание значимости зафиксировано по ценностям «деньги\материальные блага\достаток» и «реализация потребностей». Значительное снижение показателей наблюдается по ценностям «образование», «друзья\дружба», «саморазвитие\личностный рост», «жизнь», что указывает на весьма неблагоприятную тенденцию в смысло-жизненных ориентациях современной молодежи.

Снижение отмечается по ценности «любовь». Данный факт свидетельствует, что решение одной из важнейших генетических задач юности, считающейся возрастом первой любви и возникновения интимных эмоциональных отношений между юношами и девушками, осуществляется весьма неконструктивно.

Фрагментарное указание категорий «дети», «вера», «животные» обусловлено наличием/отсутствием у отдельных студентов собственных детей, принадлежности к вероисповеданию, домашних питомцев.

Нарастание с незначительным пиком в 2016 году и последующим резким снижением (вплоть до полного отсутствия) выявлено по ценностям «достоинство\благородство», «Родина», «справедливость\правда». К 2019 году эти понятия превратились в пустые слова.

Нестабильность (скачкообразность) показателей обнаружена по категориям ценностей «свобода», «спорт\хобби», «карьера\труд\профессия». При этом значимость спортивно-досуговой и профессионально ориентированной деятельности в 2018 и 2019 годах снижается, опосредовано указывая на то, что психологическое будущее современными юношами представляется

чрезвычайно «размытым», не имеющим четкой перспективы. Вместе с тем ценность свободы в целом сохраняет свою актуальность. Отдельный и очень существенный вопрос, какой смысл вкладывали в это размытое понятие наши респонденты разных лет?

Выявлено, что иерархическая структура ценностей в динамике с 2014 по 2019 гг. претерпевает значительные изменения. Так, ценность «свобода» с 10-го пункта передвинулась на 5-е место, что может указывать на повышение потребности в автономии и стремлении к индивидуальности как следствия интериоризации западного культа самодостаточности, успешно насаждаемого в самосознание молодежи. На это указывает и динамика ценности «деньги\материальные блага\достаток», занимавшей в 2014 году 6-ю позицию, а в 2019 переместившейся на первое место, тогда как значимость категории «саморазвитие\личностный рост» с 8-го места отнесена на 10-е место.

Категория «образование» выступила одной из неустойчивых в перечне персональных ценностей (преобладающие доли выбора зафиксированы в 2015 и 2016 годах), значимость которой резко снизилась к 2019 году.

Заметим, что при нормальном развитии личности (по крайней мере, согласно традиционным понятиям о норме) юность – это период выбора жизненного пути и знаменателей системы ценностей [11; 12]. Но результаты опроса показывают, что никакого выбора у сегодняшней молодежи не осталось. Ценности примитивного консюмеризма – деньги и «свобода» как средство для удовлетворения текущих потребностей – лидируют абсолютным образом, не оставляя места для других вариантов.

Данные по Методике 2 «РЦ» за период с 2014 по 2019 гг. (таблица 2) по основным ценностям не противоречат результатам, полученным по Методике 1.

Таблица 2. Обобщенный профиль рангового распределения показателей значимости ценностей по методике «Ранжирование ценностей»

количество респондентов	25	32	25	26	27	24
Ценности\год	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Любовь	2	1	1	2	6	6
Семья	1	2	2	1	2	4
Здоровье	3	3	4	3	1	1
Образование	4	5	5	7	8	8
Родина	8	8	8	10	9	10
Честь (достоинство)	9	9	7	9	10	9
Свобода	5	4	3	4	5	2
Власть	10	10	10	5	3	5
Деньги (материальный достаток)	7	7	9	6	4	3
Труд (профессия)	6	6	6	8	7	7

К 2019 году, как видно из рангового распределения данных, первые места уверенно занимают ценности «здоровье», «свобода» и «деньги». Эта триада группируется вокруг все тех же потребительских ценностей, потому что и здоровье, и свобода, и деньги понимаются как средства к неограниченному росту возможностей потребления. Здесь имеется в виду в первую очередь количественный рост – здоровый человек способен больше съесть и выпить, чаще заниматься сексом, ездить на модные курорты и так далее. Свобода, в первую очередь, понимается как необязательность моральных и социальных запретов и ограничений – возможность потребления без оглядки на закон и нравственность.

Подобные установки, очевидно, выглядят чрезвычайно примитивными по сравнению с развитыми формами гедонизма, идущего от киренаиков и Эпикура, идеологов

в Рис. 8. Печальная ситуация в архитектурном образовании.

Постер студии ZAP Architecture с конкурса, проведенного интернет-журналом ARCH20. Комментарий гласит: «Извилистый путь архитектурного образования ведет студента в коварное и вдохновляющее путешествие только для того, чтобы рухнуть в море долгов и потенциальной безработицы»

Ренессанса, Бентама, до Жюль Липовецки и Мишеля Онфре [13]. Здесь сложное и тонкое искусство наслаждения всеми аспектами жизни подменяется предельно упрощенным стремлением – любыми способами как можно больше получить и потратить. В самом общем виде такая система ценностей сводится к одной цели: как можно больше ценных ресурсов превратить в отходы.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что культурная колонизация российской молодежи протекает эффективно. Место богатой и разнообразной, полиэтничной и многоукладной отечественной провинциальной культуры уже опустело, и образовавшийся культурный вакуум быстро заполняется деградированными формами культуры колонизаторов.

Заключение. Колонизационный бумеранг

Примерно три десятилетия, от девяностых годов прошлого века до середины десятых годов нынешнего, мир существовал в уникальном монополярном состоянии.

Культура единственной оставшейся супердержавы соотносилась с прочим миром, как с культурной провинцией. Никто особенно и не сомневался, что все действительно передовое и современное исходит из метрополии. Самая передовая наука – это та, за которую американские ученые получают Нобелевские премии. Передовые технологии олицетворяет Илон Маск. Современная литература – англоязычная, музыка – афроамериканская, кинематограф – голливудский, живопись – в музее Гуггенхайма. Никакая архитектурная теория не будет современной, если она не опирается на примеры Нью-Йорка или хотя бы Лос-Анджелеса, и высшая премия за достижения в практической архитектуре вручается от имени благотворительного фонда чикагских отельеров. Каждый из этих фактов вроде бы ничего особенного не означает, но все вместе они складываются в систему вполне колониального смысла.

Одновременно происходит системное разложение и извращение смыслов и лозунгов «культуры метропо-

лии». Демократические социальные институты подвергаются коррупции, системы массовой информации становятся все более лживыми и продажными, искусство, наука, медицина и образование превращаются в средства для рыночных игр, экономика сосредотачивается на обслуживании одного процента супербогатых, да и сами эти властно-денежные элиты все более замыкаются и вырождаются в своем узком закрытом кругу. Именно эта, упрощенная уже до дебилизма, культура транслируется в глобальные провинции (которые все больше приобретают черты колоний). А затем процесс поворачивается в обратную сторону, и «культура для дикарей» транслируется в метрополию. «Цивилизаторы» обоих типов (по Салтыкову-Щедрину) возвращаются из «страны баранов» в свои столичные города и привозят привычное презрение к высокой и сложной культуре, уверенность в своем культурном превосходстве и свое безграничное самодовольство. Теперь они приступают к колонизации метрополии в присущем им стиле Бивиса и Баттхеда.

Эффект «имперского бумеранга» подробно рассмотрен в трудах Ханны Арендт [14]. Сегодня ее тексты выглядят раздражающе идеологизированными, они проникнуты таким неистовым антисоветизмом, что зачастую теряют научную объективность. Но суть явления в этих книгах вскрыта точно. В новом веке они получают новую и неожиданную актуальность. На примере образования отчетливо видно, как дикарская культура «ташкентцев» возвращается в метрополию и разрушает ее изнутри. Аналитические документы показывают, как сильно раслоилась система образования на привилегированное меньшинство и всех прочих, кому качественное образование недоступно [15]. Аналитики по привычке связывают качество образования с уровнем доходов семьи или страны, но факты показывают иное: наиболее катастрофические процессы деградации происходят именно в странах, подвергшихся культурной колонизации (включая Россию). С большой тревогой обсуждается деградация образования в США [16]. Страны и регионы, сохранившие культурную автономию (в первую очередь – Китай, Вьетнам и некоторые другие державы Юго-Восточной Азии) демонстрируют в образовании большие успехи.

Деградация поразила и архитектурное образование, причем в этой сфере «имперский бумеранг» ударил особенно сильно [17]. Среди тяжелых и растущих проблем подготовки следующего поколения зодчих называют неадекватно раздутую стоимость образования («Первое правило архитектуры – надо родиться богатым, а второе, если первое не получится, жениться на богатых», согласно хлесткому выражению Филиппа Джонсона). С тревогой пишут о разрыве между академической теорией и практикой архитектуры; очевидно, что эти аспекты обучения должны быть объединены, но как? Интернет и дигитальные технологии формируют новые вызовы и новые возможности для развития профессии, но методики преподавания во многом остаются средневековыми. Западная школа архитектуры еще удерживает лидерские позиции в мире, но надолго ли хватит этой инерции, учитывая стремительное развитие азиатских школ?

Ясно одно: дальнейшие приключения глобальной культуры (в том числе архитектуры) в новом тысячелетии должны происходить в ключе епархиальном, провинциальном, но никак не колониальном. Провинции, но не колонии!

Литература

1. Дефо, Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо. – Москва: Восточная литература, 1995. – 272 с.
2. Геродот. История. В девяти книгах/пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Ленинград: Наука, 1972. – Книга V. – 600 с.

3. Поляков, Е. Н., Красовский, А. В. Внутреннее пространство древнегреческого усадебного дома V–I вв. до н. э. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2017. – № 3 (62). – С. 9–24
4. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России/авториз. пер. с англ. В. Макарова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.
5. Хаусхофер, К. О геополитике. – Москва: Мысль, 2001. – 426 с.
6. Головин, А. В. Феномен колонизации. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2015. – 592 с.
7. Саид, Э. В. Культура и империализм. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2012. – 735 с.
8. Ó Gráda C. Eating People Is Wrong, and Other Essays on Famine, Its Past, and Its Future. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2012, 248 p.
9. Иркутская (павловская) школа // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 73–108
10. Салтыков-Щедрин, М. Е. Господа ташкентцы // Собр. соч. в 20 томах. – Москва: Художественная литература, 1970. – Т. 10. – С. 7–271
11. Белобрыкина, О. А. Дифференциальные дескрипторы субъективного переживания одиночества подростками. Часть II: Результаты эмпирического исследования // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2019. – Том 4. – № 3 (15). – С. 158–192
12. Лидин, К. Завтра началось вчера // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 38–42
13. Onfrey, M., & McClellan, J. A Hedonist Manifesto: The Power to Exist. NY: Columbia University Press, 2015. 232 p.
14. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма. – Москва: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
15. Hussar B., Zhang J., Hein S., Wang K., Roberts A., Cui J., Smith M., Bullock Mann F., Barmer A., and Dilig R. (2020). The Condition of Education 2020 (NCES 2020–144). U. S. Department of Education. Washington, DC: National Center for Education Statistics.
16. UNESCO. 2020. Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and education: All means all. Paris, UNESCO. 436 p.
17. Thompson J. Becoming an Architect: Narratives of Architectural Education. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Washington, 2016. 359 p.

References

- Arendt, H. (1996). Istoki totalitarizma [The origins of totalitarianism]. Moscow: TsentrKom.
- Belobrykina, O. A. (2019). Differentsialnye deskriptory subyektivnogo perezhivaniya odinochestva podrostkami. Chast II. Rezultaty empiricheskogo issledovaniya [Differential descriptors of teenagers' subjective feelings of loneliness. Part II. Results of an empirical study]. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya. Vol. 4, 3(15), 158-192.
- Defoe, D. (1995). Dalneishie priklyucheniya Robinzona Kruzo [The further adventures of Robinson Crusoe]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Etkind, A. (2011). Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge, UK: Polity Press.
- Golovnyev, A. V. (2015). Fenomen kolonizatsii [Colonization phenomenon]. Yekaterinburg: Izd-vo UrO RAN.
- Haushofer, K. (2001). O geopolitike [On the geopolitics]. Moscow: Mysl.
- Herodotus (1972). Isoriya [History]. In nine books (G. A. Stratanovsky, Trans.). Book V. Leningrad: Nauka.
- Hussar, B., Zhang, J., Hein, S., Wang, K., Roberts, A., Cui, J., Smith, M., Bullock, Mann F., Barmer, A., & Dilig, R. (2020). The Condition of Education 2020 (NCES 2020-144). U.S. Department of Education. Washington, DC: National Center for Education Statistics.
- Irkutsk (Pavlov) school. (2020). Project Baikal, 17(64), 73-108.
- Lidin, K. (2014). Tomorrow began yesterday. Project Baikal, 1(39-40), 38-42. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.648
- Onfrey, M., & McClellan, J. A. (2015). Hedonist Manifesto: The Power to Exist. NY: Columbia University Press.
- Ó Gráda, C. (2012). Eating People Is Wrong, and Other Essays on Famine, Its Past, and Its Future. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Polyakov, E. N., & Krasovskii, A. V. (2017). Vnutrennee prostranstvo drevnegrecheskogo usadbnogo doma V-I vv. do n.e. [Inner space of the ancient Greek manor house in the 5th-1st centuries BC]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 3(62), 9-24.
- Said, E.W. (1993). Culture and Imperialism. London: Random House.
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (1970). Gospoda tashkentcy [The Tashkenters clique]. In The collected works in 20 vols (Vol. 10, pp. 7-271).
- Thompson, J. (2016). Becoming an Architect: Narratives of Architectural Education. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Washington.
- UNESCO (2020). Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and education: All means all. Paris: UNESCO.

Originally, the term of “province” meant colony as “Provence” in the south-east of France came from the Roman term “Provincia Nostra”, first Roman establishment in Gallia. So the term was a little bit pejorative.

This impression increased with the upcoming of French royalty with Philippe le Bel who tried to give Paris a real leadership. This political movement went stronger and stronger with prime minister Colbert and Louis XIV “Le Rois Soleil”. King Louis XIV compared himself with the sun, the center of the world that the planets are just going around.

So Paris (or Versailles) was supposed to bring the light (knowledge) while the world around was in the shade (ignorance). He also wanted all the leaders to be around him to avoid conspiracies. So someone who did not live in Versailles was not a “VIP”.

The French Revolution did not change this way of thinking, the term just turned to Jacobinism, the leaders being the “Jacobins”. The other part of revolution leaders, the “Girondins” wanted to turn this movement to regionalism but did not win.

Since the late 20th century, everything went on focusing on Paris: trains, roads, airports, everything lead to Paris. Even in the late sixties, motion pictures came to the rest of France more than a month later than in Paris. Every main exhibition was in Paris... And somebody living out of Paris was considered as a “peasant”. If I would compare this phenomenon with Germany, it is quite different because Germany was a federation of independent “leaders” which joined to build Germany only in the second half of the 19th century. So it is still an addition of big cities, Berlin having no real leadership.

Francois Mitterand with Minister Gaston Deferre decided to change this way. The decentralization law gave more power to local entities (departments, regions). The central government decided to build new highways and train lines from region to region without crossing Paris. The ENA Higher School

moved to Strasbourg. This higher school was created by General de Gaulle to teach high level students how to become Ministry assistants, and many of the present ministers came out from this institution.

The second decentralisation law was made by Jean Pierre Raffarin, one of Jacques Chirac’s prime ministers. It went a little bit further, but did not run so well, because the general authority kept its hand on the money.

Now high schools and universities are under regional control while secondary schools are under departments control and primary schools depend on the cities. But teachers and professors are still paid by Paris...

Also, with the internet, “telework” is now possible in many professions like commercial ones. It is no more an obligation to live by one’s firm. One can work at home, so some people are moving away from Paris (too expensive, too much transport time, too much stress) and buy or rent homes along the TGV lines (high speed train) and have their appointments once a week downtown Paris.

The result of the new train lines is also places like Poitiers, Lille or Nantes areas becoming more and more attractive being cheaper and only one hour from downtown Paris when some suburbs are over ninety minutes. So the concept of “province” is moving from a pejorative connotation to a “cool” one.

0 провинции / About province

текст

Патрис де Рендинжер /
text

Patrice de Rendinger

Первоначально «провинция» обозначала римскую колонию Прованс на юго-востоке Франции, происходит от выражения Provincia Nostra, которым называлось одно из первых поселений в Галлии. Таким образом, смысл термина в некоторой степени уничтожителен.

Этот оттенок еще больше усилился с приходом к власти французского короля Филиппа Красивого, который старался сделать Париж ведущим городом. Это политическое движение усилилось при премьер-министре Кольбере и «короле-Солнце» Людовике XIV, который сравнивал себя с центром вселенной, вокруг которого вращаются планеты.

Итак, предполагалось, что Париж (точнее, Версаль) несет свет (знания), в то время как окружающий мир погружен во тьму (невежество). Король также хотел, чтобы все лидеры были собраны вокруг него, чтобы избежать их тайного сговора против трона. А те, кто не жил в Версале, не были «особо важными персонами».

Французская революция не изменила эту установку. Термин был подхвачен лидерами-якобинцами, стал идеологией якобинизма. Другая часть лидеров революции, жирондисты, стремились к идеологии регионализма, уравняющего в правах столицу и провинцию, к распространению революционного движения в регионы. Но они проиграли.

В конце XX века Париж по-прежнему был средоточием всего: поезда, дороги, аэропорты вели к Парижу. Даже в конце 60-х фильмы демонстрировались в остальной части Франции как минимум на месяц позже, чем в Париже. Все главные выставки проходили в Париже... Любкой, живущий вне Парижа, считался «крестьянином». Если бы я сравнивал это явление с Германией, нашлось бы много отличий, так как Германия была федерацией независимых земель, которые объединились для строительства страны только во второй половине XIX века. Германия все еще является объединением больших городов, где у Берлина нет явного лидерства.

Президент Франции Франсуа Миттеран с министром Гастоном Деферром решили изменить ситуацию. Закон о децентрализации дал больше власти местным субъектам (департаментам, регионам). Центральное правительство решило построить новые магистрали и железные дороги из региона в регион, минуя Париж. Национальная школа администрации (ENA) переехала в Страсбург. Это учреждение было создано генералом де Голлем для подготовки студентов старших курсов к работе в качестве помощников министров. Многие из современных министров закончили этот ВУЗ.

Второй закон о децентрализации создан Жан-Пьером Раффареном, который занимал пост премьер-министра при Жаке Шираке. Этот закон был следующим шагом, но недостаточно решительным, так как финансы все еще контролировались центральной властью.

В настоящее время высшие школы и университеты контролируются регионами, средние школы – департаментами, а начальные школы зависят от городов. Но учителя и профессора все еще оплачиваются Парижем...

Интернет позволил работать в удаленном режиме людям многих профессий, например, в коммерции. Сейчас уже не всегда человек должен работать в фирме, можно работать и дома. Поэтому некоторые уезжают из Парижа (слишком дорогая жизнь, много времени уходит на транспорт, слишком много стресса), покупают или снимают дома рядом с линией TGV (высокоскоростного поезда) и проводят в Париже встречи раз в неделю. В результате организации новых линий поездов такие места, как Пуатье, Лилль или Нант все больше привлекают людей более низкими ценами и тем, что находятся всего в одном часе езды до центра Парижа, в то время как от некоторых пригородов до Парижа – более девяноста минут.

Таким образом, понятие «провинция» теряет уничтожительный оттенок и постепенно приобретает позитивное значение.

Статья написана для пб в 2006 году / The article was written for pb in 2006

Роль архитектурного наследия в формировании идентичности русских городов слабо изучена. Практически не освещен вопрос о взаимодействии в городской идентичности материального и нематериального архитектурного наследия. В статье анализируются результаты социологических опросов местного населения ряда русских исторических городов, и по итогам этих опросов выявляются характерные типы восприятия местным населением архитектурного наследия города, характер связи его материальной и виртуальной составляющих в образе города. Ключевые слова: русский исторический город; материальное и нематериальное наследие; социологический опрос; восприятие; образ города. /

The role of architectural heritage in the formation of identity of Russian cities is poorly studied. The interaction of the tangible and intangible architectural heritage is hardly covered. The article analyses the results of sociological surveys among the local population of a number of Russian historic cities. Regarding the results of these surveys, the authors reveal the specific types of the residents' perception of the city's architectural heritage, as well as the connection between its material and virtual components in the image of the city. Keywords: Russian historic city; tangible and intangible heritage; sociological survey; perception; image of the city.

Архитектурное наследие и идентичность русских городов / Architectural heritage and identity of Russian cities

Введение

Интенсивно исследуемая в последнее время проблема городской идентичности неизбежно включает и вопросы, связанные с ролью в ее формировании архитектуры и, в частности, архитектурного наследия. Еще в конце XX века идентичность и архитектура тесно связывались (Х. Норберг-Шульц подчеркивал, что архитектурные особенности города позволяют человеку идентифицировать себя со средой) [1]. В отечественной литературе в XXI веке А. Ю. Согомонов отмечает «<...> тяготение коллективного сознания современных городов к более устойчивым и внятным для внешнего и внутреннего восприятия урбанистическим образам» [2]. Н. Г. Федотова, вслед за Х. Норберг-Шульцем, утверждает, что «архитектура задает дух города, она вызывает впечатления и устойчивые ассоциации, содержащие, в том числе, фрагменты городской памяти» [3]. Действительно, знаковая роль архитектуры и особенно памятников прошлого незаменима для трансляции исторических знаний и оживления образов прошлого, для укрепления в обществе чувства укорененности, связанности с конкретным местом.

Но при всей значительности архитектурного наследия для формирования и укрепления городской идентичности именно его роль применительно к русским городам остается слабо изученной. Почти не раскрыт вопрос о месте в городской идентичности материального и нематериального наследия. Цель данной статьи – осветить некоторые стороны указанной проблематики. Для этого предлагается краткий анализ ряда русских городов с разным уровнем сохранности наследия.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В своей работе мы опираемся на социологические опросы жителей городов, проводившиеся с иными целями, но дающими, тем не менее, важную для нас информацию [4]¹. Кроме того, используется картографический и иконографический материал по рассматриваемым городам.

Города с сохранившимся комплексом важнейших исторических объектов

К этой группе отнесем поселения, сохранившие комплекс важнейших составляющих архитектурного насле-

дия – уникальные сооружения исторического центра, исторически сложившуюся планировочную структуру, в значительном объеме традиционную рядовую застройку. В этой категории упомянем, прежде всего, Новгород и Ярославль. Казалось бы, в обоих случаях легко прогнозируется круг ключевых объектов и сложившийся на их основе образ города. Но в восприятии жителей картина получилась во многом различная. В *Новгороде*, как и ожидалось, местные жители комплексно воспринимали исторический центр: выделяли кремль, в нем – Софийский собор, затем – отходящие от кремля радиальные улицы с древними памятниками-храмами, а за рекой – Ярославово городище. Описывая город, некоторые упоминали об археологических находках, о найденных уникальных берестяных грамотах. В некоторых источниках изредка упоминают привлекательное благоустройство кольцевого сквера вокруг кремлевских стен² (рис. 1).

Опросы показали, что устойчивую основу местной идентичности составляет исторический материал; одновременно жители отмечают достоинства современного быта. Для подавляющего большинства горожан существенны не столько тишина и размеренный ритм жизни областного центра, сколько возможность жить в древнем городе, сохранившем в архитектуре следы прежних эпох и великих событий истории.

К этой группе городов надо отнести и *Ярославль*, который тоже отличается хорошей сохранностью многих объектов наследия, хотя и с утратами важных звеньев исторической городской структуры: пропала городская крепость, старый городской собор [5]. Незаметно, чтобы современные жители воспринимали это как недостаток: они часто называют «кремлем» достаточно центрально расположенный Спасский монастырь с его крепостной стеной и храмами внутри. Характеризуя город в целом, жители говорят о богатой истории, об обилии достопримечательностей. Но при этом в списке значимых мест на первых позициях располагается Волжская набережная и недавно благоустроенная «Стрелка» – ландшафтный мыс при впадении в Волгу реки Которосль. На третьем месте – Театр имени Волкова (создан в 1750 г.), а Спасский монастырь стоит всего на четвертом месте.

текст

Алексей Щенков
Наталья Антонова /
text
Alexei Shchenkov
Natalia Antonova

1. Методика опросов основывается, как правило, на разработках П. Л. Крупкина и С. Д. Лебедева, развивающих исследовательские принципы Э. Дюркгейма

2. Н. Г. Федотова в упомянутой статье [3] сообщает, что среди исследовательских методов применялись: а) качественный экспертный опрос с квотой экспертов по виду деятельности и использованием структурированного опросника, включающего элементы открытых и полужакрытых вопросов. Было опрошено 23 эксперта в области политики, бизнеса, науки и пр.; б) контент-анализ пяти ведущих региональных СМИ. Данная методология позволила определить ключевые маркеры новгородской идентичности, выявить степень их позитивности и контексты актуальности

^ Ярославль. «Стрелка». На дальнем плане за р. Которослью – ансамбль храмов в Коровниках, 1670-е

^ Белгород. Видовая площадка с памятником князю Владимиру, 1998; скульптор В. Клыков

Приходится признать, что приоритет отдается ландшафтным особенностям города и связанному с ландшафтом благоустройству. Расстановка приоритетов объясняется, прежде всего, прагматическими достоинствами объектов: выяснилось, что набережная и «Стрелка» – любимые места отдыха горожан. Высокий же рейтинг театра и Спаского монастыря (сейчас в нем Ярославский музей-заповедник) во многом объясняется их расположением хоть и в стороне от исторического городского ядра, но зато на главной магистрали центра – Первомайской улице, переходящей в Московский проспект (рис. 2).

В рубрике анкеты о примечательных городских событиях в Ярославле историческое смешано с современным: на первом месте – гибель любимой в городе футбольной команды «Локомотив», на втором – открытие первого в России театра (им. Волкова), на третьем – празднование тысячелетия города и только на четвертом – сбор народного ополчения в 1612 году. Престижные места занимают объекты и события, связанные с современной городской жизнью. Характерно отсутствие в списках достопримечательностей нового собора (выстроен в начале текущего столетия на месте разрушенного в XX веке). То, что шкала рейтинга включает реалии современности, вполне естественно: горожанами востребованы яркие ландшафтные особенности места, но кроме того – памятники или воспоминания недавнего прошлого.

Города, утратившие заметные исторические доминанты

Этот раздел мы начнем с рассмотрения *Белгорода*. В XIX – первой трети XX в. Белгород был поселением уездного масштаба с населением 30–40 тысяч человек. В Великую Отечественную войну город был почти полностью разрушен; к моменту освобождения в нем не было не только заметных исторических доминант, но и большей части застройки как таковой. Тем не менее это тоже исторический город, в XVII веке узел одной из оборонных линий Засечной черты. От наследия того времени сохранился только один храм конца XVII в.; из более поздних памятников в городе есть две церкви, датируемые XVIII столетием, сохранилось несколько небольших храмов и ценных гражданских построек первой

половины – середины XIX в. Сейчас в городе преобладает прямоугольная сетка улиц и послевоенная периметральная застройка.

Людские потери военных лет, не оставившие в Белгороде «старожилов», в послевоенные годы компенсируются миграцией, вызванной активным развитием промышленности Белгородской области (сегодня население города составляет примерно 340 тыс. человек). Существенные изменения в составе населения так же, как и утраты исторической застройки, не могли не сказаться на формировании идентичности горожан, однако материал опросов показывает, что их результаты, при некоторой специфичности, вполне вписываются в картину, образуемую опросами по другим городам [6].

В восприятии жителей отсутствует внимание к исторической застройке. Немногочисленные памятники архитектуры, разбросанные по кварталам центра, практически не упоминаются. В числе достопримечательностей выделяются прогулочные пространства обширных бульваров, система крупных площадей центра. Город в сознании его жителей традиционно «центрируется» вокруг главных площадей и парков; вне центра упоминаются только редкие объекты: диорама «Прохоровское поле», «исторический дуб» в пригороде Белгорода (реликтовый дуб в преданиях связывается с именами посещавших город российских императоров Петра I и Екатерины II). Для молодежи важный ориентир – Белгородский университет. Наряду с центральными площадями в последние десятилетия начинает выделяться в качестве примечательного городского пространства район за речкой Везелка, где ведется активное новое строительство и где расположен значимый для горожан архитектурно-пространственный узел – видовая площадка с памятником Св. князю Владимиру (рис. 3).

Этот памятник можно считать недавно возникшей новой идеологической доминантой, определяющей городскую идентичность. Появление памятника обусловлено легендой об основании города великим князем Владимиром (некоторые историки XIX и XX веков датировали основание города X веком, но современная наука относится к этой версии скептически [7]). Социологи находят, что имя крестителя Руси кн. Владимира было «раскру-

чено» местными краеведами в 1990-е годы, и это было хорошо принято населением, особенно – молодежью; население пренебрегло возможностью ошибки и согласилось с версией о возведении города князем. В этом можно видеть потребность горожан декларировать свою укорененность в российской истории. По принятой версии время рождения города отодвигается на полтысячелетия, крепость – южная окраина Московской Руси – осознается еще и северной окраиной Руси Киевской.

Существенно, что город помнит свое историческое прошлое, помнит, как выяснилось, что он – город-воин. В этом плане важно, что главной содержательной особенностью города все жители признают его связь с расположенным в шестидесяти километрах от него Прохоровским полем – местом Курской битвы, ключевого танкового сражения Второй мировой войны. Нечастый и весьма примечательный случай, когда важнейшая доминанта городской идентичности находится вне городского пространства и даже вне зоны видимости из города.

Можно признать, что город чувствителен к раскрытию своей идентичности, помнит о своей истории – и древней, и новейшей, но, что тоже важно, видит в своем образном строе, прежде всего, черты современного благоустроенного поселения. Горожане справедливо считают особенностью Белгорода его чистоту и ухоженность, спокойный и упорядоченный жизненный уклад.

Белгород не единственный старый город России, утративший почти всю историческую застройку и старую структуру поселения и сохраняющий историческую память о довоенном прошлом преимущественно благодаря нематериальному наследию. Но таких примеров относительно немного по сравнению с обилием городов, в которых осталась без существенных изменений старая планировка, заметная часть исторической застройки центральных районов, однако пропали исторические доминанты, определявшие образ города. По преимуществу это небольшие города уездного масштаба.

Несмотря на утраты в городской архитектуре, на невысокий уровень их благоустройства, большая часть жителей любит свой город, привязана к традициям его быта. Города могут различаться по своему характеру, по возникающим в городах проблемам их своеобразия и идентичности, но везде есть проблемы осмысления связи их материального и нематериального культурного наследия. Имеющийся материал позволяет кратко представить два разных типа таких городов.

Первый из них – *Острогожск* (Воронежская обл.). Город возник как оборонный пункт Засечной черты в XVII веке (хотя есть упоминания о поселении в этом месте в XII веке). В 1930-е годы город потерял важнейшие историко-культурные памятники, датировавшиеся XVIII–XIX вв., в войну – заметную часть жилых домов, хотя несколько примечательных зданий осталось.

При скудности сохранившихся в городе материальных памятников прошлого, у жителей Острогожска, как убеждают исследователи, «сильная историко-культурная идентичность». Во-первых, у них устойчивая память о военном прошлом города, охранявшем рубежи страны. Во-вторых, жива память об Острогожске как о центре большого уезда, о центре культуры. Один из любимых образов: Острогожск – Воронежские Афины [8]. Особое место в ряду феноменов, именуемых «местами памяти», занимает омывающая границу города речка Тихая Сосна. Река уже давно не судоходна, но остается важным компонентом образа города. Здесь купаются, ловят рыбу, но главное – с рекой связаны исторические предания, легенды, воспоминания и поэтические произведения. Для уездного города, утратившего свои архитектурные доминанты, скромная речка – значительный вклад в палитру раритетов, формирующих городскую идентичность.

Традиционные образы идентичности связываются с современностью благодаря заботе о поддержании исторической памяти, о внешней благоустроенности города.

Общее с Острогожском можно увидеть в другом небольшом историческом городе – *Данилове* Ярославской области (поселение известно с XV в., город – с XVIII в.). Здесь тоже невелика материальная составляющая городской идентичности, утрачены исторические внутригородские доминанты. Закрытый в 1930-е годы городской собор (1820) лишен завершений и полностью перестроен с приспособлением под Дом культуры. Соборная площадь в советское время заросла и постепенно превратилась в фрагменты какого-то мемориального парка: в разросшейся зелени нашли свое место памятники Борцам Революции, Героям Войны, Труженикам тыла, Погибшим в локальных конфликтах. Практически целиком снесен Никольский храм рядом с Торговой площадью. Значительная ее часть в XIX веке была занята частной усадьбой, сад которой со временем стал очень популярным маленьким городским парком, ныне заброшенным.

В 2009–2011 годах в Данилове достаточно широко проходило обсуждение вопроса о том, как и что горожане видят привлекательного и ценного в своем городе [9]. Горожане эмоционально высказывали свою любовь к городу, выражая при этом сожаление по поводу утраты городских храмов, по поводу низкого благоустройства центральных улиц города. Самое, пожалуй, важное заключалось в том, что и жители, и включавшиеся в дискуссию иногородние согласны о наличии у города часто «забываемой» в официальных документах значительной содержательной доминанты. Ею оказался собор пригородного Казанского монастыря «на Горюшке», который был возведен у самой границы исторического города. Его строительство было начато перед Первой мировой войной, в 1930-е годы монастырь был закрыт, в значительной степени разрушен, теперь восстанавливается после утрат середины прошлого века. По убеждению горожан и приезжих, этот собор – главная достопримечательность города. Данилов, как и Белгород, и некоторые другие города показывает важность пригородных доминант для раскрытия идентичности города.

Представленные примеры дают образцы разного сочетания визуального и виртуального в городах с разной сохранностью материальных объектов наследия. Но картина была бы существенно неполной без анализа городов с минимальной сохранностью материальных объектов прошлого, но при этом с ярко выраженной идентичностью.

Нематериальное наследие как ключевой фактор городской идентичности

Особую категорию составляют поселения, полностью или почти полностью утратившие материальное наследие, так что ключевой составляющей современной идентичности оказывается память об уже исчезнувшем городе. Речь пойдет о небольших городах, затопленных при устройстве волжских и шекснинского водохранилищ в 1930–1960-х годах. Для тысяч людей с этим были связаны не только тяготы переселения и неустроенного быта на новом месте, но особенно – обрыв всех связей устоявшейся жизни, разрушение любимого родного места. Как выяснилось, это была травма такой силы, что память о ней и поныне передается из поколения в поколение.

Одним из затопленных городов была *Молога*, полностью ушедшая под воду. Жители были распределены по соседним районам, для части переселенцев отведена земля на окраине Рыбинска. Историческая коллективная память переселенцев послужила мотивом создания музея в Рыбинске, куда переехала большая часть населения Мологи. Идея создания музея затопленного города впервые была выдвинута в конце 1980-х годов землячеством моголжан, существующим с 1969 года в Ленинграде-Пе-

^ Калязин. Колокольня (1800) затопленного Никольского собора (1694)

^ Юрьевец на Волге. Сквер памяти утраченных храмов, 2010-е; арх. М. Гукетлов

тербурге и в Рыбинске. Благодаря активной деятельности инициативной группы этого землячества, администрации Рыбинского краеведческого музея и отдела культуры Рыбинского горисполкома для этой цели было выделено здание часовни бывшего подворья Мологского Афанасьевского монастыря в Рыбинске. 12 августа 1995 года в отреставрированной часовне состоялась официальное открытие Музея Мологского края.

Монастырское подворье возникло в XIX веке; в 1869 году был утвержден проект его строительства на пожертвованной в его пользу городской земле. Здание часовни было построено в 1871 году и освящено в честь Тихвинской иконы Божией Матери [10].

Памятное нематериальное наследие затопленного города определило внутреннее единство социальной группы, ее особую идентичность, которая преемственно сохраняется и в последующих поколениях. Землячество ведет активную общественную работу при музее и на сайте землячества (Мологская библиотека-читальня, Мологский кинематограф и др.).

На примере землячества мологжан мы видим, как осознание людьми своей связи с местом и его историей сохраняется даже тогда, когда город исчезает с лица земли. Не исчезают и становятся символическими его название и история. Утрата материального в данном случае становится катализатором сохранения идентичности, доминирующим фактором, скрепляющим сообщество людей.

Калязин. Колокольня Никольского собора. В отличие от полностью затопленной Мологи, в Калязине под водой оказалось не все, но значительная прибрежная часть города, в которой были сосредоточены основные архитектурные доминанты. Там размещалась главная торговая площадь с храмовым комплексом Никольского собора (1694) и церковью Иоанна Предтечи (1792), гостинный двор. На набережной располагались особняки купечества. Панораму этой части Калязина формировали еще несколько церквей. Край волжской панорамы города фиксировал ансамбль Свято-Троицкого монастыря, изначально сложившийся как оборонительная крепость (рис. 4).

Центр Калязина оказался на дне рукотворного моря. Над водой осталась только колокольня (1800) уничтоженного Никольского собора, имеющая в высоту 74,5 м.

В отличие от других памятников, она не была снесена, поскольку служила маяком, а позже – парашютной вышкой [11].

Город продолжает существовать на своем историческом месте, но свою идентичность жители Калязина продолжают связывать с затоплением территории, с трагедией людей, которую хранит историческая память. Об этом свидетельствует социальный опрос населения, предшествующий выбору территории для представления на конкурс проектов благоустройства малых городов 2018 г. Одним из условий конкурса было осознание и отражение в проекте самоидентификации жителей. Символом идентичности Калязина стала Никольская колокольня. Основной замысел разработавшегося проекта основан на представлении культурно-исторической роли сохранившейся доминанты (памятника архитектуры и выразителя коллективной исторической памяти).

Юрьевец. Сквер памяти утраченных храмов. На набережной Волги в Юрьевце был разбит «Сквер памяти утраченных храмов», затопленных при создании Горьковского водохранилища. В 1950-е годы при заполнении водохранилища нынешний центр Юрьевца защитили дамбой, но вторая половина города была затоплена. Памяти этого этапа истории была посвящена главная идея проекта «Сквера утраченных памятников». По проекту благоустройства на дамбе появилась рекреационная территория, планировочное решение которой символически воссоздает старое и новое русло Волги. Доминантой композиции стала часовня в воде – мемориал исчезнувшим культовым зданиям (рис. 5).

На набережной в сквере проектировщики объединили в мемориальную зону фрагменты церквей, которые когда-то стояли в разных частях Юрьевецкого района. Авторы подчеркивали (рук. проекта М. Гукетлов), что проект набережной создавали в том числе по историческим фотографиям берега реки до строительства дамбы. Планировка сквера и размещение малых архитектурных форм, по мнению авторов, «повторяют» планировку затопленной части города [12].

И в данном случае мы видим, что историческая память о затоплении городов доминирует среди факторов, определяющих городскую идентичность. Это выражается

в символическом воссоздании утраченного материального наследия при том, что нематериальное наследие сохраняется на протяжении длительного времени. Осуществленный «памятник» утраченному – характерный пример потребности перевести память в материальное выражение.

Заключение

Завершая статью, надо на основании изложенного выделить основные типы взаимосвязи материального и нематериального наследия в городской идентичности рассмотренных поселений, показать, как в разных ситуациях решается главный вопрос – раскрытие содержательности города в глазах сообщества его жителей.

В восприятии города жителями Великого Новгорода мы обнаруживаем наиболее полное слияние образов материального и нематериального наследия, формирующих цельность картины исторического поселения. Новгородцы, насколько можно судить по проводившимся исследованиям, донине живут памятью о значимости истории своего города, осознают себя наследниками его культурного достояния. Для них ценна отмечавшаяся выше возможность «жить в древнем городе, сохранившем в архитектуре следы прежних эпох».

Иначе строится идентичность жителей Ярославля. Они любят свой город, не хотят уезжать, хотели бы, чтобы и дети жили здесь. Но богатое культурное наследие, украшая город, не занимает, как мы видели, ключевого места в их представлении о родном Ярославле. Укажем, что подобная картина характерна еще для Владимира, Нижнего Новгорода. Можно предположить, что чем крупнее город и сложнее его современная жизнь, тем больше компонентов культуры новейшего времени входит в комплекс признаков, составляющих его идентичность. Древности оттесняются в сознании жителей на второй план, хотя из такого правила бывают исключения, на которых мы сейчас не останавливаемся.

В отличие от городов, названных выше, Белгород не располагает богатым материальным наследием, таким, как крупные памятники прошлого, традиционная застройка. Тем не менее, тема прошлого, знания и представления о местной истории занимают важное место в сознании горожан. Нематериальное наследие оказывается богаче материального. Возникшее несоответствие компенсируется, прежде всего, привлечением памятника, далеко расположенного от города – монумента Победы на Прохоровском поле. А память о более глубоком историческом слое, о важном городском мифе, потребовала закрепления в самом Белгороде созданием монумента князю Владимиру.

Необходимо остановиться и на теме затопленных городов. Это тоже примеры поселений с сильно выраженной идентичностью, причем в равной мере показательны и Калязин с его замечательной колокольней, и Молога, от которой на поверхности не осталось ничего. Нематериальное наследие превалирует во всех упомянутых примерах. При этом везде присутствует стремление материализовать память о разрушенном городе. В Мологе это связано с мOLOGским подворьем в Рыбинске, в Юрьевце – с созданием макетов утраченного почти на месте утраты.

Рассмотренные примеры показывают, насколько тесно связаны материальные и нематериальные составляющие городской идентичности, как важен анализ механизмов их взаимодействия. В частности, без такого анализа невозможно решение современных проблем охраны архитектурного наследия исторических городов.

Литература

1. Norberg-Schulz Chr. Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture. – New York, 1980. – P. 65

2. Согомонов, А. Ю. Современный город: стратегия идентичности // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html> (дата обращения: 04.04.2017)

3. Федотова, Н. Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // ПРАКСЕМА. – 2019. – № 2. – С. 42–62

4. Крупкин, П. Л., Лебедев, С. Д. К основаниям локальных идентичностей // Социологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 35–48

5. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля: итоговый аналитический отчет о результатах массовых опросов населения. – Москва, 2016. – 120 с.

6. Истомин, А. Г., Лебедев, С. Д. Локальная идентичность жителей города Белгорода: по материалам качественного исследования // Научный результат. Социология и управление. – 2015 – Том 1. – Вып. № 2. – С. 15–26

7. Раздорский, А. И. Письмо в редакцию по поводу «1000-летия» г. Белгорода // Отечественная история: научный журнал. – Москва. – 1997. – № 5. – С. 192–199

8. Мы здесь живем. Социальная антропология малого российского города. – Москва: РГГУ, 2013. – С. 283, 291–292

9. Данилов: вояж в прошлое. 13.08.2009. – URL: <https://www.otzyv.ru/read.php?id=59794> (дата обращения: 13.08.2019)

10. Музей МOLOGского края. – URL: <http://www.museum.ru/m2108> (дата обращения: 27.05.2020)

11. Герчук, Ю., Домшлаг, М. Художественные памятники Верхней Волги. – Москва: Искусство, 1968. – С. 54–61

12. Благоустроенная Русь. Посмотрите, как меняется Ивановская область. – URL: <https://strelkamag.com/ru/article/kak-menyaetsya-ivanovskaya-oblast> (дата обращения: 22.05.2020)

References

Blagoustroennaya Rus. Posmotrite kak menyaetsya Ivanovskaya oblast [Comfortable Russia. Look how the Ivanovo region changes] (n.d.). <https://strelkamag.com/ru/article/kak-menyaetsya-ivanovskaya-oblast>

Danilov: voyazh v proshloe [Danilov: travel to the past] (2009, August 13). <https://www.otzyv.ru/read.php?id=59794>

Fedotova, N.G. (2019). Vizualnye nositeli kulturnoy pamyati goroda (na primere Velikogo Novgoroda) [Visual carriers of city's cultural memory (based on the example of Velikiy Novgorod)]. PRAKSEMA, 2, 53.

Gerchuk, Yu., & Domshlag, M. (1968). Hudozhestvennye pamyatniki Verhney Volgi [Art monuments of Verhnaya Volga]. Moscow: "Iskusstvo".

Istomin, A.G., & Lebedev, S.D. (2015). Lokalnaya identichnost zhiteley goroda Belgoroda (po materialam kachestvennogo issledovaniya) [Local identity of Belgorod's citizens (based on materials of quality research)]. Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie. (Vol.1, issue 2).

Krupkin, P.L., & Lebedev, S.D. (2013). K osnovaniyam lokalnyh identichnostey [To the bases of local identities]. Sotsiologicheskiy zhurnal, 4, 35–48.

Muzey Mologskogo kraya [Museum of the Mologa region]. Muzei Rossii. <http://www.museum.ru/m2108>

My zdes zhivem. Sotsialnaya antropologiya malogo rossiyskogo goroda [We live here. Social anthropology of a small Russian town]. (2013). Moscow: RGGU.

Norberg-Schulz, Chr. (1980). Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture. New York.

Razdorский, A.I. (1997). Pismo v redaktsiyu po povodu «1000-letiya» g. Belgoroda [Letter to the editor on the occasion of Belgorod's 1000th anniversary]. Otechestvennaya istoriya: nauchny zhurnal, 5, 192–199. Moscow.

Sogomonov, A.Y. Sovremenny gorod: strategiya identichnosti [Contemporary city: strategy of identity]. Neprikosnovenny zapas, 2 (70). <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html>

Zadorin, I.V., Evstifeev R.V. et al. (2016). Gorodskie lokalnye identichnosti kak osnova formirovaniya ustoychivnyh mestnyh soobschestv. Issledovanie obshchegorodskiyh identichnostey zhiteley Vladimira, Smolenska, Yaroslavlya [Urban local identities as a basis of forming sustainable local communities. Study of common urban identities of Vladimir, Smolensk and Yaroslavl citizens]. Issledovatel'skaya gruppa TSIRKON. (pp. 90–101). Moscow.

Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.3. / The research was financed by means of the State Program of the Russian Federation “Development of Science and Technologies” for 2013–2020 within the framework of the Plan of Fundamental Scientific Research of the Ministry of Construction of Russia and the RAACS, the theme 1.2.3

В 1930-е годы на фоне быстро набиравшей обороты индустриализации особые надежды возлагались на централизованное управление градостроительством, противопоставленное своеобразию крупных промышленных ведомств. Наивысшим статусом в этот период обладал ВСКХ при ЦИК СССР. На основе изучения новых материалов, хранящихся в Государственном архиве РФ, автор показал, что даже управленческая структура общесоюзного уровня систематически испытывала трудности, парализовавшие ее работу в направлении планировки и реконструкции городов.

Ключевые слова: история градостроительства советского периода; планировка городов и промышленных районов; организация градостроительной деятельности; городское хозяйство.

In the 1930s, as industrialization gathered pace, great hopes were laid on the centralized management of town planning as opposed to the assertiveness of large industrial institutions. In that period, the All-Union Council of Utility Services of the USSR Central Executive Committee had the highest status. Studying new materials deposited in the RF State Archives, the author revealed that even the all-union management structure regularly experienced difficulties which paralyzed its urban planning and reconstruction activities.

Keywords: history of town planning in the Soviet period; planning of cities and industrial areas; town-planning activity; municipal economy.

Опыт централизованного управления советским градостроительством. 1931–1937 / Centralized management of Soviet town planning. 1931–1937

текст
Юлия Косенкова /
text
Julia Kosenkova

Светлой памяти Марка Григорьевича Мееровича /
In blessed memory of Mark Grigorievich Meerovich

Известный в истории советской архитектуры июньский пленум ЦК ВКП (б) 1931 г., на котором рассматривался доклад Л. М. Кагановича [1] принято считать поворотной точкой в истории советского градостроительства¹. Действительно, хотя вопрос о городском хозяйстве не был главным на этом пленуме и рассматривался среди других вопросов, предложения, содержащиеся в докладе, в материалах и решениях пленума, оказали весьма значительное влияние на дальнейший ход проектирования и застройки городов СССР.

Одним из следствий июньского пленума стала организация трех государственных структур, призванных вывести городское хозяйство страны на новый качественный уровень: Наркомата коммунального хозяйства РСФСР (НККХ)², Академии коммунального хозяйства при СНК РСФСР (АКХ)³ и Всесоюзного совета по коммунальному хозяйству при ЦИК СССР (ВСКХ)⁴. Все эти структуры в той или иной степени были по определению уполномочены руководить развитием советского градостроительства, поскольку по традиции, сформировавшейся до революции и в определенной степени продолженной в 1920-е годы, дело планировки и застройки городов рассматривалось как составляющая часть управления городским хозяйством.

Все три вновь созданные структуры, несмотря на очевидную, казалось бы, разницу в своих функциях и предназначении, на самом деле в значительной степени дублировали друг друга, обладали множественностью и в то же время неопределенностью функций. Так, Наркомат коммунального хозяйства, будучи сугубо управленческим органом, в значительной степени воспринял традиции научного отношения к городскому хозяйству и гуманитарного целеполагания, идущие от «старых специалистов», работавших еще в ГУКХ НКВД. Академия коммунального хозяйства, будучи по определению научной структурой, в то же время была наделена, по крайней мере, в соответствии с приданным ей статусом, определенными административными функциями, ей вменялось в обязанность координировать и направлять все научные разработки в этой отрасли, причем на уровне страны, а не только РСФСР. ВСКХ, будучи Советом при высшем органе власти в стране, обязан был разрабатывать стра-

тегическую направленность развития не только коммунального хозяйства и жилищного строительства, но также вопросов расселения, планировки и реконструкции городов, подготавливать соответствующие постановления ЦИК СССР и Совнаркома СССР. На деле же он был вынужден самостоятельно решать многие текущие управленческие вопросы, а также отчасти выполнять научные функции, анализируя складывающуюся обстановку.

Своеобразие организации деятельности ВСКХ

Неопределенность функций ВСКХ сказалась и на его структуре. Так, по постановлению Президиума ЦИК СССР от 09.12.1931 состав членов Совета был утвержден в количестве 75 (позднее 77) человек, его Президиум насчитывал 14 человек во главе с председателем А. П. Смирновым⁵ и тремя его заместителями: Н. П. Комаровым (в этот момент председателем Наркомата коммунального хозяйства РСФСР), Э. В. Лугановским, возглавлявшим Центральный коммунальный банк, финансировавший строительство «соцгородов» при новых предприятиях-гигантах, и С. Н. Власенко, одновременно занимавшим должность заместителя председателя строительного объединения ВСНХ РСФСР, вплоть до расформирования последнего в 1932 г. Личный состав Совета был достаточно пестрым и формировался, в основном, по такому же принципу «совместительства» из людей, занимавших в этот момент ответственные должности в самых разных отраслях. Многие из них не имели представления о проблемах коммунального хозяйства и просто в силу занятости не в состоянии были уделить должное внимание работе в ВСКХ.

Одного года работы Совета в таком составе было достаточно, чтобы убедиться в неработоспособности этой структуры. Так, уже в начале апреля 1933 г. новый председатель ВСКХ Н. А. Кубяк⁶ пишет письмо в ЦК ВКП (б) на имя Л. М. Кагановича, где указывает, что на I Пленуме Совета принимали участие только 26 его членов, а на II Пленуме – 12. Из 14 членов Президиума принимали участие в заседаниях 6–7 человек, многие не были на заседаниях ни разу [3]. Отсюда делался вывод о необходимости сократить состав Совета до 21–25 чел., а Президиума до 7–9 чел.

1. Пленум ЦК ВКП (б), проходивший 11–15 июня 1931 г., имел в повестке 3 темы: предварительные итоги сева и задачи уборочной кампании; железнодорожный транспорт и его очередные задачи и лишь последней – о московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР.

2. НККХ РСФСР был образован Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 20.07.1931. Наркомату были переданы функции существовавшего с 31.12.1930 Главного управления коммунального хозяйства (ГУКХ) при СНК РСФСР. В свою очередь, предшественником последнего было ГУКХ Наркомата внутренних дел РСФСР (НКВД), ликвидированного 15.12.1930.

В то же время штаты рабочего аппарата ВСКХ, на чьи плечи ложилась основная обязанность вести не только административную, но, по факту, и научную работу, подготавливать новые постановления ЦИК СССР в области коммунального хозяйства и градостроительства, выпускать инструкции, разъясняющие суть этих постановлений и пр., были ничтожно малы. Они также подвергались минимизации и перетряске: например, в январе 1932 г. структура состояла из 13 «секций», но уже в марте того же года осталось только 5 «секторов» и секретариат.

«Секция расселения, реконструкции и планировки населенных мест», как она изначально называлась, насчитывала 10 должностей, затем состав сократился до 8, а в декабре 1931 г. – до четырех единиц: 1 руководитель, 1 архитектор-планировщик, 1 экономист, 1 ученый лесовод-мелиоратор [4]. Но даже этой небольшой штат достаточно долго не заполнялся специалистами, поэтому в 1931–1932 гг. секцией по очереди «руководили» члены Президиума Совета, не имевшие к ее тематике никакого отношения⁷. При этом на секцию возлагались более чем ответственные задачи. Среди них – рассмотрение планов размещения новых населенных пунктов в связи с задачами индустриализации и коллективизации; разработка общих проблем строительства новых и реконструкции существующих населенных мест; разработка основных начал градостроительного законодательства; рассмотрение планов планировочных работ в союзных республиках; разработка мероприятий по землеустройству, мелиорации городских земель и развитию зеленых насаждений; рассмотрение планов промышленности по производству строительных материалов и оборудования и т. п. [6].

В сентябре 1932 г. в секцию планировки пришел на должность инженера проф. Н. Д. Ефремов⁸, в то время сотрудник Госплана РСФСР. В ноябре 1932 г. на должность заведующего планировочной секцией был назначен Ф. В. Попов⁹, личность практически неизвестная в истории советского градостроительства, но достаточно примечательная. Казалось бы, в разнообразии послужного списка бывшего красного командира и руководящего хозяйственного работника нет ничего необычного для того времени, но впечатляют энергия и компетентность, которые проявил Ф. В. Попов в этой новой для него сложнейшей сфере деятельности. С его появлением сдвинулся с места большой объем работы: уже в декабре 1932 г. в правительство была направлена разработка постановления, касавшегося порядка рассмотрения проектов городов с подробным предварительным анализом положения дел в проектировании и строительстве. Под его началом была создана комиссия по разработке градостроительных нормативов, к деятельности в которой были привлечены все известные тогда ученые и практики в этой области: В. А. Веснин, Г. В. Шеллейховский, И. С. Гуревич, Г. Д. Дубелир, С. М. Горный, М. Н. Петров, Д. И. Шейнис, М. Л. Мовшович, В. В. Воейков, А. Л. Стамо, И. И. Евтхихиев, А. А. Боровой и др. [8].

Конечно, разработка методологии и общесоюзных норм планировки и реконструкции городов начиналась не с нуля. В протоколе совещания у председателя ВСКХ А. П. Смирнова, где было принято это решение, прямо указывалось, что в основу должны быть положены разработки, сделанные крупными проектными организациями: украинским Гипроградом, московским Гипрогором и Стандартгорпроектком Наркомата тяжелой промышленности СССР (НКТП) [9]. Сроки разработки нормативных документов ставились крайне жесткие: авторская проработка всех материалов – 1 марта 1933 г., консультация и экспертиза – апрель 1933 г., общее редактирование и издание – 1 июня 1933 г. Однако дальнейшее развитие событий показало, что сосредоточить эту работу только

в ВСКХ не удастся. Разработка и издание разрозненных нормативных документов по градостроительству продолжалось как в проектных и научных институтах различной ведомственной принадлежности, так и в системе учреждений санитарно-гигиенического профиля.

Ежеквартальные планы работ сектора, состоявшего в основном из трех человек: Ф. В. Попова, Н. Д. Ефремова и [экон.?] А. М. Борщевского, включали в себя весьма значительный объем работ. Так, например, в 1936–1937 гг. это была работа по проведению регулярных совещаний проектно-планировочных организаций по обмену опытом планировки и реконструкции городов, подготовка постановлений по этим совещаниям, подготовка правительственных постановлений об упорядочении планировки городов, об ограничении малозащитного строительства, закона о порядке утверждения генеральных проектов планировки и издание к нему инструкции, а также инструкции о составе проектов планировки, инструкции о планировке жилых кварталов и др.; проведение с выездом «на места» экспертизы по проектам около 4–х десятков городов и деятельности нескольких региональных проектно-планировочных организаций, оказание технической помощи горсоветам по планировке; разработка и издание целого ряда нормативных документов; подготовка специального справочника по проектированию городов и пр. [10].

Но этим деятельность планировочного сектора ВСКХ не ограничивалась. В профессиональной печати публиковалось большое количество статей Ф. В. Попова и Н. Д. Ефремова с критикой повсеместно возникавших вопиющих недостатков в проектировании и застройке важнейших городов и новых промышленных, и реконструируемых.

Иногда степень хаоса в застройке новых промышленных городов доходила до такой степени, что ВСКХ вынужден был обращаться с просьбами о проверке «по линии ОГПУ», не является ли этот результат следствием «злого умысла» [11]. Так, например, особо крупные недостатки были выявлены при обследовании строительства соцгорода Нижнего Тагила и предприятий нижнетагильского промышленного комбината.

Несмотря на исключительную государственную важность этого строительства, в планировке его вскрыта чудовищная неразбериха, практически парализовавшая дальнейшую работу. В течение двух с лишним лет генеральный план размещения промышленных предприятий и соцгорода так и не был утвержден. Разработанные в бесчисленном количестве варианты планировок не вводились до конца. Одновременно огромное количество ведомственных застройщиков, расположенных в разных концах страны, возводили свои объекты, незаконно захватывая участки. В результате в планировке города были допущены крупнейшие ошибки как в размещении промышленных предприятий, так и в планировке соцгорода. Самовольное строительство на захваченных ведомствами участках, отведенных под другую застройку, наносило огромные убытки и не давало приступить к элементарному благоустройству. Не лучше обстояло дело и в других регионах, где велось важнейшее для государства гигантское промышленное строительство [12].

Опыт рефлексии: конференции или совещания?

В апреле 1933 г. Госпланом СССР была созвана первая Всесоюзная конференция по реконструкции городов и жилищно-коммунального хозяйства. Она имела целью выявить основные принципиальные положения и установки в области планирования жилищно-коммунального хозяйства и строительства во второй пятилетке. Большое значение для работы конференции имели вопросы теоретического порядка. Вызывало особое беспокойство

3. АКХ РСФСР была образована Постановлением СНК РСФСР от 28.08.1931.

4. Всесоюзный совет по коммунальному хозяйству был образован постановлением Президиума ЦИК СССР от 03.11.1931 [2].

5. Смирнов Александр Петрович (1877–1938) – видный советский партийный и государственный деятель, занимавший ряд ответственных постов. Имея значительный стаж революционной работы, критически относился к действиям руководства страны, коллективизации, пятилетнему плану. В ноябре 1932 против него были выдвинуты политические обвинения, он был снят с поста председателя ВСКХ, со всех партийных постов, заняв незначительную должность в системе Наркомата легкой промышленности СССР. В 1934 был исключен из партии, в 1938 осужден «за анти-советскую деятельность» и расстрелян. Реабилитирован в 1958.

6. Кубяк Николай Афанасьевич (1881–1937) – член РСДРП с 1902, участник многих революционных событий. Выдвиженец и сторонник Г. Е. Зиновьева, в ходе партийной борьбы выступивший против него. В 1933–1937 – председатель ВСКХ. По политическим мотивам был снят с этой должности и со всех партийных постов, исключен из партии и в ноябре 1937 расстрелян. Реабилитирован в 1956. Его заместитель С. Н. Васленко (1888–1963), исполнявший обязанности председателя ВСКХ в последние месяцы, был также арестован в 1938 и приговорен к отбыванию в лагере. Впоследствии реабилитирован.

7. Название сектора неоднократно варьировалось как в официальных документах, так и при рабочем использовании. Иногда доходило и до курьезных формулировок названия. Так, при утверждении новой структуры ВСКХ в 1933 секретариат ЦИК назвал ее «сектор планировки, социалистической реконструкции и расселения городов»; оно в последующем никогда не использовалось ни в одном документе [5].

8. Ефремов Николай Дмитриевич (1896/1897–1938). В настоящее время биографические сведения о нем крайне скудны. Известно, что он родился в Казани, в 1919 арестовывался как эсер, позднее был профессором Московского института инженеров коммунального хозяйства, сотрудником Госплана РСФСР. Затем полностью перешел на работу в ВСКХ. В феврале 1938 приговорен Тройкой УНКВД, расстрелян в июне 1938. Реабилитирован в 1956.

9. Попов Федор Всеволодович (1896 – ?). Если верить его краткой анкете, рабочий, происходил из крестьян-батраков, член ВКП (б) с 1917. С 1918 по 1926 воевал в Красной Армии, занимал значительные должности. 1927–1929 – член Президиума ВПК [Всесоюзного переселенческого комитета] при ЦИК СССР. С 1930 слушатель Института Красной профессуры. 1930–1931 – председатель Птицетреста Наркомзема РСФСР. В 1932 возглавил Инкубаторобъединение СССР, но в конце того же года при неясных обстоятельствах оказался руководителем секции планировки ВСКХ [7]. Проследить его судьбу после 1937 пока не удалось.

10. Проведение I съезда Союза советских архитекторов также неоднократно откладывалось. Съезд состоялся только 16–26 июня 1937.

11. Так, Ростов-на-Дону проектировался с 1925, Горький – с 1928, Воронеж с 1929, Ярославль с 1928 и т. п. К моменту проведения Всесоюзного совещания проекты планировки неоднократно переделывались и не были завершены.

12. Эта концепция была признана порочной и резко пересмотрена в первые годы послевоенного восстановительного строительства, когда наиболее экономичным вновь было объявлено малоэтажное строительство, не требовавшее сложной строительной техники, качественных строительных материалов, а зачастую и прокладки коммуникаций.

отсутствие до сих пор «марксистско-ленинской проработки вопросов» о направлениях и перспективах развития старых городов и о строительстве новых городов в СССР. В этой связи часто цитировался доклад Л. М. Кагановича на июньском пленуме ЦК ВКП (б) 1931 г.: «...» вопрос о городе и городском хозяйстве вышел уже сейчас за обычные рамки так называемого благоустройства, стал вопросом большого политического и экономического значения» [13]. Было вынесено решение о скорейшей подготовке специальной конференции по планировке городов с привлечением широкого круга специалистов.

В мае 1933 г. председатель ВСКХ Н. А. Кубяк обратился к секретарю ЦК ВКП (б), члену Президиума ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановичу, курировавшему архитектуру, с просьбой разрешить собрать в октябре того же года Всесоюзную конференцию по планировке городов. Предполагалось достаточно масштабное мероприятие, направленное на осмысление вопроса о том, что же такое социалистический город и как его нужно строить: на пленарном заседании ожидалось 4 доклада: социально-политические установки по планировке и социалистической реконструкции городов (Коммунистическая академия); анализ итогов планировки и перепланировки городов и задачи на 2-ю пятилетку (ВСКХ и содоклады проектных организаций); доклад о реконструкции жилого квартала (Ленинградский НИИ коммунального хозяйства – ЛНИИКХ); доклады о районной планировке (ВСКХ и Гипрогор). Для углубленной проработки вопросов Оргкомитет предполагал создать 9 секций, в тематике которых доминировал анализ всего комплекса факторов, влияющих на проектирование городов. Приглашались к участию 220–250 чел., из них 70% градостроителей-практиков, а также представители ведомств, в том числе из союзных республик. Продолжительность конференции предполагалась 7–8 дней. В ЦК была создана специальная комиссия по наблюдению за проведением этой конференции [14]. Оргкомитет конференции совместно с планировочными и научными организациями намечал издание ряда работ по планировке городов и промысленных районов, в том числе и «кустаровочных» исследований Коммунистической академии, рассматривавших проблемы расселения и планировки с позиций марксизма-ленинизма [15]. Планировочный сектор ВСКХ к началу конференции выпустил специальное издание справочного характера из семи выпусков, в котором коллектив авторов освещал наиболее важные аспекты развития советских городов: общие проблемы, естественные факторы планировки, сети обслуживания, техническое оборудование города, архитектурная организация города и др. [16].

Но уже с сентября 1933 г. начались изменения как в программе конференции, так и в сроках ее проведения. По указанию Л. М. Кагановича срок проведения сдвинулся на конец ноября, количество докладов и специализированных секций для обсуждения градостроительных вопросов уменьшилось, а тематика приобрела несколько иную направленность. Теперь на первый план вышли вопросы качества жилищного строительства, вопросы организации застройки городов в соответствии с уже разработанным проектом планировки и задачи архитектурного оформления городов.

Неожиданно в процесс подготовки конференции вмешался Госплан СССР, по чьей инициативе и созывалась конференция ВСКХ. В своем письме в Совет Труда и Обороны (СТО) Госплан указывал на недостаточность накопленного опыта, разнородность установок по районной планировке и градостроительству: «Особенно важно на этой конференции достичь такого освещения основных вопросов планировки, которое обеспечило бы изжитие наблюдающегося в настоящее время значительного отрыва проектных организаций

и разработанных ими проектов от реальных перспектив народно-хозяйственного развития» [17]. Поэтому конференцию предлагалось перенести на март-апрель 1934 г., когда все установки по районной планировке и планировке городов на 2-ю пятилетку якобы будут предварительно согласованы с Госпланом.

Но в ноябре 1934 г. конференция ВСКХ все еще не состоялась, поскольку выяснилось, что ее программа во многом совпадает с планировавшейся повесткой дня I съезда Союза советских архитекторов, особенно его секций¹⁰. Но поскольку программа конференции была уже отпечатана и разослана на места, Н. А. Кубяк в своем обращении в ЦК ВКП (б) к Л. М. Кагановичу предложил ограничить съезд архитекторов «только вопросами архитектуры, менее всего разработанными и очень актуальными» [18]. Однако вскоре должна была проводиться кампания перевыборов в Советы, поэтому он предложил перенести конференцию на конец января 1935 г.

В конечном итоге конференцию, названную теперь Первым всесоюзным совещанием по планировке городов, удалось собрать только в январе 1936 г. Такое переименование мероприятия не было случайным: «Цель его заключалась в том, чтобы на основе обмена опытом, широко развернутом в планировочных работах стахановские методы, улучшить дело планировки: сократить сроки проектирования, улучшить качество проектов, уменьшить их стоимость и т. д.» [19]. Важно это отметить: масштабная научная конференция, направленная на то, чтобы попытаться разобраться, что же такое социалистический город, в чем его отличие от города капиталистического, на каких принципах он должен развиваться, всего за 2,5 года трансформировалась в рабочее совещание, направленное на поиск наилучших способов выполнения текущих директив распорядительных органов, на устранение множества организационных недостатков при проектировании и строительстве. Все проблемы концептуального порядка отошли в тень. Всего на совещании было представлено 26 инженеров, 27 экономистов, 19 архитекторов, 4 врача и 5 человек «руководящего состава».

Основными обсуждаемыми вопросами были: затягивание сроков проектирования городов, их неудовлетворительное качество, высокая стоимость проектирования¹¹. Обсуждался также блок вопросов, касавшихся длительного прохождения проектов через многочисленные утверждающие инстанции: на каждой административной ступени проект задерживался от 5–7 месяцев до года, что также влекло за собой множество непроизводительных расходов. Резкой критике подвергся существующий порядок и критерии экспертизы планировочных проектов, часто не отвечавших издаваемым инструкциям. Порядок застройки городов, многочисленные нарушения горсоветами и ведомственными застройщиками отведения участков под жилищное и культурно-бытовое строительство вразрез с указаниями генерального плана также вызвали множество нареканий.

Плотность и этажность застройки также стали объектами внимания в докладах и дискуссии. Совещание отметило недопустимость малоэтажного строительства в городах, удорожающего стоимость коммуникаций и ведущего к экстенсивному освоению территории. Жилье дома в городах необходимо строить не ниже 4–5 этажей, а на главных магистралях – 6–8 этажей¹². Была также принята директива о снижении стоимости проектов планировки в 1936 г. по сравнению с предыдущим годом не менее, чем на 20%. Сектору планировки и социалистической реконструкции городов ВСКХ было, в частности, предложено в месячный срок собрать в планировочных организациях данные о нормах стоимости планировочных работ и на их основе разработать инструкцию «с учетом стахановских методов работы».

В марте 1937 г. предполагалось проведение Второго всесоюзного совещания по планировке городов с повесткой, исходящей из «текущих» вопросов и работы в режиме «пожарного» выезда на места специальных комиссий для исправления особо крупных недостатков [20].

Примечательная деталь: Всесоюзное совещание по планировке городов – практическое рабочее мероприятие, которое некоторые участники даже предлагали проводить каждый квартал, незадолго до его осуществления было вновь переименовано во Вторую всесоюзную конференцию по планировке городов. Это обстоятельство также представляется неслучайным. Ситуация, сложившаяся в коммунальном хозяйстве страны во второй половине 1930-х гг., была напрямую связана с политическими процессами, в частности, с процессом «Параллельного антисоветского троцкистского центра» в январе 1937 г., по которому проходили видные советские деятели. Последовавший за этим февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б) 1937 г. имел особое значение не только для истории «большого террора», но, в частности, и для коммунального хозяйства страны. Содержание почти всех докладов и выступлений в прениях на этом пленуме сводилось к тому, что страна наводнена «шпионами, диверсантами и вредителями», пролезшими на самые высокие посты.

Сразу после пленума начались поиски «врагов народа» и взаимные обвинения в том, что их злонамеренная деятельность не была вовремя вскрыта. Конференция по планировке городов попала по времени своего проведения в эпицентр этих событий. ВСКХ также был подвергнут критике: «Как могло случиться, <...> что в ВСКХ никто ни разу не просигнализировал нам об опасности, которая уже наступила в связи с вредительскими действиями на Донбассе. Почему ВСКХ не обмолвился ни одним словом по этому вопросу? Разве это не доказательство, что ВСКХ не оказывает нам надлежащего оперативного руководства?» [21]. Таким образом, все «текущие» организационные проблемы, обсуждавшиеся и на первом совещании 1936 г., были вновь переведены в идеологический регистр, как задумывалось еще в 1933 г., но на этот раз с отрицательным знаком.

Например, проблемой, особенно болезненно вышедшей на Второй конференции ВСКХ, стало строительство жилых районов для рабочих в непосредственной близости от производства. Еще в конце 1920-х гг., когда начиналось строительство «соцгородов», это подавалось как забота о рабочих, которые не должны преодолевать пешком значительные расстояния до места труда (отсутствие транспорта при этом воспринималось как нечто неизбежное). В условиях меняющейся градостроительной парадигмы, предполагавшей демонстрацию успехов в строительстве социалистических городов, заводские поселки, выстроенные вдали от благоустроенных городских магистралей и зачастую находившиеся в антисанитарных условиях, стали восприниматься поначалу как абсурд, а в условиях 1937 г. – как последствия сознательного вредительства.

Подтягивание научной базы

При всей активности членов сектора планировки и реконструкции городов ВСКХ по собиранию вокруг себя всех научных и проектных сил, это происходило скорее на уровне временного привлечения отдельных специалистов. На самом деле ВСКХ испытывал сильнейшую нужду в научных учреждениях, перед которыми можно было бы планомерно ставить определенные задачи. Однако в условиях дефицита научных кадров и их распыленности по ведомственной системе это было непросто. Так, в 1932 г. ВСКХ попытался переподчинить себе Академию коммунального хозяйства, имевшую республиканский статус. Там к этому времени

уже работал сектор «социалистической планировки населенных мест», во многом дублировавший деятельность планировочного сектора ВСКХ.

Заслушав отчет о работе АКХ в декабре 1932 г., президиум Всесоюзного Совета постановил обратиться в Президиум ЦИК СССР и СНК СССР с просьбой о преобразовании Академии коммунального хозяйства РСФСР во Всесоюзную научно-исследовательскую академию при ВСКХ. Академии предлагалось при согласовании научной тематики всех институтов коммунальной системы обеспечить полное отражение проблем, обозначенных ВСКХ [22]. Был подготовлен соответствующий проект правительственного постановления. Началась разработка Положения о Всесоюзной академии, сметы и сроков разворачивания работы как самой Академии, так и отраслевых институтов при ней, продумывались мероприятия по укреплению Академии и институтов соответствующими кадрами.

Но в результате этот проект так и не состоялся. Сейчас трудно судить, что именно произошло: документы, которые могли бы рассказать об этом, пока не выявлены, но можно предположить, что дело было во все более накалявшейся общей ситуации в градостроительстве и копившемся недовольстве работой самой АКХ. Академия подверглась разносной критике со стороны ВСКХ еще на Первом совещании 1936 г. не только за проект градостроительных нормативов, которые она разрабатывала самостоятельно по заданию правительства РСФСР, но и за отсутствие достаточного количества опубликованных теоретических и практических трудов по планировке городов [23].

Определенной опорной базой в разработке градостроительных проблем для ВСКХ могла бы стать Всесоюзная академия архитектуры, решение о создании которой было принято Политбюро ЦК ВКП (б) 14 октября 1933 г. и передано для дальнейшей разработки в Президиум ЦИК СССР. Академия архитектуры с самого начала была обозначена и как учебное, и как научно-исследовательское учреждение в области архитектуры [24]. Не случайно комиссию, которая занималась разработкой проектов основных организационных документов ВАА, возглавил президент ВСКХ Н. А. Кубяк и его заместитель, нарком коммунального хозяйства РСФСР Н. П. Комаров. Одним из первых в Академии архитектуры был образован научный Кабинет планировки населенных мест и садово-парковой архитектуры, однако направленность исследований его немногочисленных сотрудников была далека от насущных нужд градостроительной практики и в основном связана с композиционными проблемами архитектурных ансамблей.

Попытка реорганизации: от Совета к Наркомату

В первый период работы функции ВСКХ были предусмотрены лишь в форме разработки общих проблем развития городов и оказания содействия жилищному и коммунальному строительству. ВСКХ принимал меры по расширению своих полномочий в управлении градостроительством, начиная с 1934 г., несмотря на то, что в 1933 г. СНК СССР возложил на Совет ряд руководящих и оперативных функций, не предусмотренных Положением о ВСКХ 1931 г. Однако этих частичных мер оказалось недостаточно для организации надлежащего руководства и реальной помощи «на местах». С апреля по ноябрь 1934 г. в ВСКХ составлялись различные варианты обращения в Политбюро ЦК ВКП (б), в котором описывалось удручающее положение в коммунальном хозяйстве, планировке городов, жилищном строительстве. В обращении указывалось: чтобы обеспечить перестройку работы коммунальных органов, необходимо превратить ВСКХ в планово-оперативный орган Совнаркома СССР,

13. Никаких мотиваций ликвидации ВСКХ при ЦИК СССР в постановлении приведено не было. Его функции никому не передавались. Постановление состояло всего из одной строчки [27].

передать ему все материальные и технические средства, планируя и распределяя которые он мог бы руководить выполнением плана капитального строительства и организацией управления жилищным и коммунальным хозяйством. К письму прилагался проект постановления, по которому ВСКХ реорганизовывался во Всесоюзное Управление коммунальным хозяйством (ВУКХ) при СНК СССР с созданием при нем материально-технической базы строительства городов. ВУКХ по проекту предоставлялись соответствующие права объединенного наркомата СССР в отношении наркомхозов союзных республик [25].

Редактирование документа и переписка с Политбюро ЦК ВКП (б) по этому поводу продолжались до июля 1935 г. В последующие два года, до июня 1937 г., никаких документов о реорганизации ВСКХ из ЦК не поступало, о чем свидетельствовала специально составленная в ВСКХ справка [26]. Постановлением ЦИК СССР от 10 августа 1937 г. ВСКХ был ликвидирован¹³.

Следующая попытка организовать централизованное управление планировкой и застройкой городов была сделана лишь в сентябре 1943 г., когда был создан Комитет по делам архитектуры при СНК СССР. Он так же, как и ВСКХ, продержался около шести лет и был ликвидирован в июле 1949 г.

Литература

- Каганович, Л. М. За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР: доклад на пленуме ЦК ВКП (б) 15 июня 1931 г. // Коммунальное дело. – 1931. – № 7. – С. 42–91
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР/СЗ СССР/за 1931 год. № 67. Ст. 444
- ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 2. Д. 1. Л. 15
- ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 1. Д. 12. Л. 3
- ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 1. Д. 87. Л. 4
- ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 1. Д. 62. Л. 6–6 об
- ГАРФ. Ф. 7544. Д. 971. ЛЛ. 19–19 об
- ГАРФ. Ф. 7544. Д. 24. ЛЛ. 14–22 об
- ГАРФ. Ф. 7544. Д. 24. Л. 20
- ГАРФ. Ф. 7544. Д. 907. ЛЛ. 7–10, 19–20
- ГАРФ. Ф. 7544. Д. 5. ЛЛ. 18–19
- Попов, Ф. Ученье уроки планировки городов Кузбасса и Нижнего Тагила. Крепко ударить по бессистемности в планировке соцгородов // За социалистическую реконструкцию городов. – 1933. – № 1. – С. 39–40
- Ушаков, Н. М. К итогам Всесоюзной конференции по реконструкции городов и жилищно-коммунального хозяйства // За социалистическую реконструкцию городов. – 1933. – № 3. – С. 11–16
- ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 2. Д. 5. ЛЛ. 24–27
- В октябре созывается Всесоюзная конференция по планировке и социалистической реконструкции городов // За социалистическую реконструкцию городов. – 1933. – № 3. – С. 66
- Планировка и социалистическая реконструкция городов/Под ред. Ф. В. Попова, проф. Н. Д. Ефремова, А. М. Борщевского. – ВСКХ СССР, ОНТИ, Госстройиздат, 1934. – Вып. 1–7
- ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 2. Д. 5. ЛЛ. 28–29
- ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 2. Д. 5. ЛЛ. 209–211
- Попов, Ф. В. К итогам Первого всесоюзного совещания по планировке городов // Социалистический город. – 1936. – № 2. – С. 25–27
- Попов, Ф. Планировка городов: К Всесоюзному совещанию, созываемому Высшим советом коммун. хозяйства // Архитектурная газета. – 1937. – 12 фев. (№ 9). – С. 1; 18 фев. (№ 10). – С. 3
- Вторая всесоюзная конференция по планировке городов // Социалистический город. – 1937. – № 4. – С. 4–7
- ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 1. Д. 66. Л. 33
- Ефремов, Н. Д. О научно-исследовательской работе по планировке городов // Социалистический город. – 1936. – № 8. – С. 27–30

24. ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 1. Д. 87. Л. 28

25. ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 2. Д. 1. ЛЛ. 42–49

26. ГАРФ. Ф. 7544. Оп. 2. Д. 1. ЛЛ. 44–45

27. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением Делами СНК СССР. I отдел. – Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937. – 20 окт. (№ 67). Ст. 305. С. 621

References

- Kaganovich, L.M. (1931). Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu Moskvy i gorodov SSSR. Doklad na plenumе TSK VKP(b) 15 iyunya 1931 g. [For the socialist reconstruction of Moscow and the cities of the USSR. Report at the plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on June 15, 1931]. Kommunal'noye delo, 7, 42-91.
- Popov, F. (1933). Uchest' uroki planirovki gorodov Kuzbassa i Nizhnego Tagila. Krepkо udarit' po bessistemnosti v planirovke sotsgorodov [To take into account the planning lessons of the cities of Kuzbass and Nizhny Tagil. To hit hard on unsystematic planning of social cities]. Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu gorodov, 1, 39-40.
- Popov, F. V. (1936). K itogam Pervogo vsesoyuznogo soveshchaniya po planirovke gorodov [To the results of the First All-Union Meeting on Urban Planning]. Sotsialisticheskiy gorod, 2, 25-27.
- Popov F. (1937). Planirovka gorodov: K Vsesoyuznomu soveshchaniyu, sozyvayemomu Vysshim sovetom kommun. khozyaystva [City planning: To the All-Union Conference convened by the High Council of Municipal Engineering]. Arkhitekturnaya gazeta, 12 February, 9, 1; 18 February, 10, 3.
- Popov, F. V, Yefremov, N. D., & Borshchevsky, A. M. (Eds.) (1934). Planirovka i sotsialisticheskaya rekonstruktsiya gorodov [Planning and socialist reconstruction of the cities.]. Issue. 1-7. VSKKH SSSR. ONTI. Gosstroyizdat.
- SARF (State Archive of the Russian Federation). F. 7544, file 24, ll. 14-22 rev.
- SARF. F. 7544, file 907, ll. 7-10, 18-20.
- SARF. F. 7544, file 971, ll. 19-19 rev.
- SARF. F. 7544, inv. 1, file 12, l. 3.
- SARF. F. 7544, inv. 1, file 62, l. 6-6 rev.
- SARF. F. 7544, inv. 1, file 66, l. 33.
- SARF. F. 7544, inv. 1, file 87, ll. 4, 28.
- SARF. F. 7544, inv. 2, file 1, ll. 15, 42-49
- SARF. F. 7544, inv. 2, file 5, ll. 24-29, 209-211
- Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krestyanskogo Pravitelstva SSSR, izdavaemoe Upravleniem Delami SNK SSSR. I otdel. [Collection of laws and decrees of the Workers' and Peasants' Government of the USSR issued by the Administrative Department of the Council of People's Commissars of the USSR. Department I]. (1937, October 20). 67, art. 305, p. 621. Moscow: Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu SSSR.
- Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krestyanskogo Pravitelstva SSSR /SZ SSSR/ za 1931 god [Collection of laws and decrees of the Workers' and Peasants' Government of the USSR /Code of Laws/ for the year 1931] (n.d.). 67, 444.
- Ushakov, N. M. (1933). K itogam Vsesoyuznoy konferentsii po rekonstruktsii gorodov i zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva. [To the results of the All-Union Conference on the Reconstruction of Cities and Housing and Communal Services]. Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu gorodov, 3, 11-16.
- V oktyabre sozyvayetsya Vsesoyuznaya konferentsiya po planirovke i sotsialisticheskoy rekonstruktsii gorodov [In October, the All-Union Conference on the planning and socialist reconstruction of cities is convened.] (1933). Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu gorodov, 3, 66.
- Vtoraya vsesoyuznaya konferentsiya po planirovke gorodov [The Second All-Union Conference on Urban Planning] (1937). Sotsialisticheskiy gorod, 4, 4-7.
- Yefremov, N. D. (1936). O nauchno-issledovatel'skoy rabote po planirovke gorodov [On the research work on urban planning]. Sotsialisticheskiy gorod, 8, 27-30.

Прибраться в собственном доме, городе, регионе, стране – идея простая и правильная, но трудно выполнимая без любви, отсутствия которой – следствие неукорененности людей на своей земле. Пандемия коронавируса заставит пересмотреть отношение к своей земле, к малым городам и мегаполисам.

Ключевые слова: Земля; мегаполис; малый город; укорененность; гений места; любовь; пандемия коронавируса. /

To tidy up one's room, city, region or country is a simple and proper idea, though hardly realizable without love. The absence of this love is due to the unrootedness of people. The coronavirus pandemic will make people reconsider their attitude towards their land, small towns and metropolitan cities.

Keywords: Earth; metropolitan city; small town; rootedness; genius loci; love; coronavirus pandemic.

< Екатеринбург. Городок чекистов. Архитекторы И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов. 1929–1936. Памятник архитектуры федерального значения. Вид из окна во двор. Фото Леонида Салмина

Обидный призрак нелюбви / The bitter specter of dislike

Есть старый анекдот. Земля подлетает к Марсу и говорит: «Ох, что-то у меня неладно со здоровьем. Там чешется, тут язвы...» «Да, матушка, – отвечает Марс, – со мной такое было. Болезнь называется цивилизация. Встряхнись как следует – и пройдет!»

Земля задумалась. Пока решила полечиться новым вирусом. Пандемия остановила броуновское движение людей. Опустели города, не летают самолеты, стоят у причалов океанские лайнеры. Люди учатся работать в удаленном режиме, сидя в своих домах и квартирах.

Нет в Венеции *rolli* – куриц (так называют здесь туристов), закрыты рестораны, не принимают гостей отели... И вода в каналах стала чистой. На улицах курортных городков Турции гуляют дикие кабаны, на газонах пасутся овцы. Очистились пляжи. Жители индийских мегаполисов впервые за много лет увидели на горизонте горы. Фотографы делают уникальные снимки пустых городов. На них торжествующая Архитектура, о которой почти забыли в суете, заботясь о комфортной среде, зеленых фасадах и так далее, и так далее, и так далее...

Кардинальная перемена образа жизни, с одной стороны, порождает невроты и стрессы, но с другой – открывает и новые возможности.

Возможно, появлением вируса с красивым названием Covid-19 наша планета решила напомнить людям, что человеческая цивилизация хрупка, идеология общества потребления ведет в тупик, а мегаполисы – явление противоестественное. Нужна была пандемия, чтобы всем стало ясно, что нельзя бесконечно наращивать плотность населения на ограниченной территории, градостроительную политику необходимо переосмыслить, а малые города могут стать комфортным местом для проживания.

Это все так. Но людей, которые могут и хотели бы жить в небольших городках, до пандемии было не так уж и много. Страх, вызванный всепроникающей заразой, заставил многих задуматься о бегстве из мегаполисов и переселении «на природу». Нет, не в глухую деревню, конечно (хотя и такие идеи есть у некоторых). Лучше, чтобы рядом с новым местом жительства был древний монастырь или кремль, которые давно стали частью природы, домики XIX века, чистая речка с ухоженной набережной, песчаные пляжи... И, конечно, чтобы была

хорошая асфальтированная дорога, ведущая к мегаполису, куда можно в любое время приехать: посетить театр, поболеть за любимую футбольную команду, зайти в огромный магазин, да мало ли что еще...

Жизнь в малом городе представляется непременно в собственном доме, и воображение услужливо рисует стандартный образ: сад, терраса, гостиная с арочными окнами, камин, солнечные комнаты для детей... Кричат по утрам петухи, цветут яблони... Идиллия! Михаил Булгаков не мог придумать для Мастера, которому был дан покой, ничего лучше, как поселить его с Маргаритой в доме, оплетенном виноградом. Вероятно, это была и его мечта.

Социолог Эбенизер Говард, мечтавший о справедливости, еще в 1898 г. предложил экономическую идею автономных и самодостаточных поселений за чертой существующих городов, которые, по его мысли, должны были обеспечить людям достойное существование. Первое издание его книги, вышедшее в свет в 1898 г. под названием «Завтра», не привлекло внимания. Но когда во втором издании в 1903 г. он вынес в заглавие магическое слово «город-сад», идея сразу же стала обретать большое число сторонников. Идиллические образы жизни на природе захватили воображение людей по всему миру. Книга Говарда в первом десятилетии XX века расходилась миллионными тиражами. В России эта идея была подхвачена с энтузиазмом. Но экономическая модель Говарда, предполагающая бесплатное выделение земли государством и льготное кредитование, сразу забылась, осталась в тени. Говарда и поныне многие считают архитектором, а его схемы – эскизами генеральных планов новых экологических поселений.

Экономическая идея Говарда в начале XX века была неприемлема для того государственного строя, который существовал в Российской империи. Города-сады стали проектировать и строить крупные предприятия. Председатель правления Московско-Рязанской железной дороги Николай фон Мекк, сын Надежды Филаретовны фон Мекк, меценатки, покровительницы Петра Ильича Чайковского, в районе подмосковной станции Прозоровское задумал построить для работников железной дороги город-сад. Для разработки плана поселения были приглашены

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

^ Евпатория. Санаторий «Октябрь». Архитектор В. Турчанинов. 1940, 1955

^ Санаторий имени XX съезда КПСС (в настоящее время «Таврида»). Архитекторы И. Жолтовский, Ю. Юдин. 1956. Фото Николая Васильева

видные архитекторы: В. Н. Семенов, А. О. Таманян (Таманов), А. П. Иванецкий, В. А. Веснин. Начали строить – но в 1917 г. помешали обстоятельства непреодолимой силы.

Предполагалось, что в Барнауле после страшного пожара 2 мая 1917 г. для погорельцев построят город-сад. 23 октября 1917 г. Барнаульская городская дума утвердила генеральный план, разработанный с участием архитектора Ивана Носовича. Через два дня грянула Октябрьская революция.

Впоследствии о городах-садах часто вспоминали в порывах революционного романтизма начала 1920-х гг. Но новой власти такие поселения были не нужны [1]. Однако исподволь эта идея влияла и на советское градостроительство, правда, исключительно как расположение рядом с жилыми домами скверов, парков, бульваров. Именно таким образом идея города-сада была реализована в генеральном плане Еревана 1920–1924 гг., разработанном А. О. Таманяном и Н. Г. Буниняном. Опыт проектирования Прозоровского не был ими забыт [2].

Пандемия коронавируса сделала идею города-сада вновь актуальной. В какую форму выльется она в XXI веке – пока не очень понятно. Жить в собственном доме на природе мечтают многие. Но кроме удовольствия слушать пение птиц по утрам, человек, переселяясь «на природу», приобретает множество обязанностей. Он становится ответственным за землю, на которой стоит его дом, за растения и животных, то есть обретает корни.

Предположим, будет принято решение реанимировать малые города. Предположим, что часть жителей мегаполисов покинет подверженные заразе «человейники» и переселится в ... (назовите любой малый город на территории России). Но чем будут заняты переселенцы? Не все смогут работать on-line. Генеральная репетиция новой жизни, инициированная пандемией, показала, насколько это сложно и утомительно для многих.

Возрождение малых городов означает создание рабочих мест, развитие производства и... превращение со временем малого города в средний, а затем и в крупный. Предположим, там будут созданы современные роботизированные предприятия, но на таких предприятиях рабочих мест будет немного, и потребуются соответств-

ующий уровень культуры и образования людей. Список проблем можно множить. Большие города успешно решают проблемы занятости, образования и досуга. В малых городах эти проблемы только предстоит решать.

И все-таки самое время подумать о судьбе того места, где довелось жить. Многие не любят свой город и безразлично относятся к своему жилищу. Это понятно: они ежедневно видят коридоры улиц, забытые машинами, стены стандартных домов и квартир, обстановка в которых не отличается разнообразием.

Привычный образ жизни рухнул. Неизвестно, когда снова можно будет беспрепятственно путешествовать по планете. Неизвестно даже, когда можно будет безопасно поехать куда-нибудь в пределах России. Люди начинают вспоминать о земле, на которой они живут. Многие с удивлением узнают, что, оказывается, рядом есть красивейшие места и архитектурные шедевры, но почему-то они не ухожены, а иногда и просто загажены. Памятники архитектуры, достойные удивления, лежат в руинах, по берегам рек мусор...

Везде запустение. Прибраться в собственном доме, городе, регионе, стране – идея, казалось бы, простая и правильная, но... За этим «но» «<...> несуществующий, как вий, обидный призрак нелюбви» [3]. Он бродит по российской земле давно. Этот призрак провоцировал чеховских героев, мечтающих, что когда-нибудь они уедут далеко-далеко и будут там жить полноценной жизнью. Призрак манил «светлым будущим» в 20-х гг. XX века, обманывал энтузиастов 1930-х сначала тем, что бараки – это ненадолго, заводы и фабрики можно строить без очистных сооружений, говорил, что важно производить продукцию любой ценой; потом уверял, что панельные стандартные микрорайоны – это как раз то, что нужно. Сегодня этот призрак нащелтывает (властям? застройщикам? экономистам? урбанистам?), что тридцатизэтажные этажерки – это хорошо, просто замечательно, рационально, выгодно. Повышение плотности населения в исторических центрах городов необходимо. Да, выгодно, в основном тем, кто уже купил загородную виллу или дом на берегу моря и отгородился высоким забором от «нищербродов». Призрак нелюбви давно с ними дружен. И сколько бы ни говорили архитек-

^ Абхазия. Ткуарча (Ткварчели). Проспект Владислава Ардзинба. Конец 1940-х. Фото Николая Васильева

^ Абхазия. Ткуарча (Ткварчели). Проспект Владислава Ардзинба. Конец 1940-х. Фото Николая Васильева

торы-градостроители, что есть альтернатива высотному домостроению, что новостройки очень быстро превратятся в рассадник преступности и болезней, их голос не слышен. Еще в восьмидесятых годах XX века Юрий Петрович Бочаров в своих исследованиях пришел к выводу, что люди, живущие выше 9-го этажа, больше болеют [4, с. 173–176]. А что говорить о тех, кто вынужден будет жить на 20-м, ... 100-м этаже? Но если будут болеть жители «человейников», то неизбежно зараза перекинется и на обитателей элитных поселков.

Covid-19 наглядно показал, где заболеваемость выше – в многоэтажных жилых комплексах нового поколения, в сталинской и хрущевской пятиэтажной застройке или в малоэтажных домах. Не нужно даже проводить специальные исследования: ответ очевиден.

Извечный спор урбанистов и дезурбанистов начался в незапамятные времена. Франческо Петрарка в подтверждение своей мысли о противостественности жизни в городе цитирует стихи Гая Валерия Флакка, римского поэта и писателя I века: «Хором хвалят поэты леса – города ненавидят». Сам он о городах середины XIV века отзывался так: «Кто в состоянии изобразить словами узкие зловонные улицы, вызывающие тошноту, стаи бешеных собак попеременно с гнусными свиньями, грохот колес, сотрясающий стены, кареты четверней, внезапно выезжающие из боковых переулков и загораживающие дорогу, эту разношерстную толпу <...>» [5, с. 389–390]. Но, кляня неудобства, и Петрарка, и его друзья, тем не менее, жили в городах – преимущественно городской жизни переживали недостатки.

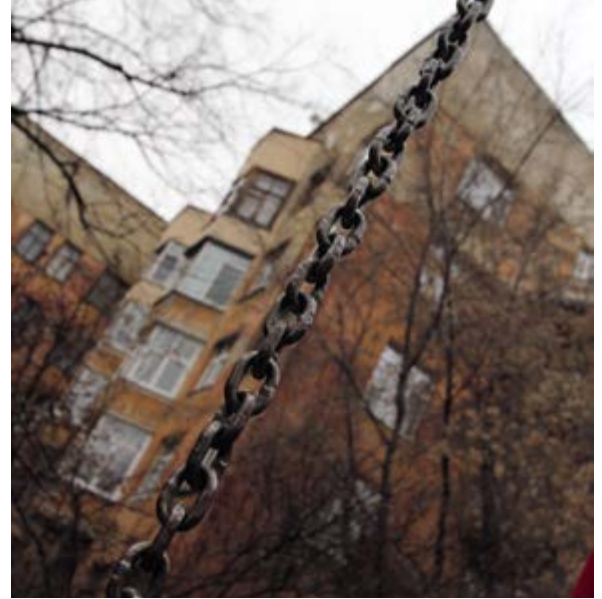
Мистические рыцарские и готические романы XIX века романтизировали средневековые города, к концу XIX века уже изрядно очищенные от нечистот. Многие сегодня с грустью говорят, что реконструкции XIX века разрушили древний Париж. Но именно тогда, в XIX веке Париж приобрел все свои знаменитые имперские ансамбли.

В 1853 г., став префектом департамента Сены, Жорж Эжен Осман, немец по происхождению, чья фамилия на родном языке звучала как Хаусманн, энергично принялся за дело. И Париж, потеряв средневековую застройку, был преобразен. Готический аромат столица Франции утратила [6]. Многие города Европы сохранили

его до сих пор. Все уже давно забыли об антисанитарии и эпидемиях, царивших в Праге, Брюгге, Париже и Реймсе. Ныне восхищает человеческий масштаб средневековой застройки, натуральный камень стен, уют домов, тесно прижавшихся друг к другу... Местные жители работают, в основном, в индустрии туризма, показывая древности стосковавшимся по человеческому масштабу и исторической архитектуре путешественникам. А если туристов не будет?

Принц Уэльский Чарльз, думая, вероятно, что будет инициатором уникального градостроительного эксперимента, заказал в 1989 году Леону Крие создать план образцового города Паундбери (Poundbury) в Дорчестере, образцом для которого должны были послужить средневековые английские поселения [7]. По этому плану в Паундбери не предусмотрено разделение на жилые, деловые и досуговые сектора застройки, преобладают малоэтажные дома, постмодернистский пафос которых кажется сегодня наивным. И принц Чарльз, и Леон Крие искренне верили, что этот «старо-новый» градостроительный принцип спасет мир. Верил в свое время и Эбенизер Говард, что города-сады будут альтернативным элементом расселения и спасут мир.

В СССР в рамках дискуссии урбанистов и дезурбанистов, развернувшейся на страницах журнала «Современная архитектура» в 1930 г. [8], было высказано множество интересных идей, предложены смелые концептуальные проекты. Многие из них не утратили актуальности. Не буду в духе Д. С. Хмельницкого обсуждать причины закрытия журнала конструктивистов и прекращения дискуссии. Их проекты остались на бумаге, но эта работа не пропала даром. Ключевым вопросом, который был поставлен в первом номере СА 1930 г., был вопрос: «Куда идти?» И возможный ответ на него: «Разгрузить город! Перестроить деревню. Передых натруженному транспорту. Заменять старое жилище новым, вгрызаясь жадно в опыт мировой техники. Куда идти – Вперед!» [8, с. 4–6]. Есть в этом журнале мысли о том, что «город – форма расселения», что большой городской дом – «вертикальная форма скученности жилищ, но не жилище» [8, с. 11]. О превращении Москвы в «зеленый город» писали М. О. Барц и М. Я. Гинзбург. Леонид Пастернак говорил

40

^ Екатеринбург. Городок чекистов. Архитекторы И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов. 1929–1936. Памятник культуры федерального значения. Граффити. Фото Леонида Салмина

о том, что противоречия современных городов будут изжиты, если «<...> сможет не быть ни города, ни деревни, как противопоставляемых качественных антиподов <...>» [8, с. 57]. С этими положениями и сейчас никто спорить не будет. Но как в 1930-м, так и в 2020 году нет однозначных ответов для решения проблем как малых, так и крупных городов. И если в 1930-м были еще иллюзии о возможности коммунистического переустройства мира, а, следовательно, и оздоровлении городов на основе отмены частной собственности на землю и пр., то в 2020-м иллюзии давно испарились, а проблемы остались.

Во многом идеи «НЭР» – нового элемента расселения, предложенные И. Лежавой и А. Гутновым в начале 1960-х гг., идеи линейных городов опираются на разработку Барща, Гинзбурга, Владимирова, Леонидова, Охитовича 1920–1930-х гг. [9]. Эти проекты тоже остались на бумаге.

Как правило, градостроительные теории абстрактны, не привязаны ни к конкретным ландшафтам, ни к регионам. Только любовь людей к земле, на которой они строят свои города и дома, оживляет эти абстракции, и поселения обретают индивидуальность.

В 1930-х гг. наша страна пошла по пути урбанизации, в ходе которой были уничтожены уникальные ландшафты и изуродованы многие исторические города. Власть в то время меньше всего думала о комфортном расселении, о земле. Люди оказались оторванными от своих родных мест. Призрак нелюбви торжествовал.

Архитектурная декорация благоденствия, которого не было и не могло быть в 1930–1950-е гг. в СССР, занимала умы политической элиты, и эта декорация была построена. Торжественные площади, дома с портиками и колоннами и ныне радуют ценителей классицистической архитектуры. Это был триумф каменной монументальной архитектуры. Декорации благоденствия строились на века замечательными мастерами из настоящих материалов. Пышная архитектура сталинского ампира была подобна мраморным сценам античных амфитеатров, которые служили фоном для разыгрывания трагедий и комедий. И неважно, что за пышными фасадами, которые проектировали И. В. Жолтовский и его коллеги, скрывались скромные квартирники или общежития.

Монументальная Архитектура 1930–1950-х гг. уникальна, какую бы идеологическую окраску она не имела в прошлом.

Архитектура рождается в рамках определенной идеологии, но ее достоинства и недостатки не определяются идеологией. В условиях тоталитарной диктатуры могут родиться уникальные архитектурные шедевры. Не зависит качество архитектуры от того, в каких условиях ее создавал архитектор, был ли он крепостным или советским служащим.

Сегодня «призрак нелюбви» витает над постройками 1930–1950-х гг. Многие уже утрачено. И мы можем высказывать сколь угодно тонкие суждения по поводу палладианских прототипов в постройках Жолтовского и Гольца – все это останется в узком профессиональном кругу. Рядом с шедеврами сталинского ампира растут высотки, отнимая у них небо. Выверенные изысканные силуэты архитектурных ансамблей Москвы, Нижнего Новгорода, Иркутска и прочих столичных и нестоличных городов исчезают. Их убивает не только и не столько время, сколько фоновая застройка и непонимание ценности этих домов и ансамблей.

Проблема нездоровья городов стояла во все времена. И будет ли в первой четверти XXI века градостроительная мысль обращена к идее расселения в малых городах, будет ли сделана очередная попытка вылечить мегаполисы – пока никто не знает.

В мире, преодолевшем планетарную заразу, проблема выживания мегаполисов встанет очень остро. Нельзя сказать, что этим не занимались до сегодняшнего планетарного кризиса.

Предлагаются различные урбанистические конструкции и модели. Родилось огромное количество новых терминов. Но какие бы термины ни употребляли теоретики, в любом случае объединяющими началами их теорий являются земля и архитектура, возникшая на этой земле. Культ *genius loci* – духа любви к своей земле – начинает распространяться. Но обидный призрак нелюбви очень силен. И он заражает людей эффективнее, чем коронавирус.

Архитекторам, искусствоведам, историкам ближе всего понятие города как природно-культурного явления с уни-

кальными ландшафтами, мифологией, местными промыслами, архитектурой. Но чтобы на данном ландшафте и в данном климате возникли поселения с самобытной культурой и архитектурой, нужна укорененность людей в этом месте. Стихотворение Пушкина «Два чувства дивно близки нам» именно об этом. Обыкновенно оно печаталось без последних строф, где говорится о том, что любовь к своей земле, где жили поколения предков и к своему дому – «животворящая святыня» [10].

В XX веке сформировалась тенденция разрушения традиционных связей людей с «родными пепелищами». Неужоженная земля и мертвые деревни – следствие этого процесса. Эта тенденция была характерна для страны Советов, где основой идеологии был разрыв с прошлым, построение «нового мира» и «нового человека», вера в «светлое будущее». Но вот парадокс – образы «светлого будущего» в 1930–1950-х гг. рисовались на фоне ордерной традиционной архитектуры. И в то же время разрушались старинные церкви, усадьбы, дворцы, монастыри.

Многие семьи в XX веке в СССР меняли место жительства не по своей воле. Мой дед родился в Кирове (Вятке), окончил Пермский университет, затем аспирантуру в Москве; его, молодого кандидата наук, послали работать в Свердловск (Екатеринбург), затем он работал в Орджоникидзе (Владикавказе), потом снова оказался в Кирове (Вятке), затем в Костроме.

Почему семья моего деда кочевала по стране – отдельная история. Важно то, что в родные места он не вернулся. Разъехались во все концы страны и его сыновья. Есть и более трагические истории отрыва людей от родной земли. Стоит ли удивляться, что потомки не испытывают никаких чувств к «родным пепелищам», не обустриваются надолго в одном месте? Сегодня уехать из России хотят многие молодые люди. Как бы ни лукавили с цифрами разнонаправленные СМИ, тенденция эта есть. Многие уезжают и становятся «гражданами мира».

Существует растение степных и пустынных районов; его высохшие части, оторвавшись от корней, образуют шары, которые катятся по ветру и рассеивают семена. В переносном смысле под «перекати-полем» подразумевают людей, которые постоянно кочуют с места на место. В этом значении «tumbleweed» – перекати-поле – часто встречается в американской фолк-музыке и музыке кантри. Не случайно в стране иммигрантов бродяги-супермены – частые герои голливудских фильмов.

В Сибири перекати-поле называют «катун». Множество «катунов» сегодня не прочь оказаться в Москве, Петербурге или в Краснодарском крае... По данным ВЦИОМ на 10 декабря 2019 г., это почти четверть россиян [11]. Что же их гонит по миру? Жажда жизни? Мечты о путешествиях? Эти «мечтатели» нередко покупают «квадратные метры» в многоэтажных элитных «Новой Москвы», на окраинах Петербурга или Екатеринбурга. Полюбят ли они эти большие города – вопрос. «Обидный призрак нелюбви» поселился в их сердцах с рождения. Они не сумели полюбить свои родные города и поселки.

Сложная это история – обретение корней, но без них нет любви к своей земле. Есть немало примеров, когда цветущая земля становится мертвой только потому, что на ней селятся люди, для которых она чужая.

> Екатеринбург. Городок
чекистов. Архитекторы
И. Антонов,
В. Соколов, А. Тумбасов.
1929–1936
Памятник культуры
федерального значения.
Двор. Фото Леонида
Салмина

Планета пригрозила человеческой цивилизации, породив страшный вирус. Города уже несколько месяцев живут в условиях карантина. Мечта о том, что скоро жизнь наладится и все будет как прежде – иллюзия. «Как прежде» – уже никогда не будет, и города вынуждены будут измениться.

Литература

1. Меерович, М. Г. Рождение и смерть города-сада: Градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. (От идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – 340 с.
2. Арустамян, М. А., Багина, Е. Ю. Ереван-1924: генеральный план // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 114–122
3. Пастернак, Борис. Стихи мои, бегом, бегом... – URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=53398> (дата обращения: 03.06.2020)
4. Бочаров, Ю. П. Доступно ли комфортное жилье россиянам? // Проект Россия. – 2007. – № 2/44. – С. 173–176
5. Петрарка, Ф. Лирика. Автобиографическая проза. – Москва : Правда, 1989. – 478 с. : ил.
6. Александр Беленький. Париж, разрушенный Османом. Как реновировали французскую столицу. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3293747> (дата обращения: 10.06.2020)
7. Паундбери. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%83%D0%BD%D0%B4%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B8> (дата обращения: 13.06.2020)
8. Современная архитектура (СА). – 1930. – № 1–2. – Москва : Объединение современных архитекторов (ОСА). Главное управление научными учреждениями. Государственное издательство. – 66 с. – URL: http://science.totalarch.com/magazine/ca/1930_01_02.rar (дата обращения: 10.06.2020)
9. Гутнов, А. Э., Лежава, И. Г. Будущее города. – Москва : Стройиздат, 1977. – 126 с.
10. Пушкин, А. С. Два чувства дивно близки нам. – URL: <https://omiliya.org/article/dva-chuvstva-divno-blizki-nam-a-pushkin> (дата обращения: 10.04.2020)
11. Инфографика по теме «Иммиграция и эмиграция. Приезжие. Ксенофобия»: «Охота к перемене мест: зачем и почему?» – 30.10.2019. – № 4091. – URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/migration.html> (дата обращения: 10.04.2020)

References

- Arustamyan, M., & Bagina, E. (2020). Yerevan 1924: master plan. Project Baikal, 17(65), 120-128.
- Belenkiy, A. (2017, May 11). Parizh, razrushennyi Osmanom. Kak renovirovali frantsuzskuyu stolitsu [Paris destroyed by Ottoman. How the French capital was renovated]. Retrieved June 10, 2020, from <https://www.kommersant.ru/doc/3293747>
- Bocharov, Yu. P. (1981). Problemy kompleksnogo razvitiya gradostroitelstva. Moscow: Stroiizdat.
- Gutnov, A. E., & Lezhava, I. G. (1977). Budushchee goroda [Future of the city]. Moscow: Stroiizdat.
- Meerovich, M. G. (2008). Rozhdenie i smert goroda-sada: Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1917-1926 gg. (Ot idei poseleniya-sada k sovetskomu rabochemu poselku) [The birth and the death of the garden city: Town-planning policy in the USSR. 1917-1926. (From the idea of a garden-settlement to a Soviet workers' settlement)]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU.
- Okhota k peremene mest: zachem i pochemu? [Desire to change locations: what for and why?]. . (2019, October 30). Infografika po teme "Immigratsiya i emigratsiya. Priezzhie. Ksenofobiya". Retrieved April 10, 2020, from <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/migration.html>
- Pasternak, B. (n.d.). Stikhi moi, begom, begom... [My poems, at a run, at a run]. Retrieved June 3, 2020, from <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=53398>
- Petrarka, F. (1989). Lirika. Avtobiograficheskaya proza [Lyrics. Autobiographical prose]. Moscow: Pravda.
- Poundbury. (n.d.). Retrieved June 13, 2020, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%83%D0%BD%D0%B4%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B8>
- Pushkin, A. S. (2016, February 18). Dva chuvstva divno blizki nam [Two feelings wonderfully close to us]. Retrieved April 4, 2020, from <https://omiliya.org/article/dva-chuvstva-divno-blizki-nam-a-pushkin>
- Sovremennaya arkhitektura (SA) (1930), 1-2. Moscow: Obyedinenie sovremennykh arkhitektorov (OSA). Glavnoe upravlenie nauchnymi uchrezhdeniyami. Gosudarstvennoe izdatelstvo. Retrieved June 10, 2020, from http://science.totalarch.com/magazine/ca/1930_01_02.rar

Малые и исторические города – воплощение провинциальности во всех смыслах этого слова. В подборке материалов мы собрали примеры типичных ситуаций, в которых малые и провинциальные города да находятся сегодня. Во многих городах поиски локальной идентичности только начинаются, и их результаты пока еще выглядят очень спорно и разрознено: ведь внятной методики такого поиска нет. Возможно, неповторимое «лицо» города следует искать в его истории, в объектах с богатой биографией, как в черноземном Борисоглебске? Или надо сосредоточить внимание на одном-единственном уникальном объекте (енисейское Бараново)? Или надо обратиться к славным страницам прошлой славы города – легендарным ярмаркам или уникальным производством (уральский Ирбит)? Вопросы жгуче-актуальные, в том числе и для городов относительно крупных (но все же провинциальных).

Константин Лидин

Small and historic towns reflect provinciality in every sense of the word. The collection of the materials presents today's typical cases of small and provincial towns. In many towns, the search of local identity has just started, and its results are still rather questionable, because of the lack of an appropriate method. Should we search for a unique "face" of the town in its history and its sites with rich biography, like in black-earth Borisoglebsk? Or should we focus on the only unique object (Baranovo on the Yenisei)? Or should we look back upon the town's glorious past – its legendary fairs or unique production (Irbit in Ural)? These questions are also urgent for relatively big cities (but yet provincial).

Konstantin Lidin

Борисоглебск – районный центр Воронежской области, характерный провинциальный город Черноземного региона России. Обладая бурной историей, он сумел сохранить многое из своих исторических и культурных богатств. Сегодня этот малый город «застыл» в преддверии ожидаемых изменений. Изменения грядут с приходом масштабных нацпроектов, со строительными инициативами, с общей тенденцией к благоустройству и современному дизайну. Обсуждается мера адекватности возможных стратегий развития ценностям городской ткани, сотканной долгим и неспешным накоплением качеств «по месту».

Ключевые слова: малый город; исторический город; Борисоглебск; целостность среды; идентичность места обитания; инструменты городского развития. /

Borisoglebsk is a district center in the Voronezh region, a typical provincial town in the Black Earth region of Russia. Despite its turbulent history, the town managed to save most of its historical and cultural wealth. Today this small town is “frozen” in anticipation of upcoming changes. The changes are coming together with large-scale national projects, building initiatives and the general tendency towards improvements and contemporary design. The authors discuss the measure of adequacy of possible development strategies for the values of the urban fabric woven by a long and slow accumulation of qualities “in situ”.

Keywords: small town; historic town; Borisoglebsk; integrity of the environment; identity of the habitat; tools of urban development.

^ Рис. 1. Вид на город Борисоглебск. Фото с сайта <https://gorodarus.ru/borisoglebsk.html> (дата обращения: 20.05.2020)

Борисоглебск. Идентичность малого города / Borisoglebsk. Identity of a small town

ТЕКСТ

Петр Капустин
Денис Асташов /
text
Petr Kapustin
Denis Astashov

Малые города не случайно привлекают сегодня к себе все более пристальное внимание [1]. Они – не только своеобразные заповедники народной души; ими, а отнюдь не крупными и крупнейшими городами, центрами экономики, политики и культуры, удерживается идентичность национального ландшафта, а вместе с ландшафтом и глубинная нить культурного самочувствия страны, без которой теряют смысл всякая экономика и всякая политика. Малые города России сегодня переполнены проблемами и ожиданиями, они существуют на тонкой грани возможного исчезновения, но и столь же возможного возрождения. Нарушить их феноменальную атмосферу нетрудно: достаточно лишь привнесения усредненного «блага», уже не раз приводившего к печальным последствиям. Для этого даже не надо сносить памятники: хватит и одного типового благоустройства. Между тем, их атмосфера – среда – отчетливо осознается сегодня как национальное культурное, художественное и духовное достояние. Являя нам примеры целостности, стойкости и простодушной мудрости, они, как никакие иные урбанистические или проектные поводы, заставляют подвергнуть кардинальной ревизии наличествующие у нас средства и методы работы.

Идентичность и целостность

Вопрос целостности городской среды остается актуальным на протяжении всего времени существования понятия «городская среда». Очевидно, что в случае исторической городской среды речь не может идти о композиционной монолитности или о стилевой монополии; исторические города, в т. ч. малые, разностильны, коллажны, даже «лоскутны». Феномен целостности в таких организованных сложен, нередко парадоксален; он требует не ансамблевого, но именно средового мышления – эти открытия сделаны давно, в 1970–1980-е годы [см. 2, 3], но они, кажется, до сих пор не стали достоянием массового профессионального сознания. В процессе эволюционного развития городов проблема сохранения целостности выходит на первый план, так как в настоящее время все еще сохраняющийся волюнтаристский образ мышления, новые эстетически агрессивные строительные материалы и, наконец, передовые

технологии строительства, позволяющие в сжатые сроки возводить здания (быстрее, чем возникает общественное осознание их ненужности или недопустимости), создают благоприятную почву для существования поверхностного отношения к городской среде, к ее хрупким ценностным аспектам. И в итоге – к ее идентичности.

Город – это палимпсест, интегральный результат взаимодействия времени и места. В форме города отражаются процессы, происходящие в определенное время в конкретном месте. Осознание того, что городская среда – это не просто набор материальных элементов, помещенных в одно пространство и выполняющих определенные функции, но «живое», целостное образование, обладающее определенным духовным потенциалом, которое имеет свою «душу», отражает ментальность и образ жизни населения, стоит рассматривать, пожалуй, как центральное условие гуманизации архитектурно-градостроительной деятельности сегодня.

Темы целостности и идентичности близки: ими может быть схвачена экзистенциальная атмосфера живых и осмысленных мест обитания, резко отличающая их от выморочных, неинтересных даже самим обитателям, в итоге – неизбежно умирающих территорий. Живые города, подобные Борисоглебску, каким-то чудесным образом возвращают способность социума выйти за рамки примитивного, приземленного, обыденного образа жизни, удовлетворяющего только телесные потребности человека, в мир, где жизнь человека наполняется смыслом, аккумулирующем в себе потенцию и стремления души к творчеству. Это формирует принципиально другой образ жизни населения, а образ жизни – одна из составляющих «души» города.

Синонимами понятия целостности традиционно рассматриваются понятия единство, неразделимость, слитность, полнота, неразрывность, всеобщность, завершенность, тотальность... Среди этого ряда синонимов есть верные, или, по крайней мере, не противоречащие природе средовой целостности (единство, неразделимость, слитность), но есть и те, что привносят в понятие чуждые для нашей темы коннотации. Городская среда – это постоянно развивающаяся, пульсирующая, изменяющаяся субстанция, которая не может обладать ни полнотой,

^ Рис. 2. В здании XIX в. сейчас разместился филиал Воронежского госуниверситета. Фото Studio47.ru

^ Рис. 3. Железнодорожный вокзал. Введен в эксплуатацию в 1871. Фото 1920-х

ни завершенностью. Тем более опасно отождествлять целостность со всеобщностью или тотальностью.

Обладая несомненными типическими чертами, среда малых городов России ценна именно своей индивидуальностью, несводимостью к другим средам, другим местам.

Борисоглебск как он есть

Борисоглебск эволюционировал от крепости, поставленной в 1698 г. на границе государства Российского, как пишет летописец, «для береженья от набегов беспокойных крымских, азовских и ногайских людей». Крепость окружал выразительный природный ландшафт: реки Ворона и Хопёр омывали просторное плато, позволявшее расти поселению. Расцвет города начинается в эпоху Петра Великого: в проекте покорения Азова Борисоглебск становится центром заготовки корабельного леса для постройки каботажного флота, появляется и своя корабельная верфь. Развивается промышленность и ремесла, город привлекает множество торгового и рабочего люда, а также квалифицированных специалистов. В 1708 г. при первом разделении страны на губернии он отходит к Азовской губернии, чем подчеркивается его военное и морское значение. Во второй половине XVIII в. Борисоглебск постепенно теряет оборонное и кораблестроительное значение, превращается в торговый город, где два раза в год проходили ярмарки. Удачное расположение на пересечении торговых путей – трактов и судоходных рек – быстро сделало Борисоглебск узлом предпринимательской активности. К началу XIX в. в городе насчитывалось 34 завода и фабрики. Город ориентировался в основном на производственную сферу, что давало населению рабочие места и относительное процветание. После строительства железной дороги город быстрыми темпами стал расширяться и развиваться. Динамично меняется характер среды, так как городские границы значительно расширились. Растет внимание к городу у губернских и центральных властей. Появляются интересные, адресные постройки общественного и жилого назначения, до наших времен определяющие восприятие городского пространства.

Наличие собственных кадров и возникновение местной традиции средообразования существенно сказались

на истории и облике Борисоглебска. Есть основания говорить о некоем «генетическом коде», воспроизводящемся в поколениях, узнаваемом во многих генпланах города [4]. Формируется довольно устойчивая преемственность развития планировочной структуры города, к основным особенностям которой можно отнести:

- сохранение регулярной планировки города;
  - сохранение в различных планах города выходов широтных улиц к реке Вороне;
  - подчинение набережных улиц тектонике ландшафта;
  - сохранение основной структурной и композиционной оси города – городского бульвара (сегодня – ул. Свободы);
  - сохранение значения [5] пересечений основных улиц (ул. Матросовской, Советской и Линейной с ул. Свободы) в качестве узловых точек городского композиционного каркаса;
  - преемственность масштаба и детализации застройки, значительный вес в образе города произведений декоративно-прикладного искусства и художественных ремесел.
- Не обошлось и без утрат, произошедших по разным причинам в течение прошедших десятилетий. Основными структурно-планировочными и образно-тектоническими утратами являются:
- разрушение Сретенского храма – основной тектонической и духовно-ценностной доминанты города;
  - снос храма Преображения и, как следствие, разрушение «сакрального треугольника» городского центра, нарушение тектоники главного «фасада» города;
  - застройка площадей Сенной, Дровяной, Хлебной, Торговой (Новособорной).

Исследования малых и средних городов Черноземного региона показывают, что культовые сооружения продолжают доминировать и формировать композиционный каркас города. Например, в силуэте города Боброва акцентно-доминантную роль выполняет культовое сооружение. И в г. Новохоперске в городской панораме доминирующую роль играет храм. В г. Анне храм не столько формирует силуэт города, сколько носит композиционно-доминантный характер в контексте городской среды, является центром функционально-планировочной струк-

^ Рис. 4. Народный дом. Построен в 1915 на средства купца Ефима Дмитриевича Мягкова. Фото начала XX века

> Рис. 5. Драмтеатр им. Н. Г. Чернышевского, бывший Народный дом. Рис. Д. Астахова

туры и служит ориентиром, так как расположен на высокой части рельефа. В селе Малая Грибановка храм также является основной архитектурной доминантой, вокруг которой располагается рядовая застройка поселения.

Очевидно, культовые сооружения являются ключевыми постройками, формирующими облик исторических малых городов Черноземья, композиционными центрами, определяющими идентичность городской среды и духовно-нравственные основы общества.

В XVIII в. в Борисоглебске появляются первые каменные культовые сооружения. В 1811 г. возводится Казанский храм с приделами св. Николая Чудотворца и св. Дмитрия Ростовского в стиле классицизма – значительное каменное сооружение города как в эстетическом, так и в композиционно-тектоническом плане. На Торговой площади в 1859 г. был построен храм Преображения, названный вскоре «Новым собором», в честь которого площадь была переименована в Новособорную. Это сооружение стало главным ориентиром улиц Охлябинской и Верхнеплощадной, а также композиционным центром планировочной структуры западной части города, так как по своим размерам превосходило остальные храмы города. Кроме того, храм Преображения стал ключевым элементом, доминантой силуэта города. Таким образом, три храма «держали» панораму города и создавали устойчивый силуэт.

Кроме того, три культовых сооружения в силуэте города содержали в себе духовный лейтмотив, отвечающий известному триадному строению категориальных конструкций различных областей мысли и практики, особенно значимому в духовно-религиозной сфере. Храм Преображения был третьим элементом в создаваемом тремя храмами «сакральном треугольнике». Все эти аспекты являлись основополагающими в формировании идентичности Борисоглебска как в материальном, так и в духовном плане.

В 1901 г. в центре Хлебной площади города возводится Сретенский храм. С композиционно-планировочной точки зрения этот храм являлся самым крупным и величественным культовым сооружением города, в связи с чем обсуждалась идея переименования его в храм Бориса и Глеба. Это была главная тектоническая

доминанта города, вокруг которой сосредотачивался его духовный центр [4]. С планировочной точки зрения храм также находился в центре города и играл композиционно-доминантную роль в создании узнаваемого городского силуэта. В 1931 г. храм был разрушен и разобран на хозяйственные нужды.

Утрата центральных храмов до сих пор тяжело сказывается на образе города, сбивает фокусировку идентичности, плотно сопряженной с православной верой и укорененной в ней символике форм и пространств.

Борисоглебск все еще сохраняет разнообразную, богатую деталями архитектуру (включая восстановленные шесть храмов), малые формы, керамику, кованые решетки ворот и ограждений, сохранившиеся афишные тумбы дореволюционной поры, каменное мощение и другие элементы, образующие его самобытный облик. Много дал городу и стиль модерн, органично вошедший в ткань исторической застройки. Война пощадила город: фронт до него не дошел. Сегодня Борисоглебск – образовательный и культурный центр района, имеющий филиалы воронежских вузов, в т. ч. направление «архитектурный дизайн», которое дает возможность натурального знакомства с наследием, способствует формированию будущих дизайнеров и архитекторов.

Будущее наследия, однако, сегодня висит над пропастью: его существование поставлено в зависимость от стратегии дальнейшего развития города, от избранного инстанциями, принимающими решения, инструмента развития. Понятно, что среди возможных стратегий сегодня есть и такие, для которых все изложенное не представляет никакой ценности.

Инструменты развития

Как подходить к проблеме поддержания идентичности таких уникальных живых малых городов, как Борисоглебск? Какие инструменты могут быть адекватны ценностно-ориентированному подходу к ней? Увы, ответ не столь уж прост. Можно выделить по крайней мере семь более-менее автономных инструментов; некоторые из них сегодня институционально и даже профессионально оформлены, а некоторые пребывают в гораздо более «виртуальном» состоянии, но оттого не менее значимы применительно к обсуждаемой теме.

< Рис. 6. Здание бывшего электро-театра «Модерн», ныне филиал ВГТУ. 1915. Фото А. Шаповалов Стерх. FotoKto.ru

1. Воспетая в годы послевоенной реконструкции **планировка** (City Planning) успела показать свою мощь и пространственный размах; она вполне достигает тех целей, которые перед ней поставлены. Планировка создавалась как целевая и рационалистическая стратегия управления территориями, не доходящая до сентиментальностей среды и чьей-то там исторической памяти, местных традиций или «духа места». Планировка по определению – занятие плоское, а планирование – служебная и вторичная процедура в рамках уже принятых решений, уже сформированных где-то безотносительно к конкретному городу программ или проектов.

2. Между тем, речь о **проектировании** в отношении городов, особенно исторических, сегодня подобна речи о веревке в доме повешенного. После знаменательной фразы В. Л. Глазычева: «Проектирование, заливая раны, отползло от города. С городом оно работать не может» [6] – если и делать ставку на проектность в таких условиях, то уж точно не на ту, которая десятилетиями отработывалась на «городах, которым названия нет». Но другой внятной, утвердившейся на инструментальном и надежно воспроизводимом уровне проектности нет до сих пор [7]. Есть City Planning, есть City Studies (неясно, где, кому и как их использовать), а вот City Designing и в лучшие для модернистского оптимизма годы не очень-то заявляло о себе, предпочитая менее саморазоблачительные термины вроде урбанизма.

3. **Градостроительство** (или урбанизм) не только представляет собою плохой перевод первых двух терминов и еще худшее переложение их идеологии в плоскость ортодоксального модернистского проектного мышления, но уже и на уровне термина звучит угрожающе. Тем более, что по своей сути этот инструмент централизованной политики явно нерелевантен задачам работы с такими малостями, как Борисоглебск. Он способен лишь снести его и построить на его месте нормальный, комфортный и функциональный негород на любое количество потенциальных обитателей. Увы, в этом пласте нашего профессионализованного инструментария не изменилось ничего.

4. Возникший лет тридцать назад **Urban Design**, разумеется, открещивался от модернистского ясновиде-

ния и нормативного благодетельствования. Он деловито соединяет различное, стремится не упустить важное из существующего, вообще оставляет впечатление бережной, ответственной и уверенной в себе практики [см., например, программный текст 8]. Однако именно практики-то и нет: есть лабильное умение решать вопросы, ситуативное искусство (юридическое по своей природе), не опирающееся на внятную теоретическую платформу, равнозначную технологии проектирования, программирования развития или того же планирования, – на платформу, способную «снять» недостатки дискредитированных теорий и одиозных институтов. Но есть эклектика на останках прошлых масштабных стратегий, искусство (poesis) лавировать среди их интеллектуальных руин, решая общественно полезные задачи в городах примерно так же, как пейзаю Гюбера Робера сушили белье на величественных руинах Рима.

5. **«Градостроительное искусство»** – замечательный и точный термин, отлично описывающий умонастроение эпохи от Камилло Зитте до А. В. Бунина, – благодное восприятие города как произведения искусства (в идеале – созданного одним автором-гением), идиллию XIX столетия, затянувшуюся до середины XX в. благодаря «вкусам тиранов». Термин, который сегодня звучит уже не столь идиллически, а скорее, безжалостно в отношении его методологической наивности, и уже совсем не отсылает к какому-либо разделу искусствознания. Но ничто не запрещает использовать инструмент – методики его применения ясны и прозрачны; не то, что в случае с Urban Design. Адекватен ли инструмент по имени «градостроительное искусство» задачам ценностного развития Борисоглебска и ему подобных? В самом деле, разве не художественного осмысления требуют такие города? Проблема, однако, в том, что средства художественного формирования и преобразования городов в рамках т. н. «градостроительного искусства» (или City Planning According to Artistic Principles, как это неизменно звучит по-английски), не менее жестки (а по сути – разрушительны в отношении исторических поселений), чем рациональная планировка и последовательно проведенное функциональное зонирование. Передача городов архитекторам из-под ведомства городских

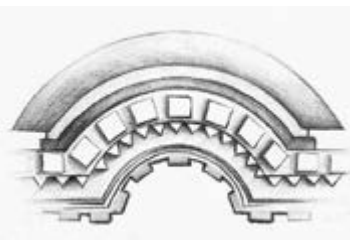

^ Рис. 7. Техническое железнодорожное училище, ныне СПТУ № 9. Открыто в 1878. Фото с сайта «Старинные города Воронежской области» https://www.kp.ru/best/msk/travel_to_voronezh/page248573.html (дата обращения: 20.05.2020)

v Рис. 8. Борисоглебский архитектурный декор. Рис. Д. Астахова

^ Рис. 9. Особняк Полякова, ныне картинная галерея им. П. И. Шолохова. Нач. XX века. Фото. Д. Астахова

инженеров (институт которых был упразднен), осуществленная по указанию И. В. Сталина в 1931 г., не имела в виду сохранение патриархальной атмосферы городов и городков. Имперская эстетика и утверждаемые через ее посредство истины столь же далеки от живой ткани поселений, как и принципы «плана Вуазен». Ведь характер таких городов, как Борисоглебск, не укладывается в схемы построения ансамбля, не принадлежит одному стилю; его феноменальная целостность и опознаваемая самобытность – в органичном сосуществовании различных, т. е. в феномене **среды**.

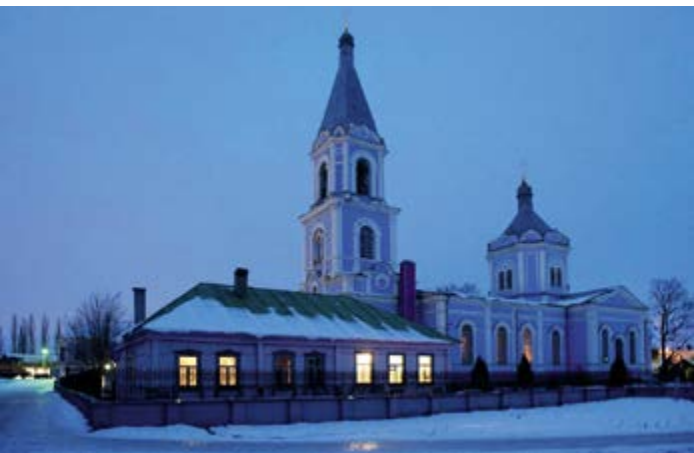
6. Но и **«средовой подход»** к нашему времени пал жертвой нахрапистых стратегий, не отличающихся ни его деликатной чуткостью, ни его принципиальной межпредметностью, мультидисциплинарностью. Конкуренция за муниципальные и пр. заказы отбросила тонкости и привела к утрате понимания смысла самого термина «среда», ставшего расхожим и обросшего нелепыми атрибутами вроде «комфортной». Хуже всего, что такие метаморфозы не были результатом лишь естественного хода событий; на них целенаправленно работали интересанты, до сих пор утверждающие, что среда – это все, что мы видим вокруг, где бы ни находились, что участие жителей в ее формировании – профессиональное отступление и сдача полномочий, а «средовой подход» якобы неизбежно ведет к имитациям и манипулированию. В результате технологии и техники работы, возникающие в «средовом подходе», стали чем-то вроде палеотехнологии – ископаемым достоянием еще вчерашнего прошлого, пользоваться которыми почти никто не умеет, смысл которых никто не понимает, а гуманитарное содержание которых обратилось едва ли не в свою противоположность. Однако спросим себя: случайно ли? Ведь еще в конце 1980-х В. Л. Глазычев с досадой констатировал, что среда – до сих пор не понятие, а скорее метафора. С тех пор ситуация лишь усугублялась.

7. Наконец, **урбанистика** (или уж **«новая урбанистика»**, памятуя о длинном смысловом шлейфе урбанизма второй половины XX в. и различаясь с ним) – вполне новое, динамичное и все еще многообещающее явление. Не став и не стремясь стать профессией, рассыпавшись на множество фигур активности вплоть до журналистики

и персональных эко-френдли способов потребления, существуя скорее как интенция (намерение или желание), чем как теория или практика, урбанистика успела-таки очертить круг своих приоритетов и возможностей, далеко не совпадающий с контуром традиционного урбанизма, несмотря на синонимичность [см., например: 9, 10]. Урбанистика, несомненно, вырастает из тех же умонастроений, какие породили «средовой подход»; ему, видимо, она обязана своей многодисциплинарностью, нередко справедливо отождествляемой с непрофессионализмом: как и «средовой подход» она отрицает профессиональную или предметно-дисциплинарную монополию на город. Не имея средств решения всех проблем даже небольших городов, сосредотачиваясь на локальных инициативах, на стратегии «малых дел», не умея преодолеть методологический эклектицизм и постоянно обращаясь за помощью к традиционным профессионалам от градостроительства, урбаносоциологии, экологии города и др., динамичная урбанистическая активность, однако, не спешит ни с чем отождествляться, продолжает нащупывать и упорно формировать свою инструментальную идентичность и автономию. Возможно, ей это удастся: ведь люди, вовлеченные в ее орбиту, как правило, чрезвычайно энергичны и предприимчивы. Но слабость урбанистики как инструмента в обсуждаемом нами свете очевидна: все в ней зависит от наличия активистов, а не от устойчиво транслируемых технологий (последние, однако, уже появляются [11]).

Непростые выводы

Таким образом, малым городам, подобным Борисоглебску, приходится рассчитывать... на свои силы. На формирование городских сообществ, заинтересованных в их развитии и непрестанно оснащающих себя эффективными, пусть и экспериментальными, методами и средствами. Уповать же на «большие» профессиональные или ведомственные программы, равно как и на масштабные бюрократические инициативы, очень опасно: они грозят уничтожением уникальности и утратой идентичности среды. Не стоит, в частности, ожидать, когда до малых городов докатится волна т. н. «пространственного развития» – еще одной масштабной идеи, которую

^ Рис. 10. Кафедральный собор в честь иконы Божией Матери «Знамение». 1869. Фото В. Жаркова

^ Рис. 11. Драматический театр им. Н. Г. Чернышевского. Фото Studio47.ru

на глазах постигает обычная уже судьба формализации и окостенения.

Российская ситуация отягощается еще и тем, что рядом с искренними энтузиастами, которых никогда не бывает много, как не бывает у них много ресурсов всех видов, возникают паразитические структуры, маскирующиеся под урбанистический активизм, но проводящие в жизнь доверившихся им городов и сообществ совсем иные ценности и цели. У таких структур нет особого недостатка в ресурсах, есть покровители и интересанты. Активность их разрушительна: она не только подрывает доверие к новым идеям, словам и понятиям, но и сжигает ресурсы реального и еще возможного развития.

Развитие городов давно уже стало политической сферой. Какие силы победят в этой борьбе, какими будут города России, в каком мире нам всем жить – решается всякий раз «на местах». Ценность таких мест, как Борисоглебск, внятность, осознанность их ценностей, формируемая ими идентичность, опознаваемая как жизненно значимое содержание повседневного бытия горожан – это устои осмысленного мира, опоры национального выживания. Они постоянно испытываются сегодня на прочность. Надо устоять. Надо выработать не только идеи и проекты подлинного развития (и осуществить их), но, одновременно, и сам инструментарий – методологию их формирования, имеющую не только локальный, но и всеобщий смысл: малые города России сегодня оказались на переднем рубеже обновления проектировочных, урбанистических, культуроформирующих практик.

Литература

1. Малые и исторические города: дискуссионный клуб ПБ // Проект Байкал. – 2019 – 61. – С. 34–41
2. Роу, К., Кеттер, Ф. Город-коллаж/пер. И. Третьякова. – Strelka Press, 2018. – 208 с.
3. Невлер, Л. Культура хамства // Декоративное искусство СССР. – 1987. – № 9. – С. 23–26. – URL: <http://www.cornelius.ru/GB/views.php?id=218960> (дата обращения: 20.05.2020)
4. Асташов, Д. Ю. Градостроительный генетический код как «ядро» эволюционного развития архитектурно-планировочной структуры г. Борисоглебска // Молодой ученый. – 2015. – № 13. – С. 773–780
5. Линч, К. Образ города/пер. с англ. В. Л. Глазычева. – Москва: Стройиздат, 1982. – 328 с.

6. Глазычев, В. Л. Эволюция проектирования. Лекция 1. – URL: <http://www.shkp.ru/lib/archive/second/2001-1/8> (дата обращения: 20.05.2020)
7. Капустин, П. В. Конверсия проектирования // Проект Байкал. – 2018. – № 55. – С. 142–147
8. Heide H. and Wijnbelt D. To Know and to Make: The Link between Research and Urban Design. *Journal of Urban Design*, Vol. 1, #1: 75 – 90, February 1996
9. Боков, А. В. Среда: вчера, сегодня, завтра. – URL: https://ardexpert.ru/article/15414?fbclid=IwAR37YADR6w4lDcBKL_pZeZbbxQs-XRTcVi2fV1ZZblgaqwmVOV1laBJYUf8 (дата обращения: 20.05.2020)
10. Шарыгин, А. Урбанистика: профессия или политика? – URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10217813586475727&set=gm.2638928343010296&type=3&theate> (дата обращения: 20.05.2020)
11. Мурунов, С. Методология (10+2 базовых лекций про постсоветский город и сообщества. Авторские модели, технологии, определения). – URL: <http://workshopuniversity.ru/methodology?fbclid=IwAR2qh5n8qxFiX0dLLPPjInhdQUbvdQusBlzC9rpfZ0rMQQ0Zz04Nk28KcLA> (дата обращения: 20.05.2020)

References

- Astashov, D. Yu. (2015). Gradostroitelnyi geneticheskii kod kak "yadro" evolyutsionnogo razvitiya arkhitekturno-planirovocnoi struktury g. Borisoglebska [Town-planning genetic code as a "core" of the evolutionary development of architectural and planning pattern of Borisoglebsk]. *Molodoi uchenyi*, 13, 773-780.
- Bokov, A. V. (2019, April 8). Sreda: vchera, segodnya, zavtra [Environment: yesterday, today, tomorrow]. Retrieved May 20, 2020, from https://ardexpert.ru/article/15414?fbclid=IwAR37YADR6w4lDcBKL_pZeZbbxQs-XRTcVi2fV1ZZblgaqwmVOV1laBJYUf8
- Glazychev, V. L. (2001, July 12). Evolyutsiya proektirovaniya [Design evolution]. Lecture 1. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.shkp.ru/lib/archive/second/2001-1/8>
- Heide H. and Wijnbelt D. (1996, February). To Know and to Make: The Link between Research and Urban Design. *Journal of Urban Design*, 1(1), 75 – 90.
- Kapustin, P. V. (2018). Conversion of design. *Project Baikal*, 15(55), 142–147. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1306>
- Lynch, K. (1982). *Obraz goroda* [The image of the city] (V. L. Glazychev, Trans.). Moscow: Sroiizdat.
- Murunov, S. (n.d.). Metodologiya (10+2 bazovykh lektzii pro postsovetsskii gorod i soobshchestva. Avtorskie modeli, tekhnologii, opredeleniya) [Methodology (10+2 basic lectures on a post-soviet city and communities. Author's models, technologies, definitions)]. Retrieved May, 20, from <http://workshopuniversity.ru/methodology?fbclid=IwAR2qh5n8qxFiX0dLLPPjInhdQUbvdQusBlzC9rpfZ0rMQQ0Zz04Nk28KcLA>
- Nevler, L. (1987). *Kultura khamstva* [The culture of rudeness]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, 9, 23-26. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.cornelius.ru/GB/views.php?id=218960>
- Rowe, C., & Koetter, F. (2018). *Gorod-kollazh* [Collage city] (I. Tret'yakov, Trans.). Strelka Press.
- Sharygin, A. (2020, April 27). Urbanistika: professiya ili politika? [Urbanistics: profession or policy?]. Retrieved May, 20, 2020, from <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10217813586475727&set=gm.2638928343010296&type=3&theate>
- Tkacheva, M. (2019). Small and historic towns. *Project Baikal*, 16(61), 34–41. <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1498>

Раскрывается строительная история церкви, определяется первоначальный архитектурный облик, дается архитектурно-художественная и стилистическая оценка, выявляются характерные особенности архитектуры памятника. Научные обследования объекта позволили рассмотреть два варианта реставрационного решения и проанализировать их обоснованность. Критериями оценки являются подлинность и достоверность. Особое внимание обращается на сохранение патины времени и естественности состарившегося здания.

Ключевые слова: деревянное зодчество; традиции; инновации; методика реставрации. /

The construction history of the Church is revealed, the original architectural appearance is determined, the architectural, artistic and stylistic assessment is given, and the characteristic features of the monument's architecture are revealed. The completed comprehensive scientific surveys of the object allowed us to consider two options for restoration solutions and analyze their validity. The evaluation criteria are authenticity and reliability. Special attention is paid to preserving the patina of time and the naturalness of an old building.

Keywords: wooden architecture; traditions; novelty; methods of restoration.

Пятницкая церковь в деревне Барабаново / Paraskeva Pyatnitsa Church in the village of Barabanovo

текст

Андрей Бодэ
Анна Ермакова /
text
Andrey Bode
Anna Ermakova

Километрах в пятидесяти от Красноярска ниже по течению Енисея на берегу стоит деревня Барабаново, в которой находится известная и почитаемая деревянная церковь Параскевы Пятницы. Памятник давно привлекает к себе внимание [5]. История строительства церкви хорошо изучена и представлена в книге Е. А. Шущановой, на материалы которой мы в значительной степени и опираемся [7]. После основания Ново-Качинского острога (будущего Красноярска) в 1628 г. левый берег Енисея стал заселяться русскими. Большинство поселений располагалось ниже Красного Яра: это направление было наиболее безопасным при набегах кочевых сибирских народов. В исторических документах XVII в. отмечено существование деревень Куваршино и Шиверская, которые позже стали относиться к барабановскому приходу [1, с. 12]. Деревня Барабановская впервые упоминается в 1722 г. в данных первой ревизской сказки по Красноярску и Красноярскому уезду. Позднее деревня стала называться Барабаново. Название, скорее всего, произошло по фамилии одного из поселенцев. По мнению сибирского историка П. Н. Павлова, в XVII в. в Приенисейский край шли переселенцы преимущественно с русского Севера, из Поморья. Известно, что в деревне Барабановской так же, как и в других ближайших деревнях: Шиверской, Карымской, Додоново – были часовни, построенные предположительно в первой четверти XIX в. [7, с. 10].

Строительство церкви в Барабаново началось в 1852 г. с крестьянского схода и обращения с просьбой о постройке новой деревянной церкви Святой мученицы Параскевы с образованием там отдельного прихода, объединявшего четыре деревни. Обращение было отправлено в Томскую духовную консисторию, к которой административно относилась территория Приенисейской Сибири. В епархиальных документах указывалось, что церковь планируется деревянная на каменном фундаменте. Инициатива строительства церкви исходила от благочинного священника Александра Иноземцева при ходатайстве местных жителей [7, с. 11].

Подготовка к строительству храма шла не быстро. Ответственным за строительство и все связанные с этим дела был выбран местный житель Николай Стефанович

Черкашин. Средства собирали сами жители деревень, большой вклад сделал купец Иван Иванович Токарев; возможно, часть денег выделялась Синодом. Пришлось уточнить место будущей постройки, расположив ее чуть выше по рельефу и дальше от жилых домов. В качестве образца для строительства церкви Параскевы Пятницы был избран проект деревянной церкви на 700 человек № 12, опубликованный в Атласе проектов церквей 1853 г. Для реализации назначен архитектор Яков Михайлович Набалов. Известно, что в Енисейской губернии он построил по собственным проектам несколько общественных зданий и церквей [7, с. 13–14].

Епархиальное разрешение на строительство получено 30 июля 1856 г. Достаточно скоро – 15 августа состоялась и закладка храма. До начала строительства церкви в ней были назначены священнослужители священник Евфимий Ситников и диакон Дмитрий Мухачев. Подрядчиком строительства стал Матвей Кузьмич Сажин. В строительстве храма принимали участие местные плотники: Черкашины, Минеевы, Айкановы, Черных и другие. Церковь построена к середине 1857 г., а в октябре того же года завершены кровли, о чем и было доложено в рапорте епископу: «Выкрашена кровля церкви, вместо краской по условию, водянкою». Скорее всего, сначала в церкви был временно установлен старый иконостас, перенесенный из часовни. Освидетельствование храма на предмет его готовности проведено 8 мая 1858 г. и документально зафиксировано. После этого из Томска получен антиминос, и 16 августа состоялась освящение церкви Параскевы Пятницы. Новый иконостас сделан несколько позже, его золочением занимался мастер Гаврила Захарьевич Коротков. Обустройство церкви продолжалось до 1860 г. [7, с. 15–19].

Ограда вокруг церкви возведена в 1890 г. Известно, что в начале XX в. храм ремонтировался, крыша в 1901 г. покрыта железом и окрашена масляной краской. Видимо, в это же время сделана обшивка стен. В 1907 г. перекладывались печи. Данные 1909 г. свидетельствуют, что крыша была снаружи палевая, а изнутри светло-голубая [7, с. 20].

Скорее всего, палевый цвет – это выцветший зеленый, а под «крышей изнутри» имелся в виду потолок.

Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Министра России и РААСН, тема 1.5.1. «Актуальные проблемы изучения и реставрации памятников деревянного зодчества» (руководитель Бодэ А. Б.). / The study was carried out at the expense of the State Program of the Russian Federation "Development of science and technology" for 2013–2020 in the framework of the Plan of fundamental research of the Ministry of Construction of Russia and RAACS, topic 1.5.1. "Actual problems of studying and restoration of monuments of wooden architecture", headed by Bode A. B.

Церковь была закрыта в 1935 г. После этого здание использовалась для разных хозяйственных целей, не поддерживалось и пришло в аварийное состояние. В настоящее время храм вновь действует, в нем проведены противоаварийные работы, что позволяет совершать богослужения.

Церковь Параскевы Пятницы представляет собой здание, состоящее из разновеликих объемов: четверика молитвенного помещения, пятистенного алтаря, трапезной и колокольни. Композиция строго симметричная относительно продольной оси. Четверик в верхней части переходит в восьмерик и имеет сложное завершение в виде шатра с восемью щипцами и пятиглавием. Алтарь и трапезная покрыты простыми невысокими скатными крышами. Стройная четырехъярусная колокольня завершается шатром с главкой. Стены здания бревенчатые срубные, крыши и завершения – каркасные. Снаружи стены имеют дощатую обшивку, кровли металлические.

Натурные обследования здания выявили много повреждений и утрат, но, одновременно, выявили следы и детали, по которым можно воссоздать эти утраты.

Постройка стоит на ленточном фундаменте из природного камня-известняка, сложенного на известковом растворе глубиной заложения около 1 м. Цокольная часть кирпичная, снаружи покрыта известковой обмазкой. Сруб сложен из сосновых бревен, углы церкви, трапезной и основания колокольни срублены с остатком и с прямыми углами внутри (в крюк), углы алтаря и верхнего яруса колокольни рублены в лапу.

Строительство здания проведено в два этапа. Первоначально стены были без обшивки, а кровля – деревянная. Ко второму строительному этапу (начало XX в.) относятся горизонтальная дощатая обшивка стен и металлическая кровля.

На стенах алтаря под позднейшей обшивкой обнаруживаются неокрашенные доски, вертикально прибитые

v Церковь Параскевы
Пятницы в дер. Барабаново
Красноярского края.
1856–1858

< Реконструкция первоначального облика. Вариант с зеленой покраской крыши. Из проекта реставрации. 2019

v Интерьер Пятницкого храма

на углы сруба, относящиеся к первому строительному этапу. Наличники и конструкции обрамления окон, сделанные из массивных широких брусков, также первоначальны. Похоже, что обшивка в начале XX в. подведена под наличники. Сохранившиеся фрагменты свидетельствуют о том, что стены были окрашены охрой, а карнизы, наличники и детали – белой краской.

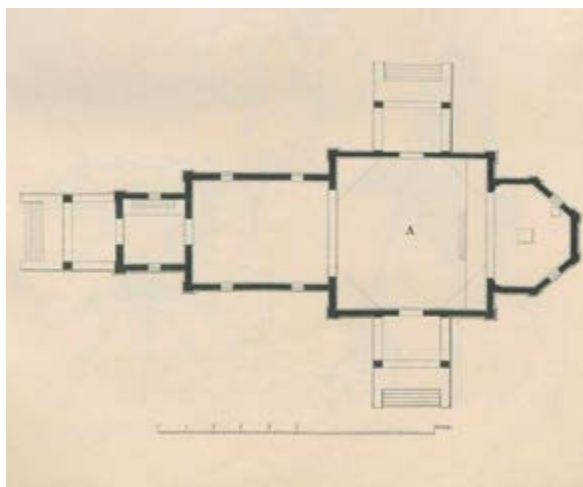
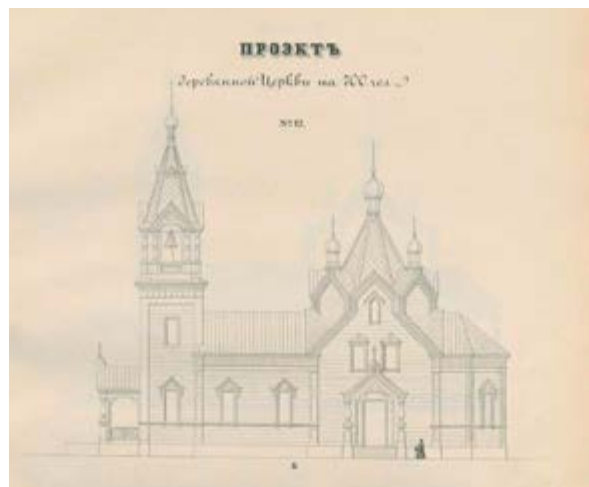
Первоначально тесовая кровля окрашена в зеленый цвет. Старые кровельные доски вторично использованы в обрешетке под железную кровлю. Следов покраски на старом кровельном железе не обнаружено. На одном из крестов, который возможно обследовать, также не обнаружено следов отделки. Поначалу мы предположили, что кровля была луженая. Возможно, лужеными были и главы, но относительно лужения всей кровли нет уверенности.

Внутри храм очень просторен. Основной четверик соединен широким проемом с трапезной и, по сути, они вместе образуют единое большое помещение. Четверик на высоте 9 м перекрыт плоским потолком с четырьмя треугольными парусами. Стены в интерьерах гладко оштукатурены и первоначально окрашены в голубой цвет, швы затерты известковой штукатуркой. Так же были окрашены подшивные потолки и паруса. Сейчас окрашенные бревна стен и доски потолков сильно потемнели и приобрели темный коричнево-зеленоватый цвет.

Подшивка на потолках основного молитвенного помещения и алтаря подбита к балкам из неотесанных круглых бревен. Эта подшивка явно первоначальная. В трапезной на плоском потолке тоже была подшивка, но под ней открывается тщательно отесанный потолок из плах, уложенных на поперечные балки. Первоначально потолок в трапезной не имел дощатой подшивки и не был окрашен. Полы в церкви состоят из толстых досок и половин бревен, уложенных на поперечные балки. На полу остались следы от двух печей в западной части трапезной, еще одна печь была в алтаре.

На стенах и потолке четверика имеется монументальная живопись. На обшивке парусов изображены четыре евангелиста, в середине подшивного потолка – Саваоф, и на бревенчатой восточной стене над иконостасом – фигуры апостолов Петра и Павла. Роспись выполнена

масляными красками. Основа состоит из льняной паволоки, приклеенной на деревянную основу. Сверху нанесен известковый грунт с красноватой шпатлевкой, пропитанной костным клеем. Живопись сильно потемнела.

Западные входные двери утрачены, остались только подставки под жиковины и железный накладной запор. Судя по старой фотографии, входные двери были двухстворчатые дощатые, скрепленные шпонками. Единственная историческая дверь в церкви сохранилась в проеме, ведущем из притвора в трапезную. Она тоже дощатая на шпонках, но обита железом. Боковые двери также утрачены, и, если их воссоздавать, надо ориентироваться на историческое упоминание, что они тоже были обиты железом, видимо, для защиты входов в церковь.

Оконные рамы нижнего ряда полностью утрачены, но сохранились частично разрушенные рамы верхних окон. По аналогии с ними можно воссоздать все оконные рамы. На каждом окне сохранились следы, свидетельствующие о том, что одно окно открывалось, другое было глухим; на окнах в притворе и на восточном окне алтаря были ставни. Одна из ставен сохранилась и может быть использована как образец для воссоздания.

Крыльца в настоящее время полностью утрачены, но их формы и даже конструкции хорошо прочтываются по следам на стенах. Общий вид южного бокового крыльца можно разглядеть на одной из старых фотографий.

Если давать архитектурно-стилистическую и художественную оценку рассматриваемому храму, то он, несомненно, представляет собой достаточно уникальный памятник деревянного зодчества. Архитектура и конструкции здания сочетают традиционные для деревянного зодчества приемы и влияния Нового времени, что характерно для XIX в. [3, с. 260–259].

В основе плана церкви лежит традиционная продольно-осевая композиция, называемая «кораблем». Форма пятигранного алтаря с пятиякатной крышей, покрытая на два ската обширная трапезная и шатровая колокольня типа «восьмерик на четверике» вполне соответствуют привычным для деревянного зодчества приемам. Композиция основного сруба в виде восьмерика на четверике также имеет массу исторических аналогов, но церковь в Барабаново отличается невысокими пропорциями и не-

обычным переходом от четверика к восьмеру, выполненным в виде треугольных парусов.

Правда, обилие складок на крышах шатра и непривычные паруса сделали невозможным нормальный естественный сток воды и привели к необходимости организованного водостока по желобам и трубам. Существенным отличием деревянных церквей XIX в. от традиционных построек XVII – XVIII вв. были высокие оконные и дверные проемы. На больших срубах это создавало проблему надежности конструкции стен. В барабановской церкви размер основного сруба составляет примерно 10 × 10 м, и большие проемы, перерезающие его бревна, повлекли необходимость установки сжимов сразу после строительства. Перекрытие трапезной, утяжеленное за счет плах потолка, имеет сложную и недостаточно надежную конструкцию. Это привело к прогибу бревен арки проема между трапезной и храмом. Подобные конструктивные несовершенства характерны для деревянной архитектуры XIX в., тогда как конструкции более ранних традиционных церквей отличаются рациональностью [6].

В архитектуре Пятницкой церкви влияния своей эпохи внешне выразились в обработке фасадов. Гладкая обшивка сочетается с классицистическими карнизами, дверные проемы и окна под крышами крылец обрамлены простыми профилированными наличниками. И, словно на контрасте с классической простотой, остальные окна украшены резными наличниками, формы которых повторяют наличники старых жилых домов, во множестве сохранившихся в деревне Барабаново. Подобные детали определяют историко-культурную и художественную целостность всего исторического поселения [4, с. 50–54].

Деревянные храмы нередко внутри украшали живописью. Примерами того служат потолки-«небо» в храмах Русского Севера XVIII – XIX вв. [2]. В интерьере Пятницкой церкви монументальная живопись иная. Она расположена фрагментами, напоминая оформление интерьеров каменных храмов. К тому же и сама она выполнена в реалистической манере. Живопись церкви в Барабаново в том виде, как она сделана и в таком типе интерьера представляет собой редкость и значительную историческую и художественную ценность.

^ Образцовый проект, по которому была построена Пятницкая церковь. 1853

Таким образом, несмотря на новации XIX в., церковь Параскевы Пятницы сохраняет прочную преемственную связь с традициями деревянного строительства, обладает красивой архитектурой и выразительным силуэтом.

Проведенные после открытия церкви первоочередные противоаварийные работы включали сжимы ослабленных стен, стяжки, подпорки и консервацию кровли. Однако состояние здания таково, что ему, конечно, нужна полноценная реставрация.

В 2019 г. при участии авторов статьи разработан проект реставрации церкви Параскевы Пятницы. Методические вопросы, касающиеся получаемого в результате реставрации архитектурного облика памятника, актуальны даже для таких относительно поздних объектов. Наш памятник имеет несложную строительную историю, состоящую из двух этапов. Соответственно, в качестве вариантов могут быть рассмотрены два принципиальных проектных решения.

Как мы выявили, на первом этапе стены сруба не имели обшивки, кровля была деревянная, окрашенная зеленой краской. На фоне бревенчатой стены изящно выделялись наличники окон. Крыльца, от которых остались следы на стенах и одно из которых мы видим на старой фотографии, скорее всего, в таком же виде были изначально. На втором строительном этапе после ремонта в начале XX в. стены церкви получили обшивку, сделаны металлические кровли с организованным водостоком. Стены были окрашены охрой, наличники, карнизы и детали – белой краской.

Облик первого строительного этапа интересен открытым срубом и деревянными кровлями. Это делает объект в полном смысле памятником деревянного зодчества. Но если восстановить деревянную кровлю с таким количеством складок на шатре, она неизбежно будет протекать, что наверняка и послужило главной причиной ее замены. Обшивку, сохранившуюся на стенах доста-

v Церковь Параскевы Пятницы в Барабаново. Ожидаемый реставрационный результат.
Рис. А. Б. Бодэ

точно большими плоскостями, невозможно просто так удалить, т. к. она – часть истории памятника. Кроме того, без нее возникают вопросы, какими первоначально были карнизы.

Особенности второго строительного этапа нам понятны практически полностью. Недостающие фрагменты обработки фасадов и детали достоверно реконструируются по образцам, имеющимся на самом памятнике. Металлическая кровля с организованным водоотводом для такого объекта логична, она обеспечит надежную сохранность и долговечность здания. Второй строительный этап реконструируется с высокой степенью достоверности и с большим количеством подлинных элементов. Поэтому в проекте реставрации церкви Параскевы Пятницы мы ориентируемся в целом на сохранение облика второго строительного этапа начала XX в. Однако, как показывает практика реставрации, очень редко удается воссоздать облик какого-либо периода полностью, и неизбежно происходят отступления.

В проекте реставрации барабановской церкви таким отступлением от облика начала XX в. является решение потолка трапезной без подшивки доской. Такой первоначальный потолок из тесаных балок и плах сохранился примерно наполовину. Это красивый, традиционный для деревянных зданий потолок. От позднейшего подшивного потолка ни одной доски не сохранилось, и его воссоздание полностью в новом материале будет неудачным внедрением в интерьеры, где много подлинного. Поэтому в проекте предложена реставрация первоначального потолка в трапезной и сохранение его в открытом виде.

Очень важный аспект реставрации памятников деревянного зодчества – сохранение старины. Можно восстанавить исторические формы, но без старых подлинных поверхностей здание будет новоделом. За истекшее столетие материал памятника покрылся патиной времени, которая указывает на возраст, подлинность и ценность объекта. Воссоздание покраски стен уничтожит патину и даст эффект современной отделки. В реставрационной практике недавних лет есть примеры воссоздания покрасок (церкви Ильинская в Ципино, Георгиевская в Порженском, Богоявленская в Лядинах). Они неудачны именно потому, что производят неприятное впечатление своей новизной. Исторический облик памятника от этого страдает. К тому же покраска достаточно быстро облезает, придает стенам неряшливый вид и требует постоянного возобновления. В нашем проекте реконструкция цветового решения фасадов начала XX в. выполнена не как реставрационное предложение, а для более полного понимания истории памятника. Поэтому в проекте предлагается не воссоздавать наружную покраску стен, а оставить старые подлинные доски обшивки и детали в том состоянии, как они дошли до нас – со следами покраски и обветренной поверхностью дерева. Новые добавляемые доски и декор можно ничем не обрабатывать: через два-три года они сами приобретут цвет старой древесины.

Такое же решение предусмотрено и применительно к кровле. Ее поверхность дошла до нашего времени потемневшей от ржавчины. Воссозданная покраска будет блистать новизной. Поэтому при возобновлении кровли мы ориентируемся на темный цвет старого железа. В новом материале подобную поверхность можно наиболее адекватно воспроизвести из оксидированной меди. Медная кровля, кроме того, обеспечит очень надежное и долговечное покрытие для памятника.

При сохранении интерьеров предлагается принципиально такой же подход. Стены и потолки, окрашенные голубой краской и к настоящему времени сильно потемневшие, остаются в существующем виде, т. е. с патиной

времени. Щели и замятости на краях бревен, которые появятся после частичной переборки срубов, должны быть затерты штукатуркой так, как это было исторически, и затем тонированы. Реставрация живописи заключается в деликатной, неполной расчистке и в укреплении без восполнения утрат. Доски, подлежащие замене, вставки и места утраты красочного слоя могут быть тонированы.

Воссоздание иконостаса требует разработки отдельного проекта. Поскольку иконостас утрачен полностью, наверное, он может быть воссоздан в разном стиле, возможно, даже в авторской манере. Но важно, чтобы он вписался в свое историческое пятно, следы которого прочитываются на стене. Утраченные клиросы предлагается выполнять по аналогии с клиросами Петропавловской церкви в Новоалександровке Уярского района Красноярского края с некоторым упрощением форм и уточнением элементов конструкций в соответствии с имеющимися следами на стенах.

Таким образом, проектное реставрационное решение церкви Параскевы Пятницы с сохранением патины времени, подчеркивающее подлинность материалов и возраст постройки, демонстрирует новый подход к реставрации деревянного памятника, полностью еще не апробированный ни на одном объекте. В формах памятника мы воспроизводим его облик вековой давности, но в характере поверхностей мы показываем эту вековую давность.

Этот подход распространяется и на стены, и на кровли, и на интерьеры. Старые доски обшивки остаются в существующем состоянии, новые не тонируются и со временем стареют естественным образом. Под карнизами и свесами крыш сохраняются остатки покраски. Кровли, выполненные из оксидированной меди, приобретут темный черно-коричневый цвет, схожий с цветом старого железа. Объект, полученный после реставрации, должен выглядеть минимально обновленным.

Аналогичным образом должна быть решена и территория памятника. Общий принцип – это сохранение естественного исторического состояния поверхности земли и естественных дорожек и троп. В идеале территория должна быть обнесена простой деревянной оградой с воротами и калитками для въезда и входа. Вокруг церкви намечен круговой обход с подходами к южному и северному крыльцам. Покрытие дорожек и троп предлагается выполнить из утрамбованной каменной крошки без бордюров. Вокруг здания предусматривается отмостка, вымощенная булыжником.

Вокруг церкви располагается кладбище, которое сейчас уже никак не распознается. На местах захоронений, даже выявленных приблизительно, желательна постановка крестов. Кресты должны быть деревянными (для долговечности – из лиственницы) в формах, традиционных для сельских поселений Красноярского края.

Рядом с церковью Параскевы Пятницы раньше росли сосны. Однако восстановление деревьев проектом не рекомендуется, поскольку для сохранности старого деревянного здания оптимален режим хорошего проветривания. К тому же сейчас красивый силуэт церкви хорошо виден далеко вокруг, и сочетание его с деревьями восприятия не улучшит. Вспомним, что северорусские храмовые комплексы стояли открыто.

Хотя церковь в Барабаново и была построена по образцовому проекту, ее аналогов в настоящее время имеется крайне мало. По такому же проекту в конце XIX – начале XX в. были построены церкви Серафима Саровского в деревне Турнаево Новосибирской области, Покрова Пресвятой Богородицы в селе Глубокое Алтайского края, Тихвинской иконы Божией Матери в селе Шкотово Приморского края, Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Миляновичи Волинской области Украины и дру-

гие. Некоторые из них отличаются от Пятницкой церкви более эклектичными формами и деталями, соответствующими более позднему времени. Наибольшие вариации проекта выражены в решениях колоколен.

Подавляющее большинство церквей Красноярского края относится к концу XIX – началу XX в. Церковь в Барабаново среди них едва ли не самая ранняя. В любом случае церковь Параскевы Пятницы является самым известным и значительным памятником деревянного зодчества Красноярского края.

Литература

1. Быконя, Г. Ф. Красноярский уезд в начале XVIII столетия // Перепись города Красноярска и его уезда 1719–1722 гг./подготовил и издал И. А. Сиротинин. – Москва, 2014. – 424 с.
2. Кольцова, Т. С. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. – Архангельск, 1993. – 112 с.

3. Нацокина, М. В. Дерево в русской архитектуре второй половины XIX – начала XX века. К постановке проблемы // Деревянное зодчество. Вып. V. – Москва – Санкт-Петербург, 2016. – С. 256–270

4. Нацокина, М. В. Проблемы сохранения архитектурного наследия и создания туристической привлекательности малого исторического города России // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 50–54

5. Иванова, Н., Ряпосов, И., Тимофеенко, И., Душевская, Е., Черноплечая, А. Енисейские Кижы. Церковь Параскевы Пятницы в селе Барабаново // Проект Байкал. – 2012. – № 33–34. – С. 144–145

6. Ходаковский, Е. В. Деревянная храмовая архитектура Русского Севера конца XVIII – начала XX века: основные задачи изучения и историко-художественной оценки // Архитектурное наследие. Вып. 68./Под ред. И. А. Бондаренко. – Санкт-Петербург. – 2018. – С. 109–122

7. Шушканова, Е. А. Церковь святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX – XX вв.). – Красноярск, 2019. – 140 с.

v Исторические дома в деревне Барабаново.
Рис. А. Б. Бодэ

References

Bykonya, G. F. (2014). Krasnoyarskiy uyezd v nachale XVIII stoletiya [Krasnoyarsk uyezd in the early XVIII century]. In I. A. Sirotin (Ed.), *Perepis goroda Krasnoyarska i ego uyezda 1719-1722 gg.* Moscow.

Ivanova, N., Ryaposov, I., Timofeenko, I., Dushevskaya, E., & Chernoplechaya, A. (2012). Yenisei Kizhi. The Church of Paraskeva Friday in Barabanovo Village. *Project Baikal*, 9(33-34), 144-145. doi:10.7480/projectbaikal.33-34.76

Khodakovskiy, E. V. (2018). Derevyannaya khramovaya arkhitektura Russkogo Severa kontsa XVIII – nachala XX veka: osnovnye zadach izucheniya i istoriko-khudozhestvennoi otsnki [Wooden temple architecture of the Russian North of the late XVIII – early XX centuries: basic tasks of studies and historico-artistic evaluation]. In I. A. Bondarenko (Ed.), *Arkhitekturnoe nasledstvo* (Issue 68, pp. 109-122). Saint Petersburg.

Koltsova, T. S. (1993). Rospisi “neba” v derevyannykh khramakh Russkogo Severa [Frescoes of the “sky” in the wooden temples of the Russian North]. Arkhangelsk.

Nashchokina, M. V. (2016). Derevo v russkoi arkhitekture vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. K postanovke problem [Wood in the Russian architecture of the second half of the XIX – early XX centuries. Articulation of issue]. In *Derevyannoe zodchestvo* (Issue V, pp. 256-270). Moscow-Saint Petersburg.

Nashchokina, M. (2019). The issues of preservation of architectural heritage and creation of tourist attraction of a small historic town in Russia. *Project Baikal*, 16(61), 50-54. <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1500>

Shukshanova, E. A. (2019). Tserkov svyatoi Paraskevy sela Barabanovskoe Eniseiskoi gubernii v kontekste sibirskoi istorii (vtoraya polovina XIX-XX vv) [St Paraskeva Church in the village of Barabanovskae, Yenisei Gubernia in the context of Siberian history (second half of the XIX –XX centuries)]. Krasnoyarsk.

в Исторические дома в деревне Барабаново.
Рис. А. Б. Бодэ

В статье рассматривается история доходного дома И. О. Шендерова, построенного по проекту городского архитектора Ростова-на-Дону Николая Матвеевича Соколова (1859–1906), а также практика реставрации объекта культурного наследия регионального значения. Цель исследования – анализ мероприятий по реставрации и охране одного из крупных доходных домов Ростова-на-Дону. Результаты: были выявлены основные методы и приемы, которые могут быть применены в современной практике реставрации произведений региональной архитектуры конца XIX века.

Ключевые слова: реставрация; доходный дом; дом И. О. Шендерова; творчество; архитектор Н. М. Соколов. /

The article reviews the history of I. O. Shenderov's rental house designed by Rostov-on-Don city architect Nicolay Matveevich Sokolov (1859-1906) and the restoration of the cultural resource of regional significance. The aim of the study is to analyze the measures for restoration and protection of one of the largest rental houses in Rostov-on-Don. As a result, basic methods and techniques were revealed to be used in contemporary restoration of regional architecture of the late XIXth century.

Keywords: restoration; rental house; I. O. Shenderov's House; creation; architect N. M. Sokolov.

Реставрация дома И. О. Шендерова в Ростове-на-Дону / Restoration of I. O. Shenderov's House in Rostov-on-Don

ТЕКСТ

Юлия Петрусенко

Анна Иванова-Ильичева/

text

Yuliya Petrusenko

Anna Ivanova-Ilicheva

Введение

Статья посвящена исследованию реставрационной практики доходного дома И. О. Шендерова – одного из крупных объектов архитектора Николая Матвеевича Соколова, являющегося последователем рационального направления архитектуры конца XIX – начала XX вв. Необходимость исследования заключается в потребности изучения и накопления передового опыта реставрации и охраны произведений исторической архитектуры в регионе. Города Юга России богаты объектами культурного наследия рационального направления архитектуры в «кирпичном стиле». Однако в современной практике реставрации объектов рубежа XIX – XX вв. в значительной степени представлены объекты, в которых в той или иной степени искажен первоначальный авторский замысел. Меры по охране исторической кирпичной кладки приводят к изменению истинного облика объекта и утрате его архитектурно-художественной ценности. Довольно часто адаптация исторических объектов для современного функционирования приводит к невосполнимым утратам. В сложившейся ситуации особенно важно изучение положительного опыта реставрации исторической архитектуры в «кирпичном стиле». Цель работы – анализ мероприятий по реставрации и охране одного из крупных доходных домов в творчестве Н. М. Соколова – Дома И. О. Шендерова в Ростове-на-Дону. Изучение реставрационной практики представляет собой практический и научный интерес. Каждый реставрационный процесс начинается с анализа истории возникновения памятника, а также предыдущих реставраций. В настоящее время возрастает интерес к историческому наследию архитектуры регионов, а с увеличением объема нового строительства и реконструкций в историческом центре города возрастает актуальность данной темы.

Исследование архитектурного творчества Н. М. Соколова проведено в контексте работ, характеризующих архитектуру городов Нижнего Дона и Приазовья, в том числе и архитектуры второй половины XIX – начала XX вв.: «Архитектура Юга России: от истории к современности», (2016); Г. В. Есаулов «Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: его формирование и культурный потенциал» (2004); А. М. Иванова-Ильичева «Рациона-

листические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX вв.: На примере Таганрога, Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, Новочеркасска» (2000).

Используются труды по истории Ростова-на-Дону и его архитектуре: Л. Ф. Волошинова «Перекрыток столетий. Судьбы улиц, площадей, зодчих» (2004); Г. В. Есаулов, В. А. Черницына «Архитектурная летопись Ростова-на-Дону» (1999); А. М. Ильин «История города Ростова-на-Дону» (1991); Г. А. Иноземцев, Г. Н. Захарьянц, П. В. Семерин «Ростов-на-Дону» (1949); В. Лобжанидзе, Г. Лаптев, В. Кустов «Путешествия по старому Ростову» (2001).

Ряд изданий посвящен биографии и постройкам Н. М. Соколова, в том числе истории дома Шендерова: Г. В. Барановский «Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892 г.» (1893); «Архитектор Ростова Николай Соколов» (1998); «Николай Соколов», (1991); В. Лобжанидзе, «Охранное обязательство № 65–17 на объект культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: Доходный дом И. О. Шендерова, арх. Н. М. Соколов, от 14.04.2017».

Изучены документы фирмы «ООО ТМ Новая Аттика»: Научно-реставрационный отчет о выполненных ремонтно-реставрационных и отделочных работах по фасадам здания – объекта культурного наследия регионального значения «Доходный дом И. О. Шендерова, арх. Н. М. Соколов», расположенного по адресу: г. Ростов-на-Дону, пр. Ворошиловский, 33/93, ул. Темерницкая/ул. Серафимовича, 96, литеры Б, Б2; проект «Реставрация фасадов объекта культурного наследия «Доходный дом С. Шендерова», расположенного по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 96».

Метод анализа основывается на детальном исследовании рассматриваемого вопроса, поиске и изучении специальной и общей литературы, архивных документов. Натурное обследование дошедшего до наших дней объекта, построенного по проекту городского архитектора Н. М. Соколова (1859–1906), а также фотофиксация и обобщение уже известных материалов. Основатель-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта / The reported study was funded by RFBR, project number 19-31-27001

^ Рис. 2. Ситуационный план 1 Доходного дома И. О. Шендерова [4]

^ Рис. 3. Дореволюционная Россия на фотографиях. Ростов-на-Дону. Часть 4. Большой пр. Дом И. О. Шендерова. Арх. Н. М. Соколов [7]

ное изучение проекта реставрации доходного дома И. О. Шендерова, введение в научный обиход новых фактологических данных.

Архитектура центральной части Ростова-на-Дону в большинстве своем сформирована исторической застройкой. Одним из значимых архитекторов, внесших неоспоримый вклад в создание исторического центра города, является городской архитектор конца XIX – начала XX века Николай Матвеевич Соколов. Многие здания, построенные по проекту архитектора, перестроены или разрушены, был изменен их подлинный авторский облик, однако они продолжают занимать значительное место в композиции и формообразовании исторического центра города. Николай Матвеевич Соколов являлся главным архитектором Ростова-на-Дону с 1887 г. Материалы о нем содержатся в юбилейном сборнике сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892 гг. В нем говорится, что гражданский инженер родился в 1859 г., начальное и среднее образование получил в Пинском и Виленском реальном училище в Риге. После переезда в Санкт-Петербург Н. М. Соколов поступил в Институт гражданских инженеров (ИГИ). В период обучения с 1880 по 1885 гг. получает теоретические знания и практические навыки у лучших мастеров, приверженцев рационального направления архитектуры XIX века В. А. Шретера и И. С. Китнера. Н. М. Соколов окончил институт в 1885 году с присвоением звания гражданского инженера. После обучения в ИГИ Соколов на год возвращается в Эстляндскую губернию на должность младшего инженера строительного отдела. В 1886 г. он отправляется, предположительно по распределению, в Ростов-на-Дону на место городского техника с правами государственной службы. С 1887 г. Соколов был назначен на должность городского архитектора второго участка Ростова-на-Дону и, помимо служебных обязанностей, занимался частной практикой [1]. Рубеж XIX – XX веков знаменовался для Ростова-на-Дону стремительным развитием и активным строительством, что привлекло профессиональные архитектурные кадры. В Ростов Соколов был направлен предположительно обществом бывших воспитанников строительного училища, учрежденного

в 1869 г. для участия в организации нового растущего города на юге России согласно всем требованиям [2]. На посту городского архитектора под руководством Николая Матвеевича Соколова была упорядочена и перестроена часть города, именуемая «Богатый источник». Сообразно его правам и обязанностям на посту городского архитектора и под его руководством проложены новые улицы, сформированы конно-железная дорога и мостовая, а также запроектировано значительное количество объектов. Согласно указу Правительствующего Сената от 13 апреля 1892 г. гражданский инженер титулярный советник Николай Матвеевич Соколов был произведен в коллежские асессоры [1].

Основная часть

Доходный дом И. О. Шендерова располагается на проспекте Ворошиловском (бывшем Большом), в застройке улиц Темерницкой и Серафимовича (бывшей Казанской). Главным фасадом здание ориентировано на площадь, архитектурно-художественный облик которой сегодня значительно отличается от ее облика конца XIX в.: уцелело лишь несколько двухэтажных зданий. Владельцем шикарного особняка был известный ростовский предприниматель и домовладелец И. О. Шендеров. Построено здание было в середине 1890-х гг. [3].

Основной двухэтажный корпус, главным фасадом обращенный на Большой проспект (ныне Ворошиловский), возведен в 1892 г. Строительство южного и северного крыльев здания, протянувшихся вдоль улиц Темерницкой и Казанской (ныне Серафимовича), продолжалось более пяти лет.

В то время аренда торговых и складских помещений приносила хорошую прибыль. Израиль Осипович Шендеров занимался производством и сбытом водочных изделий, торговал лесом, углем и разным подручным товаром. Позднее стал сдавать комнаты и квартиры внаем. В 1890 г. И. О. Шендеров принимает решение возвести фамильный дом. Место для дома выбрано на Большой проспекте (ныне пр. Ворошиловский); это связано с расположением в шаговой доступности от синагоги и школы, которые посещали дети владельца дома. И. О. Шендеровым было заранее продумано назначение помещений дома.

^ Рис. 1. Портрет архитектора Николая Матвеевича Соколова [1]

^ Рис 6. Доходный дом
И. О. Шендерова.
Послевоенное время.
Арх. Н. М. Соколов,
Ростов-на-Дону [3]

Важнейшей функцией здания была торговля: значительную часть занимали помещения, предназначенные для торговли и сдачи внаем. Комнаты, предназначенные для проживания семьи владельца, располагались в части второго этажа, а в уровне подвала размещались складские помещения. Для реализации проекта, отвечающего всем нормам и правилам, был приглашен городской архитектор Николай Матвеевич Соколов, работавший в Ростове с 1887 г. «Он занимался обширной частной практикой, убеждающей в его профессиональном опыте и хорошем вкусе» [1].

Дом семьи Шендеровых является самым романтическим, богатым и крупным произведением в творческой деятельности архитектора конца XIX – начала XX вв. Н. М. Соколова. Для его творческого почерка в тот период характерны архитектурные элементы, по стилю напоминающие средневековую архитектуру, что воплотилось в создании шатровых завершений зданий.

Доходный дом условно делится на три части: центральная и две боковых – северная и южная. Центральный корпус двухэтажного доходного дома композиционно замыкает конец квартала. Крыша завершается тремя высокими шатрами. Боковые низенькие шатры увенчаны фигурными шпилями, а расположенный на четверике центральный, самый высокий шатер, украшен бельведером. Строительство южной и северной частей здания шло в течение пяти лет, и они были достроены уже после

смерти главы семейства. Роскошный и необыкновенный внешний вид особняку придают основные формы здания, его членения, лепная и гипсовая отделка. Наибольшую выразительность отделке здания придают кружевные кованые перила парапетов и балконов. Фасадные плоскости этажей рустованы, украшены декоративными архитектурными элементами. Планировочная структура особняка представляет собой П-образную конфигурацию. Благодаря этому образуется достаточно просторное дворовое пространство и организован въезд во двор.

Семейный дом Шендеровых имел довольно привлекательное расположение в системе застройки квартала, располагаясь между ул. Темерницкой, ул. Серафимовича и пр. Ворошиловского, он имеет определенную композиционную значимость в формировании застройки центральной исторической части Ростова [4].

Здание доходного дома Шендеровых, построенное на переходном этапе развития архитектуры, представляет собой образец эклектики с мотивами псевдоготтики, проявившимися в использовании шатровых завершений. Здание построено как доходный дом. В подвалах располагались складские помещения, в числе которых выделялись «ренковские погреба». «Ренковские погреба» в Российской империи – это небольшие магазинчики, предназначенные для торговли зарубежными винами. Первый этаж занимали многочисленные магазины, а на втором этаже, имеющем самостоятельные входы с Темерницкой

> Рис. 4. План 1-го этажа
Доходного дома
И. О. Шендерова.
Арх. Н. М. Соколов [4]

> Рис. 5. План 2-го этажа
Доходного дома
И. О. Шендерова.
Арх. Н. М. Соколов [4]

< Рис. 7. Доходный дом И. О. Шендерова. Арх. Н. М. Соколов. Ростов-на-Дону. Фото Ю. В. Петрусенко. 2018

и Казанской улиц, сдавались комнаты. В годы Советской власти здание было национализировано и использовалось, как и до революции, для различных функций. За годы войны здание пострадало незначительно, в 1942 г. во время бомбардировок города был разрушен центральный шатер на четверике, увенчанный ротондой. В 1943 г. после небольшого ремонта в здании разместились редакция газеты «Молот» и типография, которые были переведены в отремонтированное здание на пр. Буденновском в 1949 г. В конце 1950-х второй этаж центральной части здания занял трест «Главжурбводстрой», крыло по ул. Серафимовича – областная вечерняя среднеобразовательная школа для глухих и детская музыкальная школа им. М. М. Ипполитова-Иванова, которая и поныне располагается в этом здании. В 1950-х гг. на объекте были проведены работы по восстановлению согласно разработанному архитекторами М. Н. Ишуниным и Г. А. Петровым проекту. В связи с этим у здания появились новые пристройки. В 1995 г. здание было куплено «Промстройбанком», а затем перешло в собственность «Альфа-банка». На средства банка в конце 1990-х – начале 2000-х была проведена реконструкция центральной части здания с воссозданием центрального шатра. Музыкальная школа, занимающая южное крыло по ул. Серафимовича, проводила ремонтно-реставрационные работы в 2004 г. по проекту ОАО-института «Ростовский Промстройинипроект». В результате проведенных работ была выполнена частичная реставрация главного фасада с заделкой трещин и оштукатуриванием фасадной плоскости по стеклотканевой сетке.

Конструктивная схема здания – с наружными и внутренними продольными и поперечными несущими стенами. По данным обследования, проведенного в 2004 г. ОАО-институтом «Ростовский Промстройинипроект» фундаменты здания ленточные, выполнены из бутового камня и кирпича. Наружные и внутренние несущие стены кирпичные, на сложном растворе. Чердачное перекрытие состоит из мелких кирпичных и бетонных сводов по металлическим балкам. Междуэтажное и чердачное перекрытия деревянные по деревянным балкам, конструкция крыши – деревянные стропила. Композиция главного фасада по пр. Ворошиловскому симметрична с акцентами в виде центральной и боковых раскреповок.

Пластика фасадов доходного дома И. О. Шендерова сформирована архитектурными средствами кирпичного декора. Отделка фасадов в «кирпичном стиле» характерна для рационального направления архитектуры переходного периода от эклектики к модерну. Н. М. Соколов является приверженцем рационального направления в архитектуре, что получило отражение в большинстве его объектов. Выразительность главного фасада усиливается выступающей центральной плоскостью, выходящей за общую линию фасада и создающей изящную пластику. Оба этажа здания рустованы. Фасады оформлены многочисленным лепным декором, который располагается над окнами, в простенках, подоконных нишах, на фризе: это женские головки, гермы, гирлянды, венки, стилизованный растительный орнамент и др. Изысканный вид фасадам придают раскреповки с эркерами на втором этаже. Центральный ризалит главного фасада сформирован арочным оконным проемом; главным входом, который расположился на месте бывшего прохода во внутренний двор, акцентирующим центральную часть фасада; прямоугольными эркерами, в нижней части переходящими в боковые ризалиты; арочными окнами, объединенными в единую композицию с помощью вертикальной полуколонны, имитирующей коринфский ордер. Пластика южного и северного фасадов сформирована эркерами и подкарнизной частью, декорированной мелкими сухариками. Центральная часть антаблемента украшена лентой повторяющегося лепного узора растительного орнамента. Подоконная часть проемов этажа бокового и центрального эркером украшена декоративными поясами, а перемычки оконных проемов декорированы архитектурными элементами в виде головы животного или человека анфас. Главный фасад здания пластически усилен элементами ордерной композиции здания, украшен пальметтами в оформлении наличников окон второго этажа; лепными волютами маскаронами. Парадный вход в здание организован с помощью лопаток, верхняя часть лопаток крепится массивными кронштейнами, а нижняя часть (основание) оформлено «алмазными» камнями в форме параллелепипеда. Средняя часть лопаток и прямоугольные ниши украшены лепным декором с геральдическими и растительными мотивами. Плоскость

фасада между двумя арками оформлена лепным декором. Парадный вход в здание акцентирован замковым камнем в виде листа аканта. Верх оконных проемов в уровне первого этажа декорирован профилированным поясом и лепным архитектурным декором в виде раковины. Верхнюю центральную часть здания завершает карниз, а над ним расположена декоративная стенка, украшенная вертикальной порезкой и профилированным карнизом. Парапет крыши оформлен тумбами, декорированными пальметтами [6].

Доходный дом И. О. Шендерова внесен в перечень объектов культурного наследия регионального значения Ростовской области от 09.10.1998 № 411 Постановлением Главы Администрации Ростовской области [5].

В целях воссоздания и сохранения первоначального исторического облика памятника и обеспечения нормальных условий для его эксплуатации в качестве объекта культурного наследия регионального значения «Доходный дом И. О. Шендерова, арх. Н. М. Соколов», расположенного по адресу: г. Ростов-на-Дону, пр. Ворошиловский, 33/93, ул. Темерницкая/ул. Серафимовича, 96, литеры Б, Б2» был проведен ряд мероприятий по текущему ремонту и реставрации парадных фасадов.

Проектным работам предшествовали натурные обмеры и визуальные наблюдения за состоянием объекта культурного наследия «Доходный дом И. О. Шендерова», расположенного по пр. Ворошиловский, 33, которые показали следующие временные изменения и утраты во внешнем декоративно-пластическом слое и архитектурно-конструктивных элементах парадных фасадов памятника:

1. многочисленные волосные и температурные трещины, «бухтение» и осыпание фрагментов в штукатурном слое балконных плит, кордона цоколя, рустованной поверхности стен, поэтажных и карнизных тягах, в том числе на поверхностях штукатурного декора памятника в местах замачивания;

2. утраты фрагментов окрасочного слоя, его шелушение, наличие следов коррозии, множество выщерблин и мелких сколов на поверхности лепного и штукатурного декора, в том числе кордона цоколя, декоративных рустованных лопатках, на тумбах парапета; шелушение краски на поверхности подоконных отливов, фартуков и водосточных труб;

3. наличие следов прошлых ремонтов – заделка и зачеканка цементно-песчаным раствором в поверхности стен, фрагменты окраски фасадов различным колером и т. п.;

4. имеют место следы активного замачивания и загрязнения памятника: наличие грязных «затеков» по рустованным поверхностям стен, лопаток, декоративных ниш, замачивание междуэтажных и карнизных тяг, загрязнение элементов декора;

5. наличие дефектов во внешнем отделочном слое карнизных тяг, фрагментарная утрата профиля тяг и руста стен;

6. наблюдаются дефекты во внешнем слое деревянных входных дверей с арочной фрамугой со стороны главного парадного фасада по пр. Ворошиловский, в том числе: шелушение и помутнение лакового покрытия, многочисленные царапины, «затиры» и мелкие сколы на поверхности дверных полотен; разбалансировка дверных петель, ручек, грязные затеки в местах стыка элементов.

В процессе текущего ремонта и реставрации фасадов бывшего доходного дома И. О. Шендерова были выполнены следующие виды работ:

1). Ремонт и реставрация профилированного кордона цоколя, междуэтажных тяг и карнизного пояса: сбивка разрушенного штукатурного слоя кордона цоколя, междуэтажных тяг и карнизного пояса (толщ. до 30 мм),

не обладающего несущей способностью (в зоне замачивания), а также в местах «бухтения» и отслаивания; зачистка поверхности, промывка водой под давлением; восстановление профиля кордона цоколя, тяг и карнизного пояса методом «протяжки по шаблону» штукатурным слоем (до 30 мм) из цементно-песчаного раствора М150 F150 по сетке типа ПВС; закрепление «новой» штукатурки и примыкающей «исторической» грунтовочным концентратом на силикатной основе для упрочнения минеральных оснований и выравнивания впитывающей способности поверхностей; зачистка остальной коррозированной поверхности кордона цоколя, междуэтажных тяг и карнизного пояса со старыми лакокрасочными слоями, не обладающими несущей способностью, а также с трещинами с помощью металлических щеток, шлифовочного оборудования либо воды под давлением; расшивка трещин (раскрытием 0,2–3,0 мм) металлическими шпателями, скребками; промывка трещин от пыли и старых грунтовочных и пропиточных материалов водой под давлением; обработка трещин и мелящихся поверхностей грунтовкой глубокого проникновения; заполнение трещин (раскрытием 1–3 мм) эластичной шпатлевкой для заполнения трещин; шпатлевание крупных неровностей (до 20 мм) и коррозированных участков в профиле кордона цоколя, тяг и пояса шпатлевкой; шпатлевание и оптическое выравнивание (до 5 мм) профилей фасадной шпатлевкой; грунтование (закрепление и гидрофобная обработка) восстановленной замачиваемой поверхности кордона цоколя, тяг и карнизного пояса; финишная окраска атмосферостойкими составами высококачественной фасадной краской.

2). Ремонт и реставрация поверхностей стен, балконных плит, парапетов:

а) восстановление разрушенного штукатурного слоя в зоне замачивания: сбивка разрушенного штукатурного слоя стен, балконных плит (до 30 мм), не обладающего несущей способностью, а также в местах «бухтения» и отслаивания; зачистка поверхности, промывка водой под давлением; набивка стальной сетки типа Вр1 Ø 1,8 мм с яч. 25 × 25 мм; восстановление штукатурного слоя стен (до 30 мм) цементно-песчаным раствором М150 F150 по сетке; закрепление «новой» штукатурки и примыкающей «исторической» грунтовочным концентратом на силикатной основе для упрочнения минеральных оснований и выравнивания впитывающей способности поверхностей: шпатлевание и оптическое выравнивание (до 5 мм) минеральной поверхности стен фасадной шпатлевкой; грунтование (закрепление и гидрофобная обработка) восстановленной замачиваемой поверхности стен.

б) Укрепление старого дисперсионного покрытия стен, балконных плит, парапетов в зонах замачивания и коррозии шпатлевочного и штукатурного слоя фасада, мелящихся и сыплющихся лакокрасочных покрытий и ремонт поверхностей с микротрещинами и волосными трещинами в штукатурном слое (раскрытием 0,2–1,0 мм) и в старых дисперсионных покрытиях фасада; зачистка коррозированных поверхностей и старых лакокрасочных слоев, не обладающих несущей способностью, а также микротрещин с помощью металлических щеток, шлифовочного оборудования либо воды под давлением; расшивка трещин (раскрытием 0,2–1,0 мм) металлическими шпателями, скребками; мелящиеся поверхности и трещины обработать грунтовкой глубокого проникновения; шпатлевание крупных неровностей (до 20 мм) и коррозированных участков; шпатлевание и оптическое выравнивание (до 5 мм) минеральной поверхности стен фасадной шпатлевкой.

в) Реставрация всей поверхности стен, балконных плит, парапетов: зачистка остальной поверхности стен

здания (не «бухтящего» штукатурного слоя) металлическими щетками, шлифовочным оборудованием от старых слоев краски, грязи, пыли, затеков либо промывка водой под давлением; грунтовочное окрашивание всей поверхности стен, балконных плит и парапетов; финишная окраска атмосферостойкими составами высококачественной фасадной краской.

3). Реставрация элементов декоративного убранства фасадов:

а) восстановление штукатурного декора: сбивка и зачистка штукатурного слоя (толщиной до 20 мм) поврежденных деталей лопаток, антаблемента (сухарики) и др.; выравнивание и реставрация поврежденных деталей шпатлевочным слоем (толщ. до 20 мм); зачистка остального коррозированного шпатлевочного и штукатурного слоя деталей и их поверхностей со старыми лакокрасочными слоями, не обладающими несущей способностью, а также с волосными трещинами с помощью металлических щеток, шлифовочного оборудования либо воды под давлением; расшивка трещин (раскрытием 0,2–1,0 мм) металлическими шпателями, скребками; мелящиеся поверхности и волосные трещины обрабатывать грунтовкой глубокого проникновения; бережная расчистка остальных деталей от старых слоев краски, грязи, затеков с сохранением профиля элементов; шпатлевание и оптическое выравнивание (до 5 мм) элементов фасадной шпатлевкой; грунтовочное окрашивание всей поверхности деталей грунтовкой; финишная окраска деталей атмосферостойкими составами высококачественной фасадной краской.

б) Ремонт и восстановление лепного декора: ликвидация небольших выщерблин, царапин, раковин и сколов гипсом марки Г-7 с последующей затиркой, шлифовкой и грунтованием деталей гидрофобными составами; демонтаж деформированного (деформированного) элемента декора (руста); демонтаж готового отреставрированного элемента – приведение в модель; изготовление формы для отливки элемента; отливка элемента из гипса Самарского марки Г-7; глубокая пропитка гипсового элемента грунтовкой; крепление элементов (готового и вновь отлитого) к основанию (плоскости антаблемента) с помощью оцинкованных (латунных) анкеров Ø 6А1, L=120 мм по лидерным отверстиям; заделка всех стыков и неровностей фасадной шпатлевкой; обработка установленных деталей грунтовкой; финишная окраска деталей атмосферостойкими составами высококачественной фасадной краской.

4). Ремонт фартуков, отливов, водосточных труб: фрагментарная окраска либо демонтаж деформированных и корродируемых фрагментов водосливной системы (отливов на окнах, фартуков на тягах и отдельных секций водосточных труб); замена секций водосточных труб и установка новых отливов и фартуков из плоского кровельного листа с полимерным покрытием типа Пурал (коричневого цвета) по системе «Металл-профиль».

5). Ремонт и реставрация входных дверей: зачистка поверхностей с царапинами, мелкими сколами наждачной бумагой с последующим шлифованием и выравниванием; восстановление глубоких сколов шпатлевочными составами по дереву; зачистка остальной поверхности дверей и фрамуги от мелящихся и сыплющихся лакокрасочных покрытий; окраска поверхности матированным лаком; мелкий ремонт фурнитуры дверей.

Работы выполнялись с 20.04.15 г. по 24.05.15 г. [8].

Выводы

1. Проведенное исследование показало, что анализ опыта охраны и реставрации одного из важнейших произведений архитектора Н. М. Соколова – доходного дома И. О. Шендерова в Ростове-на-Дону имеет важное теоретическое и практическое значение для формиро-

вания современной методики проведения реставрационных работ на объектах культурного наследия.

2. Проведенные мероприятия по реставрации доходного дома И. О. Шендерова, подробно рассмотренные в статье, позволили вернуть зданию аутентичный облик конца XIX века.

3. Опыт реставрации и охраны доходного дома И. О. Шендерова может быть широко использован в современной практике реставрации исторической архитектуры, в том числе произведений рационального направления архитектуры, «кирпичного стиля».

Литература

1. Барановский, Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892/Сост. по материалам, собр. Ин-том гражд. инж. и по данным из арх. М-ва вн. д. и др. источников, гражд. инж. Г. В. Барановский. – Вып. 1. – Санкт-Петербург, 1893. – 400 с.
2. Есаулов, Г. В. Архитектор Ростова Николай Соколов // Строймартет. – 1998. – № 2. – С. 35–36
3. Волошинова, Л. Ф. Перекресток столетий. Судьбы улиц, площадей, зодчих. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2004. – 224 с.
4. Охранное обязательство № 65–17 на объект культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: «Доходный дом И. О. Шендерова, арх. Н. М. Соколов», от 14.04.2017; Архив комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области. – Ростов-на-Дону, 2017. – 22 с.
5. Реставрация фасадов объекта культурного наследия «Доходный дом И. О. Шендерова», расположенного по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 96/Закупки контур. – URL: <https://zakupki.kontur.ru/0358300385912000004> (дата обращения: 07.05.2020)
6. Белова, А. Ю., Петрусенко, Ю. В. Романтизм в архитектуре доходных домов творчества архитектора Николая Матвеевича Соколова // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2020. – № 1. – С. 32–39
7. Дореволюционная Россия на фотографиях. Ростов-на-Дону. Часть 4. Большой пр. Дом И. О. Шендерова – URL: <https://humus.livejournal.com/2446524.html>. (дата обращения: 07.05.2020)
8. Научно-реставрационный отчет о выполненных ремонтно-реставрационных и отделочных работах по фасадам здания – объекта культурного наследия регионального значения «Доходный дом И. О. Шендерова, арх. Н. М. Соколов», расположенного по адресу: г. Ростов-на-Дону, пр. Ворошиловский, 33/93, ул. Темерницкая/ул. Серафимовича, 96, литеры Б, Б2. Архив фирмы «000 ТМ Новая Аттика». – Ростов-на-Дону, 2019. – 15 с.

References

- Baranovskiy, G.V. (1893). Yubileyny sbornik svedeniy o deyatel'nosti byvshih vospitannikov Instituta grazhdanskikh inzhenerov (Stroitel'nogo uchilishcha) 1842-1892: Sost., po materialam, sobr. In-tom grazhd. inzh. i po dannym iz arh. M-va vn. d. i dr. istochnikov, grazhd. inzh. G.V. Baranovskiy. Vyp. 1. [Anniversary collection of information about the activities of former students of the Institute of civil engineers (Construction school) 1842-1892: Based on materials collected by the Institute of civil engineers and according to data from the archives of the Ministry of Internal Affairs and other sources, civil eng. G. V. Baranovsky. Issue 1]. St. Petersburg.
- Belova, A.Yu., & Petrusenko Yu.V. (2020). Romantizm v arhitekture dohodnykh domov tvorchestva arhitekтора Niolaya Matveevicha Sokolova [Romanticism in the architecture of apartment buildings of the architect Niolai Matveevich Sokolov]. Vestnik BGTU im. V.G. Shuhova, 1, 32-39. DOI: 10/34031/2071-7318-2020-5-1-32-39.
- Dorevolucionnaya Rossiya na fotografiyah. Rostov-na-Donu. Chast' 4. Bol'shoj pr. Dom I.O. Shenderova: [Pre-revolutionary Russia in photographs. Rostov-on-don. Part 4. Bolshoy Ave. House of I. O. Shenderov]. Retrieved May 7, 2020, from <https://humus.livejournal.com/2446524.html>
- Esaulov, G. V. (1998). Arhitektor Rostova Nikolay Sokolov [Architect of Rostov Nikolay Sokolov]. Strojmartet, 2, 35-36.
- Nauchno-restavracionnyy otchet o vypolnennykh remontno-restavracionnykh i otdelochnykh rabotah po fasadam zdaniya - ob"ekta kul'turnogo naslediya regional'nogo znacheniya "Dohodnyy dom I.O. Shenderova, arh. N.M. Sokolov", raspolozhennogo po adresu: g. Rostov-na-Donu, pr. Voroshilovskiy, 33/93, ul. Temernitskaya/ul. Serafimovicha, 96, litery B, B2. [Scientific and restoration report on the completed repair and restoration and finishing works on the facades of the building – an object of cultural heritage of regional significance "I. O. Shenderov's rental house, arch. N. M. Sokolov", located at the address: Rostov-on-don, 33/93 Voroshilovskiy Ave., 96 Temernitskaya St./Serafimovicha St., letters B, B2.] (2019). Arhiv firmy "000 ТМ Novaya Attika". Rostov-on-don.
- Ohrannoe obyazatel'stvo № 65-17 na ob"ekt kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii: "Dohodnyy dom I.O. Shenderova, arh. N.M. Sokolov", ot 14.04.2017 [Protection obligation No. 65-17 for the object of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation: "I. O. Shenderov's rental house, arch. N. M. Sokolov", as of 14.04.2017]. (2017). Arhiv komiteta po ohrane ob"ektov kul'turnogo naslediya Rostovskoy oblasti. Rostov-on-don.
- Restavraciya fasadov ob"ekta kul'turnogo naslediya "Dohodnyy dom S. Shenderova", raspolozhennogo po adresu: g. Rostov-na-Donu, ul. Serafimovicha, 96 [Restoration of facades of the object of cultural heritage "S. Shenderov's rental house", located at the address: Rostov-on-don, 96 Serafimovicha St.]. Zakupki kontur. Retrieved May 7, 2020, from <https://zakupki.kontur.ru/0358300385912000004>
- Voloshinova, L. F. Perekrestok stoletij. Sud'by ulic, ploshchadey, zodchih [The Crossroads of centuries. The fate of streets, squares, and architects]. (2004). Rostov-on-don: Donskoi izdatel'skii dom.

В статье представлены результаты исследования геокультурного потенциала уральского города Ирбита. В 2021 город на Нице отметит 390-летие. Исторически сложившееся сочетание предпринимательства приезжих коммерсантов и сплоченности местной корпорации придавало мощный импульс для развития городской архитектуры, искусства, театра. Сегодня Ирбит нуждается в сценариях креативности для реализации стратегии городского геокультурного брендинга. Для анализа используются идеи Ч. Лэндри и Д. Н. Замятина.

Ключевые слова: геокультурный потенциал; архитектурная среда; Ирбитская ярмарка; культурные институции; креативный город; дизайн среды. /

The article presents the results of the study of the geocultural potential of the Ural town of Irbit. In 2021 the town on the Nitsa is going to celebrate its 390th birthday. The long-standing combination of non-resident traders' activities and the solidarity of the local corporation gave a big boost to the development of urban architecture, art and theatre. Today, Irbit needs creative scenarios for realization of the city's geocultural branding strategy. The ideas of Ch. Landry and D. N. Zamyatin are used in the analysis. **Keywords:** geocultural potential; architectural environment; Irbit fair; cultural institutions; creative city; environmental design.

Ирбит. Город-ярмарка на Нице / Irbit. A market town on the Nitsa

ТЕКСТ

Юлия Дианова
Сергей Дианов /
text
Julia Dianova
Sergey Dianov

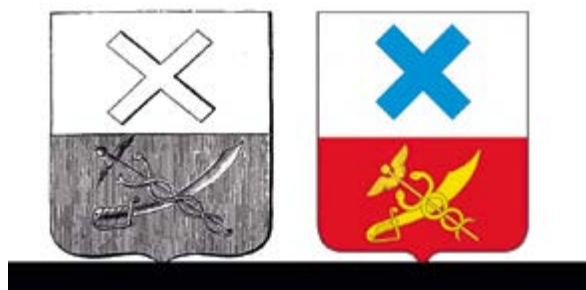
Геокультурный потенциал Ирбита

Геокультурный образ Ирбита складывался почти четыре столетия на основе природно-ландшафтных, торгово-промышленных и культурных особенностей. Город основан в 1631 г. как пашенная слобода в месте, где сходились две реки – Ница и Ирбит. Свообразие речного ландшафта впоследствии отразилось в названии и гербе города, в его транспортной инфраструктуре и архитектурной среде. Благодаря выгодному географическому положению уже в 1643 г. Ирбеевская слобода стала местом организации ярмарочной торговли, равняясь на соседние города – Верхотурье, Тюмень, Тобольск. Во второй половине XVII в. населенный пункт превратился в крупный торгово-ремесленный центр, связывающий урало-сибирский регион с европейской частью российского государства. С 1699 г. в Ирбит стали поступать товары из Китая (ткани, фарфор, чай, специи) [9]. Ко второй половине XVIII в. Ирбитская ярмарка стала главным центром закупки зерна и других товаров, следующих в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. На рубеже XVIII – XIX вв. особенную деловую активность в ярмарочной торговле проявляли московские купцы, связанные с пограничным торгом в Кяхте. В награду за верность престолу при отражении нападений «злодейских шаек» (отрядов Е. И. Пугачева) в 1775 г. указом Екатерины II Ирбит получил статус города, а 2 февраля 1776 г. – свой герб. Вот его описание: «Прямо стоящий щит, разрезанный поперек надвое, в верхней части в серебряном поле голубой Андреевский крест, показывающий непоколебимую верность жителей города Ирбита к Ее Императорскому Величеству; в ниж-

ней части в красном поле положенные на крест золотые сабля и Меркуриев жезл, означающие, первое, поражение сим оружием злодеев, а второе упражнение в торговле жителей сего места» (рис. 1). В феврале 1883 г. на обранные горожанами средства в Ирбите был установлен памятник Екатерине II, изготовленный художником-монументалистом М. О. Микешным (рис. 2). В революционных событиях XX в. памятник императрице был уничтожен, и только в 2013 г. монумент был восстановлен по фотографиям и чертежам из петербургских архивов (рис. 3). В настоящее время на Урале это единственный памятник Екатерине II Великой. Несмотря на инициативы творческих групп Екатеринбург и Перми, которые в 2023 г. предполагают провести юбилейные торжества – трехсотлетие со дня основания – вопрос об установлении памятника императрице в этих городах остается пока без внимания городских властей.

Ярмарочный торг в Ирбите проходил ежегодно в феврале, поэтому Ирбитскую ярмарку называли «зимней» (рис. 4). Именитые российские купцы считали необходимым иметь в городе свой собственный дом и магазин (рис. 5). В свою очередь, городские власти и местное население стремились создавать и развивать городскую социокультурную среду. Как отмечает М. Ф. Ершов, в Ирбите была детально продумана организация охраны гигантского количества товаров, складированных под открытым небом, много делалось для поддержания правопорядка. Если на ярмарке приезжие гости в непригодной обстановке заключали контракты, бурно отменяли удачные сделки, то местным жителям в торговый период приходилось много и самоотверженно работать [5, с. 84]. В городе развивалась уличная среда, возводились жилые особняки, гостиницы для торговцев, торговые ряды, складские помещения (рис. 6). Интерес к Ирбиту проявили известные архитекторы Р. И. Карвовский (1830–1897) и Ю. О. Дютель (1824–1908), проектируя здания в стилистике петербургского модерна. С середины XIX в. в городе начали возводиться двухэтажные каменные дома. В 1885 г. основным поставщиком прочного красного кирпича для строительства стал И. Ф. Торопов [6, с. 170]. На многих фасадах кирпичных домов впервые появился архитектурный декор. В сохранившихся

^ Рис. 4. Ярмарка в Ирбите. Роспись. Вокзал Екатеринбург-Пассажирский. 2001. – URL: <https://66.ru/news/society/225175/>

> Рис. 1. Герб Ирбита. 1776. – URL: <http://irbit.info/business/gerb.php>

^ Рис. 2. Памятник Екатерине II. 1906.
– URL: <http://ekaterina.e812.ru/pamyatniki/Irbit.html>

^ Рис. 5. Магазин обуви купцов Кривцовых. Конец XIX в. Открытка [13]

и немногих отреставрированных в наше время образцах декоративной кирпичной кладки можно увидеть символы Ирбита – «Андреевский крест» и скрещенные «саблю и жезл Меркурия». Заметим, что декоративные «кресты» у нынешних горожан и туристов больше ассоциируются с речным городским ландшафтом (слияние рек Ницы и Ирбита) (рис. 7). В XIX – нач. XX вв. Ница была судоходной артерией, а в 1864 г. учреждена Ирбитская пароходная компания. С 1884 по 1897 год по Нице ходило 14–15 пароходов, 15–20 барж, 1–2 винтовые шхуны (рис. 8–9).

Торгово-предпринимательский имидж Ирбита оказался востребован в первые годы Советской власти. В феврале 1922 г. в городе вновь была проведена ярмарка; городские жители с энтузиазмом восприняли это знаковое явление. В 1923–1929 гг. Ирбитская ярмарочная торговля охватывала основные формы коммерческой активности приезжего и местного населения. Советские служащие уделяли пристальное внимание вопросам восстановления зданий и построек, входящих в бывший ярмарочный комплекс. В здании ирбитского Пассажа (1864) и городском кинотеатре «Луч» посетителям демонстрировалась кинореклама товаров фабричного производства [4]. В 1930 г. ярмарочная торговля в Ирбите была прекращена, а в течение последующих десятилетий город утратил этот важный геокультурный ресурс.

Новым явлением, принесшим Ирбиту всесоюзную известность, стал мотоцикл «Урал», спроектированный московскими конструкторами на базе немецкого мотоцикла «BMW R-71». В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) мотоциклы (модель М-72) в Ирбите собирали эвакуированные из столицы рабочие-мотозаводцы. Всего за военный период Ирбитским мотоциклетным заводом было выпущено 9799 машин [2]. В послевоенный период Ирбитский мотозавод стал одним из флагманов машиностроения и крупнейшим производителем тяжелых мотоциклов с коляской. В сентябре 1967 г. решением Ирбитского городского Совета депутатов трудящихся утвержден новый вариант городского герба, где размещался силуэт мотоцикла с мотогонщиком (рис. 10). В начале 1990-х мотозавод, как и многие предприятия, вступил в полосу банкротств. Производственные мощности и кадровый потенциал резко сокращались.

v Рис. 3. Памятник Екатерине II. Восстановлен в 2013. Фото Ю. Диановой

^ Рис. 7. Реки Ирбита – Ница и Ирбит. – URL: <https://i.ytimg.com/vi/5LLxTc08Tik/maxresdefault.jpg>

v Рис. 6. Торговая площадь и торговые ряды. Конец XIX в. Открытки [13]

В дореволюционный и советский периоды еще одним ресурсом развития геокультурной среды Ирбита была театральная жизнь города. В феврале 1846 г. в Ирбите открылся первый на Урале драматический театр (рис. 11). В первом спектакле «Ревизор» Н. В. Гоголя роль городничего играл П. А. Соколов, заслуженный профессиональный антрепренер на Урале. Спустя сто лет после основания театру было присвоено имя А. Н. Островского (1950). В 1959 г. на сцене драматического театра играли популярные советские артисты В. П. Марецкая и Р. Я. Плятт. Одну из первых режиссерских работ «Пушкин» представил В. Я. Мотыль, будущий мастер кинорежиссуры («Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья»). До начала 1980-х гг. ирбитскими режиссерами ставились спектакли по произведениям писателей-классиков (А. Н. Островского, А. П. Чехова, Д. Н. Мамина-Сибиряка) и советских писателей (Л. Б. Гераскиной, А. Л. Петрашевича и др.). В 1983 г. Ирбитский театр был закрыт на длительный ремонт, и новый театральный сезон состоялся только в 2000 г.

Состояние современной геокультурной среды Ирбита и его проблемы

В 1990–2000-е гг. в городской среде Ирбита накопилось множество проблем. В городе осталось 85 объектов историко-культурного наследия, из них 68 памятников архитектуры. Многие из них находятся в кризисном состоянии: полуразрушенные стены, отсыревшая штукатурка, отсутствие оконных рам, ветхость дверных проемов (рис. 12). Постоянный мониторинг визуально-эстетической среды города, осмотр его достопримечательностей дает возможность сделать вывод, что облик Ирбита как бывшей торговой столицы фактически «стерт». Серьезной проблемой мы считаем утрату технологий и техник экстерьерного оформления зданий. При этом важна не только реставрация данных объектов культуры, но и восстановление декоративных и дизайнерских традиций.

Бывшие производственные корпуса Ирбитского мотоциклетного завода в 1990-е гг. были отданы под коммерческие площади и магазины. Только в одном из них функционирует ГБУК СО «Ирбитский государственный музей мотоциклов», открытый в 2004 г. (рис. 13). В городе

^ Рис. 8. Пароход на Ирбитской пристани.
Конец XIX в. – URL: http://irbit.info/history/arh_photo/45/

^ Рис. 9. Городская пристань Ирбита.
Конец XIX в. – URL: http://irbit.info/history/arh_photo/45/

работает профессиональное образовательное учреждение – ГАПОУ «Ирбитский мотоциклетный техникум», отметивший 75-летний юбилей 6 апреля 2019 г. Ежегодно в Ирбите проходят этапы Всероссийских чемпионатов по мотокроссу. Так, 15–18 июня 2018 г. здесь состоялся Чемпионат России по мотокроссу на мотоциклах с колясками и Кубок МФР по мотокроссу на мотоциклах с колясками в классе «Национальный». Однако в соревнованиях ирбитские мотоциклы представлены скудно – всего по три машины; большинство мотогонщиков выступают на импортных моделях. В 2019 г. ОАО «Ураломото» (преемник Мотозавода) для сборки моделей мотоциклов привлекалось менее 150 специалистов, а 99% (1 тыс. ед.) продукции экспортировались в США, Канаду, Китай, Австралию. Мотозавод не формирует преемственность кадров, отсутствуют программы передачи высококвалифицированного опыта от бывших тружеников завода молодым специалистам.

За последние 20 лет Ирбитский драматический театр смог восстановить театральный репертуар, сформировать творческий коллектив, который сегодня состоит из артистов разных поколений. Кроме ежегодных театральных сезонов здесь проводится фестиваль «Ирбитские подмошки», а также фестиваль спектаклей для детей и юношества «Зазеркалье». Несмотря на эти позитивные события, Ирбит не стал местом для продвижения весьма перспективного направления – театрального туризма.

v Рис. 11. Здание драматического театра в Ирбите.
Открытка. – URL: http://irbit.info/history/arh_photo/44/

Театральный репертуар не всегда привлекает горожан и гостей города. Так, 2 ноября 2020 г. на спектакль «Шутки классика» (по произведениям А. П. Чехова) пришло не более 15 зрителей. В праздничные и выходные дни театр недоступен для посещения гостями города.

Уместно привести слова из стихотворения ирбитского поэта Анатолия Ландышева:

*Теперь не так, как прежде, мой город знаменит.
Моя страна забыла купеческий Ирбит.
В Советскую эпоху трудились наравне:
Ирбитский мотоцикл был нужен всей стране.
Прошла пора расцвета, и город приуныл.
Кто умер, кто уехал на поиски судьбы...*

< Рис. 12. Историко-культурные объекты Ирбита.
2019; 2020.
Фото С. Дианова

> Рис. 14. Ирбитская ярмарка–2019. – URL: <https://34355.ru/afisha/yarmarka/2777>

С 1996 г. в Ирбите происходит прогрессирующая убыль населения. Если в 2000 г. в городе проживало 47900 чел., то в 2019 г. уже только 36668 чел. Директор Музея народного быта М. И. Смердов в одном из интервью открыто изложил свое мнение о происходящем в городе: «Город дряхлеет. Нам обещали сделать город-сад, но сейчас этого не видно. Мы находимся в тупике, хотя у нас хорошее месторасположение – между Тюменью и Екатеринбургом. Хорошее у нас и культурное, историческое и архитектурное наследие, которое мы не сохраняем» [10]. Таким образом, Ирбит в настоящее

время нуждается в сценариях креативности для реализации стратегии городского геокультурного брендинга. Согласно геокультурной теории, геокультурный брендинг территорий – это проектно-сетевая деятельность, направленная на прикладное использование геокультуры территории (региональная идентичность, историко-культурное наследие, архетипические географические образы, локальные мифы или культурные ландшафты) в целях формирования и продвижения социально значимого и эффективного территориального образа [7, с. 26].

Сценарии креативности для Ирбита

Для решения обозначенных проблем считаем возможным сформулировать предложения по созданию в Ирбите креативной среды, в которой поддерживался бы его геокультурный образ – города-ярмарки на Нице. В качестве методологической взята теория креативного города британского исследователя Ч. Лэндри. Согласно Лэндри, культура является хранилищем скрытых возможностей, которые должны быть обнаружены и задействованы в ходе творческого действия: «Культурные ресурсы – это материал, используемый для создания базовых ценностей города, сырье, которое приходит сегодня на смену углю, стали и золоту. Креативность – метод эксплуатации и возобновления этих ресурсов» [8, с. 30]. Итак, обозначим возможные сценарии креативности для Ирбита в среднесрочной перспективе (2021–2031).

Сценарий 1. «Город-ярмарка – центр народного прикладного искусства и ремесел»

Сценарий предполагает развертывание ярмарочного ресурса и создание на его основе экономики впечатлений. В 2003 г. городские власти Ирбита впервые провели акции, нацеленные на превращение исторического явления – Ирбитской ярмарки – в туристический «бренд». Ежегодно в течение нескольких августовских дней в Ирбите проводятся торговые выставки, народные гулянья, презентация местной и привозной продукции. Так, в период с 9 по 11 августа 2019 г. состоялась семнадцатая межрегиональная выставка-ярмарка (рис. 14). Современный «ярмарочный бренд» Ирбита положительно оценивают его соседи. Авторы исследования, посвященного перспективному геобрендингу Красноуфимска,

^ Рис. 13. Экспозиция Ирбитского музея мотоциклов. – URL: <http://www.gbuksioigmm.ru/ekspozitsiya/>

подчеркивают, что на фоне Ирбитской ярмарки другим местным ярмаркам сегодня сложно выдерживать конкуренцию [1, с. 65]. Однако ни уникальным торгово-экономическим явлением, ни туристским брендом ярмарочные дни в Ирбите все же не стали. Назовем причины, которые не позволяют воссоздать в культурном ландшафте города ярмарочный геобренд.

Во-первых, это слабое выстраивание маркетинговой стратегии продвижения ирбитской «Выставки-ярмарки». Реклама ее перспективных предложений, в сущности, не представлена даже на уровне уральской медиа-информационной среды. Наглядный пример демонстрируют пермские туристические фирмы, предлагающие клиентам туристические продукты, в которых предпочтение отдается предложениям о посещении только близлежащих с Ирбитом культурных мест (Туринские горячие источники, заводская архитектура Алапаевска, Режа, Невьянска). Во-вторых, вполне понятна инициатива городской администрации проводить ярмарочные дни на историческом месте, где размещались торговые ряды. Однако на протяжении семнадцати лет здесь все еще не сложился креативный инфраструктурный комплекс. Августовские ярмарочные дни проводятся в своеобразном «палаточном лагере», на входе и выходе из которого посетителям бросается в глаза необустроенная территория: находящийся в аварийном состоянии бывший кинотеатр, полуразвалившиеся дома-памятники XIX в., заросшие травой газоны городской площади. Как отмечал специалист по маркетингу и брендингу городов Д. В. Визгалов, важен не столько сам продукт или услуга, а впечатление от действия по их приобретению. Город прекрасно приспособлен для производства экономики впечатлений: «Когда эмоции и ассоциации, которые вызывает город, удачно «оркестрованы» и при этом разнообразные целевые аудитории находят в них каждая свои позитивные черты, можно сказать, что бренд города сформирован» [3, с. 19]. В-третьих, превращение Ирбитской ярмарки в туристический «бренд» предполагает существенное увеличение численности туристов, желающих ее посетить. Приведем статистические данные. В 2015 г. выставку-ярмарку посетили 25 тыс. чел., в 2016 – 30 тыс. чел., в 2017 и 2018 – около 37 тыс. чел. Причем коли-

чество прибытий экскурсантов в Ирбит за весь 2017 г. составило 23,3 тыс. чел., в 2018 г. порядка 24,5 тыс. чел., а в 2019 г. всего 25 тыс. чел. Это показывает, что основной контингент посетителей ярмарки составляют сами ирбитчане, приезжие предприниматели и представители торговых сетей. Медленные темпы развития в городе сферы индустрии гостеприимства, очевидно, оказывают влияние и на прогнозирование городскими властями ситуации с увеличением турпотока. Согласно «Прогнозу социально-экономического развития МО город Ирбит на 2019–2021 годы» в 2020 г. количество прибытий экскурсантов составит только 27 тыс. чел., а в 2021 г. ожидается 28,3 тыс. чел. [12]. Такой довольно скромный прогноз свидетельствует о том, что существующая туристско-гостиничная инфраструктура Ирбита в ближайшей перспективе просто не в состоянии принять значительно большее количество туристов. Таким образом, чтобы Ирбитская ярмарка стала сценарием креативности для геокультурного брендинга города, необходимо сконцентрировать серьезные усилия маркетингового, хозяйственно-инфраструктурного и финансово-экономического характера. Причем городским властям и местным сообществам необходимо активнее выносить на общественные слушания вопросы, связанные с организацией и проведением ярмарки. Считаю необходимым обратиться к опыту Каргополя, который осенью 2019 г. был принят в члены Сети креативных городов ЮНЕСКО как креативный город, где успешно развивается декоративно-прикладное и народное искусство.

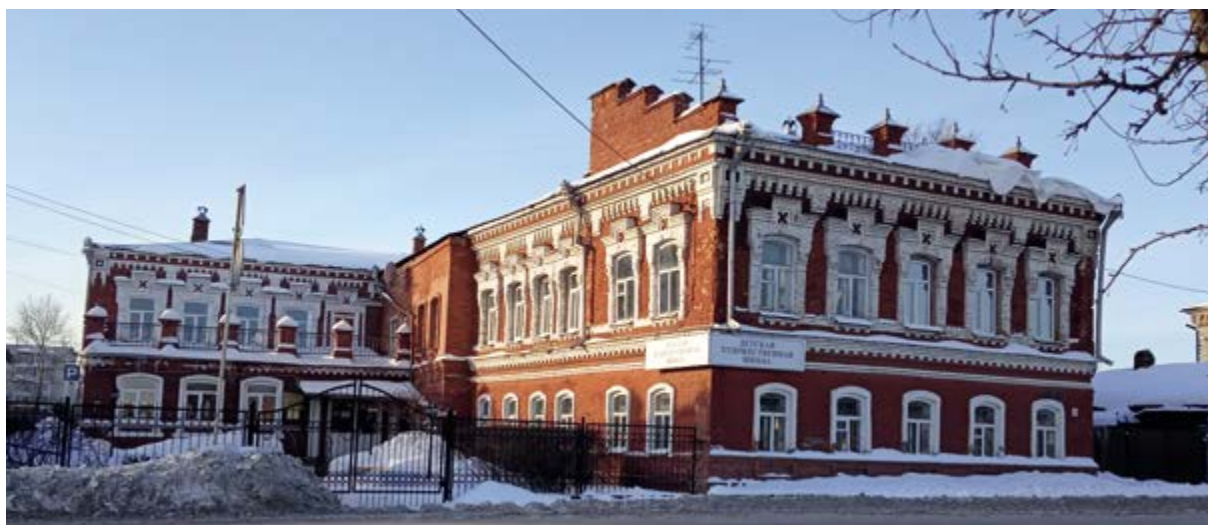
Сценарий 2. «Уральский Петербург: уникальная архитектура и средовой дизайн»

Еще на рубеже XIX – XX вв. интеллектуалы, посещавшие Ирбит, называли город «уральским Петербургом» за его уникальную архитектурную среду (Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. Н. Давыдов). Несмотря на отмеченные выше кризисные явления, во внешнем облике ряда городских зданий сохранились прекрасные образцы декоративной кирпичной кладки. Ирбитские «кресты» следует выделить как особый стиль экстерьерного оформления зданий (рис. 15). Архитектурное своеобразие логично транслировать не только через историческую символику,

v Рис. 10. Герб Ирбита. 1967. – URL: <http://irbit.info/business/gerb.php>

> v Рис. 15. «Кресты» на городской архитектуре Ирбита. Фото Ю. Диановой

но и привязать к речному ландшафту. В средовом дизайне города возможно сочетать ландшафтные и инфраструктурные составляющие. Например, реконструировать пристань на Нице, обустроить набережную и создать пешеходную улицу вдоль реки, восстановить заброшенный городской парк. Важна и художественно-стилевая композиция. Проектирование искусствоведческими средствами художественного образа набережной и пешеходной улицы – это креативный сценарий, позволяющий наполнить пространство новыми культурными объектами и прогнозировать вариации визуально-эстетического облика территории в долгосрочной перспективе. В 2019 г. екатеринбургские исследователи из Уральского архитектурно-художественного университета предложили проект организации в Ирбите многофункционального культурного центра на базе Пассажа – городского торгового павильона [6, с. 173–175]. Представляется, что сегодня Пассаж де-факто является местом сосредоточения деловой и культурной активности; вкладывать ресурсы в преобразование его облика действительно нужно. Однако

сам по себе отреставрированный Пассаж вряд ли станет объектом, на основе которого произойдет «возрождение народных промыслов, творческой активности, организации новых рабочих мест, привлекательности проведения туристических маршрутов» [6, с. 174]. Здание Пассажа необходимо включить в единую художественно-стилевую композицию средового дизайна Ирбита: архитектурные ансамбли – пешеходная набережная р. Ницы – городская пристань – торговая площадь (памятник Екатерине Великой) – Пассаж – парк культуры и отдыха – музеи Ирбита с городской символикой («Андреевский крест», «сабля и жезл Меркурия»). В зимний период времени образ «уральского Петербурга» возможно закреплять в ледовых скульптурных композициях, привлекая к культурно-творческой деятельности специалистов и обучающихся городской детской художественной школы.

Сценарий 3. «Мотоциклетная столица России – «Уральское настоящее»».

В основу данного сценария может быть положено творческое действие самих городских жителей. Большинство из них продолжают гордиться мотоциклетным прошлым и настоящим Ирбита. По сведениям директора музея мотоциклов А. И. Буланова, в настоящее время в разных странах мира продолжает эксплуатироваться более трех миллионов мотоциклов, произведенных в Ирбите [2]. В город на чемпионаты по мотокроссу приезжают профессиональные мастера спорта, а также люди, для которых мотоциклы являются своеобразным хобби (рис. 16). Пригородный ландшафт позволяет устраивать трассы для мотогонок, общедоступны технические средства для оперативного ремонта мототехники. Считаем, что если рассматривать имеющиеся ресурсы в комплексном формате «Мотозавод – Техникум – Музей – Мотокроссы – Байк-слеты», то данный имиджевый ресурс должен работать не только на привлечение туристов, но и создавать условия для инвестиционной привлекательности территории. Следует признать, что если еще в 1990-е годы в Екатеринбурге и Перми, в уральских городских и сельских поселениях мотоцикл являлся повседневным средством передвижения, то сегодня это уже довольно редкое явление. В основном

можно видеть мотоциклы зарубежного производства. У ирбитских профессионалов имеется уникальный шанс создать «Мото-кластер», включающий спортивные клубы, организации любителей мотодела, ассоциации российских байкеров, обучающие программы (курсы вождения, курсы по ремонту и обслуживанию техники), фестивали мототехники, конкурсные программы для экскурсантов и др. Необходимо использовать и зарубежный ресурс: несмотря на западные санкции, уральская мототехника пользуется хорошим спросом в США. В контексте данного сценария целесообразно вынести на общественное обсуждение идею создания на базе пустующих промышленных площадок и корпусов (Мотозавода, Автоприцепного завода, стекольного завода) Центра городской индустриальной культуры.

Сценарий 4. «Город театрального туризма: Ирбитский период»

Театральная творческая жизнь Ирбита выступает органичным культурным ресурсом, который должен быть нацелен на развитие геокультурного образа территории, привлекать инвестиции и побуждать реализовать востребованные социокультурные проекты. Речь идет о культуротворческих идеях, связанных с продвижением театрального туризма. В туристические продукты логично включать не только посещение театральных премьер, но и комплексные предложения: музейные театральные экспозиции, участие в костюмированных театрализованных действиях (бал, фестиваль), мастер-классы актерской профессии и т. д. При Драматическом театре действует детская театральная студия, творческий потенциал которой возможно применить для культурной социализации детско-юношеских туристических групп.

Драматический театр получил финансирование на 2020–2025 гг. в размере 150 млн. руб. [11]. Помимо капитального ремонта здания и обустройства интерьера необходимо, конечно, запустить проекты по благоустройству территории, прилегающей к зданию театра. На этой территории целесообразно создать скульптурные композиции (малые архитектурные формы, тематические скульптуры и проспекты и др.). Театральный туризм необходимо поддержать музейно-этнографическими ресурсами.

В городе функционирует историко-этнографический музей, музей народного быта. В музейных коллекциях сегодня можно увидеть образцы китайских фарфоровых сервизов, ваз и чайных упаковок, персидских и бухарских тканей, ковров и т. д. Уникальным культурным учреждением является Ирбитский государственный музей изобразительных искусств, где размещена особо ценная экспозиция «Мастера европейского искусства XV – XX веков» (подлинные работы А. Дюрера, Рембрандта, Ф. Гойи).

Заключение

Вышеперечисленные сценарии креативности требуют детальной проработки, финансовой поддержки, обеспечения специалистами и человеческими ресурсами. Практическая реализация предложений должна способствовать решению проблемы оттока населения из Ирбита в областные центры, создать новые рабочие места в сфере услуг. Накануне 400-летия Ирбита его геокультурный потенциал следует раскрывать через вовлечение городского населения в процесс культуротворческой деятельности, направленной на развитие креативности городских пространств. Своеобразие городского культурного ландшафта, современные художественные, театральные и мультимедийные интерпретации на исторические и современные сюжеты, интерес ирбитчан к истории древней земли – все это в комплексе должно стать мощным генератором выработки концептуальных основ для креативного города, дающего людям понимание перспектив их духовного развития и творческих решений повседневных забот.

Литература

1. Беляева, М. А., Ладыгина, Т. А. Город земских традиций: в поисках уникального образа уральского города // Вестник культуры и искусств. – 2019. – № 1 (57). – С. 62–72
2. Буланов, А. И. Ирбитский мотоциклетный завод: история. – URL: <http://irbit.info/business/imz/> (дата обращения: 28.03.2020)
3. Визгалов, Д. В. Брендинг города. – Москва: Фонд «Институт экономики города», 2011. – 160 с.
4. ГКУСО. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 2. Л. 170–171

^ Рис. 16. Соревнования по мотокроссу. 2016. – URL: <https://sun9-36.userapi.com/c636731/v636731295/1d0ba/4ey2Wgw9-xw.jpg>

5. Ершов, М. Ф. Социокультурная эволюция городов Северного Зуралья в дореволюционный период: сравнительный анализ // Вестник угроведения. – 2015. – № 4 (23). – С. 79–90

6. Заграничнова, Л. А., Суворова, Е. А. Возрождение культуры малых городов России // Научный альманах. – 2019. – № 2 (52). – С. 169–175

7. Замятин, Д. Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от гения места к имиджевым ресурсам // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2015. – № 2. – Том 9. – С. 25–31

8. Лэндри, Ч. Креативный город = The creative city/пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрусталевой. – Москва: Классика-XXI, 2011. – 399 с.

9. Хохлов, А. Н. Китайские товары на Ирбитской ярмарке во второй половине XIX в. – начале XX в. // Общество и государство в Китае. – 2015. – № 2 (45). – С. 645–652

10. Шевалдин, Д. Ирбит изнутри: что не так со старым уральским городом // Аргументы и факты. – 2017. – 24 мая. – URL: http://www.ural.aif.ru/society/situation/irbit_iznutri_chno_ne_tak_so_starym_ural-skim_gorodom (дата обращения: 25.03.2020)

11. Постановление Правительства Свердловской области от 26 декабря 2018 г. № 977-00 «Об утверждении комплексной программы «Развитие Муниципального образования город Ирбит на 2018–2025 гг.». – URL: http://moirbit.ru/docs/2019_01_11/6zkFDdAHRBRi58YHnkbG3tz8Y.pdf (дата обращения: 27.03.2020)

12. Постановление администрации Муниципального образования город Ирбит от 15 ноября 2018 года № 1990-ПА «Об одобрении прогноза социально-экономического развития Муниципального образования город Ирбит на 2019–2021 годы». – URL: http://moirbit.ru/docs/2018_11_16/ekB6YR8A227NSD8RAyH6GbEb6.doc (дата обращения: 28.03.2020)

13. Ирбит купеческий: Набор открыток. – Ирбит: ИД «Печатный вал», 2010. – 10 илл.

References

Belyaeva, M. A., & Ladygina, T. A. (2019). Gorod zemskikh traditsii: v poiskakh universal'nogo obraza uralskogo goroda [The city of zemstvo traditions: in search of a unique image of the Ural town]. Vestnik kul'tury i iskusstv, 1(57), 62-72.

Bulanov, A. I. (n.d.). Retrieved March 28, 2020, from <http://irbit.info/business/imz/>

Ershov, M. F. (2015). Sotsiokulturnaya evolyutsiya gorodov Severnogo Zauralya v dorevolutsionnyi period: sravnitel'nyi analiz [Socio-cultural

evolution of the cities of North Zauralye in the pre-revolution period: comparative analysis]. Vestnik ugrovedeniya, 4(23), 79-90.

Irbit kupecheskiy: Nabor otkrytok [Merchant Irbit: Postcard deck] (2010). Irbit: ID "Pechatnyi val".

Khokhlov, A. N. (2015). Kitaiskie tovary na Irbitskoi yarmarke vo vtoroi polovine XIX v. – nachale XX v. [Chinese goods at the Irbit fair in the second half of XIX – early XX centuries]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae, 2(45), 645-652.

Landry, Ch. (2011). Kreativnyi gorod [The creative city] (V. Gnedovsky, & M. Khrustaleva, Trans.). Moscow: Klassika-XXI.

Postanovlenie administratsii Munitsipalnogo obrazovaniya gorod Irbit ot 15 noyabrya 2018 goda № 1990-PA "Ob odobrenii prognoza sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Munitsipalnogo obrazovaniya gorod Irbit na 2019–2021 gody." [Decree of the Municipal unit, the town of Irbit as of 15 November 2018 № 1990-PA "On approval of the forecast of the social and economic development of the Municipal unit, the town of Irbit for 2019–2021"]. Retrieved March 28, 2020, from http://moirbit.ru/docs/2018_11_16/ekB6YR8A227NSD8RAyH6GbEb6.doc

Postanovlenie Pravitel'stva Sverdlovskoi oblasti ot 26 dekabrya 2018 g. № 977-00 "Ob utverzhdenii kompleksnoi programmy 'Razvitie Munitsipalnogo obrazovaniya gorod Irbit na 2018–2025 gg.'" [Government Decree of Sverdlovsk Oblast as of 26 December 2018 № 977-00 "On validation of the complex program 'Development of the Municipal unit, the town of Irbit for 2018–2025'"]. Retrieved March 27, 2020, from http://moirbit.ru/docs/2019_01_11/6zkFDdAHRBRi58YHnkbG3tz8Y.pdf

Shevaldin, D. (2017, May 24). Irbit iznutri: chto ne tak so starym ural-skim gorodom [Irbit from inside: what is wrong with the old Ural town]. Argumenty i fakty. Retrieved March 25, 2020, from http://www.ural.aif.ru/society/situation/irbit_iznutri_chno_ne_tak_so_starym_ural-skim_gorodom

Sverdlovsk Oblast State Public Institution. Fund P-115, inv. 1, file 2, l. 170-171.

Vizgalov, D. V. (2011). Brending goroda [City branding]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda".

Zagranichnova, L. A., & Suvorova, E. A. (2019). Vozrozhdenie kul'tury malykh gorodov Rossii [Revitalization of the culture of small towns in Russia]. Nauchnyi almanakh, 2(52), 169-175.

Zamyatin, D. N. (2015). Geokulturnyi brending gorodov i territoriy: ot geniya mesta k imidzhevym resursam [Geocultural branding of cities and territories: from genius loci to image resources]. Sovremennye problem servisa i turizma, 2, Vol. 9, 25-31.

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Лев Толстой, «Анна Каренина»

Несмотря на недавнюю рекомпоновку федеральных округов, понятие «Байкальский регион» продолжает существовать. Три субъекта федерации – Забайкальский край, республика Бурятия и Иркутская область – объединены соседством с великим озером-морем. Этот регион – родина и дом нашего журнала. В региональном разделе мы собрали материалы, показывающие типичные проблемы провинциальных городов и меры их решения.

Разъединенность горожан, дефицит социального общения – узловая проблема, из которой следует множество других. Проект создания общественных пространств в городе Шилка стал победителем федерального конкурса проектов создания комфортной городской среды. Конкурс проводится Минстроем уже третий год, и уровень проектов показывает устойчивую тенденцию к росту.

Еще один победитель этого года – проект для Тулуна. Наводнение 2019 года и вызванная им волна социального пессимизма и депрессии – проблема, которую призван преодолеть проект.

Неблагополучные районы с повышенным криминальным уровнем привлекают внимание урбанистов во всем мире. На примере иркутского Ново-Ленино Ф. Кудрявцев и Е. Токарева поднимают вопрос о путях реабилитации района.

Угроза уничтожения объектов культурного и исторического наследия – комплексная проблема, в которой сплелись сиюминутные корыстные интересы застройщиков, недобросовестная экспертиза, близорукость чиновников, равнодушные жители города... История борьбы за сохранение одного из исторических зданий Иркутска все же внушает надежду и оптимизм.

Елена Григорьева

байкальский регион / baikal region

All happy families are alike, every unhappy family is unhappy in its own way.

Leo Tolstoy, “Anna Karenina”

Despite the recent rearrangement of the federal districts, the notion “Baikal Region” still exists. The three subjects of the Russian Federation, Zabaykalsky Krai, the Buryat Republic and the Irkutsk Region are united around the lake, which is often called “Great Sea”. This region is our journal’s homeland. The journal’s regional section contains the materials that show typical problems of provincial cities and their solutions.

The disunity of citizens and the lack of social communication constitute a key problem that gives rise to a lot of other problems. The project for public spaces in Shilka became the winner of the Federal Competition for Formation of a Comfortable Urban Environment. It is the third annual issue of the Competition organized by the Ministry of Construction, and the level of the projects is trending upward.

Another winner of this year is a project for Tulun. The problem related to the flood of 2019 and the wave of social pessimism and depression caused by it is to be solved by the project.

Deprived areas with a high level of crime draw urbanists’ attention all around the world. Studying the case of Novo-Lenino in Irkutsk, F. Kudryavtsev and E. Tokareva raise a question about the ways of rehabilitation for the neighborhood.

The threats to the cultural and historical heritage compose a complex problem, where developers’ immediate interests, unfair expert reviews, the bureaucracy’s short-term vision, citizens’ indifference etc. are tightly interwoven. However, the story about fighting for the protection of one of Irkutsk’s historic buildings inspires hope and optimism.

Elena Grigoryeva

Концепция развития и благоустройства разработана для участия во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. Рассматриваются характерные черты и потенциал развития малого города как основы комплексного проекта. Процесс проектирования представляется многоэтапным; подчеркивается значимость включенности бизнеса, сообществ, администрации, различных социальных групп и пользователей территории на всех этапах проекта.

Ключевые слова: Шилка; общественное пространство; соучаствующее проектирование; благоустройство; городская идентичность; комплексное развитие городских территорий; малые города и исторические поселения.

The concept of development and improvement was worked out for the All-Russian Competition for the best projects for a comfortable urban environment in small towns and historic settlements. The article considers the characteristics and the development capacity of a small town as a basis for a complex project. The design process has many stages. It is important to involve businesses, communities, authorities, social groups and users of the area at each stage.
Keywords: Shilka; public space; participatory design; improvements; urban identity; complex development of urban areas; small towns and historic settlements.

«Город мастеров» в Шилке: создание комфортной среды / “Town of all trades” in Shilka: creation of a comfortable environment

текст
Валентина Казакова /
text
Valentina Kazakova

В настоящее время перед малыми городами стоит множество задач, значимыми из которых являются: сохранение численности местного населения, поиск возможных путей для создания мест приложения труда с целью прекращения оттока работающих в крупные города, повышение инвестиционной привлекательности города. Благоустройство территории не способно решить эти задачи, если оно становится лишь дополнительной статьёй расходов в местном бюджете и не имеет положительных экономических эффектов. Таким образом, разработка конкурсного проекта с учетом особенностей города предполагает не только формирование комфортной городской среды и пространств для различных сценариев, но и создание импульса для запуска новых видов деятельности, развития коммерческих проектов и объектов [1].

Шилкинская идентичность как фундамент концепции
У каждого города есть своя «личность», уникальное сочетание элементов, составляющих его идентичность. Характер города, чувство места формируется его архитектурным стилем, окружающим природным ландшафтом, культурным разнообразием, используемыми материалами и множеством других особенностей, отличающих одно место от другого. Отношения этих элементов являются определяющими для идентичности города [2].

Город Шилка построен в долине одноименной реки, окрестности которой богаты природными ресурсами. На этапе освоения поселение с запада ограничивала река Кия – левый приток Шилки (ныне городская застройка располагается на обоих берегах реки). Живописные ландшафты, окружающие город, являются излюбленными рекреационными местами с трекинговыми тропами. Здесь же жители активно собирают дикоросы, экспортируемые как на внутренние, так и на внешние рынки.

Поселение получило свое развитие благодаря началу в 1897 г. по приказу Александра III строительству Транссибирской железнодорожной магистрали. С этого момента начинается возведение паровозного депо, мастерских и складов, необходимых для обслуживания новой магистрали, жилых и общественных объектов. После присвоения Шилке статуса рабочего поселка и освоения новых месторождений золота население значительно увеличивается, строится большой жилой массив

под названием Соцгород, больница, школы, предприятия пищевой промышленности, электростанция, техникум. Таким образом, в середине XX века Шилка становится крупным железнодорожным узлом с большим путевым развитием, двумя станциями и полным составом обслуживающих предприятий [3].

Градостроительное и историко-культурное исследование территории не выявило ценных градостроительных ансамблей, ярких особенностей города, связанных с планировкой и застройкой территории, событиями, характером освоения. В наследии Шилки нет памятников истории и культуры, объектов, включенных в реестр, хотя сохранившийся с начала XX века деревянный храм Святых апостолов Петра и Павла достоин охранного статуса. Авторы проекта задавали вопрос жителям: «Чем же уникален город, что отличного и ценного в нем есть?» – Мы получали ответ: «Люди!» Шилка славится своими людьми, их трудолюбием и достижениями, маленькими и большими подвигами. В истории малого города на всех ее страницах главенствующую роль играют жители. Кто же они? Первые путейцы и сотрудники железнодорожных предприятий; Герои СССР, коих здесь рекордное количество; поэты и писатели; спортсмены, прославляющие город на международных соревнованиях; мастера, создающие уникальные изделия; фермеры и пекари, экспортирующие свою продукцию на внутренние рынки. В таком маленьком городке удивительно было встретить умельцев, не только производящих мебель и предметы интерьера, но и церковные купола, станки с ЧПУ, а также восстанавливающих военную технику и собирающих уникальные автомобили.

Приведенные результаты исследования показывают важность предпроектного анализа разных городских слоев. Это позволяет создать комплексный, привязанный к месту проект, учитывающий как пространственно-планировочные, ландшафтные, историко-культурные, экономические характеристики города, так и особенности, жизненный характер горожан – главных героев городского пространства.

Городская артерия – приоритетная территория

Народное голосование, являющееся первым этапом подготовки конкурсной заявки, абсолютным большинством

проектирование
ООО «Сибирская лаборатория урбанистики»

авторский коллектив концепции

Сергей Маяренко
Валентина Казакова
Анастасия Холявко
Арина Московская
Алёна Алёшина
Евгения Кензина

при участии

Анастасии Репиной
Николая Беловежца
Александра Бобылева
Виктории Андрияновой

^ Клуб железнодорожников рядом с церковью, 1936

^ Генплан территории проектирования

определило территорию проектирования – улица Ленина. Это главная городская артерия, историческая улица города, которая в начале XX века застраивалась первыми жилыми и общественными зданиями. В настоящее время она окружена значимыми административными, социальными, коммерческими объектами: администрация района, культурный центр, школа искусств, центральный рынок, многопрофильный лицей (техникум), почта, прокуратура и другие. Функции, соответствующие г. Шилке как административному центру района, притягивают жителей близлежащих поселений. Сосредоточение разных объектов на территории проектирования создает большой поток как горожан, так и гостей города, что обосновывает выбор улицы Ленина как приоритетной территории для благоустройства в рамках федерального конкурса.

Улица Ленина – основная городская ось, которая пронизывает центральную часть города, выходит к берегу р. Кии на юго-западе и замыкается железнодорожным вокзалом на северо-востоке. Как важнейшее звено системы общественных пространств она связывает главную городскую площадь, памятные скверы и мемориальные зоны, событийные и рекреационные пространства. Здесь проходят праздничные шествия, акция «Бессмертный полк», спортивные марафоны. При этом палитра сценариев территории проектирования сводится только к проведению официальных торжеств, единичных тематических ярмарок и встреч сообществ. Низкое качество (или отсутствие) благоустройства общественных пространств задает роль улицы и прилегающих территорий как транзитного фрагмента городской ткани. Пустующие участки, обладающие потенциалом для формирования рекреационных пространств и точек притяжения, используются как стихийные парковки или не используются вовсе. А примыкающий к улице Ленина значимый объект – центральный рынок, сердце коммерческого квартала – функционирует лишь частично и постепенно утрачивает свое значение.

Таким образом, в рамках проекта необходимо было не только создать комфортную среду, увязать все точки притяжения и продумать городской дизайн в соответствии с потребностями разных социальных групп, но и активировать объекты и площадки, потерявшие свою роль, подчеркнуть идентичность города и запустить

новые виды деятельности, транслирующие его особенности. Благоустройство улицы и прилегающих пространств – это импульс для новых сценариев, самореализации городских сообществ и вовлеченности их в жизнь города, а также для развития коммерческих объектов и новых бизнес-проектов.

Жители – партнеры проекта

Малый город обладает выраженной взаимосвязанностью между местными культурными нормами, социальной структурой, местной экономикой и системой принятия решений. Соответственно, одна из целей – укрепление связей между общественным мнением, восприятием городской среды, системой принятия решений и конечным воплощением принятых решений. Генри Санофф в своей книге упоминает четыре основных подхода к ревитализации малых городов. При проектировании нами использовался интегративный подход, который предполагает вовлечение жителей в процесс идентификации потребностей

v Площадь мира, улица Ленина

> Визуализация. Улица с приоритетным движением пешеходов. День мастера

сообщества и выработки предпочтительных направлений деятельности. Исходя из этого, организуется процесс вовлечения, выбора приоритетов, мобилизации ресурсов для реализации принятых решений и совместной реализации проекта [2].

Работа с жителями состоит из нескольких этапов и оценивается как самостоятельный блок в рамках Всероссийского конкурса. Во время подготовки заявки и разработки концепции горожане участвуют в предпроектном социокультурном исследовании и проектировании. Используются различные форматы вовлечения, которые могут варьироваться в зависимости от особенностей жителей, их привычек к взаимодействию, открытости, степени участия в городской жизни.

Во время проектных семинаров, интервьюирования, анкетирования были выявлены пользователи территории, основные потребности жителей, а также сообщества, активные горожане и партнеры, готовые участвовать и реализовывать идеи на всех этапах проекта. Например, совместная работа с мастерами и администрацией города позволила определить площадку – резиденцию мастеров с производственными, учебными и экспозиционными функциями; молодежное сообщество и профком студентов предложили создать коворкинг, где можно встретиться для обсуждений, мастер-классов местных умельцев, учебных лекций в теплое время, летних кинопоказов и музыкальных квартирников; творческие коллективы инициировали перенос парковки с площади перед Домом культуры, создание уличной сцены и ландшафтного дизайна в палисаднике у здания; «соседи» территории проектирования – спортивный клуб и школа искусств предложили организовать выставочную зону со сменными экспозициями, отражающими местные достижения. Таким образом, у каждого участника складывалось личное, заинтересованное отношение к будущему проекту. Как показывает опыт разных стран, горожане, включаясь в совместную выработку проектных решений, более бережно относятся к результатам их реализации, поскольку чувствуют свой вклад в этот процесс [4].

Один из важных моментов – включение жителей и на этапе реализации проекта, и при запуске территории. В данном случае, помимо проведения субботников

и высаживания растений, местными столярами будут производиться малые архитектурные формы и некапитальные объекты, что является значимым шагом на пути реализации общей концепции развития города. Во время культурного программирования территории были выявлены инициативы жителей по проведению как единичных, так и постоянно действующих мероприятий: обучающие программы, ярмарки выходного дня, литературные вечера, веселые старты и другие. Сопричастность к процессу реализации и программированию территории позволит создать значимое для жителей общественное пространство, наполненное жизнью.

«Город мастеров»

В концепции предполагалось решение приоритетных задач, отмеченных в плане социально-экономического развития города: развитие культурного потенциала, поддержка народного творчества; развитие малого и среднего бизнеса, предпринимательства, в том числе развитие фирменной торговли местных товаропроизводителей, привлечение к реализации городских проектов; поддержка молодежи и создание условий для ее самореализации; развитие негосударственного сектора в сфере образовательных услуг, дополнительного образования; развитие массовой физической культуры и спорта, формирование ценностей здорового образа жизни; развитие сельского хозяйства; создание условий для развития и укрепления торговой сети, оказание содействия развитию сферы услуг.

Жители – главные герои нового городского пространства и двигатели новой экономики. Территория проектирования, в свою очередь, должна стать «витриной» продукции местных производителей – фермеров и мастеров, а новые благоустроенные территории и объекты – площадками для раскрытия и реализации творческого потенциала. В «Городе мастеров» создаются условия, позволяющие не только масштабироваться профессионалам, но и формироваться новым специалистам. Путь города Шилки от рабочего поселка, города рабочих к «Городу Мастеров» – импульс для создания новой экономики, рабочих мест и продукции, обладающей экспортным потенциалом.

В рамках концепции комплексно рассматривается центральная часть города и планируется реализация

< Визуализация. Площадь перед ДК. Праздник в честь сбора урожая

проекта в несколько этапов. Концепция предусматривает создание системы общественных пространств, различных по функциям и планировочным решениям, но связывающих объекты притяжения. В настоящее время обустроена памятная зона «Воинская и трудовая слава», завершаются работы по благоустройству Площади Мира – центральной площади города. Планируется продолжить благоустройство улицы Ленина и прилегающих общественных пространств и связать городское «ядро» с прибрежной территорией. Новая среда увеличит трафик, позволит жителям использовать пространства для собственных сценариев и станет импульсом для развития коммерческих объектов.

Можно выделить основные предложения в рамках общей концепции.

1. Сформировать «зеленую ось» ось города, поэтапно благоустривая прилегающие общественные пространства, и впоследствии связать центральную часть с набережной реки Кия.
2. Запустить пустующее здание и создать учебно-производственный кластер – технопарк; так у мастеров появится возможность не только расширить производство, но и запустить образовательные курсы с последующим трудоустройством участников.
3. Создать Улицу Мастеров – пространство, ведущее к технопарку с работами мастеров, арт-объектами, информационными стендами.
4. Активировать городской рынок, задать ему новый формат (производство-продажа-потребление товаров) и объединить на главной торговой площадке местных производителей.
5. Благоустроить улицу Ленина и запустить процесс приведения фасадов и информационных конструкций к единому стилистическому решению с учетом городской идентичности.
6. Создать молодежное пространство, включающее как открытые площадки, так и объект – место для самореализации, обмена знаниями и формирования новых команд и проектов.
7. Задать новый тип и функционал улице Клубной, ведущей к виадуку; это первая улица в городе с приори-

тетным движением пешеходов. Также она станет местом для проведения мероприятий в выходные и праздничные дни.

8. Благоустроить и функционально наполнить пустующие пространства – создать зоны для досуга детей и молодежи.

9. Планировочно связать основные пространства школы № 52, примыкающей к территории проектирования, и новой молодежной зоны, открыть школьное спортивное поле для занятий многопрофильного лицея, спортивного клуба и городских сообществ.

10. Создать первый парк с разнообразием забайкальских растений, где можно проводить тихий досуг и устраивать пленэры для детей школы искусств, расположенной по соседству.

11. Благоустроить и оснастить культурную событийную площадь, открывая новые возможности для творческих коллективов города и района.

12. У редакции «Шилкинской правды» создать литературную гостиную имени М. Е. Вишнякова – забайкальского поэта.

Прогулки по благоустраиваемой территории

Границы территории, благоустраиваемой на первом этапе реализации концепции, включают улицу Ленина, перпендикулярную ей улицу Клубная, небольшой парк, сквер, площадь перед культурным центром и пространство у границ школьного участка. Общая площадь благоустройства – 1,53 га. Начнем прогулку с востока на запад.

Парковая зона, вытянутая вдоль улицы, на разных отрезках отличается функциональным наполнением и характером среды. Заходя в парк, мы словно попадаем в зеленый оазис: разнообразные зеленые насаждения создают атмосферу сада, которого в городе пока нет (багунник, миндаль черешковый, кизильник черноплодный, черемуха, черноплодная рябина, клен Гиннала и другие). Это тихая зона парка, где можно прогуляться с коляской или же почитать в тени деревьев. Центральная аллея ведет к памятнику морякам и символично именуется «Аллеей достижений». Выставочные стенды на протяжении всего парка рассказывают о вдохновляющих успехах шилкинцев. Вдоль аллеи располагаются небольшие

> Визуализация.
Коворкинг

«карманы» с местами для отдыха. Архитектурно-планировочное решение лавочек создает удобное пространство для общения: можно расположиться небольшой компанией и устроить вечер под гитарные аккорды. Зона тихого отдыха сменяется активными функционально насыщенными пространствами. Приближаясь к западной части парка, к которой обращены образовательные объекты, мы видим площадки для досуга разных возрастных групп. Завершается парк молодежным пространством с открытым коворкингом, который располагается по обеим сторонам аллеи и создает входную группу посредством связующих конструкций-арок. Здесь же планируется точка бесплатного доступа в интернет, что сделает место более популярным.

Минуя детскую развивающую площадку, которая располагается на пустующей ныне территории напротив одной из входных групп школы, мы попадаем на Аллею героев. Она проходит мимо школы, которая славится своим выпускным классом, ушедшим на фронт. Здесь располагается выставочный экспонат – одна из восстановленных моделей военной техники работы шилкинского мастера Алексея Шмакотина. Соседство просветительской аллеи с местом активности молодежи играет воспитательную роль, прививает чувство гордости за своих земляков и мотивирует на собственную активную деятельность.

В Шилке существует дефицит пространств для досуга и самореализации молодого поколения. Таким образом, стояла задача предусмотреть такое пространство, где молодежь могла бы круглогодично проводить свободное время, обмениваться знаниями, формировать новые творческие коллективы и рабочие группы, репетировать и даже создавать новые бизнес-проекты. Новый объект – молодежный центр располагается в перспективе Аллеи героев по соседству со школой и культурным центром. Здесь должна разместиться языковая школа, музыкальная студия, универсальное пространство для мероприятий и другие места для самореализации молодого поколения.

Свернув в сторону улицы Ленина, мы приходим на событийную площадь перед культурным центром. Здесь устанавливается сцена, что позволит проводить концерты, фестивали, ярмарки с культурно-развлекательной программой в теплое время года, в том числе приглашая

гостей из близлежащих населенных пунктов. Создание условий для культурной событийности способствует консолидации местного сообщества.

Двигаясь далее по улице Ленина, мы подходим к центральному рынку. Рынок располагается на пересечении двух улиц, вторая из которых – улица Клубная. В северном направлении она завершается сквером и перетекает в пешеходный мост, связывающий две жилые части города. Переходя по пешеходному мосту, мы попадаем в резиденцию шилкинских мастеров – технопарк. Новая функция позволяет использовать пустующее здание, а у города появляется значимый учебно-производственный объект с музеем военной техники и уникальных автомобилей. Такое пространство создаст новые рабочие места благодаря расширению производственных площадей, даст возможность молодежи получить новые специальности с последующим трудоустройством. Кроме того, концентрация уникальных мастеров в городе и демонстрация их умений может привлечь туристический поток из ближайших исторических городов Забайкальского края.

По улице Клубной, на пути к «Цеху», будут установлены информационные центры, сообщающие об учебных курсах, мероприятиях, поиске вакансий и других полезных для мастеров сведениях.

Улица Клубная примечательна тем, что на нее выходят не только крупные коммерческие объекты – рынок и строящийся торгово-офисный комплекс (закроет дефицит офисных площадей и объектов бытового обслуживания), но и церковь с часовней и «Детской деревней», которая также включается в концепцию (создаются детские и спортивные площадки). Связь с пешеходным мостом придает улице большую значимость. В проекте предлагается изменить назначение улицы и создать первую улицу с приоритетным движением пешеходов. Новое мощение будет сделано в одном уровне, что создаст доступную и комфортную среду для всех групп населения. В выходные дни улицу можно перекрывать для автомобилей и проводить мероприятия, например, ярмарки или соревнования. Благодаря новому покрытию дети могут кататься на роликах, самокатах.

< Коллаж. Молодежное пространство. Зимний мастер-класс

Центральный рынок, расположенный на перекрестке двух улиц, предлагается активировать и вернуть ему былую популярность. Планируется сделать ремонт фасадов и интерьера, создать новый формат функционального наполнения: не только разместить торговые точки, но и показать процесс производства местной продукции, дополнить небольшим фуд-кортом. Это современный формат рынка, уже привычный в западной части страны. Внутреннюю площадь рынка планируется также благоустроить, установить новые торговые павильоны, озеленить, обустроить пешеходные связи с улицей Ленина и улицей Клубная. Такие решения должны увеличить поток клиентов и оживить главное коммерческое пространство города.

Улица Ленина благоустраивается на протяжении всего коммерческого квартала, появляется функциональное зонирование уличного пространства: организованные парковочные карманы, пешеходная зона, места для отдыха с различными типами озеленения. Завершается участок благоустройства сквером, где можно отдохнуть под деревьями. Фасады зданий, выходящих на улицу Ленина, планируется отремонтировать и привести к единой цветовой гамме, упорядочить информационные конструкции. Все эти изменения позволят сформировать гармоничную среду улицы и положительно скажутся на развитии локальных бизнесов.

На территории проектирования предусматривается строительство и активизация коммерческих и некоммерческих объектов, которые в системе с новым благоустройством создадут популярное городское пространство. Молодежный центр и цех местных мастеров – это важные городские объекты, которые создадут условия для самореализации, увеличат разнообразие вакансий и возможностей для горожан; повысят качество и доступность дополнительного образования и впоследствии снизят отток населения.

Таким образом, проект станет импульсом для развития культурной и предпринимательской деятельности, повысит инвестиционную привлекательность центральной части города и качество жизни населения, а также создаст условия для выхода местных компаний на новые рынки.

Проект стал победителем Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, а город получил федеральный грант – 45 млн. руб. на реализацию проекта.

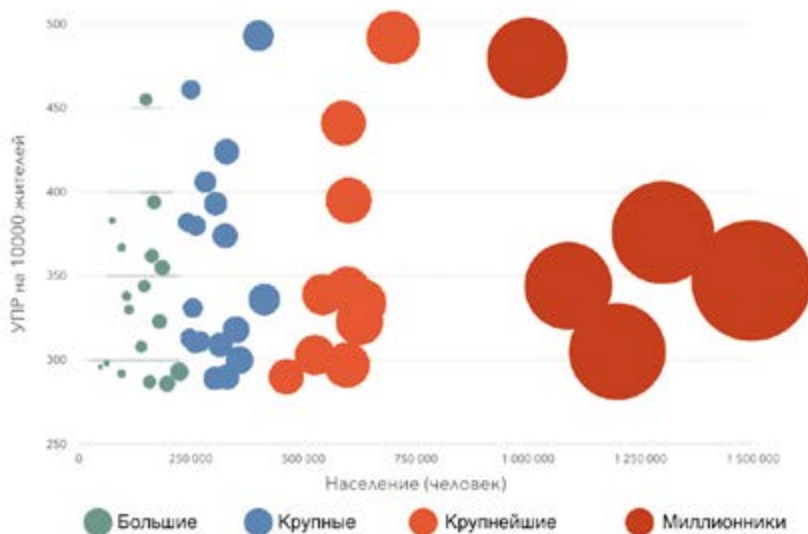
Литература

1. Нащокина, Мария. Проблемы сохранения архитектурного наследия и создания туристической привлекательности малого исторического города России // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 50–55
2. Санюф, Г. Соучастующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / перевод с англ. [ред.: Н. Снигирева, Д. Смирнов]. – Вологда, 2015. – 170 с.
3. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=7211> (дата обращения: 10.07.2020)
4. Казакова, Валентина. «Таежные бульвары» – концепция благоустройства парка в г. Саянске // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 100–104

References

- Kazakova, V. (2019). "Taiga Boulevards": the Park Improvement Concept for Sayansk. Project Baikal, 16(61), 100-104. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1509>
- Nashchokina, M. (2019). The Issues of Preservation of Architectural Heritage and Creation of Tourist Attraction of a Small Historic Town in Russia. Project Baikal, 16(61), 50-55. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1500>
- Sanoff, H. (2015). Souchastvuyushchee proektirovanie. Praktiki obshchestvennogo uchastiya v formirovanii sredey bolshikh i malykh gorodov [Democratic design: Participation case studies in urban and small town environments] (N. Snigireva, D. Smirnov, Eds.). Vologda.
- Zherebtsova, T. I., & Uraeva, L. A. (n.d.). Shilka, gorod [Shilka, city]. Retrieved July 10, 2020, from <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=7211>

В статье приводятся результаты исследования пространств локализации преступности в России. Предлагается модель длительного влияния характеристик среды на формирование и осуществление преступного умысла. На примере районов Пруитт-Айгоу (Сент-Луис) и Бильмера (Амстердам) рассматриваются предпосылки их криминальности и анализируются методы реконструкции. На основе выявленных методов предлагается модель реконструкции района Ново-Ленино в Иркутске, учитывающая историческую динамику района и его уникальность. /

Ключевые слова: социально неблагополучные районы; локализация преступности; градостроительная реабилитация; Ново-Ленино. /

The results of a crime localization study in Russian cities are presented. A long-term model of urban environment influence on criminal intent is proposed. Social and spatial causes of rising criminal level and later urban reconstruction methods are shown on the example of Pruitt-Igoe (St. Louis) and Bijlmer (Amsterdam) districts. A model for the reconstruction of the Novo-Lenino district in Irkutsk is proposed. Measures have been developed considering the historical dynamics of the region and its unique features.

Keywords: socially disadvantaged areas; crime localization; urban rehabilitation; Novo-Lenino.

Ново-Ленино: градостроительная реабилитация / Novo-Lenino: criminal activity and rehabilitation

текст
Фёдор Кудрявцев
Елена Токарева /
text
Fedor Kudryavtsev
Elena Tokareva

В истории России XX век стал эрой урбанизации, временем увеличения количества городов, их территории и людности, доли городского населения. Сегодня жизнь 73% населения нашей страны во многом определяется пространством и территориями городов, ставших для них новой, искусственной средой жизнедеятельности. Эта среда способна столь же сильно влиять на условия жизни людей, как и природные условия и ландшафты во времена аграрного общества. Влияние может быть различным и, к сожалению, далеко не всегда положительным: города – не только центры притяжения большого числа людей, место реализации их талантов и возможностей. Психологический стресс, вызванный неблагоприятной физической средой городов, способен вести к формированию сообществ, склонных к асоциальным девиантным [1] поведенческим моделям, к которым относится и криминальное поведение. Его избирательная локализация и концентрация в городском пространстве может рассматриваться как градостроительный феномен, так как прослеживается в пространственных структурах различного масштаба, от жилых районов до системы расселения в целом.

Согласно результатам исследования, проведенного авторами на основе открытых данных статистики МВД о регистрируемой преступности за 2012 год¹, в России наибольший уровень преступности отмечался в крупных и крупнейших городах (рис. 1, 2). В среднем 40% таких городов имели высокий показатель числа зарегистрированных преступлений на тысячу жителей, в то время как в городах-миллионниках он был по преимуществу средним. Исключением является город Пермь с населением 1 миллион человек, по уровню преступности занимавший третью позицию среди городов России.

Картографирование полученных результатов выявило закономерности локализации преступности на уровне системы расселения (рис. 3). На основе экономико-географических признаков [2] среди крупных и крупнейших городов с высоким уровнем криминальной активности были выделены следующие группы: портовые города, города восточной части России (Дальневосточного, Сибирского и Уральского федерального округов), часть индустриальных городов Приволжского и Северо-За-

падного федеральных округов и города Центрального федерального округа с преобладающим количеством непромышленных функций.

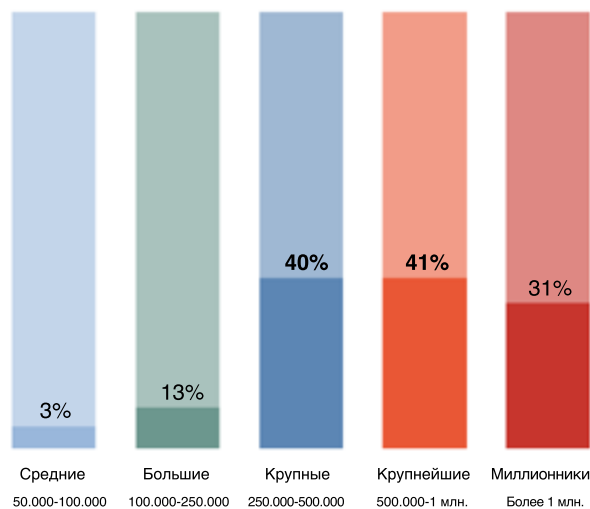
Наиболее ярким свидетельством предрасположенности городского пространства к стимулированию криминальной активности являются районы с высоким уровнем регистрируемой преступности. Некоторые из них в свое время получили широкую известность благодаря произведениям литературы и кинематографа – нью-йоркские Гарлем и Бронкс, московские Хитров рынок или Марьяна Роща, петербургская Лиговка, бразильские фавелы. Однако если в этих случаях еще можно было бы говорить о стихийности формирования таких мест, появления их в результате отсутствия градостроительного планирования и социальных проблем общества, то в недавней истории градостроительства XX века есть многочисленные примеры превращения экспериментальных, считавшихся передовыми для своего времени новых городских районов и целых городов в опасные и социально неблагополучные. Наиболее известным из них, пожалуй, можно считать район Пруитт-Айгоу в Сент-Луисе (США), но список весьма велик. Здесь и Северное Чертаново в Москве [3], и Тулуз-ле-Мирай во Франции [4], и Бильмер в Нидерландах [5]. Такие районы есть и в современной России, были они и в СССР – например, район завода «Теплоконтроль» в Казани, в середине 1970-х годов давший начало печально известному «казанскому феномену» [6]. Появляются и новые опасные тенденции формирования в российских городах территорий, контролируемых преступными сообществами [7].

В число таких районов, к сожалению, можно включить и район Ново-Ленино в Иркутске. Мы не можем утверждать, что его архитектурно-градостроительные характеристики являются исключительным примером благоприятных условий для развития криминального поведения жителей. Однако выбор Ново-Ленино в качестве объекта для анализа и разработки проектных предложений и методики для реабилитации таких районов в других городах не случаен. Эта территория города на протяжении многих лет указывается в отчетах МВД [8] как район с одним из самых высоких уровней преступности в городе. Сложившийся негативный образ района усугубляет соци-

¹ Рис. 1. 50 городов России с наиболее высоким уровнем преступности на тысячу жителей, распределенных по критерию людности (2012)

1. Более поздние статистические данные приводятся по отдельным городам и регионам, что значительно затрудняет проведение исследование в масштабах страны

^ Рис. 2. Доля городов в разных группах людности, вошедших в число 50 с наиболее высоким уровнем преступности, от их общего количества в группе (2012)

^ Рис. 3. Социально-экономический профиль крупных и крупнейших городов России с высоким уровнем преступности

альную и экономическую сегрегацию, препятствуя его развитию и улучшению ситуации. Ново-Ленино является достаточно типичным примером отдаленного неблагополучного района, ставшего местом локализации преступности в результате воздействия ряда факторов, в том числе пространственных. Сам же Иркутск по показателям численности населения и количества преступлений на тысячу жителей является типичным представителем крупных и крупнейших городов восточной части России, в которых высокий уровень преступности наблюдается повсеместно. Выявление и устранение негативно влияющих пространственных характеристик для реабилитации района Ново-Ленино и является основной задачей его исследования.

Методика исследования включает построение теоретической модели влияния городского пространства на развитие криминального поведения, выявление на ее основе структуры пространственных характеристик, способных оказывать негативное влияние, проверку предложенной структуры на основе сравнительного анализа функционально-пространственной организации районов с высоким уровнем криминальной активности, в том числе Ново-Ленино. В исследовании также проведено сопоставление динамики развития рассматриваемых районов с целью определения взаимосвязи между выявленными пространственными характеристиками и развитием негативных социальных изменений под их влиянием. Общая теоретическая модель длительного влияния городского пространства на развитие криминального поведения разработана на основе анализа, сопоставления и обобщения различных теорий, предложенных ранее в России и за рубежом.

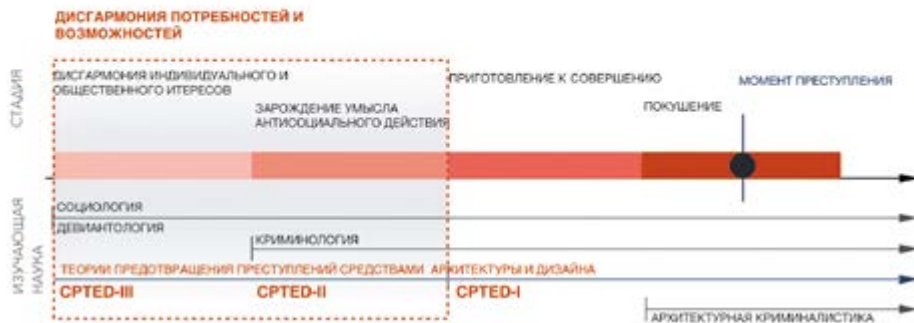
В обыденной жизни рассматриваемые в исследовании городские территории часто называют просто криминальными районами; такое определение удобно, но несправедливо по отношению к их жителям и не объективно с точки зрения формулировки проблемы. Эти районы не были спроектированы с целью способствовать возникновению там преступных сообществ или создать условия для совершения преступлений. Их появление было вызвано задачей создать благоприятные условия для жизни людей. Но реализованные в них архитектурно-

градостроительные решения в определенных социально-экономических условиях оказались своего рода «слабым звеном», сделавшим эти городские пространства невольным инструментом мотивации к криминальному поведению и удобным местом совершения преступлений. По этой причине в исследовании такие районы определены как районы с высоким уровнем криминальной активности или высоким уровнем регистрируемой преступности.

Имеет ли проблема существования таких районов отношение к работе архитекторов и градостроителей? Л. Вирт в работе «Урбанизм как образ жизни» [9] определил закономерности длительного влияния условий жизни в городе на индивидуальное самочувствие горожан и их поведение. Высокая плотность городского населения, ее возрастание с увеличением размеров города и социальная неоднородность вызывают у людей ощущение изолированности. В качестве ответной реакции на анонимность городского образа жизни и обезличенность социальных связей возникает отчуждение личности, формирование анонимных, не признающих общепринятые нормы, сообществ и мотивация к антисоциальным действиям. По мнению Вирта, не только отдельные части города, но и город в целом способен быть источником стресса, ведущего к отчуждению и последующим девиациям. Причиной могут быть низкое качество городской среды, недостаток социальной инфраструктуры, неблагоприятное экологическое состояние, долгие поездки на работу, унылая однообразная застройка – характеристики, влияющие на эмоциональное состояние человека.

Социолог С. Милграм развил данную концепцию и сделал вывод, что большой город – это среда, к которой человек вынужден приспосабливаться, а поведенческие особенности жителей таких городов являются реакцией на условия жизни [10].

Пространственная концентрация преступности, анклавов социальной нестабильности и бедности – все это результат не только устройства социальной системы города, но и организации пространства и его влияния на человека и общество, порой лишенных выбора и вынужденных жить в неблагополучных районах.

^ Рис. 4. Модель длительного влияния городского пространства на развитие криминального поведения. Пунктиром отмечен период влияния градостроительных характеристик

^ Рис. 5. Развитие теоретических подходов в области предотвращения преступлений методами изменения пространственной среды

Первоначально теоретические подходы в области предотвращения преступлений методами изменения пространственной среды (I поколение теорий CPTED – crime prevention through environment design, основанное в 1960-е годы Р. Джеффри и О. Ньюманом, теория «ситуативного предупреждения преступлений» Р. Кларка и другие работы таких авторов, как Д. Уилсон и Д. Келлинг, Л. Козн и М. Фельсон) преимущественно рассматривали вопрос ее влияния на планирование и непосредственный момент преступления. Второе поколение CPTED (Дж. Кливленд, Г. Савилл) существенно шагнуло вперед, добавив к необходимым мерам предотвращения преступности работу над созданием местных сообществ. Понимание взаимодействия преступности и пространства было ограничено изучением характеристик среды, делающих ее более удобной для совершения преступления и неблагоприятной для взаимодействия между жителями, не рассматривая территорию района как часть города. Однако, как показал практический опыт реконструкции районов с высоким уровнем криминальной активности и знания таких дисциплин, как социология и психология, проблема концентрации преступности в них заключается в более сложной взаимосвязи между градостроительной структурой и социальной жизнью общества. Эта взаимосвязь проявляется задолго до момента планирования преступления или другого антисоциального действия в виде стресса, вызванного окружающей пространственной и социальной средой.

Недавно предложенное третье поколение теории предотвращения преступлений методами проектирования пространственной среды [11] объединяет ситуационный подход традиционного CPTED и социальный фокус второго поколения, поставив в центр рассмотрения жизнеспособность района (livability). Основываясь на концепции иерархии потребностей А. Маслоу, авторы третьего поколения CPTED указывают на необходимость предоставления жителям не только возможностей удовлетворения базовых потребностей – безопасности и чувства принадлежности к обществу, являвшихся ключевыми целями первых теорий, но и достижения личных стремлений, улучшения качества жизни.

Опираясь на вышеописанные исследования в области социологии, психологии, девиантологии, криминологии, а так же трех поколений CPTED и других теорий влияния пространства на преступное поведение, авторами исследования, представленного в данной статье, предлагается новая модель длительного влияния характеристик среды на формирование и совершение преступного умысла (рис. 4). Для ее построения стадии развития криминального поведения, выявленные в социальных науках, были сопоставлены с областями их изучения как объекта воздействия средствами проектирования, что выявило неполноту большинства существующих теорий предотвращения преступлений методами изменения характеристик среды: они затрагивают только часть возможного периода их потенциального влияния. Последнее поколение CPTED охватывает наиболее длительный период, однако его методы не затрагивают городской масштаб проблемы (рис. 5).

Результаты исследований в перечисленных выше дисциплинах позволили определить два уровня характеристик городского пространства, способствующих развитию криминального поведения.

1. Градостроительные характеристики. Изолированность территории, монофункциональное зонирование, отсутствие системы зеленых и общественных пространств способны ограничивать взаимодействие между жителями и увеличивать риск формирования социальных девиаций. Воздействие градостроительных характеристик происходит на ранних этапах формирования преступного умысла посредством создания условий для появления мотивации и формирования сообществ, характеризующихся распадом общепринятых социальных норм и ценностей.

Стигматизация, зачастую свойственная периферийным районам массового жилья, еще один фактор, имеющий практически такое же негативное влияние, как и реальный уровень преступности. Сложившийся образ неблагополучного района усугубляет социальную сегрегацию, заставляя жителей города выбирать его для жизни только по остаточному принципу – в случае невозможности купить или арендовать жилье в более благополучных районах. Это ведет к концентрации на территории района наименее стабильных социальных групп, легче поддающихся вовлечению в преступную деятельность.

^ Рис. 6. Пруитт-Айгоу в Сент-Луисе, США. – URL: <http://derarchitektbda.de>

^ Рис. 7. Пруитт-Айгоу, вандализация общественных пространств. – URL: <https://www.wsws.org>

Пространственная и экономическая сегрегация района относительно всего города, слабая социальная сплоченность жителей – основные причины концентрации преступности в его пространстве. Как отмечает К. В. Кияненко, наибольшее негативное влияние сегрегация жителей в пространстве города оказывает на менее обеспеченные слои населения. Коммерчески привлекательное для застройщиков разделение жилых районов по уровню доходов жителей ведет к формированию анклавов бедности [12].

2. Характеристики дизайна городской среды. Степень воздействия данного уровня ограничивается созданием или устранением условий, позволяющих беспрепятственно совершить преступление. Непросматриваемые, неконтролируемые пространства имеют большую вероятность стать местом криминального происшествия. Обеспечение наблюдения, контроля доступа, территориальности (принадлежности), содержание в порядке среды района являются ключевыми факторами обеспечения безопасности на данном уровне.

В частности, желание проектировщиков массового модернистского жилья 1950–1960-х гг. открыть городскую среду для природы – добавить чистый воздух, свет, открытые зеленые пространства – привело к достаточно жесткому делению территории районов города на крупные функциональные зоны повседневной жизни, работы, отдыха и транспорта. Впоследствии это негативно сказалось как на их социально-экономическом положении, так и, позже, безопасности. Подобные открытые пространства подвержены большинству негативных влияний, описанных в существующих теориях предотвращения преступлений посредством изменения пространственных характеристик. Отсутствие связанной с коммерцией активности на улицах снижает возможность постоянного контроля и вероятность появления так называемого «случайного наблюдателя», а слишком большие открытые территории создают сложность их контроля и поддержания в порядке. Выявленные характеристики отчетливо заметны в районах, ставших местом концентрации криминальной активности вскоре после их строительства, несмотря на зачастую высокую оценку проектов экспертами.

Пруитт-Айгоу, Сент-Луис

Наиболее известным примером жилого района, ставшего анклавом преступности и социальной нестабильности, является район Пруитт-Айгоу в городе Сент-Луис (США) (рис. 6). Модернистский социальный жилой комплекс спроектировал в 1950-е годы архитектор Минору Яма-саки, известный также как автор башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Проект был высоко оценен экспертами и даже получил первую премию на конкурсе «Архитектурный форум» [13]. Первые жители заселились в 1956 году, а уже к 1960-му район стал напоминать гетто.

Предполагалось, что в районе будет жить молодежь среднего класса; темнокожее население – в одной части района, белое – в другой. С отменой в 1954 году в жилищной политике принципа расовой сегрегации белое население почти полностью покинуло район. Плата за коммунальное обслуживание после этого полностью легла на малообеспеченные семьи, которые не смогли переехать в другие районы. Неоплата счетов привела к деградации коммунальной инфраструктуры.

Помимо социальной сегрегации, свою роль сыграли и градостроительные характеристики. Слабая интеграция района в структуру города, недоступность транспорта, недостаточная обеспеченность инфраструктурой и рабочими местами – пространственные характеристики, свойственные и другим примерам подобных районов. Сформировавшийся образ неблагополучного района, кроме того, не отвечающего потребностям жителей, лишил Пруитт-Айгоу возможности привлечь обратно средний класс, став местом концентрации бедности и неблагополучия.

На примере Пруитт-Айгоу хорошо видно и значение дизайна среды. Излишнее количество общественных пространств (просторные коридоры, предполагавшиеся для общения жильцов, «ничьи» пространства совместного пользования первых этажей) и плохое качество рекреационных зон привели к их запустению и скорой вандализации (рис. 7). Позже жители вспоминали, что женщинам приходилось собираться в группы, чтобы безопасно отвести детей в школу. Неконтролируемые и никому не принадлежащие общественные пространства стали местом развития преступности.

^ Рис. 8. Бильмер, Амстердам. Общий вид (1975). — URL: <https://www.amsterdam.nl/stadsarchief>

^ Рис. 9. План Бильмера (1992). – URL: <https://saboadvies.nl>

Криминальная обстановка в районе к 1970-му достигла своего предела: полиция отказывалась приезжать на вызовы из этого района, попытки улучшить ситуацию оказались безуспешными. Было принято решение снести жилой комплекс и расселить жителей.

Бильмер, Амстердам

Район Бильмер в Амстердаме (Нидерланды), построенный между 1966 и 1975 годами, представляет пример неблагополучного района с более комплексным подходом к решению проблемы[5]. Многоквартирные дома, образующие в плане узор из шестиугольников, располагались внутри крупной зеленой пешеходной зоны, свободной от движения транспорта, для которого были возведены надземные магистрали с прилегающими парковками (рис. 8). Строительство жилых единиц было завершено задолго до введения в эксплуатацию объектов инфраструктуры, в том числе метро. Внутрирайонные пешеходные пути и общественные пространства, лишённые транспорта и удобств, считались небезопасными уже в первые годы после окончания строительства. Несмотря на первоначальные очереди желающих жить в новом районе, к 1971 году часть квартир оставалась свободной: жители Амстердама предпочли переехать в односемейные дома развивающихся пригородов. На протяжении последующих лет сильно вырос уровень преступности, четверть квартир опустела, а сам район стал ассоциироваться с социальным неблагополучием.

Безуспешные пространственные, социальные, организационные попытки 1975–1990 годов улучшить ситуацию в районе привели к решению перестроить часть района, чтобы создать привлекательный положительный образ (рис. 9, 10). Жителям, находящимся в уязвимом социальном положении, была предоставлена возможность улучшить свои жилищные условия, а более обеспеченной части населения – широкий выбор различных видов жилья в своем же районе. Изменение генерального плана района предполагало не только замену типологии жилых домов, но и расширение и смешение функций района – жилья, бизнеса, отдыха, торговли. Реконструкция предполагала добавление торговых центров, социальных и коммерческих функций, уменьшение поверхности проезжей части и реорганизацию общественных пространств.

Обновление Бильмера было призвано усилить социальную позицию его жителей в отношении образования, трудовой деятельности, здоровья, общественной жизни. Семьям, вынужденным переезжать из-за реконструкции, была предоставлена возможность выбора жилья в этом же районе. Около 2/3 семей приняли решение остаться жить в Бильмере, что можно считать успехом проведенных мер.

Часть квартир в сохранных домах была успешно перепозиционирована для других целевых групп рынка – студентов, молодых художников и фрилансеров, создав новый яркий образ района.

Принимая во внимание необходимость усиления жизнеспособности (livability) района, была поставлена задача убрать существующее разделение на функциональные зоны. Размещение коммерческих пространств в цоколях зданий должно было стимулировать развитие местного бизнеса и локальной занятости. Торговые центры и рынки из подземных пространств были перемещены к фронту улиц для увеличения пешеходного потока вдоль них и обеспечения постоянного наблюдения. С этой же целью, а также для улучшения транспортной доступности, внутрирайонные улицы и проезды были опущены на уровень земли.

Неконтролируемые открытые пространства были реконструированы в соответствии с требованиями CPTED. Процент открытых общественных пространств сокращен на 40%; на их месте построены детские сады, игровые площадки, наземные парковки, искусственные водоёмы. Густая непросматриваемая растительность прорежена, часть зеленых территорий превращена в городской спортивный парк, а другая – в природный парк с большим числом водоёмов.

Использованные средства реконструкции можно разделить на несколько групп: социальные (расширение типологии жилья), экономические (улучшение условий для развития бизнеса), средовые (реконструкция парковых зон в соответствии с требованиями безопасности). Успех проведенных мер во многом обязан их социальной направленности: работа со сложившимся сообществом и привлечение новых социальных групп положительно сказалась на образе района Бильмер.

^ Рис. 10. Схема реконструкции Бильмера (2013). Новые здания (розовый), реновация (коричневый), запланированное строительство (фиолетовый). – URL: <https://saboadvies.nl>

Ново-Ленино, Иркутск

Ново-Ленино – район Иркутска, который часто занимает первые места в различных анти-рейтингах: от списка самых грязных районов [14] до рейтинга наиболее опасных. В отчете начальника МУ МВД России «Иркутское» [15] указывается, что наибольшая криминальная активность в городе за 12 месяцев 2019 года отмечается в Ново-Ленино и предместье Марата. Учитывая специфику предместья Марата – большое число ранее судимых граждан в связи с нахождением на территории района СИЗО, наиболее подходящим для рассмотрения с точки зрения влияния градостроительных характеристик является Ново-Ленино. При этом, как показали проведенные в рамках исследования интервью, жители самого Ново-Ленино чаще склонны отрицать проблему высокого уровня преступности в их районе.

Нужно отметить, что Ново-Ленино – развивающийся район, который с самых первых лет своего существования переживал как периоды стагнации, так и моменты подъема. Строительство транссибирской магистрали в 1890-е гг. положило начало активному развитию территории будущего Ленинского административного района Иркутска. Вокруг станции Иннокентьевская (сейчас – Иркутск-Сортировочный) стали развиваться поселки, возникшие еще в XVII–XVIII вв. возле Вознесенского мужского монастыря. С 1940-х на территории Ново-Ленино стала вестись комплексная застройка индивидуальными жилыми домами [16].

Массовая жилая застройка района Ново-Ленино началась в 1960-е годы, когда было принято решение о строительстве нового микрорайона в Иркутске, страдавшего в то время от дефицита жилья. Автором масштабного проекта стал Евгений Борисович Пхор. В основе композиции был заложен принцип свободной планировки. Стремление открыть пространство дворов природе повлияло на формирование больших зеленых пространств.

На основе исследования периодов застройки района (рис. 12), интервью с его жителями и анализ публикаций по его истории [17; 18] и динамике показателей преступности авторами была рассмотрена траектория роста и падения популярности Ново-Ленино среди жителей Ир-

^ Рис. 11. Ретроспективная модель развития района Ново-Ленино

кутска и предложена ретроспективная модель развития района, включающая 5 характерных временных этапов (рис. 11) (временные границы этапов показаны приблизительно).

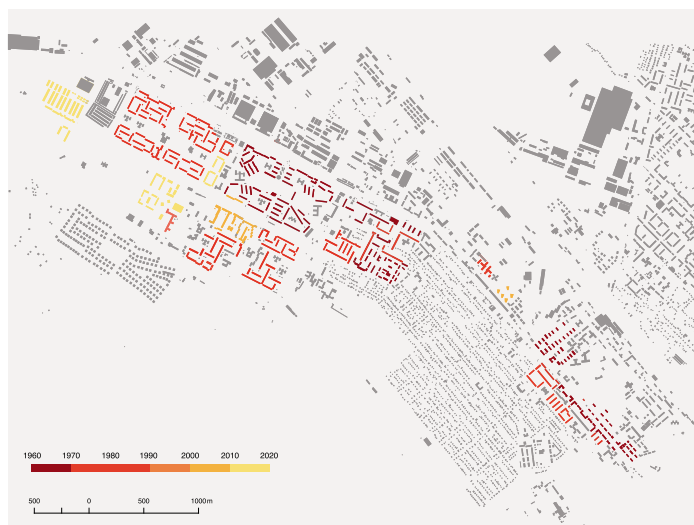
Как отмечал сам Е. Б. Пхор, «выпихнутые из города жилищной нуждой, здесь люди мучились из-за плохого транспорта и дырявого обслуживания» [19].

Промышленная зона по другую сторону улицы Розы Люксембург заработала позднее, а до тех пор жители были вынуждены ездить на работу в центральную часть города.

Отдаленность района от центра города усугубляла ситуацию, в которой оказались новые жители. По словам автора проекта, уже в 1965 году в объявлениях об обмене жилплощади указывали «согласен на любой район, кроме Ново-Ленино».

Тем не менее, по мере появления социальной инфраструктуры и создания в районе мест приложения труда, жизнь ново-ленинцев постепенно становилась все менее зависимой от центральной части города, когда в начале 90-х произошел резкий спад производства и большая часть жителей лишилась работы. С 70-х годов одним из основных предприятий промышленной части района являлся завод по производству транзисторов «Радиян», представлявший около 5 тыс. рабочих мест [20]. Упадок этого, а также многих других предприятий, в 1990-е годы сильно снизил статус района Ново-Ленино. Четкое функциональное зонирование при деградации промышленной зоны оставило населению района возможность использовать его только как место жительства. Удаленность Ново-Ленино от рабочих мест и по-прежнему уступавшее другим районам Иркутска качество социальной и транспортной инфраструктуры повлияли на снижение статуса района в городе. Вероятно, происходил тот же процесс, что и в самом начале его существования – недостаток рабочих мест вынуждал жителей к каждодневным длительным поездкам на работу за его пределы. Вследствие этого жители, имевшие такую возможность, переселились в другие районы, расположенные ближе к центру города. Строительство новых жилых площадей в Ново-Ленино почти полностью прекратилось до начала 2000-х (рис. 12).

^ Рис. 12. Периодизация застройки Ново-Ленино (1960–2020)

^ Рис. 13. Районы неформальных территориальных групп Ново-Ленино (1990-е)

Обособленность Ново-Ленино повлияла на сегрегацию жителей района в пространстве города. Концентрация малообеспеченных групп населения, легче поддающихся соучастию в действиях антиобщественной направленности, не могла не сказаться на возросшем уровне преступности. Молодежь группировалась в банды по территориальной принадлежности, происходило деление на враждующие группы внутри самого района. На основании интервью с известным иркутским журналистом и жителем Ново-Ленино Андреем Колгановым была составлена карта зон влияния 4 известных групп: Подстанция, Тагил, Багдад, Свинарник (рис. 13). Тяжелый период 1990-х годов сформировал для Ново-Ленино вполне оправданную на то время репутацию самого опасного района Иркутска.

В 2000-е годы в районе произошел своего рода «ренессанс», связанный с началом интенсивного строительства нового жилья на свободных территориях, в основном в юго-западной части Ново-Ленино за ул. Баумана, в том числе – ведомственного. Это привело к усложнению социального состава населения, развитию системы коммерческого обслуживания, строительству ряда новых объектов социальной инфраструктуры. Однако затем Ново-Ленино все больше становится местом строительства жилья для жителей центральной части Иркутска, переселяемых из сносимых в центре города жилых зданий. И в наши дни отдаленность района и его сложившийся неблагополучный образ влияет на стоимость жилья, одну из самых низких в городе [21], привлекая в район менее обеспеченных жителей.

Подобная пространственная и экономическая сегрегация обусловлена нераскрытым потенциалом района. Территории, предоставляющие меньше возможностей для удовлетворения потребностей жителей, становятся местами концентрации неустойчивых социальных групп. Представленные примеры – Pruitt-Айгоу и Бильмер, выбранные исходя из близкого периода строительства, сопоставимого масштаба территории и общности удаленного положения по отношению к центру города, имели много схожих с Ново-Ленино уязвимых пространственных характеристик, которые привели к высокому уровню преступности.

Среди них такие градостроительные характеристики, как изолированность, слабо развитая транспортная и пешеходная сеть, монофункциональное зонирование, несоответствие среды района потребностям различных социальных групп, большие неорганизованные общественные пространства. Воздействие перечисленных характеристик не происходит в момент попытки совершить преступление, они имеют длительное влияние на формирование социальных групп, склонных к поведенческим девиациям.

Характеристики дизайна среды, напротив, способны влиять ситуативно. Большие, не насыщенные функциями зеленые пространства, характерные для всех трех проектов, становятся удобными местами преступлений. Усиливает небезопасность подобных мест их непрозрачиваемость как с улиц, так и из окон домов. Стремление архитекторов вынести транспорт за пределы района уменьшает вероятность появления случайного наблюдателя, способного отпугнуть преступника. Запустение и вандализация среды создают ощущение неконтролируемого пространства, где потенциальный преступник может остаться незамеченным.

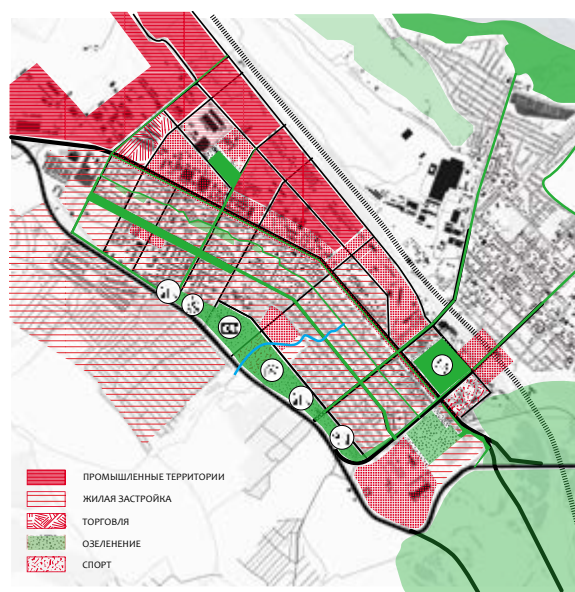
В подходе к реабилитации районов с высоким уровнем преступности необходимо использовать комплексные меры. Изменения дизайна среды, в зависимости от конкретного случая могут оказаться бесполезными без применения более масштабных мер на градостроительном уровне.

Существенное отличие района Ново-Ленино заключается в том, что по своему значению для Иркутска он должен был стать не периферийным спальным районом, а городом-спутником с масштабной промышленной зоной, в чем заключается его особенный потенциал. Примененные в случае Бильмера методы реконструкции верны по своему принципу и для Ново-Ленино. Необходимо предпринять меры для привлечения новых, более благополучных социальных групп, развития бизнеса и создания комфортной безопасной среды. Решением данных задач для предотвращения дальнейшего упадка может стать преобразование Ново-Ленино из периферии в многофункциональный центр в составе Иркутской агломерации. Это позволит избежать повторения

^ Рис. 14. Схема предложений по реконструкции транспортной сети района Ново-Ленино

^ Рис. 15. Схема предлагаемого функционального зонирования района Ново-Ленино

ситуации 90-х годов, когда коллапс промышленной зоны создал предпосылки к деградации жилой территории, а удаленность района и монофункциональность жилой части – к отсутствию условий для создания здесь новых рабочих мест в масштабах, позволяющих компенсировать их резкое сокращение в промышленной зоне. Преимуществом Ново-Ленино является и сопоставимость большей части его застройки человеку.

Одна из главных градостроительных проблем района – его изолированность, способствующая сегрегации и формированию анклавов, внутри которых концентрируются социальные проблемы. Решением может стать увеличение связанности района с центром Иркутска и районом Иркутск-II, обеспечение удобных маршрутов к станциям железной дороги, что поможет улучшить социальную интеграцию жителей района и увеличит общественную активность (рис. 14). Существенное значение имеет создание новых центров района с целью формирования его положительной идентичности. Таким центром может стать улица Розы Люксембург, если уменьшить ее транзитную функцию. Подлежит реконструкции и улица Баумана, которая станет частью системы зеленых пространств и общественных центров, создаст возможность для развития социальной жизни жителей. Смещение функций в пространстве района будет способствовать экономическому развитию, а реконструкция и насыщение функциями производственной части Ново-Ленино позволят также ликвидировать «страх преступления», который часто сопутствует неорганизованным промышленным территориям (рис. 15).

Внесение изменений в среду района для ситуативного предупреждения преступлений требует дополнительных исследований для идентификации мест их локализации. Применяемые меры должны быть направлены на решение проблемы слабого использования общественных пространств: следует создать условия для возможности появления случайного наблюдателя, способного предотвратить преступление. Комфортные пешеходные маршруты, расположенные равномерно по территории точки притяжения (кафе, магазины, услуги, рекреационные пространства, объекты культуры и др.) благоприятствуют использованию общественных пространств жителями.

Коммерческое использование первых этажей зданий также уменьшает вероятность совершения преступления на прилегающей территории. Озеленение района должно быть подобрано таким образом, чтобы обеспечить просматриваемость со стороны улиц и не допустить формирования укрытия для преступника. Пространства, спроектированные для конкретных групп пользователей и разделенные по видам активности, способны предотвратить возникновение конфликтов. Идентификация, чувство связи жителей с окружающим их пространством усиливает их ответственность за территорию района.

Результатом реконструкции Ново-Ленино должно стать преобразование района в новый полноценный центр в структуре Иркутской агломерации (рис. 16) и формирование его положительного образа. Необходимо уделить особое внимание развитию социальной инфраструктуры района и его интеграции в пространство города как градостроительным факторам, препятствующим формированию сообществ криминальной направленности. В этом случае не только будет исключена дальнейшая деградация района Ново-Ленино, но также получен новый ресурс для развития всей агломерации в целом.

В заключение авторы хотели бы выразить благодарность депутату Законодательного собрания Иркутской области от избирательного округа № 3 А. А. Красноштанову и депутатам Думы города Иркутска от избирательных округов № 1, 3, 5 С. П. Кузнецовой, Д. В. Ващуку, Л. Д. Усову, их помощникам и представителям за открытое и разнообразное обсуждение проблем и перспектив развития района Ново-Ленино, несмотря на то, что наши оценки не во всем совпадали. Наша искренняя признательность вице-президенту Союза архитекторов России, сопредседателю Сибирского отделения САР Е. И. Григорьевой, руководителю анти-кафе «Патидом» в Ново-Ленино, журналисту А. Колганову, социологу, жителю и исследователю Ново-Ленино А. Бондареву, директору АНО «Центр независимых социальных исследований и образования» (ЦНСИО) М. Я. Рожанскому, координатору проектов ЦНСИО и руководителю проекта «Город иначе» Е. Коркиной, генеральному директору Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета А. Кострубовой и ее заместителям А. Косолаповой и Е. Гладковой,

< Рис. 16. Ново-Ленино как новый центр Иркутской агломерации

заведующему кафедрой архитектуры и градостроительства ИРНТУ профессору Е. В. Пуляевской и сотрудникам кафедры за поддержку и помощь в проведении исследования района Ново-Ленино.

Литература

1. Гишинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 21–176
2. Институт «Урбаника». – URL: <http://urbanica.spb.ru> (дата обращения: 15.07.2020)
3. URL: <https://rg.ru/2011/08/15/raiony.html> (дата обращения: 15.07.2020)
4. URL: <https://tv.yandex.ru/program/3852490> (дата обращения: 15.07.2020)
5. URL: <https://failedarchitecture.com/the-story-behind-the-failure-revisioning-amsterdam-bijlmermeer/> (дата обращения: 15.07.2020)
6. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тяп-Ляп> (дата обращения: 15.07.2020)
7. Меняйло, Д. В., Иванова, Ю. А., Меняйло, Л. Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 107–111
8. URL: <https://38.mvd.rf/deyatelnost/otcheti>
9. Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни / пер. с англ. – Москва : Strelka Press, 2016. – С. 142–176
10. Милграм, С. Эксперимент в социальной психологии. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 32–52
11. Mihinjac, M., Saville, G. Third-Generation Crime Prevention Through Environmental Design (CPTED) // Social Sciences. – 2019. – Т. 8. – № 6. – С. 182
12. Кияненко, К. В. Социология устойчивости против архитектуры сегрегации // Архитектон: известия вузов. – 2015. – № 1 (49) – С. 32–49
13. URL: <https://reality.rbc.ru/news/577d2b1b9a7947a78ce946ce> (дата обращения: 15.07.2020)
14. URL: <https://www.irrk.kp.ru/daily/26341.4/3224066> (дата обращения: 15.07.2020)
15. URL: https://altairk.ru/new/incident/bolshe_vsego_prestupleniy_v_irkutskoe_sovershayut_v_novo-lenino_i_predmestemarata (дата обращения: 15.07.2020)
16. Дорофеев, П. Микрорайонные структуры 1960–1970-х годов в Иркутске. // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 238
17. URL: <https://gorodinache.org/v-kakom-nibud-novo-lenino> (дата обращения: 15.07.2020)

18. Анисимов, А. Г. Городское планирование как способ профилактики молодежной корыстно-насильственной преступности // Пролог: журнал о праве. – 2014. – № 3. – С. 34–40
19. Пхор, Е. Б. Наш Иркутск, предыстория // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 204–213
20. URL: <https://www.radian-holding.ru/about/> (дата обращения: 15.07.2020)
21. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/our-life/339397-irkutsk> (дата обращения: 15.07.2020)

References

- Anisimov, A. G. (2014). City planning as a method of preventing youth mercenary. Prolog: Journal about Law, (3), 34-40. doi:10.15727/2313-6715.2014.2.3.34-40
- Bondareva, S., & Bondarev, A. (2019). V kakom-nibud Novo-Lenino [In some Novo-Lenino]. Gorod inache. <https://gorodinache.org/v-kakom-nibud-novo-lenino>
- Dorofeev, P. (2014). Neighborhood structures of the 1960s-1970s in Irkutsk. Project Baikal, 11(39-40), 238. doi: 10.7480/projectbaikal.39-40.687.
- Gilinsky, Ya. I. (2004). Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubijstv i drugih "otkloneniya". [Deviantology: the sociology of crime, narcotism, prostitution, suicide and other "deviations"]. St. Petersburg: Yuridichesky tsentr Press.
- Institut "Urbanika" [Institute "Urbanika"] (n.d.). <http://urbanica.spb.ru>
- Kiyanenko, K. (2015). Sotsiologiya ustoychivosti protiv arhitektury segregatsii [Sociology of Sustainability versus Architecture of Segregation]. Architecton: Proceedings of Higher Education, 1(49).
- Menyaylo, D. V., Ivanova, Yu. A., & Menyaylo, L. N. (2019). АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения. [AWO - criminal youth movement: the essence and methods of distribution]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 3, 107-111. doi:10.24411/2073-0454-2019-10145
- Mihinjac, M., & Saville, G. (2019). Third-Generation Crime Prevention Through Environmental Design (CPTED). Social Sciences, 8(6), 182. doi:10.3390/socsci8060182
- Milgram, S. (2000). Eksperiment v sotsialnoy psikhologii. [Experiment in social psychology]. St. Petersburg.
- MVD nazvalo samye kriminalnye raiony Irkutsk [The Ministry of Internal Affairs announced the most criminal neighborhoods in Irkutsk] (2018, March 28). i38.ru. <https://i38.ru/obschestvo-obichnie/mvd-nazvalo-samye-kriminalnye-rayoni-irkutsk>
- Pkhor, E. B. (2014). Our Irkutsk, the Background. Project Baikal, 11(39-40), 204-213. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.684
- Тяп-ляп. In Wikipedia. Retrieved July 15, 2020, from <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тяп-Ляп>
- Wirth, L. (2016). Urbanism as a way of life. Moscow: Strelka Press, 142-176

< Главный фасад. Фрагмент. Окно. Фото Я. Лисициной. 2019

Сохранение культурного наследия является комплексной задачей, рассматриваемой в законодательном, профессиональном, социокультурном аспектах. Она требует особо бережного подхода. При этом система охраны наследия в Российской Федерации имеет ряд проблем, связанных с несовершенством института историко-культурной экспертизы, позволяющим выводить очевидные культурные объекты из поля государственной защиты. Гражданское общество способно противостоять подобным инцидентам, что явственно показала ситуация, связанная с иркутским архитектурно-историческим памятником – домом врача А. Рассушина (нач. XX в.).

Ключевые слова: Иркутск; культурное наследие; архитектура; экспертиза; дом врача Рассушина; М. Г. Меерович. /

Preservation of cultural heritage is a complex task regarded from legislative, professional and sociocultural aspects. It demands a very delicate approach. At the same time, the heritage preservation system in the Russian Federation has a number of problems related to imperfection of the institution of historical and cultural expertise, which allows removing obvious cultural resources from the field of state protection. The civil society can resist such incidents, as evidenced by the case of the Irkutsk architectural and historic monument, Doctor Rassushin's House (early 20th century).

Keywords: Irkutsk; cultural heritage; architecture; expertise; Doctor Rassushin's House; M. G. Meerovich.

Рассушинский прецедент: спасение культурного артефакта / Rassushin's precedent: to save a cultural artifact

Иркутск является историческим поселением России, его центр был внесен в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Но в связи со стремительной утратой ткани исторической застройки столице Восточной Сибири грозит превратиться в заурядный провинциальный город с преобладающим количеством однотипных многоэтажек. Уникальные здания различных временных периодов и стилей по различным причинам в массовом количестве исчезают с карты Иркутска. Так, в 2018 г. заслуженный архитектор России Марк Меерович, ссылаясь на данные профильной службы, говорил, что «за последние годы около 30 % памятников были уничтожены. За последние 10 лет – 600 домов ушло под снос. <...> По сведениям руководителя общественной организации «Наследие» Дмитрия Разумова, бывшего вице-мэра Иркутска, за этот же период уничтожено около 200 зданий. Как поясняют эксперты, такие расхождения кроются в том, что объекты считают по-разному: либо отдельно каждый объект, либо комплексы едиными лотами» [1]. По данным, приведенным в газете «Восточно-Сибирская правда», «<...> на сегодняшний день в областном реестре вновь выявленных объектов культурного наследия находится 4,5 тысячи памятников. При этом в одном только Иркутске в 2011 году в этом списке состояло 618 объектов, а в настоящее время осталось около 400 памятников. При губернаторе Дмитрие Мезенцеве из списка вывели всего два объекта. А вот за последние пять лет – уже 120 объектов» [2].

Проблема сохранения культурного наследия относится к сложнейшему актуальному направлению и затрагивает комплекс аксиологических, онтологических, экономических, исторических, искусствоведческих и др. вопросов. И один из них – реакция общества, его понимание, позиция и включенность в решение этой задачи. Яркий прецедент, отразивший рост профессионального, гражданского самосознания и готовности общества отстаивать значимые городские артефакты – дело с домом иркутского врача А. Рассушина, в котором, словно в капле воды, отразились современные реалии, связанные как с институализацией историко-архитектурного наследия и надзором государственных структур, так и эффективной схемой его уничтожения, не противоречащей формальным признакам, и воли профессионального

сообщества и рядовых горожан, противопоставленной этому убийственному алгоритму.

Дом деда 12000 иркутян

В историческом центре Иркутска рядом с набережной р. Ангары стоит крепкий одноэтажный деревянный дом, окрашенный в зеленый цвет, известный как «Жилой дом А. А. Рассушина, известного иркутского врача» (бульв. Гагарина 32 «А», квартал № 3). Этот квартал ограничен бульваром Гагарина (бывш. ул. Набережная; Вузовская Набережная), ул. Ярослава Гашека (бывш. пер. Юнкерский), ул. 5-й Армии (бывш. ул. Троицкая), пер. Большевикский (бывш. пер. Большаковский). Рядом располагаются каменные старинные здания: резиденция генерал-губернаторов Восточной Сибири, известная как «Белый дом» (1837 г., совр. бульв. Гагарина, 24), канцелярия генерал-губернатора (1887 г., совр. бульв. Гагарина, 36). На небольшом расстоянии от дома размещалась золотосплавочная лаборатория (не сохранилась, совр. бульв. Гагарина, 38). Неподалеку стоят бывшее юнкерское училище (совр. ул. Пятой Армии, 63–65) и городской театр, ныне Иркутский академический драматический театр им. Н. П. Охлопкова (ул. К. Маркса, 14). Это одно из престижных мест Иркутска, настоящая «золотая земля»: стоимость ее в 1910–1911 гг. была высокой – 10 руб. за квадратную сажень. Наиболее значительная цена отмечалась на торговых улицах (12 руб., нижняя планка – 2 руб. 50 коп.) [3], но ул. Набережная торговой не являлась; она была, выражаясь современным языком, элитной и вмещала в себя значимые для города объекты (в т. ч. и усадьбу Главного Управления Восточной Сибири (бывш. дом Орехова), 1868). Так же престижно это место и в наше время – рядом находятся памятники Александру III, космонавту Ю. Гагарину, каменные постройки занимают Иркутский государственный университет, а набережная является излюбленным местом отдыха горожан и проведения массовых зрелищных мероприятий. Особенно ценно, что сохранились практически все здания третьего квартала и некоторая историческая застройка близлежащего квартала № 1, например, «Доходный дом Пророковой» (совр. бульв. Гагарина, 30). Практически каждое строение имеет историко-культурную ценность,

текст

Яна Лисицина /
text

Yana Lisitsina

а в целом образуют качественный единый фрагмент исторической иркутской застройки и среды, тип которой начал формироваться со второй половины XIX в. и был продолжен в XX в. Один из средообразующих объектов – дом врача Аркадия Александровича Рассушина.

Точный год постройки дома не определен: «<...> имеющиеся сведения позволяют определить условные «верхнюю» и «нижнюю» даты, а именно: не ранее 1908 г. и не позднее 1910 г. В материалах технических паспортов объекта (БТИ 1934 г., п. 14.11) указан год постройки – 1909 г.» [4]. Проектная документация на строение отсутствует. Но есть твердые основания полагать, что это один из объектов родного брата доктора Аркадия Рассушина, известного иркутского зодчего Владимира Александровича Рассушина. Его имя вписано золотыми буквами в архитектурную летопись города. Дом обладает очевидными типологическими свойствами, присущими атрибутированным деревянным строениям этого архитектора. Их характерными особенностями является использование в фасадной композиции элементов и стилистических подходов, характерных для каменных строений. Историк архитектуры И. В. Калинина напрямую относит дом А. А. Рассушина к проектному творчеству архитектора В. А. Рассушина [5, с. 48–51]. Стиль постройки – эклектика с использованием приемов модерна. «Особую выразительность облику придает прием контрастного сопоставления поля открытой бревенчатой стены (с крупными бревнами) с тонко проработанными элементами декора» [4].

Исследователи И. В. Калинина и Н. Н. Красная рассматривают авторский подход В. Рассушина к оформлению рамочных наличников и использование их для обрамления окон домов, построенных по его проекту по адресам: ул. К. Маркса, 10, ул. Бабушкина, 10. Они отмечают, что «<...> им спроектированы два типа наличников, один из которых в формах классицизма с очень развитым массивным горизонтальным сандриком, а второй рамочный с угловыми выступами и замковым камнем, который он использовал на фасадах собственного особняка (ул. К. Маркса, 10) и жилого дома, построенного по проекту для брата (Володарского, 3)» [6, с. 130, 134]. В оформлении фасада дома врача Аркадия Рассушина (бульв. Гагарина, 32 «А») присутствует имитация приемов, относящиеся к каменному зодчеству, наличествуют рамочные наличники и, в целом, очевидна авторская стилистика иркутского архитектора В. А. Рассушина.

Как отмечает эксперт А. Н. Прокудин, объект «<...> представляет собой крупный, одноэтажный, деревянный дом (на бутовом ленточном фундаменте), Г-образная конфигурация плана которого определена основным, прямоугольным и двумя прирубами – северным (сени с главным входом) и восточным (с жилыми и хозяйственными помещениями); все объемы (под одной лит. А) перекрыты общей вальмовой крышей» [4].

Дом Рассушина – не просто жилое помещение, а объект с достаточно редкой смешанной функцией, который вмещает три зоны: семейную, рабочую и хозяйственную, диктовавшие сложное объемно-планировочное решение. Согласно материалам БТИ (1934 г.), первоначальная планировка представляла собой коридорную систему. «Поднявшись по крыльцу, через сени попадали в коридор, разделявшийся на две части. По обеим сторонам от него располагались жилые комнаты хозяев семьи, отапливаемые печами. Через комнату в восточной части основного объема здания был проход в небольшую спальню с печью. Во втором коридоре с левой стороны располагался вход на кухню, оснащенной чугуной печью для готовки еды, раковиной для мытья посуды и небольшими кладовыми. Похожие кладовые и небольшие

подсобные помещения размещались также со стороны коридоров и смежной комнаты, у которой было два входа: со стороны внутреннего второго коридора и южного дворового крыльца. В восточном прирубе располагались жилые комнаты прислуги с простыми печами и подсобными помещениями. Один вход в помещения прислуги находился с южной стороны в юго-восточном углу здания, второй – с восточной стороны, где размещалось крыльцо. Помещения прислуги сообщались с помещениями хозяев» [цит. по: 4].

Это усадьба русского (сибирского) городского практикующего врача начала XX века, которая вмещала различные виды человеческого бытия: жилье, профессиональную деятельность, отдых. Дом комфортен для проживания и работы, и в основе его проекта лежит принцип функционального планирования: отделка фасадов, планировка, устройства для хозяйственных надобностей рациональны и элегантны. Возможно, пациенты входили в дом со стороны двора, с юго-востока через отдельное крыльцо в большую комнату, а затем – в смотровую и лечебный кабинет. Вероятнее всего, отдельный вход был устроен именно в связи с профессиональной необходимостью и деликатностью, связанными с процессом лечения: он давал возможность пациентам не тревожить покой семьи и соблюдать желаемую в некоторых случаях анонимность. В предполагаемой врачебной зоне находилась перегородка, которая изолировала часть помещения, а также обширная ниша в стене напротив входа в приемную доктора, которая могла вмещать медицинские приборы, лекарства, сосуды, книги и прочие необходимые атрибуты врачебной деятельности. Стоит отметить тщательно продуманную систему встроенной мебели, сохранившуюся до настоящего времени: шкафы оснащены двустворчатыми дверями по типу межкомнатных и удобными подвижными вешалками.

Иркутский врач А. А. Рассушин проживал в этом доме до конца 1930-х гг., по некоторым сведениям – 1940-х гг. Это был один из самых известных врачей-педиатров Иркутска. В связи с юбилеями он упоминался в газете «Власть Труда» в 1926 г. и «Восточно-Сибирская правда» в 1935 г. В публикации последней «Сорок лет врачебной деятельности. А. А. Рассушин» от 27 марта отмечается, что «нет в Иркутске ни одной матери, которая хотя бы понаслышке не знала имени этого прекрасного врача». Приводятся слова самого доктора о том, что за 12 лет работы в Базановском воспитательном приюте он приобрел двенадцать тысяч внуков. Аркадий Александрович был директором и врачом детского приюта и родовспомогательного отделения Базановского воспитательного дома с 1906 г. по 1918 г., а также действительным членом попечительства детских приютов и членом общества врачей Восточной Сибири. Его сын, известный советский инженер Александр Аркадьевич Рассушин (1900–1984), детство свое провел именно в этом доме на Набережной.

Последний бой архитектора Мееровича

После смерти врача Рассушина в результате различных обстоятельств дом был передан в муниципальное пользование, разделен на коммунальные квартиры. В 1985 г. согласно «Паспорту памятника» стоял на балансе домоуправления № 2 Кировского района и использовался под жилье. Затем произошла приватизация помещений и, в конечном итоге, в результате купли-продажи помещений дом стал принадлежать одному собственнику.

Объект «Жилой дом А. А. Рассушина» впервые отмечен в 1981 г. на историко-архитектурном опорном плане г. Иркутска в качестве здания, являющегося характерным элементом городской среды. Поставлен на государственный учет в 1985 г. как вновь выявленный памятник архитектуры. В 1988 г. зарегистрирован в сводном списке памятников истории и культуры г. Иркутска

и рекомендован к постановке на государственную охрану в качестве ценного элемента окружающей среды. В «Сводном списке вновь выявленных объектов г. Иркутска, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» на 1 января 2000 г., дом зарегистрирован под № 106. На откорректированном «Историко-архитектурном опорном плане центральной исторической части г. Иркутска» в 2000 г. строение отнесено к числу объектов, представляющих ценность, рекомендовано на государственную охрану, а в 2006 г. по результатам инвентаризации рекомендовано для включения в государственный реестр объектов культурного наследия. В перечне выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Иркутской области, утвержденном приказом службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области 14 февраля 2017 г., «Жилой дом А. А. Рассушина» находится как пункт 1.1.73.

С августа 2015 г. собственники дома неоднократно обращались в службу по охране объектов культурного наследия Иркутской области¹ с вопросом о нецелесообразности его включения в государственный реестр объектов культурного наследия, предъявляя акты государственной историко-культурной экспертизы, имеющие отрицательные заключения. Но служба выражала несогласие с выводами экспертов в связи с тем, что не были приняты во внимание исследования в области культуры, искусства, истории, архитектуры, касающиеся этого объекта, а также по ряду других причин.

Согласно информации, размещенной на сайте Иркутского областного суда, 13 июня 2018 г. в адрес службы поступило письмо собственника спорного объекта ООО «Новый берег» с приложением акта государственной историко-культурной экспертизы (отрицательное заключение) от 7 июня 2018 г., подготовленное экспертом Ю. П. Куваевой [7]. Экспертиза была проведена на основании договора от 28 марта 2018 г., заключенного между

1. Далее в тексте – Служба.

в Боковой юго-восточный фасад. Фрагмент. Фото А. Чертилова. 2019

ней и ООО «Новый берег». Эксперт из г. Выборга дала заключение о нецелесообразности включения выявленного объекта культурного наследия «Жилой дом А. А. Рассушина» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [8].

Для общественного обсуждения на сайте службы документ размещен 19 июня 2018 г. и был подвергнут критике: «<...> поступили возражения на акт государственной историко-культурной экспертизы от архитектора-исследователя Б.² и историка-исследователя Б. (л. д. 8–22 т. 3), которые указали, что выводы эксперта Куваевой Ю. П. об отсутствии градостроительной, исторической, архитектурной, художественной, мемориальной ценности объекта не обоснованы. <...> перед изданием оспариваемого приказа³ начальником отдела государственной охраны памятников архитектуры и оформления охранных обязательств службы Я. на проект приказа подано особое мнение с указанием на недостаточную обоснованность заключения эксперта Куваевой Ю. П. о нецелесообразности включения спорного объекта в реестр. <...> Особое мнение также выражено главным специалистом-экспертом отдела государственной охраны памятников архитектуры и оформления охранных обязательств службы Р., указавшей на несогласие с выводами представленной экспертизы Куваевой Ю. П., поскольку считает вышеназванный объект достойным категории охраны – объект культурного наследия регионального значения» [7].

Региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, возглавляемое доцентом ИРНИТУ архитектором Алексеем Чертиловым, заказало альтернативную экспертизу иркутскому эксперту, имеющему 22-летний стаж работы по профилю экспертной деятельности, кандидату исторических наук архитектору Александру Прокудину, который, проанализировав документы, дополнительные материалы и пр., дал положительное заключение по данному объекту. А. Н. Прокудин считал, что включение выявленного ОКН «Жилой дом А. А. Рассушина, известного иркутского врача» в единый государственный реестр объектов культурного наследия РФ обосновано. Подготовленный им акт ГИКЭ от 17 июля 2018 г. поступил в службу 3 августа 2018 г. и размещен на ее сайте для общественного обсуждения до 31 августа 2018 г. В отношении этого документа «<...> в службу поступило положительное мнение от историка-исследователя Бубис Н. Г., положительное заключение по указанной экспертизе от экспертов Н. Н. Красной, Т. В. Гусевой., А. В. Яковлева, Б. Б. Михайлова» [9]. Но фактически эта экспертиза была проигнорирована – никакого решения по ней не принято.

Руководитель службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области Евгений Корниенко подписал приказ № 221-спр от 15 августа 2018 года «Об отказе во включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленного объекта культурного наследия «Жилой дом А. А. Рассушина, известного иркутского врача», нач. XX века, по адресу: г. Иркутск, б. Гагарина, лит. А. [10]. Дальнейшая судьба строения имела осязаемые печальные перспективы: лишенное государственной защиты, оно вполне могло быть уничтожено в связи с тем, что особую ценность представляла земля в центре города. Это хорошо понимали и профессиональное сообщество, и граждане Иркутска, в связи с чем в общественном поле поднялась волна, направленная на сохранение этого дома.

Было бы неверным утверждать, что привлечение к проблеме сохранения культурного наследия и действий, предпринимаемых соответствующими органами, произошло только в связи с ситуацией по данному объекту –

продолженная и болезненная ситуация, связанная с историческими постройками, набирала обороты из года в год. Так, председатель Общественного совета при Службе по охране объектов культурного наследия Иркутской области заслуженный архитектор России, доктор архитектуры, доктор исторических наук профессор Марк Григорьевич Меерович [11, с. 17–37] поднимал этот вопрос в открытом письме к губернатору Иркутской области С. Г. Левченко в 2017 г., в котором выражал «глубокую озабоченность «характером и результатами деятельности Службы» в части сохранения объектов культурного наследия областного значения, а также государственной охраны объектов культурного наследия на территории Иркутской области» [12]. Профессор Меерович указывал на то, что мнение общественности не учитывается, хотя это предписывает «Положение о службе по охране объектов культурного наследия Иркутской области». «Марк Меерович отмечает, что на территории Иркутска сложилась ситуация, при которой собственники объектов культурного наследия сознательно доводят их до аварийного состояния – либо в результате своего бездействия, либо целенаправленными мероприятиями (например, поджогами), в конечном счете, преследуя цель его полного или частичного уничтожения. После чего, собственники заказывают Государственную историко-культурную экспертизу (ГИКЭ), которая часто проводится недобросовестно или некачественно. Недобросовестно, по словам М. Мееровича, означает, что «эксперты игнорируют значительный объем материалов, что делает их заключение недостаточно обоснованным, а подчас и ошибочным» [12]. В качестве примеров он приводил акты ГИКЭ по ряду строений: здания золотославни по бульвару Гагарина, 38; усадьбы по ул. Халтурина, 11–13; усадьбы по ул. Фурье, 12; гостиницы «Сибирь» по ул. Ленина, 18; здания заводоуправления по ул. Октябрьской Революции, 1; деревянных домов по ул. Бабушкина, 1; Лапина, 5 и других [12]. Но никаких мер в связи с обращением не было принято [13].

Если обобщить все высказывания М. Г. Мееровича по поводу алгоритма уничтожения исторического наследия, то очевидно определенные стадии: 1) выкуп здания; 2) доведение его до аварийного состояния; 3) привлечение собственником за свой счет эксперта, аттестованного в Министерстве культуры РФ, чаще всего иногороднего; 4) отрицательная экспертиза на объект; 5) поступление акта ГИКЭ в Службу и прохождение общественных слушаний, во время которых мнение профессионального сообщества не принимается во внимание; 6) принятие решения на основе отрицательного заключения и последующий приказ об исключении строения из списка объектов, охраняемых законом; 7) строение, как правило, сносят, земля остается в полном распоряжении собственника. М. Меерович публично транслировал особенности этапов этой схемы: «а) собственник сознательно доводит до уничтожения предмет охраны ОКН; б) эксперт ГИКЭ, умалчивая об этом факте, «объективно» фиксирует в своем заключении утрату предмета охраны, делая на этом основании вывод о возможности выведения объекта из списка памятников или о невключении в список; в) Служба, действуя формально, поддерживает выводы экспертов, при этом игнорируя уже имеющиеся в Службе свидетельства ценности объектов и официально поступившие в Службу заявления профессиональной общественности, указывающие на факт некачественно и недобросовестно выполненных актов ГИКЭ и другие принципиальные недостатки актов» [14].

В связи с ситуацией с домом Рассушина, которая возникла практически через несколько месяцев после письма к губернатору, Марком Мееровичем 1 августа 2018 г. было передано в прокуратуру обращение за № 12492

2. Фамилии в опубликованном решении Иркутского областного суда не раскрываются

3. Приказ № 221-спр от 15.08. 2018 «Об отказе во включении...»

^ Интерьер дома. Межкомнатные двери. Фото Я. Лисициной. 2019

^ Общий вид с юга. Фото А. Чертилова. 2019

по поводу деятельности Службы. Он открыто выражал свою позицию как в средствах массовой информации, так и в интервью информационному агентству «ИрСити». Заслуженный архитектор России заявил: «Процесс уничтожения исторического деревянного наследия в Иркутске поставлен на поток. Главной жертвой становятся домостроения, которые охраняются статусом вновь выявленных – после лишения их этого статуса, они уничтожаются. Исполнителем этого является служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Этот непрерывный процесс маскируется службой формальным соблюдением ею процедур. Но по содержанию ее деятельность кардинально противоречит требованиям законодательства. Прикрываясь формальной стороной дела, служба, по сути, превратилась в главный орган уничтожения культурного достояния Иркутска» [13].

Как уже отмечалось, напряженная ситуация, связанная с домом Рассушина, всколыхнула общественность города, вызвала волну возмущения в социальных сетях и СМИ. Иркутская городская общественная организация содействия охране и защите памятников истории и культуры города Иркутска «Наследие» (президент Дмитрий Разумов), Иркутское региональное отделение ВООПИК (председатель Алексей Чертилов) и Иркутское региональное отделение Союза архитекторов России (председатель правления Игорь Козак) 17 августа 2018 г. в Доме архитекторов провели пресс-конференцию, на которой объявили о создании широкой коалиции по сохранению жилого дома А. А. Рассушина, а также озвучили практические предложения по решению данного вопроса: сбор подписей на имя губернатора Иркутской области С. Г. Левченко с требованием о включении этого здания в Реестр памятников. За достаточно короткий срок под петицией подписались около 1000 человек. Около здания Службы на Цесовской набережной 23 августа был проведен пикет, согласованный с Администрацией города, на котором люди с тревогой говорили о судьбе исторического памятника.

Марк Меерович активно участвовал во всех мероприятиях, направленных на защиту дома Рассушина, был готов обратиться в Генпрокуратуру. Его жена Светлана Меерович свидетельствует, что он находился под сильным

давлением. Она поведала, что Марк Григорьевич не обо всем рассказывал, берег семью от негативной информации, но на него психологически давили, были и угрозы. Светлана Кирилловна запомнила, что по поводу этого дела он сказал: «Нужно менять сознание...»

Чье сознание? Чиновников, коммерсантов, застройщиков, народа, который не бережет и не ценит свою историю? Марк Меерович уже не ответит на этот вопрос. В сентябре он разослал по электронной почте друзьям и коллегам письмо, в котором сообщал, что очень сильно болен. Спасти его не удалось. 18 октября 2018 г. Марка Григорьевича Мееровича не стало. Но дело с домом Рассушина, который он так яростно и искренне защищал, продолжилось.

Суд да дело № 3а-5 / 2019

В начале сентября 2019 г. Дмитрий Разумов подал административное исковое заявление о признании не действующим со дня издания приказа службы № 221-спр 15 августа 2018 г. «Об отказе во включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта культурного наследия». Д. Разумов ссылаясь «<...> на несоблюдение процедуры проведения государственной историко-культурной экспертизы, послужившей основанием для издания данного приказа» [9]. Он считал, что нарушены его права, установленные статьей 44 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на участие в культурной жизни, на доступ к культурным историческим ценностям. Административным ответчиком выступала служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Представители ее, а также и ООО «Новый берег» с исковыми требованиями не согласились. Ю. Куваева в письменных возражениях указала, «что при проведении государственной историко-культурной экспертизы и подготовке заключения ею как экспертом соблюдены все требования законодательства» [7]. Требования Д. В. Разумова поддержал представитель ИРО ВООПИК А. К. Чертилов, аргументировав свою позицию тем, что эксперт Ю. П. Куваева проигнорировала многолетние профессиональные исследования этого объекта, подтверждающие его ценность.

^ Коллектив Кузнецовской больницы, 1912. В кружке – доктор А. Рассушин (предположительно). Фото Е. Россихина

Была назначена и проведена судебная комиссия комплексная экспертиза. Эксперты должны были ответить на вопросы: обладает ли «Жилой дом А. А. Рассушина» градостроительной, историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью и целесообразно ли его включение в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Так же экспертному учреждению поручено произвести визуальный осмотр и описание состояния объекта. Суд установил, что «приведенные Куваевой Ю. П. доводы в поддержку своих выводов в акте государственной историко-культурной экспертизы, не могут быть приняты во внимание, поскольку они противоречат представленным в дело письменным доказательствам, установленным по делу фактическим обстоятельствам, опровергаются проведенной по назначению суда судебной комиссионной экспертизы, проведение которой поручено Иркутской лаборатории судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации, с привлечением следующих экспертов: Л., имеющей специальное познание в области истории, К. – искусствоведу, С. – архитектору» [7].

Согласно заключению судебной комиссионной экспертизы № 96 / 4–4 от 20 марта 2019 г. общее состояние объекта «Жилой дом А. А. Рассушина» оценено как ограниченно-работоспособное; два эксперта в своих заключениях сделали выводы о целесообразности включения дома Рассушина в государственный реестр объектов культурного наследия, поскольку он обладает вышеперечисленными ценностями. Эксперт С. дал отрицательное заключение; дом, по его мнению, ценностью не обладает и включение его в реестр нецелесообразно. Суд не согласился с его оценкой, посчитав, что «вывод эксперта С. не мотивирован, противоречит установленным по делу обстоятельствам, а примененная им методика определения категории ценности объектов историко-культурного наследия по шкале баллов не является объективной» [7]. А. Чертилов, присутствовавший на судебных заседаниях по делу, в интервью каналу ГТРК «Иркутск» дал комментарий по данной работе: «Очень непрофессиональная экспертиза. Ангажировано, предвзято, без знания вопроса. Пример хороший приведен. У нас, оказывается, бульвар Гагарина одет в гранит» [15].

В деле было представлено достаточно доказательств, подтверждающих историко-культурную ценность дома А. Рассушина. Было определено, что, несмотря на переделки и отдельные утраты, сохранена целостность объемно-пространственной композиции и габаритов, пространственно-планировочной структуры интерьера,

подлинные материал и конструкции стен, композиционные и архитектурно-художественные особенности обработки фасадов, что в совокупности делает его подлинным источником достоверной информации и объективно характеризующим определенный исторический, общественный и архитектурный период» [7]. Очевидна также его мемориальная ценность.

Иркутский областной суд пришел к выводу: в связи с тем, что Служба не доказала соблюдение процедуры приказа, он не соответствует требованиям федерального законодательства. Д. Разумов как житель города имеет право на участие в культурной жизни города, доступ к культурным историческим ценностям, сохранность объектов культурного наследия. Административные иски требования Д. В. Разумова удовлетворены. Приказ Службы от 15 августа 2018 г. № 221-спр признан не действующим со дня вступления решения суда в законную силу.

Решение Иркутского областного суда было обжаловано в Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации и согласно апелляционному определению № 66-АПА19–5 от 11.09.2019 оставлено без изменения, апелляционные жалобы Ю. П. Куваевой и ООО «Новый берег» оставлены без удовлетворения [9].

По состоянию на лето 2020 г. дом врача А. Рассушина стоит с закрытыми ставнями на фасаде и имеет вид нежилого. Что происходит с ним, скрытым за глухим забором, неизвестно; это частная собственность, куда хода посторонним нет. Дом напоминает собой крепкого здорового деда, который вдруг оказался ненужной обузой для своих подросших детей. В Японии таких стариков за ненадобностью семье уносили умирать от голода и жажды на гору Нараяма. Но дом мог бы служить городу долгие годы при должном уходе и ремонте в качестве жилья, ресторана, гостиницы, музея, творческого пространства, являя собой истинный образец старинного Иркутска и неся его подлинный дух новым поколениям горожан.

Очевидно, что в деле защиты исторического наследия важен фактор поддержки мнемонического конструкта, передачи социальной поколенческой памяти и сохранения историко-культурного ландшафта местности. В качестве экономического стимула значительна визуальная составляющая, привлекательная для туристов: застройка разных временных периодов является неотъемлемой частью сибирского культурного кода. Турист не будет задерживаться в городе, чтобы полюбоваться на стандартные «высотки», которые мало чем отличаются от своих однотипных собратьев в других поселениях, он уедет напрямую на Байкал, воспользовавшись столицей Восточной Сибири только в качестве транзитного пункта; поэтому историческая застройка – мощный стимул для развития туристического направления, и ее значимость для экономики очевидна.

Ситуация с домом Рассушина в г. Иркутске, сложившаяся в 2018–2019 гг. – это уникальный прецедент симбиоза действенной реакции гражданского общества и эффективной работы судебной системы. Очевидные лакуны в законодательстве, позволяющие выводить объективно ценные историко-архитектурные объекты из поля государственной охраны, оказались нейтрализованы действиями иркутской общественности и активной позицией профессионального сообщества, а также вдумчивым подходом Иркутского областного суда, который практически спас дом, введя запрет на любые действия с ним на период рассмотрения дела и установив его ценность благодаря комплексной судебной экспертизе. Но все же это чуть ли не единственный случай на фоне вывода из реестра вновь выявленных объектов с их последующим уничтожением; поэтому встает вопрос об изменении института экспертно-охранной эксперти-

зы не только в процессуальном и правовом отношении, но и в деонтологическом аспекте. Возможно, это и есть необходимое изменение сознания, о котором говорил профессор Меерович.

Литература

1. Сохранить наследие Иркутска: выведение домов-памятников из реестра предлагают поставить под общественный контроль // Сибирское информационное агентство. – 2018. – 21 августа. – URL: https://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=363301 (дата обращения: 05.07.2020)
2. Трифонова, Е. Бремя наследия. Общественники выступили в защиту знаковых памятников Иркутска // Восточно-Сибирская правда. – 2019. – № 39
3. Краткая историческая справка. – URL: https://irkobl.ru/sites/oknio/IKE/Obosnovanie_vklycheniya_ob/2018/ict%20pravka%20Gagarina%2034.pdf (дата обращения: 01.07.2020)
4. Прокудин, А. Н. Акт государственной историко-культурной экспертизы. 17.07.2018. – URL: https://irkobl.ru/sites/oknio/IKE/Obosnovanie_vklycheniya_ob/2018/akt%20Gagarina%2032.pdf (дата обращения: 10.07.2020)
5. Калинина, И. В. Постройки архитектора В. А. Рассушина // Проект Байкал. – 2007. – № 13. – С. 48–52
6. Калинина, И. В., Красная, Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. – Иркутск: 000 Агентство «Маир», 2013. – 450 с.
7. Решение по гражданскому делу // Иркутский областной суд. – Иркутск. – 17 апреля 2019. – URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=27243352&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.07.2020)
8. Куваева, Ю. П. Акт государственной историко-культурной экспертизы – URL: https://irkobl.ru/sites/oknio/IKE/Obosnovanie_vklycheniya_ob/2018/1%20-%20%D0%90%20%D0%9A%20%A2%20%20%D0%93%D0%98%D0%9A%D0%AD.pdf (дата обращения: 10.07.2020)
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.09.2019 N 66-АПА19-5 // Законы, кодексы и информативно-правовые акты Российской Федерации. – Москва. – 2019. – URL: <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-fed7erat-sii-ot-11092019-n-66-apa19-5/> (дата обращения: 11.07.2020)
10. Приказ № 221-спр от 15.08.2018 «Об отказе во включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленного объекта культурного наследия «Жилой дом А. А. Рассушина, известного иркутского врача», нач. XX века. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/3801201808160018?type=pdf> <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:RHAcoBrcqZsJ:publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/3801201808160018%3Ftype%3Dpdf&cd=8&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 01.07.2020)
11. Портрет архитектора. Марк Меерович (1956–2018) // Проект Байкал. – № 60. – 2019. – С. 17–37
12. Глава общественного совета при областной службе по охране объектов культурного наследия Марк Меерович озбочен результатами ее деятельности // Сибирские новости. – 14.12.2017. – URL: <https://snews.ru/news/glava-obshchestvennogo-soveta-pri-oblastnoy-sluzhbe-po-ohrane-obektov-kulturnogo-naslediya-mark> (дата обращения: 12.07.2020)
13. Иркутский архитектор пожаловался в прокуратуру на службу по охране памятников // ИрСити. – 08.08.2018. – URL: <https://ircity.ru/news/31160/> (дата обращения: 15.07.2020)
14. Иркутск: Общественный совет возстал против Службы охраны памятников // Хранители Наследия. – 18.12.2017. – URL: http://hraniteli-nasledia.com/articles/doslovno/irkutsk-obshchestvennyy-совет-vozstal-protiv-sluzhby-okhrany-pamyatnikov/?sphrase_id=36471 (дата обращения: 10.07.2020)
15. Суд в Иркутске признал недействительным отказ включить дом Рассушина в реестр памятников архитектуры // ГТРК «Иркутск». – 17.04.2019. – URL: <https://vestiirk.ru/news/culture/243804/> (дата обращения: 14.07.2020)

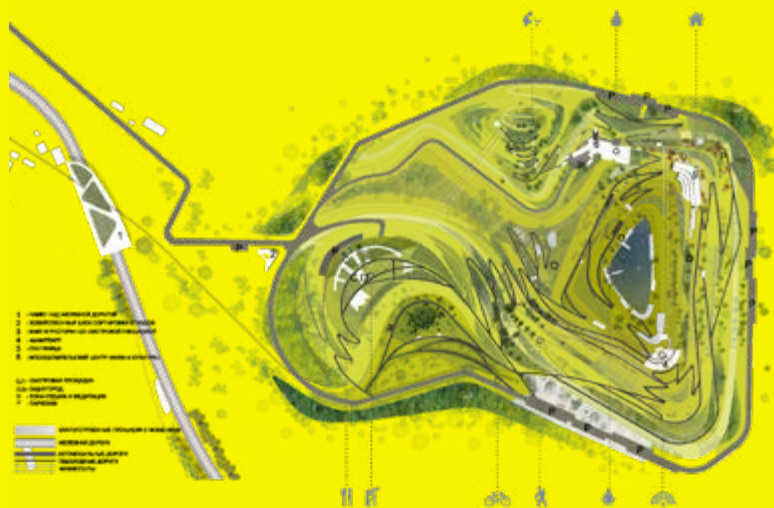

^ Фрагмент статьи с портретом доктора А. Рассушина. «Восточно-Сибирская правда», 1935

References

- Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po administrativnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 11.09.2019 № 66-АПА19-5 [Appellation decision of the Juridical Panel for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation as of 11.09.2019 № 66-АПА19-5]. Laws, codices and informational and legal acts of the Russian Federation] (2019). Moscow. <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-fed7erat-sii-ot-11092019-n-66-apa19-5/>
- Glava obshchestvennogo soveta pri oblastnoi sluzhbe po okhrane o'ektov kulturnogo naslediya Mark Meerovich ozabochen rezultatami ee deyatelnosti [The head of the Public Council under the Regional Service for Protection of Cultural Resources Mark Meerovich is worried about the results of its activity]. (2017, December 14). Siberian news. <https://snews.ru/news/glava-obshchestvennogo-soveta-pri-oblastnoy-sluzhbe-po-ohrane-obektov-kulturnogo-naslediya-mark>
- Irkutskii arkhitektor pozhalovalsya v prokuraturu na sluzhbu po okhrane pamyatnikov [Irkutsk architect complained to the public prosecution about the Service for Protection of Monuments] (2018, August 8). IrCity. <https://ircity.ru/news/31160/>
- Irkutsk: Obshchestvennyi sovet vosstal protive Sluzhby okhrany pamyatnikov [Irkutsk: Public Council rose against the Service for Protection of Monuments] (2017, December 18). http://hraniteli-nasledia.com/articles/doslovno/irkutsk-obshchestvennyy-совет-vozstal-protiv-sluzhby-okhrany-pamyatnikov/?sphrase_id=36471
- Kalinina, I. V. (2007). Postroyki arkhitekora V. A. Rassushina [Constructions by architect V. A. Rassushin]. Project Baikal, 4(13), 48–52.
- Kalinina, I. V., & Krasnaya, N. N. (2013). Gorod i derevo. Arkhitektura i remeslo [The city and wood. Architecture and workmanship]. Irkutsk: 000 Agentstvo "Mair".
- Kratkaya istoricheskaya spravka [A short historical note]. (n.d.) https://irkobl.ru/sites/oknio/IKE/Obosnovanie_vklycheniya_ob/2018/ict%20pravka%20Gagarina%2034.pdf
- Kuvaeva, Yu. P. (2018, May 7). Akt gosudarstvennoi istoriko-kulturnoi ekspertizy [Certificate of state historical and cultural examination]. https://irkobl.ru/sites/oknio/IKE/Obosnovanie_vklycheniya_ob/2018/1%20-%20%D0%90%20%D0%9A%20%D0%A2%20%20%D0%93%D0%98%D0%9A%D0%AD.pdf
- Portrait of the architect. Mark Meerovich (1956–2018) (2019). Project Baikal, 17(60), 17–37. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60>
- Prkaz № 221-spr ot 15.08.2018 "Ob otkaze vo vkluchenii v edinyi gosudarstvennyi reestr ob'ektov kulturnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kultury) narodov Rossiiskoi Federatsii, vyvaylenogo ob'ekta kulturnogo naslediya "Zhiloi dom A. A. Rassushina, izvestnogo irkutskogo vracha", nach. XX veka [Decree № 221-spr as of 15.08.2018 "On the refusal to include in the Unified State Register of cultural heritage sites (monuments of history and culture) of peoples of the Russian Federation a discovered cultural resource "Residential House of A. A. Rassushin, famous Irkutsk doctor" of the early XX century]. Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii. Retrieved July 1, 2020, from <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/3801201808160018?type=pdf>
- Prokudin, A. N. (2018, July 17). Akt gosudarstvennoi istoriko-kulturnoi ekspertizy [Certificate of state historical and cultural examination]. https://irkobl.ru/sites/oknio/IKE/Obosnovanie_vklycheniya_ob/2018/akt%20Gagarina%2032.pdf
- Reshenie po grazhdanskomu delu [Judgment in civil proceeding] (2019, April 17). Irkutskii oblastnoi sud. Irkutsk. https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=27243352&delo_id=1540005&new=0&text_number=1
- Sokhranit nasledie Irkutsk: vyvedenie domov-pamyatnikov iz reestra predlagayut postavit pod obshchestvennyi kontrol [To preserve Irkutsk's heritage: removing of listed houses from the register is proposed to be put under public control](2018, August 21). Sibirskoe informatsionnoe agentstvo. https://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=363301
- Sud v Irkutске priznal nedeistvitelnym otkaz vkluchit dom Rassushina v reestr pamyatnikov arkhitektury [The Irkutsk court invalidated the refusal to include Rassushin's House into the Register of Monuments of Architecture] (2019, April 17). GTRK "Irkutsk". <https://vestiirk.ru/news/culture/243804/>
- Trifonova, E. (2019). Bremya naslediya. Obshchestvenniki vystupili v zashchitu znakovykh pamyatnikov Irkutsk [A burden of heritage. Community activists spoke up for iconic monuments of Irkutsk]. Vostochno-Sibirskaya Pravda, 39.

Строительство будущего центра науки и культуры связано с необходимостью научного исследования и рекультивации центральной экологической зоны Байкала. Функции данного объекта – научная деятельность, благоустройство территории и туризм, организованный по самым современным требованиям к доступности и экологической безопасности. Рекультивация гранитно-щебеночного карьера, введение научной, культурно-просветительской и туристической функций позволит решить многие экологические и экономические проблемы этой территории.

Ключевые слова: Ангасолка; Байкал; рекультивация; архитектура; ландшафтный дизайн; познавательный туризм; научное изучение; экологическая ситуация. /

The construction of the future center for science and culture is related to the necessity of scientific research and reclamation of the central ecological area of Baikal. Its functions are research, site improvements and tourism compatible with present-day accessibility and environmental safety requirements. The reclamation of the granite and ballast quarry and the introduction of research, cultural-educational and tourist functions will provide solutions to many ecological and economic problems of the area.

Keywords: Angasolka; Baikal; reclamation; architecture; landscape design; educational tourism; research; ecological situation.

Исследовательский центр науки и культуры в пос. Ангасолка на Байкале / The Research Center for Science and Culture, Angasolka settlement, Baikal

Дипломный проект
автор
Елизавета Запова
руководитель
Инна Дружинина /

Graduation project
author
Elizaveta Zapova
supervisor
Inna Druzhinina

Проектируемый исследовательский центр науки и культуры находится на территории Прибайкальского национального парка в центральной экологической зоне Байкала, на месте гранитного карьера в поселке Ангасолка, который переживает кризис и в скором времени прекратит свою работу.

Нарушение экологического равновесия в результате антропогенного воздействия в бассейне озера Байкал, тем более в ЦЭЗ, приводит к уничтожению созданных природой на протяжении миллионов лет хрупких экосистем уникального озера. Если обратиться к фото- и аэроснимкам разных лет и посмотреть количество нарушенных ландшафтов по периметру озера Байкал, то можно оценить величину экологической проблемы.

Поэтому рекультивация прибрежных территорий Байкала становится все более актуальной в наше время. На месте индустриальной территории с нарушенными землями в карьере предлагается превратить эту площадку с помощью архитектуры и ландшафтного дизайна в научно-исследовательский, образовательный и культурный центр с парком и зеленым театром, системой туристических и образовательных маршрутов. Он может стать точкой туристического притяжения с новыми рабочими местами для населения Ангасолки в сфере обслуживания центра, в туристической отрасли, в благоустройстве значительной территории, ее формирования и ухода. Введение новой функции на индустриальной площадке обусловлено ее формой и расположением и направлено на исследование озера Байкал, его флоры и фауны, а также прилежащих к нему территорий. Это позволит развивать не коммерческий, а познавательный туризм и будет положительно влиять на отношение последующих поколений к природе.

Одной из ключевых является проблема регенерации плодородного слоя для восстановления растительности на территории карьера, поскольку полки карьера лишены почвы. Профессором А. Г. Большаковым 20 лет назад была предложена идея рекультивации при помощи создания аккумулятивных ячеек, в качестве почвы для которых может быть использован высушенный шлам-лигнин с БЦБК. Эта идея заложена в проект, что позволит решить сразу две экологические проблемы: освобождение карт

шлам-лигнина БЦБК и восстановление экологического равновесия в карьере Ангасолки.

Проект рекультивации бывшего карьера включает смотровые площадки с видом на озеро Байкал и горы, амфитеатр со сценой рядом с искусственным водоемом для культурных мероприятий и фестивалей, гостиницу с апартаментами, исследовательский центр науки и культуры, а также сад-огород, где выращиваются сельскохозяйственные культуры и каждый желающий сможет сам посадить растение.

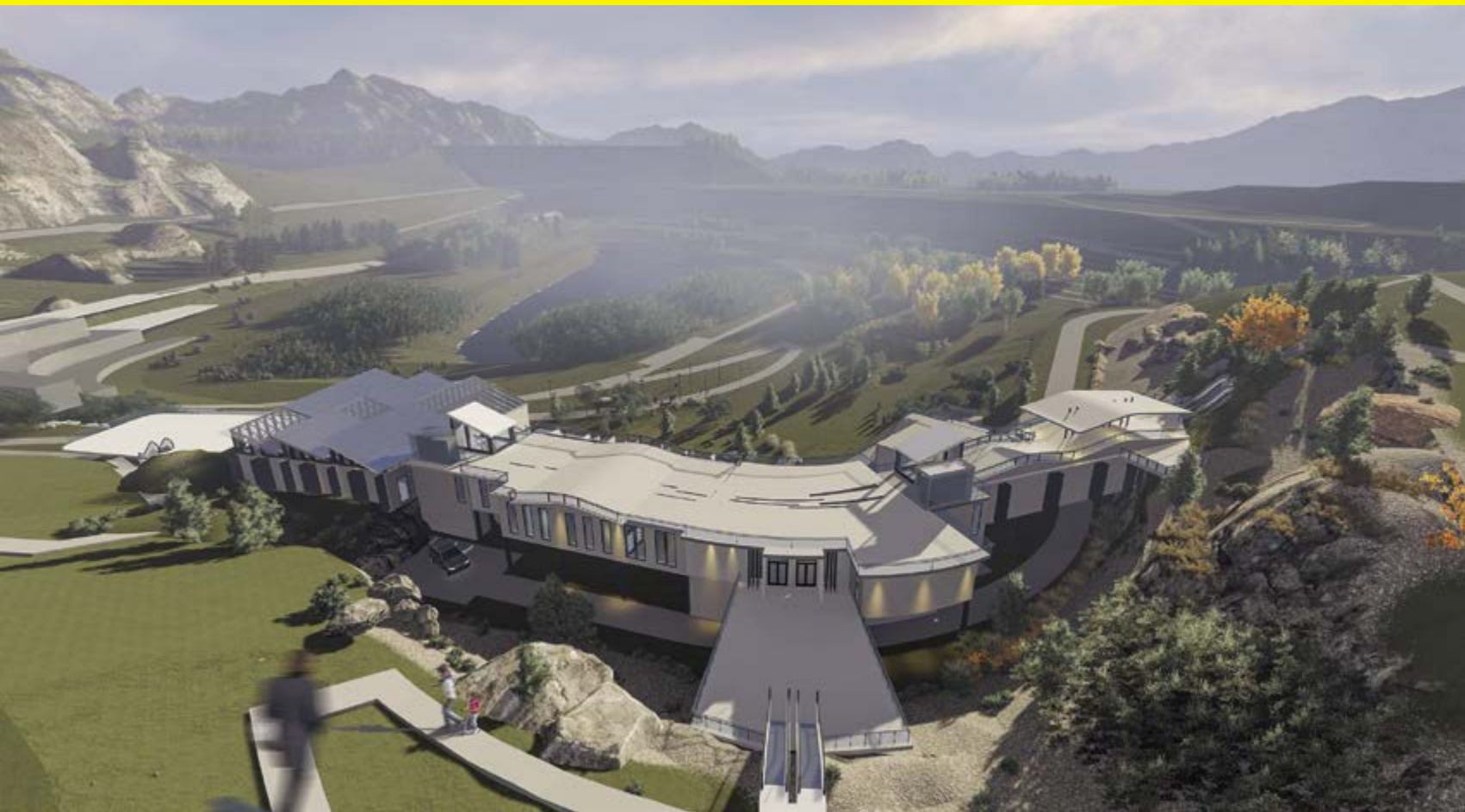
Планируется озеленение территории растениями сибирской флоры, преимущественно с неглубоко развитой корневой системой.

Пути перемещения посетителей по склонам территории разработаны с учетом удобства передвижения маломобильных групп населения: предполагается устройство эскалаторов и травалаторов с легкими навесами для защиты от осадков по всем пешеходным путям. Поскольку карьер занимает около 36 га и не каждому под силу обойти такую площадь, на территории исследовательского центра предполагается устройство фуникулеров, с которых можно насладиться красивыми пейзажами.

Главным объектом является здание исследовательского центра науки и культуры, который вписывается в рельеф и подчеркивает его своей пластичной изогнутой формой. Центр включает интерактивные и выставочные пространства для посетителей, желающих познакомиться с природой и историей Байкала, а также лаборатории для изучения флоры и фауны озера, редких и исчезающих видов.

Пожалуй, самой важной особенностью проекта является его автономность, что позволяет минимизировать затраты экономических и природных ресурсов на обеспечение жизнедеятельности здания и прилежащих к нему объектов. На кровле здания исследовательского центра будут установлены солнечные батареи, используется умное остекление для экономии электроэнергии и проектирования, предусматривается накопление дождевой воды для хозяйственных нужд.

Такие способы рекультивации могут побудить человека к лучшему пониманию ценности природы, подать пример возможности восстановления индустриальных

территорий при помощи архитектурных и дизайнерских решений. От нас напрямую зависит будущее и качество нашей жизни; архитектура играет в этом, несомненно, важную роль. Именно сейчас мы создаем новые способы решения глобальных проблем инновационными методами, материалами, которые отразятся на балансе отношений человека и природы.

Предложенный способ рекультивации гранитно-щебеночного карьера современными средствами архитектуры и ландшафтного дизайна, введения научной, культурно-просветительской и туристической функций позволит решить многие экологические и экономические проблемы этой территории.

< Рис. 1. Вид на Большую улицу. Фото начала XX века. Краеведческий музей им. П. Ф. Гущина

Рассматриваются исторические, природно-ландшафтные, экономические условия развития Тулуна. Предлагаются стратегии обновления центральной части города, включающие реструктуризацию экономики, использование городского менталитета, сложившихся форм городской активности, соучастие горожан в проектировании и управлении территориями.
Ключевые слова: Тулун; Ия; стратегии трансформации города; дизайн; экономика; продвижение; организация. /

The article reviews historical, natural, landscape and economic conditions for the development of Tulun. The authors propose strategies of renovation of the city center, including economy restructuring, usage of urban mentality and existing urban activities, as well as citizen participation in design and territory management.

Keywords: Tulun; Iya; strategies of urban transformation; design; economy; advancement; organization.

«Тулун ИЯ». Концепция благоустройства улицы Ленина / “Tulun IYA”. The concept of improvement of Lenin Street

текст

Дмитрий Фальковский
Марина Ткачева /
 text
Dmitry Falkovsky
Marina Tkacheva

*Буду жить я Тулуном, где во мне души не чают,
 Величают и встречают белым снегом и вином.
 Тулунчане, верьте мне! если город занедужит,
 Пригожусь и буду нужен – не во сне, а в Тулуне!*

В. Скиф

Проект стал победителем на всероссийском конкурсе лучших проектов развития городской среды «Малые города и исторические поселения» 29 февраля 2020 г. в подгруппе 20–50 тысяч жителей.

История и название

История Тулуна, как свидетельствуют записи местных краеведов, началась с завоевания. В район реки Ии, где исконно жили буряты-скотоводы, русские пришли примерно в 1652 г. из Нижнеудинского острога, чтобы наказать непокорных бурят, отказавшихся платить ясак. «В 1649 году буряты возмутились и перебили казаков Попровского городка, посланных к ним для ясачного сбора. После этого «в великом числе» собрались они у реки Ия в улусе Тулам с намерением оказать русским сопротив-

ление силою. В 1652 году красноярский воевода Андрей Бунаков снарядил против бурят поход под начальством Кирилла Бунакова. Поход закончился для русских весьма удачно <...>» [1, с. 52].

Считается, что название города имеет тюркское происхождение (от якутского «толоон» – долина; более позднее бурятское тулам «мешок»). Такое название имеет основание: в пределах города с юга на север река Ия живописно меандрирует, делая два крутых поворота и образуя полукольцо (это обстоятельство нашло отражение в современном гербе города).

Основателями Тулуновской деревни стали крестьяне илимских волостей, которых привлекали чернозем, тайга, богатая рыбой река. Серьезный выигрыш давало и наличие государственной магистрали Красноярск – Иркутск. С 30-х гг. XVIII в. по Сибири создается регулярное почтовое движение. Ямщиков нанимают, и они получают не только деньги, но и пашни, и сенокосы в бесплатное пользование: так из феодальной повинности возникает промысел. Почту от Томска через Красноярск до Иркутска учреждал Витус Беринг. В 1762 г. через Тулун проходит Московский тракт. Власти, заботясь об освоении и устройстве путей, принудительно заселяли тракт от Красноярска до Тулуна. Для этого крестьян и разночинцев Красноярского и Енисейского уездов, освободив их от уплаты подушной подати и оброка, записывали в ямщики. Благодаря тракту село стало быстро застраиваться и разрастаться. Через реку Ию была устроена паромная переправа. Паром работал круглосуточно – по тракту двигались обозы с товаром, шли солдаты, гнали арестантов, ехали почтовые и пассажирские кареты. Приезжим и проезжающим надо было где-то остановиться, отдохнуть, поесть. Для этих целей в Тулуне существовали постоялые дворы; их насчитывалось до двадцати.

Постепенно в селе началась активно развиваться торговля. Тулунские предприниматели того времени нередко заводили торгово-промышленные предприятия и даже выходили в купечество.

В начале декабря 1897 г. тулунчане встречали первый поезд по Транссибу. Село Тулун становится железнодорожным пунктом и превращается в оживленный центр торговли. В село приезжали крестьяне не только из бли-

в Рис. 2. Наводнение. 1980-е годы. Фото. Краеведческий музей имени П. Ф. Гущина

> Рис. 4. Кофейный дворик. Визуализация

ренцирование экономики города в новых условиях сжатия как пространственного, так и ресурсного. Но после катастрофического наводнения 2019 г. городу прибавилось проблем, связанных с восстановлением всей социальной, жилищной, инженерной инфраструктуры.

Столь серьезные вызовы решаются всеми силами – и федеральными, и региональными, и муниципальными, и частными. Инвестирование средств в восстановление города после наводнения оценивается в 41 млрд. рублей и в срок 3 года. Но дальнейшее восстановление потребует дополнительных средств и сил. Тут не обойтись без внутренних резервов самого города: как и в любом малом городе, идет борьба за самый главный ресурс – молодых, сильных, амбициозных горожан.

Администрацией города Тулуна было принято решение участвовать в конкурсе лучших проектов городской среды еще и потому, что крупный проект благоустройства центральной части города позволит «перезапустить» настроения горожан с пессимистических на оптимистические в условиях чрезвычайной ситуации наводнения, убытков, утраченного привычного уклада жизни.

Концепция, идея

В основу разработки проекта легла идея The National Main Street Center, программы Национального фонда сохранения исторических памятников Америки. Национальный фонд с 1949 г. является ведущим защитником исторических ценностей. Движение включает в себя больше, чем просто сохранение исторического здания: через восстановление исторических структур планируются экономический рост, оживление городов и создание новых рабочих мест.

Как и во всех малых городах, сердце малого города – его главная торговая улица, поэтому надо приложить все силы, чтобы здания были заселены, первые этажи работали на торговлю, чтобы ее визуальный облик был аутентичным («хорошим»). От этого будет хорошо и местным жителям (самосознание, идентичность, безопасность, гордость за город, рабочие места, экономическая стабильность), и туристам, которым будет что посмотреть и что купить. Учитывая, что центральные улицы городов – места, наиболее привлекательные для бизнеса, необхо-

дим контроль за соблюдением предложенных правил, чтобы частные интересы не возобладали над общественными, предусматривающим всеобщую пользу.

Работа программы по стратегиям трансформации города должна быть организована вокруг четырех пунктов: дизайн, экономика, продвижение и организация.

Дизайн

В дизайне используются визуальные ресурсы центра города, направляя внимание ко всем его физическим элементам: общественным и частным зданиям, витринам магазинов, вывескам, общественным пространствам, ландшафтному оформлению, мерчендайзингу, дисплеям и рекламным материалам. Его цель – подчеркнуть важность качества визуального компонента во всех этих областях, просвещение людей о качестве дизайна и улучшение благоустройства центра города, «аутентичность» и идентичность как следствие и взаимосвязка городской среды с историей возникновения города и его основ.

Продвижение

Продвижение принимает много форм, но его цель – создать положительный образ главной улицы, тем самым иницируя социальную память, возродить общественную гордость, создать позитивный общественный имидж центра города, чтобы привлечь инвесторов, девелоперов для открытия новых предприятий. Продвижение направлено на улучшение розничных продаж, организацию мероприятий и фестивалей.

Экономика

Экономическая реструктуризация – необходимая мера для укрепления существующих экономических активов всего города, а в особенности его центра, одновременно диверсифицируя его экономическую базу. Она достигается сохранением и расширением существующих предприятий для обеспечения сбалансированной коммерческой смеси, преобразующей неиспользуемое или недоиспользуемое пространство для продуктивного повышения конкурентоспособности и навыков мерчендайзинга деловых людей в центре города, привлечения новых предприятий, которые рынок может поддержать.

< Рис. 5. Карманный парк.
Визуализация

Организация

Организация устанавливает консенсус и сотрудничество путем налаживания партнерских отношений между различными организациями, подразделениями и группами, которые причастны к главной улице. Это позволит оживить главную улицу города. Программа для обеспечения эффективного постоянного управления и пропаганды центра города. Разнообразные группы из государственного и частного секторов (городские и уездные органы власти, местные банкиры, торговая палата, собственники недвижимости, общественные лидеры и другие) должны работать вместе, чтобы создать и поддерживать успешную программу.

Основываясь и дополняя четыре пункта американской программы Main Street, была сформирована следующая структура концепции, основанной на символах и самоидентификации истории становления города.

В дизайне и благоустройстве территории предлагается использовать ассоциации с уникальными характеристиками места: цвета, текстуры, образов, символов и материалов, местных природных ресурсов, исторических и культурных традиций.

Источник идей – герб города, отражающий местную историю, топографию, достопримечательности. Герб Тулуна – стилизованный щит, через который слева направо протекает голубая река. Ее излучина изображена в форме мешка. В верхней части на красном фоне изображены название города и дата его образования. В центре, вокруг реки, зеленый лесной массив, обрамленный желтыми колосьями пшеницы. В нижней части герба – символ залежей каменного угля черного цвета. Официально он утвержден в 1987 году, выполнен преподавателем художественно-графического отделения Тулунского педучилища С. И. Полуйчиком.

Как и любой герб, он вбирает в себя коренные символы, относящиеся к истории города и самосознанию горожан:

- черное основание – символ угольных богатств региона; ассоциативно они связаны с черным резинополом детских площадок, коваными перилами и другими элементами уличного декора. Кроме того, создается цве-

товой контраст и глубокий фон для многоцветья уличного дизайна;

- желтое – колос, символ сельского хозяйства территории, олицетворение солнечного света, опредмеченный в теплом освещении; желтый теплый цвет применим в детских игровых комплексах, тротуарной плитке, имеющей желтые оттенки речного песка и пшеничного поля;

- река Ия – голубое поле, но и гордость тулунчан, с которой началась история города. Плавные изгибы реки повторяются в прогулочных маршрутах, конфигурации лавочек и МАФов (урны, фонтан «Любимая река»), природном материале покрытия тропинок (речная галька);

- зеленый – лес и лесная промышленность, богатство района; реализуются в озеленении, в том числе посадке многолетников. Натуральные материалы применяются в элементах благоустройства и фасадах;

- идея прозрачности ассоциируется и с водой, и со стекольным заводом, бывшим градообразующим предприятием; устанавливаются в арт-объекты (пшеничные колосья, имеющие основание из бетонного фундамента, кортеновской стали и наверхие и стекла).

В итоге были сформированы шесть принципов стратегии изменения в городе, которые направлены на создание гармоничной архитектурно-ландшафтной среды, улучшение социально-бытовых условий для проживания населения, формирование благоприятного социального микроклимата, а также обеспечение современного уровня благоустройства и эстетики территории города. Эти принципы затрагивают ключевые области городской среды.

Идентификация и память места

Сохранение планировочной торгово-общественной оси города, отображение в дизайне и благоустройстве айдентики образа реки ИЯ и других символов Тулуна, использование природных материалов в городской среде.

Эколого-ландшафтный зеленый каркас

Создание на центральной улице зеленого каркаса, состоящего из деревьев, кустарников, многолетников, газонов, имеющий перспективу дальнейшего создания линейного парка вдоль реки Тулунчик. Рекреация с водой; на месте

> Рис. 6. Городская площадь

существующего болота организация гидропарка, посадка растений ярусами для защиты от шума и пыли, высадка многолетних культур разнотравья для минимизации расходов на эксплуатацию, включение смотровых точек в систему общественных пространств.

Экономический каркас

Обновление общественных пространств и самой улицы вызовет активный приток потребителей в центр города. Единый дизайн-код вывесок, навигационных стенов и цветового оформления позволит навести порядок в хаосе рекламы, привлечь целевое внимание к конкретным рекламируемым товарам и услугам, а, следовательно, увеличить обороты предпринимателей. Активный приток пользователей центральной улицы запустит процесс расширения спектра продаваемых товаров и услуг, их обновленного дизайна и качества сервиса, что в целом положительно скажется на выручке предпринимателей, а, следовательно, даст положительный поток налоговых сборов от ведения предпринимательской деятельности и созданных новых рабочих мест.

Пространственный и транспортный каркас центральной части города

Реорганизация, развитие и новое функциональное наполнение территории, круглогодичное использование городского пространства для активного взаимодействия городского сообщества и бизнеса. Изменение линейной структуры развития города на трехмерную. Перераспределение транспортных и финансовых потоков с главной улицы на параллельные или дублирующие улицы. Вовлечение соседних кварталов в предпринимательский, общественный и хозяйственный оборот, дальнейшее поэтапное благоустройство смежных кварталов и общественных пространств, развитие туризма, общественных и спортивных центров на базе исторических зданий.

Комфортная безбарьерная среда

Обеспечение связанности и доступности рекреационных и общественных территорий, организация мест отдыха, благоустроенных городских дворики и скверов, детской площадки, благоустройство пешеходных путей, перехо-

дов, велодорожек и перехватывающих парковок, а также учет интересов маломобильных групп населения.

Соучаствующее проектирование

Приоритет среды для жителей, учет мнений и потребностей горожан при проектировании. Грамотная работа с городской средой станет инструментом изменения атмосферы в городе, использование пустующих зданий и территорий как новых площадок для городских сообществ и предпринимателей.

Стратегии трансформации центра города, выработанные на основе значимого участия общественности и на анализе рыночной позиции района, помогают работать программой восстановления. Эффективная стратегия трансформации обслуживает определенный потребительский сегмент, реагирует на недостаточно обслуживаемый рыночный спрос или создает дифференцированное назначение новых секторов общественной жизни и экономики города. Участие администрации города, активных горожан, предпринимателей, социальных активистов и предпринимателей позволяет точно нащупать потребности, позиции и желания трансформации города в нужное направление, так как конечными бенефициарами изменений будут сами жители города.

Литература

1. Серебренников, И. И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. – Иркутск: Издание В. Ф. Хардина, 1914. – 80 с.
2. – URL: ru.wikipedia.org

References

Serebrennikov, I. I. (1914). Pokorenie i pervonachalnoe zaselenie Irkutskoi gubernii [Discovery and initial occupation of the Irkutsk governorate]. Irkutsk: Izdanie V. F. Khardina.

Wikipedia. Retrieved July 17, 2020, from ru.wikipedia.org

Чуть больше полутора веков прошло с тех пор, как дальневосточные провинции стали частью России. Краткая, но предельно насыщенная история этого края остается слабо изученной как историками, так и теоретиками архитектуры и урбанистики.

Столица Еврейской автономной области Биробиджан – уникальный пример попытки создать «землю обетованную» для культуры идиш. По мере того, как сама эта культура исчезает, замещаясь во всем мире культурой иврита, Биробиджан приобретает все большее значение для истории зодчества. Статья А. Ивановой и А. Ковалевского открывает тему уходящей культурной традиции евреев «позднего этапа периода рассеяния».

Крупные города региона – Хабаровск, Благовещенск, Уссурийск, Владивосток стали темой для статей по материалам полевых исследований М. Базилевича и Н. Крадина. Удивительная история этих городов, в которой смешались процессы промышленного освоения края, масштабной миграции, переселения культур Запада и Востока, отразилась в архитектуре дальневосточных городов.

**Елена Григорьева,
Константин Лидин**

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК / far east

A little more than one and a half centuries ago, far eastern provinces became a part of Russia. A short but rich biography of this area remains poorly studied both by historians and theorists of architecture and urbanism.

The capital of the Jewish autonomous region, Birobidzhan is a unique example of how to create a “promised land” for the Yiddish culture. As this culture vanishes, being replaced by the Hebrew culture around the world, Birobidzhan becomes more and more significant for the history of architecture. The article by A. Ivanova and A. Kovalevsky opens up the topic of vanishing cultural tradition of the Jewish people of the “late stage of the displacement period”.

Such large cities of the region as Khabarovsk, Blagoveshchensk, Ussuriysk, Vladivostok are the topic for the articles based on field studies by M. Bazilevich and N. Kradin. Architecture of these Far Eastern cities reflects their wonderful history, a mixture of processes of industrialization of the area, mass migration and intersection of Western and Eastern cultures.

**Elena Grigoryeva,
Konstantin Lidin**

В 1915 году в связи с работой железной дороги началось строительство большого депо вместо старого (сараяподобного). В дальнейшем, при заселении территории во времена первых пятилеток, начинают формировать два типа жилых объемов – государственные бараки как средство дешевого и массового расселения и индивидуальные избы в отдалении от железнодорожных путей. Территория превращается в крупный рабочий поселок, возводятся средняя школа и больница, сохранившие свой первоначальный архитектурный облик и по сей день.

В 1934 году поселок переименовывают в Смидович в честь революционера и деятеля переселенческой политики П. Г. Смидовича. Поселение становится центром Смидовичского района, тут сосредоточиваются основные службы, обрабатывающие и сельскохозяйственные предприятия, центры торговли и пр.

К 1959 году население достигает своего пика – около 9 тыс. чел., продолжается активное строительство личных жилых домов. Наблюдая архитектуру поселка этого периода сквозь покосившиеся деревянные заборы, можно заметить оформленные причелины и подзоры торцов, обращенных к внешней стороне улицы. Кое-где встречаются резные обветшавшие наличники. Архитектурные объемы, предназначенные для массового расселения, в основном представляют собой двух- и трехэтажные кирпичные типовые здания, без излишков в оформлении и благоустройстве.

Артефакты народной архитектуры отражают образ жизни. Около каждой избы располагается небольшой огородный участок, предполагающий занятия земледелием после рабочего времени. Однако такой уклад, видимо, не свойственен жителям поселка, поэтому за последние 60 лет население сократилось более чем в два раза.

Современный этап развития поселения предполагает заполнение территории возведенными на месте старых современными трехэтажными бараками, обшитыми сайдингом. Многие жители, имеющие средства, включаясь в местную тенденцию, обещивают свои личные семейные постройки современными дешевыми материалами, постепенно уничтожая исторические фасады деревянных усадеб. Изучение в этом месте народной архитектуры особенно важно, ведь именно сейчас мы наблюдаем этап смены эпохи и можем запечатлеть уходящие особенности региональной идентичности.

Современники рассказывают о поселке: «Помню времена, когда окраины поселка, улицы затапливало водой. Рыбу ловили прямо на границе поселка в каналах. Потом все стало по-другому... Комары только остались в традиционных больших количествах. Может быть, мне кажется, но вроде бы их количество снизилось...» [3]. С точки зрения планировки территории поселения четко сегрегированы районы размещения жителей. По обе стороны от железнодорожных путей располагается барачная застройка (старая и новая) – как наследие рабочего класса эпохи Советов. Направляясь в глубину поселка, мы встречаем традиционную для дальневосточной деревни поучастковую структуру размещения примеров народной архитектуры (рис. 1).

Город Облучье (до 1915 года – пос. Сололи, по названию местного гидронима, на языке гольдов/ нанайцев означает «вверх по течению») основан в 1911 году неподалеку от стойбища гольдов и стоянки старателей на участке вечной мерзлоты, после вырубке лесов раставшей и превратившейся в непролазные болота. Новое название поселка, по широко распространенной легенде, отсылает к облучку коляски и связано с петлей, которую делает железнодорожное полотно, повторяющее изгиб реки Хинган. Поселок возник и развивался как опорный пункт для строительства двухсотметрового Облученского тоннеля и начальный этап крайне сложного участка

Транссиба (Амурской железной дороги) – 350 км до Хабаровска по сплошным трясинам. Требовались огромные объемы земляных работ для возведения насыпей под путями, множество рабочих рук для строительства тоннелей, мостов и водотоков, поэтому в поселке были сконцентрированы пролетарии низкой квалификации (советские журналисты 30-х годов прямо называли их «каторжниками» [4]), которые и стали базовым контингентом Облучья. Элитой поселка были инженеры-путейцы – выпускники Петербургского технологического университета, называвшие первую улицу Невским проспектом [5]. По воспоминаниям участника первого добравшегося из пос. Пашково отряда, сначала спали на телегах, в шалашах и палатках, а работали в ужасающих условиях. Но построенная инфраструктура связала золотоносные распадки отрогов Хинганского хребта и благодатные плодородные долины «Амурской прерии». В 1912–1914 годах на этом участке Амурской железной дороги были основаны станции Лагар-Аул, Кимкан, Торокилан (Известковая), Бира, Тихонькая, Икура, Ин, Ольгохта, Волочаевка, Покровка. Архитектуру перечисленных железнодорожных станций можно рассматривать как единый ансамбль. Облучье стало узловой станцией с оборотным паровозным депо, рассчитанным на шесть паровозов. Поселок быстро рос, и в его ландшафте все отчетливее проступало деление на территорию модерна с каменными зданиями железнодорожного ведомства и архаичную слободу, застроенную избами.

По открывшемуся Транссибу хлынули переселенцы из Малороссии, потеснившие амурское казачество, контролировавшее местный аграрный сектор. Железнодорожные пролетарии Облучья поддержали большевистский переворот, а амурское казачество ожидаемо стало местной Вандеей, что в очередной раз напоминает о главном сюжете нашего исследования – оппозиции модерн – архаика, город – деревня, оседлые аграрии – кочевники.

С 1928 года Облучье, в связи с притоком еврейских переселенцев, уже поселок городского типа, в 1936-м туда прибывает новое пополнение – молодые выходцы из местечек, окончившие на Украине железнодорожные техникумы, для них специально строят двухэтажные дома, которые ближе всех стоят к вершине растянувшейся в длину сопки». С 1938 года Облучье – город, второй по значению в ЕАО. Основным источником информации об этом периоде является переведенная в 2019 году с идиша и опубликованная частями в газете «Биробиджанер Штерн» статья, написанная в 1938 году Шульманом и Койфманом – выпускниками еврейского отделения Харьковского газетного техникума, приехавшими по распределению поднимать советскую прессу молодой Еврейской автономии.

Железная дорога разрезает город пополам, «справа, в неглубокой ложине, в беспорядке теснятся избы, дворы и огороды мордовского поселка (поселок назван «мордовским» в честь единственного мордвина Облучья, оставшегося здесь после каторги и построившего первый каменный домик). Дальше впереди – картина иная: там, по виду, не так давно построенные дома образуют улицы сравнительно ровные и прямые. Вокруг домов – полоски и квадратики огородов за низкими изгородями, подрастающие кусты сливы и вишни... Верхний этаж города, если выразиться с претензией на некую образность описания, занимают 65 двухэтажек, всего каких-нибудь два года назад возведенных на относительно пологих склонах сопки. Новые дома здесь выстроены широкими и прямыми улицами, которые и образуют сейчас центральную часть Облучья» [4]. В небольшой зарисовке отчетливо прослеживается оппозиция старого, мордовского крестьянского быта, ожидаемо символизируемого избой с огородиком, и молодого, советского, коллективного жизнеустрой-

декорирования – деревянную резьбу, железнодорожные бараки выпадают из поля русского стиля, имея «северо-европейский» характер.

Все «гражданские» бараки обязательно обшивались тесом. Открытый сруб был признаком лагерного барака или временного типа жилья, подразумевающего обязательность модернизации. Декор последовательно упрощался в течение всего рассматриваемого периода, но имела значительная социальная дифференциация бараков, которая маркировалась наличием и качеством резьбы. Ставней, судя по фотографиям и сохранившимся примерам, не предполагалось.

Дальневосточные бараки на этапе советской колонизации также можно классифицировать двумя формами. Первую мы условно называем ранними экспериментальными советскими домами, из которых возводились рабочие поселки (например, Биробиджан, Комсомольск-на-Амуре). В физическом пространстве современных городов также утрачены. Основные особенности этой формы были навеяны влиянием конструктивизма. Малозатражные объемы с оригинальной конструкцией крыш, декор аскетичен и геометризован. В оформлении фасадов часто использовались балконы, галерейного типа и наружные лестницы. Вторая форма рассматриваемого этапа распространена повсеместно и, наряду с железнодорожными бараками, составляет основу дальневосточного культурного ландшафта. В данном случае мы подразумеваем типовые многоквартирные дома (два-три этажа) постройки 1930–1950 годов. Их оформление легко считывается на улицах поселений. Варианты входных групп – на торцах, на главном фасаде, со двора. Входные группы сначала выделялись ризалитами с фронтонами, но постепенно редуцировались до козырьков. Окна большие квадратные или прямоугольные с частым переплетом. Декор всегда опционален.

Советский барак не частный сектор, но гибридная (переходная) форма от деревенского к городскому образу жизни. Не обеспечивая комфорта, подразумеваемого городским, более высоким цивилизационным статусом, и лишая своих обитателей преимуществ усадебной жизни, барачная застройка уже столетие воспроизводит тип легко опознаваемой слободы. Дворы, примыкающие к баракам, расставлены строчным типом, изначально не огорожены (вероятно, генпланами предполагались сквозное проветривание и инсоляция по методике Вальтера Гроппиуса). Однако жители бараков огораживают кто чем, вплоть до панцирных сеток и спинок железных кроватей 50-х годов, самозахваченные участки прилегающей территории и разводят не предусмотренные проектом огороды, высаживают плодовые кустарники и иногда деревья. Если рудименты аграрной культуры носят необязательный и спорадический характер, то стихийные системы хранения и хозяйственные постройки (временки, стайки, сараи, загоны и прочий многообразный подсобный вернакуляр, вплоть до голубятен, которые некогда были обязательной приметой посадов, но сегодня практически исчезли из дальневосточного культурного ландшафта, одновременно с исчезновением садов частного сектора) имеются во всех без исключения барачных дворах, обследованных нами в экспедициях.

Бараки интересны именно как феномен сохранения повседневных практик, которые сложно отнести к полю городского или сельского. По нашему мнению, бараки отражают сам характер жизни дальневосточников. Дальний Восток – пространство выморочное, где отсутствует экономика как таковая, мало что осталось от промышленности советской эпохи, а из-за климатических условий на многих территориях проблематично ведение сельского хозяйства. У людей формируется исключительный оборонительный тип мышления. Барак – это, по сути,

гражданская казарма, отражающая некий мобилизационный паттерн. Такой тип мышления характерен именно для жителей бараков. Сегодня кварталы бараков в масштабах России довольно редкое явление, однако их все еще можно встретить на территории Дальнего Востока. Буквально в последние два-три года, в связи с принятием государственных программ, нацеленных на создание комфортной городской среды, начинается их активный демонтаж. Бараки в пространстве современного города, с одной стороны, являются территориальным резервом для дальнейшего расплозания субурбий, а с другой – представляют собой огромный пласт исчезающей архитектуры, выпавший из внимания исследователей.

Сформированные планировочные схемы поселений ЕАО показывают схожие черты в расположении индивидуальной и барачной застройки. Однако мы застали разные периоды состояния городских пространств. Для Биробиджана, например, характерны более динамичные процессы в области демонтажа деревянных бараков. В городе присутствует как индивидуальная выполненная из камня жилая застройка, относящаяся к современному периоду, так и деревянная застройка этапа заселения территории. Город Облучье и пгт Смидович находятся на переходном этапе, когда существуют предпосылки для повышения уровня качества жилых условий путем отказа от барачной застройки и модернизации индивидуальных жилых объемов, однако средств на это в городе банально нет.

Последним примером, который мы рассмотрим в рамках нашей работы, будет город центральной части ЕАО – Биробиджан. Поселение расположено на Среднеамурской низменности, в предгорьях Буреинского хребта, на реке Бире (левый приток Амура). Историю развития Биробиджана традиционно принято начинать с 1912 года. Именно тогда властным аппаратом принимается решение о заселении пустующей территории вдоль Амурской железной дороги, таким образом появляется станция Тихонькая. При железнодорожной станции в 1928 году образуется рабочий поселок с населением около 700 чел. На территории к этому моменту существует около 240 стихийно разбросанных изб [7].

В ходе полевого исследования (апрель 2019 года) были выявлены массивы частного сектора с уцелевшими срубными жилищами автохтонов (рис. 3–5), которые позволяют реконструировать три стадии развития деревянного индивидуального дома: деревня, слобода, город.

Самый ранний, примитивный вариант избы (рис. 3) – сруб под двускатной крышей, крытой тесом, с защитными фронтонами. Стадия «деревня», найденная в глуши частного сектора в Биробиджане, представляет собой форму протоархитектуры: деревянный сруб под двускатной крышей, крытой тесом, с защитными фронтонами. Подобные жилища характеризуются полным отсутствием декора, так как данный вид индивидуальных домов нужен в первую очередь для физического выживания, минуя любые эстетические интервенции. Точно такие избы можно видеть на фотографиях в Краеведческом музее Биробиджана в экспозиции, посвященной первым переселенцам, осевшим в пос. Смидович и с. Амурзет (Амурское земляное еврейское товарищество).

На рис. 4 представлен сруб-четырёхстенок, перекрытый двускатной шиферной крышей, с прирубом для сеней. Рубка в лапу, углы для изоляции оформлены досками, на окнах – наличники с условно змеиным мотивом и ставни, фронтон со слуховым окном зашит «елочку». Это переходная стадия от жесткого функционализма деревенской избы первых переселенцев к более цивилизованному, слободскому жилью с признаками некоторого комфорта (холодные сени, не дающие выстудиться жилому помещению) и примитивной эстетики (наличники), свидетельствующей о появившихся духовных запросах.

^ Рис. 3. Сохранившиеся без изменения избы на станции Тихонькая (ныне Биробиджан). Стадия «деревня». Фото сделано в апреле 2019 года

^ Рис. 4. Стадия «слобода». Переход от протоархитектуры к народной архитектуре. Биробиджан. Фото сделано в апреле 2019 года

Объемно-пространственная композиция и размеры жилья, заданные модулем бревна, остаются неизменными. Основные различия связаны с декором фасадов, полностью отсутствующим на стадии «деревня» (рис. 3), появляющимся в кустарном исполнении на стадии «слобода» (рис. 4) и приобретающим неожиданные коннотации ар-деко на стадии «город» (рис. 5).

На рис. 5 – более поздний, городской тип индивидуального дома, отличающийся от классической избы-сруба обшивкой досками и элементами архитектурного декора (ромбический узор на лопатках, оформляющих углы дома, геометризированный декор наличников, ставни с филенками). Именно этот тип воспроизводится до сих пор практически без изменения, так как на обшивку сайдингом у местного населения нет средств.

Станция Тихонькая была задумана как место построения «новой еврейской цивилизации» или как еврейско-социалистический советский город. Это решение определялось множеством факторов, главным, пожалуй, было стремление к укреплению границы из-за близости с Японией и Китаем. Следующим фактором было желание Советов улучшить отношения с Западом путем влияния на общественное мнение евреев в Европе и Америке. Кроме того, необходимо было привлечь финансовую поддержку в развивающийся регион Транссиба.

Создавались такие условия, в которых переселение «на землю» расценивалось как гарантия если не процветания, то достатка. Кроме того, меняя место жительства, переселенцы могли избавиться от наиболее острых проявлений антисемитизма [2]. Однако «отправленные так спешно еврейские семьи приехали и ужаснулись условиям. Они были поселены в бараках на станции Тихонькой. Среди барачных жителей... некоторые умудряются получать переселенческий кредит и ссуды, сидя в бараке, и проедают их, даже не выехав на землю. Другие, менее изворотливые, нищенствуют» [8]. В такой ситуации многие семьи возвращались на родину, но большая часть оставалась. Их спасителями оказывались местные жители. Именно они обучали «трудящихся евреев» навыкам местной охоты и рыбалки, сбора дикоросов и технике сельскохозяйственных работ, почти неизвестной жителям штетлов [9].

Первоначальное расселение происходило по возведенным баракам для распределения по области. «Внутри барака построены нары в два этажа. На обоих этажах в невероятной скученности и грязи валяются вповалку десятки чужих между собой людей» [10]. В 1928 году в городе, куда постепенно прибывают все новые поселенцы, начинают создаваться первые предприятия – артели (сапожная, кирпичная, портняжная). В 1930-х годах в город начинают прибывать уже небедные слои еврейского народа, начинают создаваться кустарные предприятия – дерево- и металлообрабатывающие.

В это же время на территорию города прибывают исследовательские бригады Х. Майера (представителя немецкой школы Баухаус) для подготовки генерального плана развития поселения. Первоначальный внешний вид поселения можно отследить из отчета Майера Гипрогору: «Жители поселка предпочли собственные частные дома с маленькими садиками – как в какой-нибудь мелкобуржуазной постановке еврейского театра! Разнокалиберные здания в сочетании с различными методами строительства создают впечатление какой-то случайно устроенной выставки жилищ различных народов мира. Местные стройматериалы: дерево, камыш, солома, глина, песок, гравий, известь и известковый камень – преобразовывались в руке жителя согласно его происхождению в процессе индивидуального или коллективного строительства в блочный дом латышского или белорусского еврея, в беленую глинобитную мазанку украинского еврея или в двухэтажную кирпичную постройку еврея из немецкого рейха [9]. Проект нового социалистического города предполагал размещение там около 50 тыс. чел. к концу третьей пятилетки. Приглашенные архитекторы выстроили ряд предложений и эскизный план будущего поселения, однако в силу политических причин проект, не доведенный до конца, закрывается, в дальнейшем концепции Х. Майера все же были использованы при разработке генерального плана в 1960-х. Для нашего исследования видится важным один из вопросов, поднимаемых австрийскими коллегами, а именно вопрос национального – еврейского – в архитектуре социалистического города.

^ Рис. 5. «Городской» тип индивидуального дома, Биробиджан. Фото сделано в апреле 2019 года

^ Рис. 6. Здание мэрии (Дом Советов), Биробиджан. Архитектор Н. Е. Трахтенберг. 1934. Являлось частью ансамбля, составлявшего по первоначальному проекту шестигранную площадь

Еще во времена первых обследований территории архитекторы школы Баухаус пытались выявить отражение национального колорита на местности и учесть его в дальнейшей работе. Так, Х. Майер писал: «Отражение в архитектуре соцгорода Биробиджана национальных элементов и их сочетания современными формами социалистического города меня сильно интересуют. Над этим вопросом работают, в частности, в одной из секций Комакадемии, в которой я участвую. Гипрогор при планировке, например, среднеазиатских городов учитывает элементы восточного стиля. Но ничего конкретного на заданный вопрос мы еще ответить не можем: вопрос выявлений и сочетаний еврейских национальных элементов в архитектуре совершенно не изучен» [9]. В итоге мы можем сделать вывод о том, что первоначальный внешний вид народной архитектуры города, со времен станции Тихонькая, находится в состоянии хаоса стилей, материалов и индивидуальных эстетик горожан.

На первых этапах развития поселения можно наблюдать архитектурный диссонанс между объектами народного жилья и административно-культурными. Намеченная тенденция к хаотическому расположению от берега Биры жилых территорий переселенцев находится в некой оппозиции с каменными зданиями политической и культурной направленности, оформляющими основные улицы Биробиджана и в наши дни.

Так, в конце 1930-х в центральной части города появляются первые каменные общественные артефакты городской среды в виде Дома Советов (рис. 6), педагогического училища, библиотеки, кинотеатра и Дворца культуры, которые сохранились в пространстве города и сегодня. Характерным примером каменной архитектуры 1930-х годов является здание нового железнодорожного вокзала, построенного на месте старого деревянного (рис. 7). В остальных частях города преобладает деревянная застройка. В 1937 году в границах ул. Ленина возводится множество двухэтажных деревянных жилых домов.

Воспоминания о том периоде отражают внушительный скачок в развитии поселения. Так, В. Финк вспоминает «В день моего приезда я имел случай съездить в Вальдгейм. Помню, год назад при поездке сюда моя лошадь едва не

сломала себе ноги, провалившись в яму. Сейчас между Тихонькой и Вальдгеймом лежит широкая американская дорога, усыпанная гравием. Болото она проскакивает по дамбе, а в тайге идет ровной аллеей. Прошлогодние вальдгеймские домики стали похожи на спичечные коробки, потому что рядом с ними выросли новые дома – коттеджи в шесть квартир, с широкими верандами, с просторными комнатами» [10].

Трудности военного времени сказывались на качестве жилья: люди проживали либо в казенных домах или бараках, не отличавшихся удобствами, либо соорудили своими силами избы и землянки на пригородных территориях. Однако уже в начале послевоенного периода в городе начинает интенсивно развиваться промышленность: с 1946 по 1950 год возводятся обувная, бумажная, ткацкая, кондитерская фабрики. До 1960-х годов бурно развивается экономика.

Архитектурный образ поселения преимущественно сформировался в 1960–1980 годы, в период возведения типового двух- и трехэтажного жилья в центральной части города, по ул. Ленина и ул. Шолом-Алейхема, в сталинском стиле с элементами неоклассицизма (рис. 8). Генеральный план города был разработан только к 1967 году, во времена нового пика индустриальной жилой застройки. Согласно ему, предполагались выходы к берегу Биры и сохранялась усадебная застройка за железной дорогой (район Лукаши). Кроме того, обосновывается важность заселения правого берега реки и возведения двух мостов, соединяющих новые районы с центральным узлом [11].

В последующие годы начинается активная индустриализация поселения, возникают новые промышленные узлы и микрорайоны. Развитие Биробиджана в основном идет по планово-индустриальному типу, индивидуальная жилая застройка в виде образцов народной архитектуры преимущественно формируется на перифериях города, в центральной части за железнодорожными путями, на окраинах ул. Советской, ближе к восточной части города и в относительно новой в освоении отдаленной правобережной части.

Современный этап народной архитектуры Биробиджана в первую очередь характеризуется возведением

> Рис. 7. Железнодорожный вокзал Биробиджана

коттеджей на окраинах города: за железнодорожными путями, на правом берегу Биры, в восточном направлении по ул. Советской и за микрорайоном по ул. Широкой (рис. 9). Подобная архитектура начала массово появляться в городском пространстве в последнее десятилетие.

В заключение суммируем основные результаты нашего полевого исследования (весна – лето 2019 года). Первоначально мы выбрали три населенных пункта автономной области, надеясь найти в массовой застройке архитектурно-планировочные решения, отражающие уникальность этого региона, который в 1930-е годы стал экспериментальным полигоном по созданию новой национальной республики. Изучение поселений ЕАО шло в двух направлениях – пространственно-планировочные решения субурбии (под которыми мы понимаем кварталы частного сектора и барачной застройки, так как эту форму массового расселения невозможно назвать ни полноценным городом, ни традиционной деревней) и архитектура народного жилища. В результате пешеходных обходов были составлены схемы, отражающие локализацию индивидуальной и барачной застройки в планировочных

структурах поселений ЕАО. На основе этих схем можно сделать следующий вывод: по мере развития городской среды и увеличения числа жителей населенные пункты, образованные в одно время как железнодорожные рабочие поселки, отражают определенную эволюционную цепочку, в ходе которой традиционная народная архитектура места (зоны субурбии) вытесняется на периферию и уничтожается в центральной части (между тем именно в историческом центре поселений находятся наиболее важные и выразительные с архитектурной точки зрения объекты).

На основе исторических источников и полевых исследований был проведен анализ планировочных структур населенных пунктов ЕАО. Город Облучье и пгт Смидович рассматривались как поселения, образованные из железнодорожных рабочих поселков Транссиба и выполняющие примерно одну и ту же функцию на современном этапе. Для обоих поселений характерно как сохранение исторической массовой барачной застройки, так и схожее состояние современного жилья в этой же группе. Городское пространство Биробиджана по понятным причинам (статус столицы автономии) имеет свою специфику. Для города характерны несвойственные другим железнодорожным поселкам паттерны развития народной архитектуры.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в народной архитектуре ЕАО отсутствуют какие-либо рецепты еврейской национальной культуры: избы 1920–1950-х годов, составляющие основу жилого фонда ЕАО, эксплуатируют элементы декора, планировки и объемно-пространственной композиции, характерные для русского традиционного жилья.

Баракы, где и сегодня обитает значительное количество местных жителей, – основная единица социалистической системы расселения, при анализе феномена которой можно заметить как влияние градостроительных экспериментов Баухауса, так и воспроизведение традиционной модели российской казармы, служившей главным структурным элементом восточного фронта.

В культурном ландшафте Биробиджана встречаются надписи на идише, современные городские скульптуры, отсылающие к мифологии местечка (рис. 10), символы

> Рис. 9. Планировочная схема Биробиджана

^ Рис. 8. Городской дворец культуры, Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 11. Архитектор К. С. Барташевич. 1963

^ Рис. 10. Скульптурная композиция «Переселенцы». Биробиджан, привокзальная площадь

меноры; главные доминанты духовного пространства города – два здания синагоги. Но в подлинной народной архитектуре отсутствуют паттерны еврейской идентичности. Возможно, именно отсутствие четко артикулированной национальной культурной традиции косвенно послужило провалу проекта ЕАО как попытки создания искусственной еврейской земли обетованной.

Литература

1. Бляхер, Л. Е., Пегин, Н. А. Биробиджан: между «потемкинской деревней» и national-building // *Полития*. – 2011. – № 1(60). – С. 117–134
2. Бляхер, Л. Е. Кто такие «еврейцы», или Опыт культурного синтеза на Амуре // *Идеи и идеалы*. – 2018. – № 4, т. 1. – С. 172–190
3. Блог Усенко М. [Электронный ресурс]. – URL: <http://usenkomaxim.ru/2012/06/14/na-velosipede-po-okrugu-poselka-smidovich> (дата обращения: 02.03.20)
4. Шульман, В., Койфман, Г. Облuchte, город железнодорожников [Электронный ресурс]. – URL: <http://nasledie-eao.ru/news/Облuchte-город-железнодорожников.pdf> (дата обращения: 02.03.20)
5. От Солони до Облuchte // Газета «Биробиджан Штерн». – 2013. – 26 июня [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gazetaeao.ru/ot-sololido-obluchte> (дата обращения: 02.03.2020)
6. Меерович, М., Булгакова, Е. Бараки как наиболее массовый тип жилищ в советских промышленных городах-новостройках первых пятилеток // *Проект Байкал*. – 2019. – № 60. – С. 76–89
7. Биробиджану – 70: страницы истории // Официальный портал ЕАО [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eao.ru/archive/obshchestvo/istoriya/arkhivnye-dokumenty-rasskazyvayut-/birobidzhanu-70-stranitsy-istorii/> (дата обращения: 02.03.2020)
8. Мелихов, А. Биробиджан – Земля обетованная. – Москва : Текст, 2009. – 288 с.
9. Бренер, И. Страна Биробиджан. – ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013. – 62 с.
10. Финк, В. Евреи на земле. — Кн. 2: Евреи в тайге. – Москва, 1930. – 126 с.
11. Мылова, Ю. А., Крадин, Н. П. Формирование планировочной структуры новых дальневосточных городов советского периода // *Баландинские чтения*. – 2015. – С. 206–211

References

- Birobidzhanu – 70: stranitsy istorii [Birobidzhan is 70: pages of history]. (2006, December 14). Official portal of the Jewish autonomous region public authorities]. Retrieved March 2, 2020 from <http://www.eao.ru/archive/obshchestvo/istoriya/arkhivnye-dokumenty-rasskazyvayut-/birobidzhanu-70-stranitsy-istorii/>
- Blyakher, L. E. (2018). Kto takie “evreitsy”, ili Opyt kulturnogo sinteza na Amure [Who are the “evreitsy”, or the cultural synthesis on the Amur]. *Idei i idealny*, 4, Vol. 1, 172-190.
- Blyakher, L. E., & Pegin, N. A. (2011). Birobidzhan: mezhdud “potemkinskoi derevnei” i national-building [Birobidzhan: between the “Potemkin village” and the national-building]. *Politiya*, 1(60), 117-134.
- Brenner, I. (2013). Strana Birobidzhan [The land of Birobidzhan]. FGBOU VPO “PGU im. Sholem Aleichema”.
- Fink, B. (1930). Evrei na zemle. Kn. 2: Evrei v taige [The Jewish people on the land. Book 2: The Jewish people in the taiga]. Moscow.
- Meerovich, M., & Bulgakova, E. (2019). Barracks as the main type of mass housing in the Soviet industrial towns constructed during the first five-year plans. *Project Baikal*, 16(60), 76-89. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1478>
- Melikhov, A. (2009). Birobidzhan – Zemlya obetovannaya [Birobidzhan is a land of promise]. Moscow: Text.
- Mylova, Yu., A., & Kradin, N. P. (2015). Formirovanie planirovochnoi struktury novykh dalnevostochnykh gorodov sovetского периода [Formation of the urban fabric of the new Far Eastern cities in the Soviet period]. *Balandinskies chteniya*, 206-211.
- Ot Sololi do Obluchte [From Sololi to Obluchte] (2013, June 26). *Birobidzhan Shtern*. Retrieved March 2, 2020 from <http://www.gazetaeao.ru/ot-sololi-do-obluchte>
- Shulman, V., & Koifman, G. (n.d.). Obluchte, gorod zheleznodorozhnikov [Obluchte, a town of railway workers]. Retrieved March 2, 2020 from <http://nasledie-eao.ru/news/Облuchte-город-железнодорожников.pdf>
- Usenko, M. (2012, June 14). Na velosipede po okrugе poselka Smidovich [Riding on a bicycle around Smidovich settlement]. Retrieved March 2, 2020 from <http://usenkomaxim.ru/2012/06/14/na-velosipede-po-okrugu-poselka-smidovich/>

Статья посвящена промышленной архитектуре российского Дальнего Востока. На примере крупнейших городов Приамурья – Благовещенска и Хабаровска – выявлены основные особенности архитектуры фабрично-заводских предприятий и других промышленных объектов, обусловленные спецификой развития региона и его отдельных городов. Рассмотрены основные типы промышленных объектов второй половины XIX – начала XX века и принципы их размещения в условиях городской застройки. Ключевые слова: промышленность; фабрики; заводы; архитектура; Дальний Восток. /

The article is focused on industrial architecture of the Russian Far East. Studying the cases of the largest cities in Primurye, Blagoveshchensk and Khabarovsk, the authors identify the main features of the architecture of factories and other industrial facilities, due to the specifics of the development of the region and its individual cities. The main types of industrial facilities of the second half of XIX – early XX centuries and the principles of their placement in urban areas are considered.

Keywords: industry; factories; works; architecture; Far East.

Промышленная архитектура Дальнего Востока. Благовещенск, Хабаровск / Industrial architecture of the Far East. Blagoveshchensk, Khabarovsk

текст
Михаил Базилевич
Николай Крадин /
text
Mikhail Bazilevich
Nikolai Kradin

Часть 1. Крупные города Приамурья Введение

Вторая половина XIX – начало XX века – время интенсивного освоения и развития Дальнего Востока России. В этот период в регионе закладывались новые города и поселения, формировалась транспортная инфраструктура, активно развивались торговля и предпринимательство. Промышленное производство на Дальнем Востоке, как показывают исследования, развивалось медленными темпами. Для этого имелись объективные причины, прежде всего удаленность и слабая заселенность территории и, как следствие, ограниченность рынка сбыта промышленной продукции, плохое состояние дорог, а также действие на протяжении всей пограничной линии системы порто-франко, дающей право на беспошлинную торговлю иностранными товарами. Названные причины губительно сказывались на частной инициативе и в корне подрывали местное производство и промышленность. Вместе с тем следует отметить, что на территории Дальнего Востока осуществлялась добыча полезных ископаемых, в частности золота, каменного угля, нефти, известняка, огнеупорной глины и бурого камня. В Амурской и Приморской областях формировались лесничества, осуществлялась заготовка и обработка древесины. Развивался и рыбный промысел [1]. Справедливости ради следует отметить, что большинство из этих промыслов и объектов находилось за пределами городов и строилось по типовым проектам без особых изысков, а их архитектура носила сугубо утилитарный характер. В советский период в связи с социально-экономическими изменениями и внедрением новых технологий многие добывающие предприятия были закрыты или капитально перестроены, что, к сожалению, лишает нас возможности изучения их архитектуры.

Одновременно с добывающей промышленностью в регионе зарождалась и фабрично-заводская отрасль. С учреждением Приамурского генерал-губернаторства в 1884 году по всей территории Дальнего Востока стали строиться кирпичные заводы. Постепенно произошло и утверждение кирпича в качестве основного строительного материала, появилось большое количество кирпичных зданий, в том числе и промышленного назначения.

Прокладка Транссибирской железнодорожной магистрали способствовала возникновению обслуживающих ее промышленных объектов, а также появлению литейных и механических производств. Рост городов, а также постепенное увеличение численности населения региона способствовало появлению предприятий по производству товаров потребления и пищевой промышленности. В конце XIX столетия, с началом электрификации городов Дальнего Востока, появился новый тип промышленных объектов – электростанции.

Проведенное исследование показало, что большинство фабрик и заводов в дореволюционный период строились в пределах границ городов и населенных пунктов. Участки для их размещения, как правило, выбиравались в непосредственной близости от путей сообщений: железнодорожных магистралей и водных артерий. Многие бывшие здания промышленных предприятий сохранились до настоящего времени, являясь памятниками истории и культуры, поставленными на государственную охрану. В этой связи изучение особенностей развития промышленной архитектуры Дальнего Востока имеет большое значение для понимания общих процессов развития архитектуры региона, в первую очередь его крупных городов. В рамках данной публикации авторами предлагается рассмотреть особенности развития промышленной архитектуры самых крупных городов Приамурья – Благовещенска и Хабаровска, центров Амурской области и Хабаровского края. Сведения о деятельности многих из архитекторов, о которых идет речь в данной статье, имеются в книге, опубликованной авторами [2].

Благовещенск

Одно из первых промышленных предприятий Благовещенска – бывший механический завод С. С. Шадрина, основанный в 1887 году. Первоначально это предприятие состояло из механических мастерских, на территории которых находилось несколько кирпичных и деревянных корпусов. Рабочие занимались здесь производством довольно широкого спектра продукции, начиная от утюгов, самоваров, чугунок и заканчивая земледельческими орудиями и паровыми котлами. Однако уже в начале XX века на этом предприятии начали изготавливать

^ Рис. 1. Благовещенск.
Здание городскоф электростанции.
Начало XX века

^ Рис. 2. Благовещенск. Современное состояние городской электростанции

^ Рис. 3. Завод Товарищества «И. П. Чепурин и А. И. Афанасьев». Современный вид

железные корпуса пароходов с полным оборудованием, такелажем и паровой машиной собственного изготовления. Спустя четверть столетия, в 1931 году, на базе шадринского предприятия была создана судостроительная верфь, а позже – завод судостроения, который продолжает функционировать и в настоящее время. Из ранних построек заводского комплекса дореволюционного периода сохранилось единственное здание в цехе № 3, но позднее оно было обстроено со всех сторон и практически стало недоступным для обозрения [3]. О первоначальном облике заводских сооружений можно судить лишь по фотографии начала XX столетия с изображением здания городской электростанции (рис. 1). Однако сохранившиеся остатки этого здания так сильно изменены при его последующей реконструкции (и снаружи, и внутри) в целях приспособления для современных нужд, что говорить о сходстве того и другого не приходится (рис. 2).

Еще один механический завод, построенный в столице Амурской области, принадлежал фирме под названием «Товарищество «И. П. Чепурин и А. И. Афанасьев»». Рабочие данного предприятия занимались производством различной машиностроительной продукции и технологического оборудования для местных сельхозпроизводителей, а также для речного пароходства, золотых приисков, лесопилок, кожевенных и пивоваренных заводов. Краснокирпичное, переменной этажности здание завода представляет собой характерный пример промышленной архитектуры. Средняя, осевая часть здания подчеркнута типичным для кирпичной кладки декором, который сосредоточен преимущественно в верхней, подкарнизной части главного, уличного фасада здания, а также в его крыльях. Ось симметрии всего этого фасада выделена фронтоном треугольной формы, с плечиками и чердачным арочным окном, расположенным в нем строго по оси (рис. 3).

В конце XIX века при комплексах Торговых домов «И. Я. Чуринов и Ко» и «Кунст и Альберс» появились первые частные электростанции. Отметим, что они обладали малой мощностью и использовались исключительно для собственных нужд их владельцев. Вскоре, уже в 1908 году, на средства Товарищества по эксплуа-

тации электроэнергии в Благовещенске была построена городская электростанция, строительство которой велось по типовому проекту, а архитектурный надзор за ходом работ осуществлял городской архитектор, гражданский инженер М. И. Лашенко [4]. Первоначально данное сооружение представляло собой одноэтажный двухсветный объем. Композиционное решение его равнозначных фасадов определялось ритмом больших арочных окон и дорических пилястр. Высокая кирпичная труба доминировала в объемной композиции сооружения. При последующих перестройках на здании появился второй этаж, при этом была утрачена часть арочных окон и нарушена общая линия фриза (рис. 4).

Большинство промышленных предприятий Благовещенска, расположенных в городской черте, занимались производством продуктов питания. Так, в 1898–1899 годах на улице Театральной по типовому проекту было построено здание городской скотобойни, архитектура которой отличалась сложным характером объемно-пространственной композиции. В ее основе можно видеть три разновеликих кирпичных объема: двухэтажный прямоугольный корпус, примыкающая к нему полукруглая одноэтажная пристройка с высокими кирпичными дымовыми трубами и трехъярусная граненая башенка, поставленная между ними и увенчанная куполом в виде шляпки (рис. 5). В настоящее время на территории бывшей скотобойни расположен мясокомбинат.

В начале XX века по ул. Богдана Хмельницкого (между улицами Октябрьской и Северной) было построено здание колбасной фабрики Андрея (Генриха) Ортнера, известного в городе предпринимателя, владельца ресторана, кондитерской, завода по разведению свиней и совладельца кинотеатра «Мираж». Теперь это здание, когда-то принадлежавшее Ортнеру, переоборудовано под жилой дом, однако оно интересно и как сохранившийся пример архитектуры «кирпичного» стиля.

Особый интерес в архитектуре Благовещенска представляют мукомольные мельницы, появившиеся здесь начиная с 1890-х годов. Среди дальневосточных городов Благовещенск превосходил все остальные по количеству мукомольных предприятий. Стимулом к развитию здесь мельниц служил целый ряд объективных факторов, в том

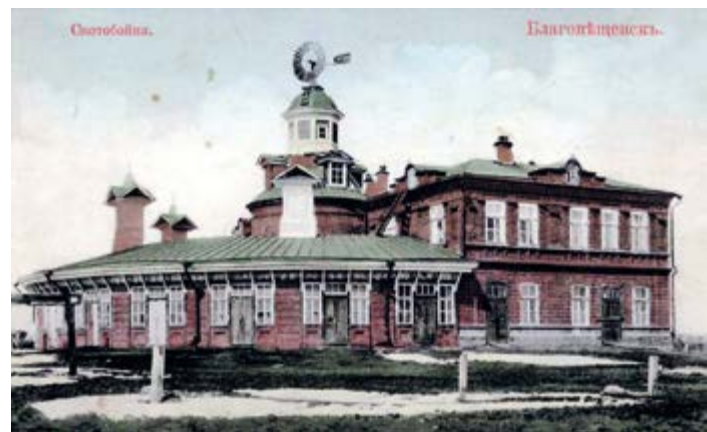

^ Рис. 4. Благовещенск.
Здание электростанции.
Современный вид

числе благоприятные условия для выращивания зерновых культур. Амурская область и ныне производит более половины зерна, выращиваемого на всем Дальнем Востоке. Уже в 1890-е годы в Приамурье стало более выгодным перерабатывать зерно в муку на месте, поэтому и начали одно за другим появляться мукомольные предприятия. Судя по статистике, в 1893 году в Благовещенске насчитывалось пять паровых и 17 конных мельниц, а спустя пять лет, как отмечено в сборнике «Обзор Амурской области за 1899 год», здесь имелось 10 мельниц: пять каменных и пять деревянных. Достаточно сказать, что за короткий промежуток времени в начале XX столетия в одном только Благовещенске появилось восемь мукомольных мельниц и одно – в Хабаровске. Первая из благовещенских мельниц принадлежала фирме «ТД Алексеевых». Родоначальник этой семьи Василий Алексеевич родом из молокан, считавшихся самыми опытными в мукомольном деле. Жизнь, обычаи и деятельность молокан достаточно подробно рассмотрена в капитальной монографии профессора Благовещенского университета Е. В. Буянова [5]. Вслед за этим первенцем в конце XIX века здесь же успешно начал свое мукомольное предприятие и местный купец Харлампий Тетюков, однако в 1901 году он умер, и тогда родственники, продолжая дело основателя, организовали фирму – Торговый дом «Наследники Х. П. Тетюкова». Уже спустя десять лет после появления в Приамурье первой мельницы Благовещенск стал одним из самых крупных мукомольных центров России. Более того, владельцы мельниц Благовещенска в 1915 году объединились в синдикат «Благовещенские мукомолы». Любопытно, что практически все благовещенские мукомолы были еще и владельцами пароходов, поскольку и сырье, и продукцию им приходилось вывозить на собственном транспорте по рекам Сунгари, Уссури и Амур. Следует отметить, что уже в 1910-е годы в Благовещенске было около 200 пароходов и 250 барж, которые в период навигации по Амуру и его притокам совершали от шести до 20 рейсов.

В рассматриваемый период на территории Благовещенска размещались пять паровых мельниц. Первая из них была построена в 1892 году на берегу реки Зея на участке между улицами Большой (ныне Ленина) и Зей-

v Рис. 5. Благовещенск. Здание скотобойни. Общий вид

ской. Это четырехэтажное кирпичное здание в разное время принадлежало торговым домам «И. Я. Чурин и Ко» и «Наследники Х. П. Тетюкова». Здание, увы, не сохранилось. Еще одна паровая мельница, построенная в 1900 году в глубине квартала, примыкающего к перекрестку улиц Большой и Казачьей (ныне Пограничная), принадлежала Товариществу «Бр. Буяновы». В настоящее время это здание является одним из корпусов кондитерской фабрики «Зея».

Паровая мельница Торгового дома «В. Алексеев с С-ми», построенная в самом начале улицы Амурской в 1902 году, на ее четной стороне, представляет собой пятиэтажное кирпичное здание (рис. 6). Равномерный ритм рустованных лопаток и окон, а также декор парапета придают всему зданию строгость и монументальность. Примечательно, что для промышленной архитектуры дореволюционного периода вообще было характерно некоторое украшательство. Не стало исключением и здание паровой мельницы семьи Алексеевых. Венчающую часть постройки украшают сильно вынесенный широкий карниз и декорированный фронтон с полуарочными элементами в тимпане. Сооружение сохранилось, однако почти вся прилегающая территория в настоящее время занята под промышленную зону, застроенную разными хозяйственными и административными корпусами.

На улице Амурской, 17, сохранилось здание еще одной паровой мельницы, ранее принадлежавшей Товариществу «Бр. Н. и М. Саяпины». Имеется старинное фото с видом этой мельницы (рис. 7), а также современное фото с ее же изображением (рис. 8). Мельница построена в 1899–1900 годах, в ее облике безошибочно угадывается промышленное назначение. Отличительная особенность этой четырехэтажной постройки – высокая шатровая крыша с фигурными аттиками на южном и северном фасадах. По периметру объем корпуса опоясан двухступенчатым карнизом. Каждый этаж имеет свой тип оконных проемов, что делает фасады разнообразными и довольно привлекательными. Идентичное композиционное решение имеет и еще одно четырехэтажное здание паровой мельницы ТД «Ф. Кувшинов с С-ми», построенное в 1904–1905 годах на ул. Иркутской (ныне Горького, 15). Пластика ее фасадов строится на ритме рустованных

^ Рис. 6. Здание мельницы ТД «Алексеев с С-ми». Общий вид

^ Рис. 7. Благовещенск. Мельница Товарищества «Бр. Н. и М. Саяпины». Фото начала XX века

лопаток и оконных проемов, на каждом этаже имеющих различное обрамление. Ось главного фасада мельницы акцентирована высоким парапетом с круглым чердачным окном. По всему зданию проходит широкий двухъярусный карниз с лопатками (рис. 9). В целом идентичное композиционное решение было характерно для объектов данного типа, сходного вида паровые мельницы строились во многих российских городах.

Нельзя не отметить, что за качество своей продукции благовещенским мукомолам приходилось бороться не только между собой, но и с мукомолами других российских городов, выставляя муку на проходивших в то время торгах, выставках и ярмарках в центральной и европейской части России. В частности, высокую оценку получила продукция благовещенских мукомолов на знаменитой Нижегородской выставке-ярмарке 1896 года, что, безусловно, стало стимулом для дальнейших достижений. С этой целью они прилагали усилия не только для совершенствования технологии производства, но и для улучшения качества продукции.

Что касается винокуренных заводов, то первый из них в Амурской области был основан еще в 1868 году М. О. Макевским и размещался в с. Новинка. В 1892 г. предприятие перешло в собственность ТД «В. М. Лукина С-вья». Новые владельцы приняли решение перевести производство в Благовещенск, для чего участок под строительство нового завода был выбран непосредственно на берегу Зеи, в начале ул. Амурской, где вскоре и было построено двухэтажное кирпичное здание завода. В 1916 году завод перешел в собственность ТД «И. Я. Чурин и Ко», а в 1922-м был национализирован. В советский период на его месте располагался спиртзавод № 3. На участке сохранилось несколько дореволюционных построек, дошедших до наших дней с некоторыми изменениями и перестройками. В пластике их фасадов прослеживаются однотипные декоративные элементы: килевидные сандрики над арочными окнами, ширинки в обрамлении углов и в декоре фриза. Еще один винокуренный завод, принадлежавший Товариществу «А. Н. Макаров и Ко», был построен в 1902 году недалеко от Благовещенска, в ста пяти саженях от деревни Астрахановка [3]. В 1912 году в результате пожара сооружения завода

сгорели дотла, однако спустя год завод был отстроен заново. К сожалению, до настоящего времени новый кирпичный объем переменной этажности с одиннадцатью внутренними помещениями также не сохранился.

Помимо винокуренного дела в Благовещенске развивалось и пивоварение. В 1897–1898 годы в глубине участка, примыкающего к ул. Невельской (ныне Первомайская), было построено двухэтажное Г-образное в плане кирпичное здание пивоваренного завода Ксаверия Кобоско. Примечательно, что оно используется по своему первоначальному назначению до настоящего времени. Что же касается других типов промышленных предприятий, то в 1899 году Товариществом «В. В. Лукин и П. Л. Павлов» в Благовещенске была основана первая на Дальнем Востоке спичечная фабрика, которая с 1914 года перешла в собственность Торгового дома «И. Я. Чурин и Ко».

Развитие золотодобывающей отрасли на Дальнем Востоке привело к появлению в архитектуре региона еще одного нового типа промышленных построек – золотосплавочных лабораторий. В 1902 году на ул. Семинарской (ныне Политехническая, 84) благовещенским отделением Государственного банка было построено здание правительственной золотосплавочной лаборатории. Сооружение сохранилось в первоначальном виде и представляет собой оригинальный образец архитектуры кирпичной эклектики. В краеведческой литературе здание известно как дом Г. И. Генрихсена, гласного Городской думы Благовещенска (рис. 10). В плане здание имеет довольно сложную конфигурацию, с различными выступами на боковых и заднем фасадах. Уличный фасад этого дома представляет собой симметричную композицию. Плоскость стены расчленена слабо выступающими ризалитами на три части (по два окна в выступах и три окна в средней, слегка западающей части). Нижний этаж рустован.

Другая подобного типа лаборатория была построена в Николаевске-на-Амуре в 1903 году, она представляла собой комплекс из нескольких вспомогательных деревянных строений и основного одноэтажного каменного здания. В 1920 году во время революционных событий, как и многие другие здания города, лаборатория постра-

^ Рис. 8. Мельница Товарищества «Бр. Н. и М. Саяпины». Современный вид

^ Рис. 9. Мельница ТД «Кувшинов с С-ми»

^ Рис. 10. Благовещенск. Дом Генрихсена

^ Рис. 11. Хабаровск. Уличный фасад винзавода Хлебниковых

^ Рис. 12. Дом управляющего винзаводом Хлебниковых

дала от пожара, а деревянные постройки были полностью утрачены. В 1932 году в ходе реконструкции здание обрело надстройку в виде второго этажа, выполненную из дерева. О первоначальном облике сооружения можно судить по фотографиям начала XX века. Сооружение было выстроено в стиле эклектики с элементами кирпичного декора, свойственными неоклассицизму.

Промышленные предприятия Благовещенска в большинстве своем были сосредоточены в восточной части города, в районе, примыкающем к берегу Зеи. Краткий анализ сохранившихся объектов позволил выявить общие черты промышленной архитектуры города. Многие сооружения этого типа были выстроены в так называемом кирпичном стиле, а именно в его рационалистическом направлении. Подтверждением тому служит отказ от штукатурки и покраски стеновых поверхностей, использование облицовочного кирпича в качестве основного средства художественной выразительности уличных фасадов, сдержанный декор, проявляющийся в обрамлениях оконных, дверных проемов и ворот. Объемно-планировочные характеристики рассмотренных объектов, как показывает анализ, были продиктованы в первую очередь их функциональным назначением, а также размерами технологического оборудования.

Хабаровск

Развитие архитектурного облика Хабаровска во многом определялось его положением как административного центра Приамурского генерал-губернаторства. Размещение в городе большого числа гражданских и военных ведомственных учреждений привело к появлению построек соответствующей типологии. Как и в других городах юга Дальнего Востока, в данный период в Хабаровске активно развивались торговля и предпринимательство, в городе находились представительства и магазины крупных российских и иностранных компаний, некоторые из них, помимо импорта товаров, занимались и развитием собственных производств. Так, на рубеже XIX – XX столетий на участке в верхней части склона Средней горы к реке Плюсинке купцами Хлебниковыми был построен винный завод. Данный участок земли Хлебников приобрел еще в 1879 году и практически сразу построил здесь

деревянный жилой дом и сарай, где, собственно, и начал производить вино, сырьем для которого служил дикий виноград.

Примечательно, что в 1891 году, когда цесаревич Николай Александрович посещал Хабаровку, Хлебников преподнес ему для пробы свое вино. Получив в ответ одобрение и золотую монограмму трех царских имен с бриллиантами, Хлебников с утроенной энергией продолжил занятие виноделием, подключив к семейному делу сыновей и учредив торгово-промышленное Товарищество «Хлебников и Ко». Интересно, что в его предприятие входил не только хабаровский винный завод, но и конторы бакалейно-винной торговли городов Хабаровска, Никольска-Уссурийского, Владивостока и даже Одессы. Правда, это предприятие успешно функционировало до 1914 года, после чего было продано купцу Пьянкову [6]. Функция данного объекта с момента его создания не менялась, а в настоящее время на его базе действует Хабаровский ликероводочный завод, снабжающий своей продукцией практически весь Дальний Восток.

На территории предприятия сохранились здания различного назначения, относящиеся к рассматриваемому времени. Первое из них было построено в 1890 году для размещения спиртоочистительного цеха. Сооружение представляет собой объем переменной этажности, поставленный вдоль ул. Инженерной (ныне Тургенева, 59) на понижении рельефа (рис. 11). Позже, в 1905 и 1913 годах, на территории завода появились механический цех и дом управляющего (рис. 12). Все сооружения выстроены из кирпича. Архитектура цеха по очистке спирта и дома управляющего заводом тяготеет к эклектике с элементами фасадного декора, свойственными неоклассицизму. Архитектура механического цеха полностью утилитарна, фасады лишены какого бы то ни было декора и украшательства, а само здание лишь представляет интерес как неотъемлемая составляющая одного из первых в Хабаровске промышленных комплексов.

На развитие промышленной архитектуры города сильное влияние оказала деятельность купца китайского происхождения Н. И. Тифонтия (рис. 13). Китаец Цзы Фаньта, выходец из Северного Китая, начал свою карьеру на российском Дальнем Востоке еще в 1870-е годы, работая пе-

^ Рис. 13. Николай Иванович Тифонтай

^ Рис. 14. Мельница и дом Н. И. Тифонтая

реводчиком с китайского языка в инженерной дистанции Приамурского военного округа. После 18 лет работы он получил российское подданство и русское имя – Николай Иванович Тифонтай. Занявшись торговыми операциями, вскоре он стал купцом 1-й гильдии. Примечательно, что Тифонтай жертвовал огромные суммы на благотворительность, на строительство детского приюта и другие подобного рода цели. В Хабаровске ему принадлежали здание торговой конторы «Тифонтай и Ко», паровая мельница, пивомедоваренный завод, табачная и макаронная фабрики, расположенные на левом берегу реки Курча-Мурча (ныне нечетная сторона ул. Советской). Все сооружения выстроены в так называемом кирпичном стиле и образуют единый архитектурный ансамбль (рис. 14). Характер фасадного декора зданий определен выступами и размерами лицевой краснокирпичной кладки. В пластике стен видны мотивы ренессансной и так называемой гарнизонной архитектуры, проявляющиеся в оформлении оконных, дверных проемов и силуэтах аттиковых стен (рис. 15).

Еще одно частное производство в Хабаровске принадлежало Сергиевскому винокуренному товариществу в составе трех учредителей – купцов С. Я. Богданова, В. М. Лукина и Торгового дома «Тифонтай и Ко». В 1906 году в северной части города этим товариществом был построен спиртоочистительный завод. Строительство его осуществлялось по чертежам, присланным из Санкт-Петербурга при участии военного инженера-архитектора Б. А. Малиновского. На территории предприятия располагались мельница, маслозавод, конюшня, склады, а на берегу Амура одновременно с заводом была построена водоканалка. Все постройки завода образуют единый промышленный ансамбль, объединенный функциональным назначением составляющих его объектов. С архитектурной точки зрения наибольший интерес представляют корпус завода и сооружение водоканалки. Заводское здание является выразительным примером архитектуры промышленных объектов. Пластическое решение его фасадов определяется ритмом разных по размерам лучковых оконных проемов, объединенных по высоте наличниками, и профилированных пилястр. Характер фасадного декора позволяет говорить о явном проник-

новении в эклектику элементов неоклассицизма и необарокко. Примечательно, что в декоративном оформлении фасадов использовался кирпич не только красного, но и серого цвета. Подобное решение на Дальнем Востоке встречалось практически только в архитектуре Хабаровска, где на одном из кирпичных заводов, наряду с традиционным красным, производился кирпич и серого цвета. Несмотря на поздние достройки, это сооружение не утратило своего первоначального облика (рис. 16). Здание водоканалки также сохранилось в первоначальном виде. В архитектуре сооружения отчетливо прослеживаются черты рационалистического модерна, проявляющиеся на уровне крупномасштабных деталей – массивных кирпичных труб, установленных на парапете, мощного аттика и архивольтов полуциркульных окон (рис. 17).

В 1902 году в городе начали работу Хабаровские окружные артиллерийские мастерские, ставшие впоследствии одним из крупнейших промышленных предприятий. В 1908 году мастерские были преобразованы в Хабаровский военный завод «Арсенал», а позже – в завод «Дальдизель» [7]. В разные годы данное предприятие выпускало вооружение, сельскохозяйственную технику и дизельные двигатели для морских и речных судов. В 2007 году завод прекратил свое существование, а его территория находится практически в запустении. В дореволюционный период на территории завода действовали литейный, кузнечный, токарный, слесарный, механический, лесопильный, столярный и сборочный цеха. Во главе артиллерийских мастерских, а затем и завода «Арсенал» стоял полковник Симеон Николаевич Ванков, чрезвычайно интересный и высокообразованный человек. Достаточно сказать, что он свободно владел русским, французским, немецким, английским и румынскими языками. Любопытно еще и то, что дата рождения С. Н. Ванкова совпадает с датой основания Хабаровска (1858). Встретившись в 1897 году в Санкт-Петербурге с генерал-губернатором и командующим войсками Приамурского края С. М. Духовским, Ванков дал согласие на составление им проекта Хабаровского арсенала. Прибыв в 1898 году во Владивосток, а оттуда в Хабаровск, он принял под свое руководство небольшую мастерскую, разработал программу ее переустройства и в довольно

^ Рис. 16. Сергиевское винокуренное товарищество. Общий вид комплекса

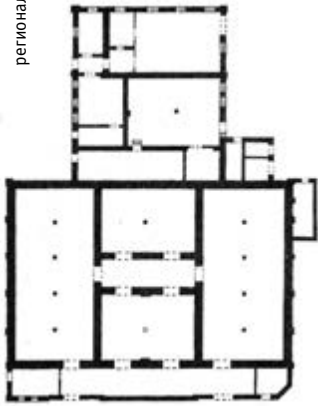

^ Рис. 17. Здание водоканчки

v Рис. 15. Дом
Н. И. Тифоняя.
Фото Николая Крадина

^ Рис. 18. План рефрижератора. Чертеж Николая Крадина

^ Рис. 19. Здание рефрижератора в Хабаровске

короткий срок реализовал свои планы. Уже в сентябре 1899 года мастерская принимала участие в Хабаровской сельскохозяйственной и промышленной ярмарке. Примечательно, что в том же году С. Н. Ванков получил кредит на строительство новых корпусов завода, а спустя три года, 8 ноября 1902 года, состоялось торжественное открытие завода, получившего вскоре и свое название «Арсенал» (позднее завод «Дальдизель»).

Интересно еще и то, что с именем этого незаурядного человека связано развитие электрификации Хабаровска. В 1902 году С. Н. Ванков установил на своем предприятии небольшой электрогенератор, а позже участвовал в электрификации здания Хабаровского кадетского корпуса. В мае 1906 года по проекту и под его руководством в начале центральной магистрали Хабаровска – ул. Муравьева-Амурского – началось строительство электростанции. Первоначально это было здание переменной этажности в один и два этажа, с фасадами в так называемом кирпичном стиле, часть помещений имела арочные перекрытия. Впоследствии данный объект неоднократно подвергался реконструкции и ремонту, а в 2004-м вообще был снесен в связи с плохим техническим состоянием [6]. В декабре 1913 года С. Н. Ванкову пришлось уехать из Хабаровска в связи с его новым назначением на должность начальника Брянского арсенала, где он проработал четыре года (1913–1917). Спустя 20 лет, в июне 1937 года, он умер на 80-м году жизни и был похоронен в Москве на Введенском кладбище. Обладатель многих правительственных наград, он имел также военное звание генерал-майора.

В 1913 году в районе Артиллерийской горы на ул. Кавказской было построено здание рефрижератора. Строительство данного объекта велось при содействии германской ассоциации «Товарищество рефрижераторов для Хабаровска, Николаевска и Харбина» [8]. Изначально квадратное в плане одноэтажное сооружение выстроено в формах псевдорусского стиля, о чем свидетельствуют килевидные очертания обрамлений оконных и дверных проемов, членения фриза здания ширинками, пирамидальные завершения некоторых объемов. Внутри здание разделено капитальными стенами на четыре морозильные камеры, а по гребню двускатной крыши устроен объем светового фонаря (рис. 18, 19). В 1922 году соо-

ружение было расширено дополнительной пристройкой со стороны двора. Рассмотренный объект представляет интерес не только как памятник архитектуры псевдорусского стиля, но и как образец передового для своего времени инженерно-технического решения промышленного сооружения.

В 1897 году на станции Хабаровск-1 с целью создания необходимого давления в водопроводной системе депо и заправки паровозов была построена водонапорная башня. Строилась она вместе с другими сооружениями оборотного депо. В годы Гражданской войны башня была разрушена, восстановлена в 1923 году. По первоначальному назначению сооружение использовалось недолго, перевод железнодорожного транспорта на дизельную и электрическую тягу привел к тому, что объект стали использовать в качестве технического помещения. В настоящее время башня выполняет функцию административного помещения платной автостоянки (рис. 20). С архитектурной точки зрения объект интересен как сохранившийся образец деревянной народной архитектуры.

Еще одна водопроводная башня была построена по ул. Иркутской (Московской) между 1907 и 1910 годами. Восьмигранный в плане, двухэтажный объем представляет собой выразительный пример архитектуры кирпичного стиля. В настоящее время в башне размещается небольшое торговое заведение (рис. 21).

Заключение

Изучение промышленной архитектуры несколько затруднительно в виду закрытого характера самих производственных процессов, не предполагающих свободного доступа на промышленные территории. Кроме того, многие предприятия, основанные на Дальнем Востоке в дореволюционный период, продолжали работать в советское время, а некоторые функционируют и по сей день. Изменение технологических процессов и объемов выпускаемой продукции привело к расширению и реконструкции многих промышленных предприятий, вследствие чего первоначальный облик некоторых из них был изменен или безвозвратно утрачен. Тем не менее проведенное исследование позволило выявить некоторые

^ Рис. 20. Башня на ул. Ленинградской.
Фото Николая Крадина

^ Рис. 21. Башня на ул. Московской. Фото Николая Крадина

закономерности и особенности в развитии архитектуры сооружений данного типа.

Важно также отметить, что промышленная архитектура крупных городов Приамурья развивалась во второй половине XIX – начале XX столетия в русле общероссийских течений, связанных в дореволюционный период с «проектированием в стилях». Как правило, промышленные здания и сооружения строились из нештукатуренного кирпича, а в качестве основного средства художественной выразительности фасадных композиций использовались декоративные элементы лицевой кирпичной кладки.

Локализация тех или иных промышленных объектов в разных городах региона была обусловлена спецификой развития его отдельных городов. На расположение названных объектов в структуре застройки городов влияли различные факторы, в том числе рельеф местности, наличие и состояние транспортных путей, характер и массивы окружающей застройки. Например, в архитектуре Благовещенска все промышленные предприятия для удобства транспортировки грузов были сконцентрированы в восточной части города на берегу Зеи. В промышленной архитектуре Хабаровска, в частности, отмечается использование двухцветного лицевого кирпича при декоративном оформлении фасадов, продиктованное особенностями местных строительных материалов.

Развитие на Дальнем Востоке торговли и предпринимательства и, как следствие, формирование в регионе крупного купечества – все это способствовало появлению частных фабрично-заводских производств, а также внедрению в архитектуру региона инженерно-технических новшеств и передовых идей, в целом характерных для общерусского зодчества рассматриваемого периода.

Литература

1. Чаленко, Н. Н. Развитие промышленности Дальнего Востока России в XIX веке // Крымский научный вестн. – 2015. – № 6. – С. 96–119
2. Крадин, Н. П., Базилевич М. Е. Архитекторы и инженеры Дальнего Востока. Творческая деятельность архитекторов и инженеров – выпускников столичных учебных заведений – в Забайкалье, Якутии, Приамурье, Приморье и Китае: монография, 2-е изд. – Хабаровск: Хабар. краевая типография, 2020. – 236 с.

3. Холкина, Т. А., Чаюн Л. А. Архитектурное наследие Благовещенска. – Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2006. – 112 с.

4. Базилевич, М. Е. Гражданские инженеры-архитекторы г. Благовещенска (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. граждан. инженеров. – 2016. – № 4 (57). – С. 5–13

5. Буянов, Е. В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX в. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2013. – 396 с.

6. Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) Хабаровского края/сост. А. В. Дыминская [и др.]. – Хабаровск: Рос. Медиа Альянс, 2006. – 208 с.

7. Первая городская электростанция общего пользования на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. – URL: <http://dalenergy.ru/2015/03/23771/> (дата обращения 20.01.2020)

8. Крадин, Н. П. Охраняются государством. Памятники архитектуры и скульптуры общероссийского значения в Хабаровске. – Хабаровск: Частная коллекция, 1999. – 192 с.

References

- Bazilevich, M. E. (2016). Grazhdanskie inzheneri-arkhitektory g. Blagoveshchenska (konets XIX – nachalo XX v.) [Civil engineers-architects of Blagoveshchensk (late XIX – early XX centuries)]. Vestn. grazhdan. inzhenerov, 4(57), 5-13.
- Burilova, M. (2015). Pervaya gorodskaya elektrostantsiya obshchego polzovaniya na Dalnem Vostoke [The first city electric station of common use in the Far East]. Retrieved January 20, 2020 from <http://dalenergy.ru/2015/03/23771/>
- Buyanov, E. V. (2013). Dukhovnye khristiane molokane v Amurskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX v. [Spiritual Christians molokans in the Amur region in the second half of XIX – first third of XX centuries]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta.
- Chalenko, N. N. (2015). Razvitie promyshlennosti Dalnego Vostoka Rossii v XIX veke [Development of the industry of the Russian Far East in the XIX century]. Krymskiy nauchnyi vestn., 6, 96–119.
- Kholkina, T. A., & Chayun, L. A. (2006). Arkhitekturnoe nasledie Blagoveshchenska [Architectural heritage of Blagoveshchensk]. Blagoveshchensk: ОАО “Амурская ярмарка”.
- Kradin, N. P. (1999). Okhranyayutsya gosudarstvom. Pamyatniki arkhitektury i skulptury obshcherossiiskogo znacheniya v Khabarovske [Protected by the state. Monuments of architecture of all-Russian significance in Khabarovsk]. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya.
- Kradin, N. P., & Bazilevich, M. E. (2020). Arkhitektory i inzheneri Dalnego Vostoka. Tvorcheskaya deyatel'nost' arkhitektorov i inzhenerov – vypusnikov stolichnykh uchebnykh zavedenii – v Zabaikalie, Yakutii, Priamurye, Primorye i Kitae: monografiya [Architects and engineers of the Far East. Creative activities of architects and engineers – graduates of capital educational institutions in Zabaikalye, Yakutia, Priamurye, Primorye and China: monograph] (2nd ed.). Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya.
- Ob'ekty kulturnogo naslediya (pamyatniki istorii i kultury) Khabarovskogo kraja [Cultural heritage sites (monuments of history and culture) in Khabarovsk kraj]. (2006). Khabarovsk: Ros. Media Alyans.

В статье представлена систематизированная картина развития промышленной архитектуры крупных городов юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. На примере Владивостока и Уссурийска выявлены основные особенности архитектуры фабрично-заводских предприятий и других промышленных объектов, обусловленные спецификой развития региона и его отдельных городов. Рассмотрены основные типы промышленных объектов и принципы их размещения в условиях городской застройки.

Ключевые слова: промышленность; архитектура; Владивосток; Уссурийск. /

The article presents a systematic picture of the development of industrial architecture of large cities in the south of the Russian Far East in the second half of the XIX - early XX centuries. Using the example of Vladivostok and Ussuriysk, the main features of the architecture of factories and other industrial facilities are identified, due to the specifics of the development of the region and its individual cities. The main types of industrial facilities and the principles of their placement in urban areas are considered.

Keywords: industry; architecture; Vladivostok; Ussuriysk.

Промышленная архитектура Приморья. Владивосток, Уссурийск / Industrial architecture of Primorye. Vladivostok, Ussuriysk

текст

Михаил Базилевич
Николай Крадин /
text
Mikhail Bazilevich
Nikolai Kradin

Введение

Территория Приморья вошла в состав Российской империи после подписания Айгуньского (1858) и Пекинского (1860) договоров. В дореволюционный период эти земли обозначались географами и историками как Южно-Уссурийский край и вместе с другими территориями дальневосточного побережья входили в состав Приморской области. Отмена крепостного права в 1861 г. и, как следствие, увеличение миграционной подвижности населения способствовали постепенному заселению юга Дальнего Востока. Кроме того, наличие незамерзающего порта и выхода в Тихий океан, а также появление непрерывного железнодорожного сообщения с центральной частью страны и соседним Китаем создавали привлекательные условия для притока в регион не только капиталов, но и рабочей силы, роста численности населения.

Авторы предлагают рассмотреть особенности развития промышленной архитектуры Владивостока и Уссурийска как наиболее крупных городов среди всех поселений Приморского края. Если быть точными, то по существующей классификации к категории крупных городов (с населением от 1,0 млн. до 500 тыс.) относится только Владивосток, а Уссурийск с его численностью около 170 тыс. населения – к категории больших городов (от 100 до 500 тыс.).

Владивосток. Характер градостроительного, архитектурного, экономического и социокультурного развития Владивостока в период до 1917 г. в первую очередь был связан с геополитическим значением этого города как главного военного и коммерческого порта России на Тихоокеанском побережье. Наличие непрерывного железнодорожного сообщения с центральной частью страны, а также возможность торговли с азиатскими странами и США способствовали не только экономическому, но и быстрому территориальному росту города. Но развитие торговли и предпринимательства, изобилие иностранных товаров и продукции, привозимых из центральных регионов страны, негативно сказывались на развитии местной промышленности. На территории города фактически отсутствовали фабрики и заводы, а вся промышленная архитектура этого периода была представлена преимущественно объектами по обслуживанию порта и путей сообщения.

В настоящее время застройка Владивостокского порта состоит из множества разновременных построек, объединенных функциональным назначением в единый архитектурно-планировочный ансамбль. Планировочное решение всей портовой территории подчинено рельефу местности. Корпуса и строения расположены на поднимающихся от акватории ярусных террасах и ориентированы преимущественно вдоль направления береговой линии. Этот портовый ансамбль имеет несколько точек визуального восприятия: все сооружения хорошо просматриваются с акватории, противоположной стороны бухты и с верхних отметок рельефа, а также фрагментарно – с Корабельной, улицы Нижнепортовой, набережной Цесаревича и с территории Дальзавода.

Исторически территория Владивостокского порта разделена на две части. Первая, относящаяся к торговому порту, расположена в северо-западной части бухты Золотой Рог и примыкает к территории железнодорожного вокзала. Архитектура в этой части порта представлена в основном утилитарными постройками советского и современного периода. Вместе с тем, в застройке этой части Владивостока сохранилось и несколько зданий рубежа XIX – XX вв., в частности, здание Владивостокской таможни на улице Алеутской авторства известного на Дальнем Востоке гражданского инженера-архитектора В. А. Плансона [6]. Рассматривая сохранившееся изображение здания таможни (рис. 1), построенного по его проекту, сразу прочитывается не только назначение самого здания, но и почерк профессионального архитектора. В. А. Плансон работал во Владивостоке много лет, причем весьма плодотворно. Ему принадлежат многие здания в городе, в том числе красивейшее здание железнодорожного вокзала в русском стиле (рис. 2), которое он сам не проектировал, но контролировал ход строительных работ, их соответствие проектным предложениям автора, архитектора Н. В. Коновалова.

Для изучения промышленной архитектуры наибольший интерес представляет историческая застройка бывшего военного порта, расположенная на северном берегу бухты Золотой Рог в границах улиц Светланской, Экипажной и Корабельной набережной.

В начале XX в. на территории Владивостокского военного порта действовали механический завод, кора-

^ Рис. 1. Владивосток.
Здание Управления таможней. Арх. В. А. Плансон

< Рис. 2. Здание ж.-д. вокзала. Фото Николая Крадина

блестроительная, артиллерийская и минная мастерские. Одним из первых сооружений ансамбля является корпус механического завода, построенный в 1883–1887 гг. по проекту военного инженера полковника В. В. Иванова [1]. Завод строился для обслуживания судов тихоокеанской эскадры: предприятие занималось ремонтом судовых машин и котлов. Одноэтажный кирпичный прямоугольный в плане объем представляет собой пример так называемой «гарнизонной архитектуры» с характерным использованием отделки из лицевого красного кирпича в оформлении фасадов. Стены прорезают высокие, вытянутые оконные проемы, имеющие лучковые и полуциркулярные завершения. Рядом с заводом расположено еще одно краснокирпичное здание, ранее принадлежавшее железо-котельной мастерской (1904). Для обоих сооружений характерно использование контрфорсов, придающих их строгим объемам особую выразительность. Наличие контрфорсов обусловлено использованием большепролетных конструкций для перекрытия цехов и необходимостью усиления несущих стен. Выше по рельефу расположены минная (1895), парусная и малярная (1904) мастерские, «Шефнеровские» казармы (рис. 3) и здание новой станочно-сборочной мастерской (1909), выстроенные в стиле эклектики с элементами неоклассицизма и «гарнизонной архитектуры».

Наиболее масштабным сооружением порта является сухой док имени Цесаревича Николая (рис. 4, 4а). Строительство объекта осуществлялось в 1890–1897 гг. силами китайских рабочих под техническим руководством полковника В. В. Иванова [1]. Сооружение отвечало всем инженерным требованиям своего времени и могло принимать самые крупные военные корабли. Так, сразу же после окончания строительства дока в начале октября 1897 г. в него вошел броненосный крейсер «Дмитрий Донской». Это уникальное сооружение, типичное лишь для портовых городов, привлекает внимание не только самих горожан, но и многочисленных гостей, благо Владивосток – город открытый. С западной стороны от сухого дока расположены два корпуса бывших мастерских. Эти двухэтажные строения, как и остальные здания порта дореволюционного периода, выполнены в кирпиче, что позволяет говорить о стилистическом единстве построек исторического архитектурного ансамбля.

v Рис. 3. Шефнеровские казармы

^ Рис. 4. Вид сухого дока

^ Рис. 4а. Сухой док. Вид сверху

^ Рис. 6. Мясокомбинат. Фото Николая Крадина

^ Рис. 7. Изюминка холодильника

В районе центрального городского вокзала в глубине квартала исторической застройки между улицами 1-я Морская, Алеутская, Светланская и железной дорогой сохранилось здание старой водонапорной башни, построенной в 1893 г. и изначально предназначенной для размещения в ней металлических емкостей с водой для заправки паровозов. Трехъярусное кирпичное сооружение представляет собой характерный пример промышленной дореволюционной архитектуры. Некоторые исследователи [2] отмечают, что, несмотря на утилитарность своего предназначения, это здание не типовое; башня – авторский проект Михаила Вяземского. Она состоит из двух объемов, имеющих форму шестигранных призм. Пластическое решение ее симметричных фасадов строится на орнаментах из выпусков кирпича. Характер декора позволяет отнести данное сооружение к так называемой «гарнизонной архитектуре» (рис. 5).

По соседству с башней сохранилось сооружение, представляющее еще один тип промышленных сооружений, достаточно широко распространенный в архитектуре Дальнего Востока. Объект входит в реестр памятников архитектуры Приморской области [3] под названием «Склад-холодильник «Унион» (рис. 6). Его строительство относится к 1916 г. Склад-холодильник являлся совместным предприятием Русского электрического общества «Унион» и Русско-азиатского банка. Это трехэтажное прямоугольное в плане здание главным фасадом обра-

щено к железнодорожным путям. С северной стороны к основному объему пристроен трехэтажный административный корпус, а с западной – одноэтажный технический блок с деревянным мезонином. Архитектура сооружения отличается сдержанностью и простотой форм. Все довольно скромные декоративные элементы его оштукатуренных фасадов, включая венчающий карниз, фриз, лопатки, пилястры, обрамления окон и ниши, выполнены выступами из кирпича. Отличительными особенностями склада-холодильника являются щипцовый фронтон на восточном фасаде с узкими окнами со стрельчатым завершением и объемный декоративный элемент в виде головы коровы, размещенный на восточном фасаде (рис. 7). Благодаря этому объект стал своеобразной «изюминкой» Владивостока; пассажиры, впервые приезжающие во Владивосток на поезде, при выходе на привокзальную площадь обязательно видят здание холодильника и непременно задаются вопросом: а что это такое, что за объект? К сожалению, само здание холодильника пришло в запустение, в нем уже много лет ничего не хранится.

Еще один холодильник, сохранившийся во Владивостоке, был построен в 1914 г. в районе Первой речки у подножия холма, в народе получившего название «Сопка-холодильник» [4]. На его вершине (рис. 8) расположены форт Муравьева-Амурского и батарея «Четыре пушки», входящие в состав комплекса оборонительных

v Рис. 5. Ст. Владивосток. Водонапорная башня

v Рис. 8. Сопка-холодильник

v Рис. 9. Трамвай во Владивостоке. Открытка

< Рис. 13

сооружений Владивостокской крепости. Здание крепостного холодильника представляет собой двухэтажную казематированную бетонную постройку, внутри которой устроены помещения морозильных камер, машинный зал, лифтовая шахта, хранилища хладагента, мастерские и убежища военного времени для обслуживающего персонала. Прилегающая территория с расположенными на ней пакугаузами и караульным домом соединяется железнодорожными путями со станцией «Первая речка», по соседству с которой расположен еще один памятник промышленной архитектуры конца XIX в. – локомотивное депо.

Впервые электричество в Приморском крае было получено при помощи нескольких динамо-машин в 1885 г. и использовалось для подключения прожекторов артиллерийских береговых батарей. Первая электростанция города принадлежала торговому дому «Кунст и Альберс». Она работала с начала 1890-х, обслуживая только торговый центр. Но с 1897 г. к нему стали подключать других городских потребителей, и к началу XX в. работало уже пять частных электростанций, однако они не могли обеспечить электроэнергией весь быстро растущий город. Поэтому в 1911 г. в районе Безымянной батареи на ул. Тюремной (ныне Западная) по проекту инженера С. К. Токаржевского была построена городская электростанция.

Быстрые темпы развития электрификации способствовали тому, что Владивосток стал первым городом на Дальнем Востоке, где появился электротранспорт.

Первое вагонное депо было построено рядом с городской электростанцией в так называемом «Гнилом углу» (ныне пл. Луговая). Первая трамвайная линия протянулась сначала от депо до ул. Петра Великого, а затем от нее до железнодорожного вокзала. В 1915–1917 гг. была сооружена линия «Вокзал» – «Первая Речка». На сохранившихся старых открытках можно видеть этот новый для того времени городской транспорт (рис. 9). До наших дней сохранилось и двухэтажное здание первоначального трамвайного депо. Его архитектура отличается утилитарным характером; в качестве декоративных элементов на фасадах выполнены угловые лопатки и зубчатый карниз, опоясывающий здание по периметру (рис. 10).

Развитие золотодобывающей отрасли на Дальнем Востоке привело к появлению в архитектуре региона еще одного типа промышленных построек – золотосплавных лабораторий. Первая была построена в начале XX в. во Владивостоке на углу улиц Светланской и Посыетской по проекту гражданского инженера-архитектора В. К. Гольденштедта [5]. Г-образный двухэтажный объем здания вытянут длинным крылом вдоль улицы Светланской. В стилистике этого сооружения прослеживаются черты модерна и ренессанса. Первый этаж здания выглядит несколько массивным, а второй, напротив, смотрится облегченным за счет использования полуциркульных окон, сгруппированных по два и по три и украшенных ионическими каннелированными пилястрами. Отличи-

< Рис. 11. Владивосток. Золотосплавная лаборатория. Фото Николая Крадина

< Рис. 12. Артиллерийские мастерские. Главный фасад. Фото Николая Крадина

^ Рис. 14–15

тельной особенностью постройки является четырехугольный эркер, увенчанный восьмигранным бельведером-ротондой с куполом и высоким шпилем. Благодаря этому здание получило в народе название «дом с бельведером» (рис. 11). Золотосплавная лаборатория размещалась в здании до 1913 г.; после оно перешло в ведение городского общественного банка, а еще позднее – коммунального банка.

К примерам промышленной архитектуры Владивостока относятся также двухэтажное здание частной типографии-экспресс, построенное в Маркеловском переулке (ныне Краснознаменный) в начале XX в., и спичечная фабрика М. И. Суворова и К° на Седанке. Это была первая и единственная в дореволюционном Приморье спичечная фабрика. Строительство ее, начатое в 1892 г., было закончено спустя четыре года. Фабрика имела электрическое освещение, паровую машину, паровой котел, станки, привезенные из Германии. На производстве было занято более 200 рабочих, в т. ч. дети. Уже спустя пять лет выпуск составлял 48 тыс. ящиков спичек. В 1902 г. владелец сдал фабрику в аренду С. Меркулову, но до 1904 г. она не работала: пожары 1905 и 1912 гг. затрудняли ее функционирование. Тем не менее, уже в 1913 г. было произведено 15 тыс. ящиков спичек. С 1913 г. фабрика перешла в ведение Приморского ГОМХа. После окончания Гражданской войны в 1923 г. спичечную фабрику восстановили уже под названием «Красный Восток», и вновь начался выпуск ее продукции. Однако устаревшее оборудование и высокая себестоимость продукции не позволяли конкурировать с привозными из центра спичками, и фабрику «Красный Восток» пришлось закрыть. Пригодное имущество и оборудование передали на благовещенскую государственную спичечную фабрику «Искра», которая начала работать вскоре после окончания Гражданской войны, в 1925–1926 гг.

Многие промышленные предприятия Владивостока, открытые на рубеже XIX – XX столетий, продолжают успешно работать и в настоящее время. Правда, со смелой технологий и появлением всевозможных новшеств они стали более модернизированными, чем были прежде. Некоторые из зданий, как, например, артиллерийские мастерские, становятся памятниками архитектуры. Зда-

ние мастерских, расположенное недалеко от железнодорожного вокзала на улице Светланской, 72, представляет собой памятник архитектуры и доступно для обозрения (рис. 12–15). Его уличный фасад, очищенный от многолетних наслоений, предстает перед жителями города и его многочисленными гостями во всей своей красоте. Особый интерес представляет кирпичное узорочье на фасадах, благодаря которому фронтоны фланговых объемов и подкарнизная часть здания представляют наибольший интерес для проходящих на эту площадь.

В статье рассмотрена лишь небольшая часть промышленных объектов Владивостока, построенных на рубеже XIX – XX вв., но они дают представление и об особенностях и стилистике их архитектуры, и о типологии архитектуры, характерной для данного периода времени в этом портовом дальневосточном городе.

Уссурийск. Из исторических документов известно, что его основали переселенцы, прибывшие на дальневосточную окраину из Астраханской и Воронежской губерний в середине XIX столетия. Они дали этому новому селению название Никольское, сохранившееся в первой части названия города (Никольск-Уссурийский). Одним из первых промышленных производств в Уссурийске (в то время село Никольское) являлось мукомольное предприятие купца первой гильдии Отто Линдгольма, самого, пожалуй, богатейшего коммерсанта и судовладельца Приморья. Как свидетельствуют архивные и исторические документы, еще в 1879 г. он построил здесь первую на Дальнем Востоке паровую мельницу. Получаемая продукция стала успешно конкурировать с мукой, которую завозили в регион из Калифорнии, поэтому с мельницы Линдгольма снабжались все военные части Приморья, а уже с 1891 г. на базе предприятия заработала и первая динамо-машина, снабжавшая электроэнергией мукомольный завод [6].

Примечательно, что в Уссурийске отсутствуют официальные районы. Их заменяют исторически сложившиеся образования (территории), которые получили самые разные, порой даже необычные названия. Народная фантазия увековечила такие: 5-й километр, Восход, Доброполье, Железнодорожная слободка (Слобода), Междуречье, Сахарный поселок, Семь Ветров, Хенина сопка, Централь-

v Рис. 11. Владивосток. Золотосплавная лаборатория.
Фото Николая Крадина

^ Рис. 18. Уссурийск. Здание типографии и редакции газеты «Уссурийская окраина». Ул. Агеева, 75

ный или Черняховский (чаще Кирзавод) и др. Важно отметить, что все эти народные названия прижились и никого не коробят – ни представителей местной власти, ни самих жителей Уссурийска.

Активизацию развития Уссурийска и всей его инфраструктуры следует связывать со строительством восточной части Транссибирской железнодорожной магистрали. Функционирование нового транспортного сообщения способствовало появлению узловых станций вдоль новой дороги, развитию их архитектуры, торговли, экономики и предпринимательства, а также появлению в архитектуре пристанционных поселений новых типов зданий и сооружений. Так, в районе железнодорожного вокзала Уссурийска в 1895 г. были организованы Главные железнодорожные мастерские Уссурийской железной дороги, на базе которых в советский период был создан локомотиворемонтный завод, а в 1896 г. по соседству построено и вагоноремонтное депо. Созданный в тот период комплекс его сооружений в настоящее время является памятником промышленной архитектуры регионального значения. На территории комплекса сохранились постройки конца XIX – начала XX столетий, схожие по своей архитектуре с аналогичными промышленными постройками, распространенными в Дальневосточном регионе. В оформлении их фасадного декора прослеживается эклектичное сочетание элементов неоклассицизма и так называемой «гарнизонной архитектуры». В настоящее время Уссурийск является крупным городом – экономическим, научным и культурным центром не только Приморья, но и всего Дальнего Востока. В нем появилось немало архитектурных построек и градостроительных комплексов, буквально преобразивших город.

С преобразованием в 1898 г. селения Никольского в город Никольск-Уссурийский в нем была введена новая должность – городской архитектор. Им стал капитан Южно-Уссурийской инженерной дистанции военный инженер Дмитрий Владимирович Шебалин, в обязанности которого, кроме чисто архитектурных и проектных дел, вошел надзор за выполнением пожарных предписаний и норм при строительстве самых разных объектов. В Уссурийске этого периода процветал самострой: каждый хозяин выбирал себе подходящее место и строил,

как хотел и где хотел. Сложилась ситуация, при которой огромное количество частных домов строилось без соблюдения каких бы то ни было норм и правил (особенно противопожарных, санитарных и др.). Чтобы навести порядок, городскому архитектору предстояла серьезная борьба, вплоть до вынесения штрафов и сноса незаконно строений, возведенных с нарушением противопожарных и других норм. Уже спустя два года, в 1900 г. Д. В. Шебалин представил «План проектного расположения

< Рис. 16. Уссурийск. Пожарная каланча

> Рис. 20. Ремесленное училище. 1914

г. Никольска-Уссурийского Приморской области». В проектом документе указывалось, что территория города разделяется речкой Раковкой на две части: западную (которая уже существовала) и восточную, спроектированную городским архитектором. Одновременно стало осуществляться и новое строительство: появились величественный Свято-Николаевский собор, а вслед за ним большой по размерам католический костел, возведенный в неоготическом стиле. Вслед за этими сооружениями появились кирпичная кладбищенская церковь, деревянные храмы в военном городке и железнодорожной слободке. Так постепенно застройка Уссурийска обогатилась высотными акцентами, которые вносили в нее разнообразие и одновременно служили для жителей города своеобразными ориентирами. К примеру, каланча местной пожарной команды, построенная в 1914 г., была в тот период самым высоким зданием (рис. 16) городской застройки (ул. Ленина, 143). В последующие годы появились и другие здания, выделявшиеся своей высотой. Немало в Уссурийске объектов, интересных и по своей стилистике, и по типологии.

Красноречивым примером промышленной архитектуры в городе можно назвать слесарно-механическую мастерскую Т. М. Федоренко, построенную в начале XX в.

и расположенную на улице Хабаровской. Эта одноэтажная постройка с двухскатной крышей практически лишена декора; единственными элементами, украшающими объем здания, являются зубчатый карниз и замковые камни оконных перемычек на ее главном фасаде. Рядом с мастерской расположен двухэтажный дом Федоренко, архитектура которого также отличается сдержанностью и простотой форм, а для фасадного декора характерны мотивы неоклассицизма.

К началу XX в. относится строительство в Уссурийске зданий двух типографий. Оба сооружения выстроены в строгих формах с элементами классической архитектуры в фасадном декоре. Первое из них, расположенное на ул. Чичерина, 91, изначально двухэтажное, прямоугольное в плане, в советский период обрело надстройку в виде дополнительного этажа, существенно изменившую первоначальный облик объекта (рис. 17). Второе, построенное на ул. Бульварной (ныне Агеева), представляет п-образный объем переменной этажности. В этом здании (рис. 18, 19) размещались типография и редакция газеты «Уссурийская окраина» [3].

В Уссурийске было немало купцов-меценатов, финансовыми вливаниями помогавших развиваться городу. Они жертвовали средства на строительство различных

> Рис. 19. Типография газеты «Уссурийская окраина»

> Рис. 21. Детали декора. Фото Николая Крадина

< Рис. 22. Здание табачной фабрики Похингунчзы. Фото Николая Крадина

объектов, на открытие учебных и других просветительских учреждений. Благодаря их помощи в начале XX в. появились учебные заведения, в том числе и ремесленное училище для мальчиков. Для него построено довольно интересное по архитектуре здание ремесленного училища с необычным декором на стенах фасадов в виде элементов промышленных изделий (рис. 20, 21).

В 1906–1907 гг. на улице Унтербергерской (ныне Некрасовской) было построено представительное двухэтажное здание, принадлежавшее торговой фирме И. Я. Чурина. Первоначально в нем размещалась табачная фабрика «Похингунсы» (рис. 22). Здание кирпичное, прямоугольное в плане, двухэтажное с мансардным этажом. Построено в стиле модерн и обладает довольно выразительным архитектурным декором: главный фасад разделен лопатками на пять частей, каждая из них акцентирована аттиком прямоугольной формы. Уникальной особенностью объекта являются кровельные навесы над крайними аттиками главного фасада. Обращение к стилистике модерна при строительстве промышленных сооружений в целом не было характерным для архитектуры Дальнего Востока: в декоративном оформлении подобных объектов, как правило, использовались мотивы неоклассицизма или так называемой «гарнизонной архитектуры». В данном случае можно предположить, что подобное необычное архитектурное решение было обусловлено пожеланиями заказчика – торгового дома «И. Я. Чурин и К°». Существует предположение, что автором проекта фабрики являлся гражданский инженер, известный на Дальнем Востоке архитектор В. А. Плансон. Его авторству в Уссурийске принадлежит и здание торгового дома «Кунст и Альберс». Кроме того, в 1906–1907 гг. архитектор тесно сотрудничал с фирмой Чурина, по его проекту во Владивостоке построены общежитие для служащих этого Торгового дома и двухэтажный таможенный пакгауз [7]. Сам же архитектор в предыдущих работах уже обращался к модерну. В частности, мотивы и элементы этого нового стиля XX в. обнаруживаются в архитектуре его собственного дома по ул. Светланской, а также в здании, предназначенном под квартиры служащих Владивостокского отделения государственного банка.

Другое необычное по своей архитектуре промышлен-

^ Рис. 23. Здание городской электростанции. Фото Николая Крадина

ное сооружение находится в районе перекрестка улиц Октябрьской и Советской. Ранее оно принадлежало городской электростанции. Двухэтажное г-образное в плане здание из неоштукатуренного кирпича построено в 1909 г. в стиле эклектики. В элементах фасадного декора сочетаются элементы «гарнизонной архитектуры» и дальневосточной псевдоготики. Отличительной особенностью постройки является оформление венчающей части здания в виде аттиковых стен, имитирующих зубцы средневековых башен (рис. 23). К сожалению, бесхозное здание не используется, что приводит к его дальнейшему разрушению.

Не менее интересным по своей архитектуре является и здание бывшего китайского театра, построенное в начале XX в. китайским купцом по фамилии Панхиоза. В тот период на Дальнем Востоке, особенно в Приморье, было довольно много китайцев. Исторические документы свидетельствуют, что на территории театра находились опиумокурильни, в которых царил полумрак, а на стенах снаружи здания красовался плакат, начертанный вязью

< Рис. 25. Китайский театр. Современное состояние

иероглифов, с надписью: «Когда опийная трубка в твоих руках, ты – владыка колесницы в облаках счастья». Это так называемое китайское «облако счастья» летало здесь вплоть до революции и Гражданской войны (рис. 24, 25).

В Уссурийске в настоящее время функционирует около 20 крупных предприятий, среди которых заводы: локомотиворемонтный, комбайновый, авторемонтный, кирпичных изделий, Уссурийск-мебель. Кроме того, немало предприятий, обеспечивающих население города продуктами питания: рыбный, пивоваренный и хлебозавод, заводы «Приморский сахар», «Уссурийский бальзам» и др.

Своеобразным локомотивом среди промышленных предприятий города является паровозовагоноремонтный завод, основанный в 1895 г. как Главные железнодорожные мастерские Уссурийской железной дороги. Спустя 35 лет завод был преобразован в паровозовагоноремонтный с названием Ворошиловский, а еще через четверть века после реконструкции предприятие переключилось на ремонт магистральных паровозов и получило новое название – Уссурийский паровозовагоноремонтный завод (рис. 26, 27). В 1974 г. предприятию присвоили

новое название – Уссурийский локомотиворемонтный завод, а еще через 15 лет на нем стали ремонтировать и тепловозы. В последнее время, кроме ремонта тепловозов, на заводе производится также выпуск комплектующих изделий (закладные болты, колесные пары, дизели, тяговые электродвигатели и генераторы и др.). Завод по праву считается одним из лучших по показателям среди предприятий России в своей отрасли.

Заключение. Разумеется, на характер архитектуры и типологию промышленных объектов Приморья сильное влияние оказали местные условия. Известно, что основным и отчасти градообразующим предприятием Владивостока являлся и является морской порт, вследствие чего большая часть промышленных построек города сосредоточена именно на северном берегу бухты Золотой Рог; промышленная же архитектура Уссурийска представлена в значительной степени сооружениями по обслуживанию железной дороги. Тем не менее здесь созданы уникальные сооружения промышленного назначения, имеющие не только хозяйственное значение, но и отражающие стилистические особенности дальневосточной архитектуры конца XIX – начала XX столетий, разнообразную типологию сооружений, а также имена многих профессиональных зодчих, работавших в этом регионе.

< Рис. 24. Уссурийск. Китайский театр

^ Рис. 26. Уссурийский ЛРЗ. Административный корпус

^ Рис. 27. Один из цехов Уссурийского ЛРЗ

Литература

1. Крадин, Н. П., Базилевич, М. Е. Архитекторы и инженеры Дальнего Востока. Творческая деятельность архитекторов и инженеров – выпускников столичных учебных заведений – в Забайкалье, Якутии, Приамурье, Приморье и Китае: монография. – 2-е изд. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2020. – 236 с.
2. Тимчук, А. Дом недели: Водонапорная башня железнодорожной станции «Владивосток» // Городской лекторий Владивостока. – URL: <http://vladivostok3000.ru/city/656-dom-nedeli-vodonapornaya-bashnya-zheleznodorozhnoj-stancii-vladivostok/> (дата обращения: 28.06.202)
3. Инспекция по охране объектов культурного наследия Приморского края // Официальный сайт Правительства Приморского края и органов исполнительной власти приморского края. – URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/offices/cultlegacy/passports%20of%20culture%20legacy/pasport-obekta-kulturnogo-naslediya-primorskogo-kraya-regionalnogo-znacheniya-zhiloy-dom-raspolozhen.php?type=original> (дата обращения: 28.06.202)
4. Холодильник крепостной казематированный // Интерактивная карта Владивостокская крепость. – URL: <http://fortvl.ru/all/obekty-infrastruktury/122-holodilnik.html> (дата обращения: 28.06.202)
5. Базилевич, М. Е., Крадин, Н. П. Творческая деятельность архитектора Владимира Карловича Гольденштедта (Ливина) во Владивостоке // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Серия «Науки о природе и технике». – 2015. – № 1 – 1 (21). – С. 106–110
6. Крадин, Н. П. Владивостокский архитектор Владимир Антонович Плансон (1871–1950 г.) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С. Н. Баландина. 15–18 апреля 2014. – Новосибирск: Новосиб. Гос.-худ. Акад., 2014. – Т. IX. – Ч. 1. – С. 90–94
7. Как электрическое освещение пришло на Дальний Восток. – URL: <https://news.ykt.ru/article/59311> (дата обращения: 28.06.202)
8. Франккен, Ив, Хисамутдинов, А. А. Владимир Плансон: от Владивостока до Сан-Франциско. – Владивосток: Издательство «Рубеж», 2014. – 160 с.

References

Bazilevich, M. E., & Kradin, N. P. (2015). *Tvorcheskaya deyatelnost arkhitekora Vladimira Karlovicha Goldshteina (Livina) vo Vladivostoke*

[Creative activity of architect Vladimir Karlovich Golstein (Livin) in Vladivostok]. *Uchenye zapiski Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya "Nauki o prirode i tekhnike"*, I-1(21), 106-110.

Fortress casemate refrigerator (n.d.). Interactive map Vladivostok fortress. Retrieved from <http://fortvl.ru/all/obekty-infrastruktury/122-holodilnik.html>

Frankyen, Iv, Khisamutdinov, A. A. (2014). *Vladimir Planson: ot Vladivostoka do San-Frantsisko [Vladimir Planson: from Vladivostok to San Francisco]*. Vladivostok: Izdatelstvo "Rubezh".

Inspektsiya po okhrane obyektov kulturnogo naslediya Primorskogo kraja [Inspection for protection of the cultural heritage sites of Primorsky Krai] (n.d.). *Ofitsialnyi sait Pravitelstva Primorskogo kraja i organov ispolnitelnoi vlasti primorskogo kraja*. Retrieved from <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/offices/cultlegacy/passports%20of%20culture%20legacy/pasport-obekta-kulturnogo-naslediya-primorskogo-kraya-regionalnogo-znacheniya-zhiloy-dom-raspolozhen.php?type=original>

Kak elektricheskoe osveshchenie prishlo na Dalnii Vostok [How electric lighting came to the Far East] (2017, July 9). Retrieved from <https://news.ykt.ru/article/59311>

Kradin, N. P. (2014, April 15-18). *Vladivostokskii arkhitektor Vladimir Antonovich Planson (1871–1950 r.) [Vladivostok architect Vladimir Antonovich Planson (1871-1950)]*. In *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S. N. Balandina (Vol. IX, part 1, pp.90-94)*. Novosibirsk: Novosib. Gos.-khud. Akad.

Kradin, N. P., & Bazilevich, M. E. (2020). *Arkhitekory i inzhenery Dalnego Vostoka. Tvorcheskaya deyatelnost arkhitekotorov i inzhenerov – vypusnikov stolichnykh uchebnykh zavedenii – v Zabaikalie, Yakutii, Priamurye, Primorye i Kitae: monografiya [Architects and engineers of the Far East. Creative activities of architects and engineers – graduates of capital educational institutions in Zabaikalye, Yakutia, Priamurye, Primorye and China: monograph] (2nd ed.)*. Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya.

Timchuk, A. (2014, January 18). *Dom nedeli: Vodonapornaya bashnya zheleznodorozhnoi stantsii [The house of the week: A water tower of the railway station "Vladivostok"]*. *Gorodskoi lektorii Vladivostoka*. Retrieved from <http://vladivostok3000.ru/city/656-dom-nedeli-vodonapornaya-bashnya-zheleznodorozhnoj-stancii-vladivostok/>

Рассмотрен вопрос о необходимости развития принципиально новой концепции промышленной архитектуры – «интеллектуальная фабрика». Перечислены факторы, влияющие на архитектурные решения современных предприятий. Сформулированы и раскрыты принципы формирования архитектуры «интеллектуальных фабрик». Даны примеры производственных объектов, удовлетворяющие обозначенным принципам. Сделан вывод о положительном влиянии этих принципов на архитектуру высокотехнологичных промышленных объектов.

Ключевые слова: интеллектуальная фабрика, современная промышленная архитектура, устойчивая архитектура, гуманизация производственной среды, функциональная диверсификация.

The article considers the need to develop a fundamentally new concept of industrial architecture – "smart factory". The factors that influence the architectural solutions of contemporary enterprises are listed. The principles of forming the architecture of "smart factories" are formulated and unveiled. Examples of production facilities that meet these principles are given. The conclusion about the positive impact of these principles on the architecture of high-tech industrial facilities is made.

Keywords: smart factory; contemporary industrial architecture; sustainable architecture; humanization of the production environment; functional diversification.

Архитектура «интеллектуальных фабрик» / The architecture of "smart factories"

текст
Алёна Дмитриева /
text
Alena Dmitrieva

Введение

Глобальные климатические, экономические и социальные изменения, происходящие в современном мире, тенденции и прогнозы развития высокотехнологичных отраслей производства вызывают потребность в качественно новой промышленной архитектуре и производственной среде.

В настоящее время наиболее передовой и перспективной стратегией организации производства является концепция «интеллектуальной фабрики» (smart factory, factory of the future) [1, p. 7]. «Интеллектуальная фабрика» (далее ИФ) – это цифровизированный гибкий и эффективный производственный объект, выпускающий высокотехнологичную продукцию. Функциональная и производственная организация и эксплуатация такого предприятия основываются на технологиях Четвертой промышленной революции. С архитектурной точки зрения ИФ (как и любое другое «интеллектуальное здание») включает в себя не только продуманные архитектурные и конструктивные решения, системы управления жизненными циклами здания, трансляции и визуализации информационных потоков, но и решения, отвечающие за безопасность, энерго- и ресурсоэффективность, гибкость, эргономику и комфорт [2]. Несмотря на то, что уже сегодня существуют производственные, экономические и бизнес модели ИФ, архитектурно-композиционные концепции их реализации отсутствуют. Однако, в результате исследования автором было установлено, что архитектура всех ИФ базируется на общих принципах.

Теория

Выявлен ряд факторов, под влиянием которых возникает необходимость в формировании новой архитектуры промышленных предприятий. К ним относятся:

1. Неоиндустриализация – возвращение национальных предприятий из развивающихся стран – становится устойчивой тенденцией наших дней. Роль центров новой индустриализации берут на себя крупные города, в которых наблюдается рост числа предприятий, внедряющих прогрессивные технологические операции. А для успешного и эффективного функционирования этих промышленных предприятий должны быть найдены новые пути их взаимодействия с окружающей городской средой [3].

2. Четвертая промышленная революция и передовые технологии, такие как автономная роботизация, аддитивное производство, киберфизические системы, Интернет вещей и дополненная реальность ведут к стремительному и радикальному изменению процессов производства [4]. Использование этих технологий открывает новые возможности для архитектуры производственных объектов.

3. Разработка и реализация программ по созданию высокотехнологичного производства будущего были начаты во многих странах мира. Например, программа «Industrie 4.0» в Германии, «Advanced Manufacturing Partnership» – в США и план «Made in China 2025» в Китае. В России в 2014 году также была создана программа «Национальная технологическая инициатива», объединяющая сферы науки и бизнеса и определяющая перспективные направления внедрения высоких технологий [5]. Несмотря на имеющиеся различия этих программ в разных странах, все они подразумевают проектирование и строительство качественно новых промпредприятий.

4. Становление современного цифрового общества (общество 5.0), стремительная автоматизация и цифровизация не только новейшей промышленности, но и всех сфер повседневной жизни населения всего мира формируют новое представление о высокотехнологичной продукции, о ее разработке, производстве, обслуживании, эксплуатации и утилизации. Повсеместная кастомизация производства побуждает производителей уделять особое внимание привлечению новых клиентов, работе с заказчиками, сервисному пост-обслуживанию. Эти тенденции, в свою очередь, оказывают влияние на функционально-планировочные решения современных промышленных объектов.

5. Рост потребления электроэнергии высокотехнологичными производствами, конечность запасов нефти и газа как традиционных энергоносителей, глобальное обострение экологической обстановки вынуждают производственные предприятия обращаться к концепции устойчивого развития и активно внедрять элементы «зеленой архитектуры». Применение технологий Индустрии 4.0 делает производства более экологически безопасными, а интеграция энергоэффективных и энергосберегающих решений в архитектуру производственных объектов значительно уменьшает их негативное воздействие

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-9001 / The reported study was funded by RFBR, project № 19-312-9001

на окружающую среду, способствует более выгодной с экономической точки зрения эксплуатации и гармоничному сосуществованию этих объектов с окружающей средой.

б. Увеличивается потребность современных высокотехнологичных предприятий в квалифицированных сотрудниках. Растет значимость социальных аспектов рабочей среды. Мировые тенденции по либерализации и демократизации трудовых отношений ведут к сближению условий труда «белых и синих воротничков». Все эти аспекты требуют формирования новой качественной и комфортной производственной среды, эстетически привлекательного визуального образа промышленной архитектуры.

Чтобы установить, как на практике эти причины влияют на формирование архитектуры современных высокотехнологичных предприятий, автором было отобрано несколько десятков объектов: предприятия точного машиностроения и приборостроения, сборочные фабрики, объекты по производству электрооборудования, а также ряд высокотехнологичных предприятий по выпуску другой продукции, находящиеся в городской среде. Были изучены объекты в России, странах Европы, Америки и Азии, построенные в период с начала XXI века по настоящее время. Комплексный многофакторный анализ этих объектов проводился по следующим позициям: специфика функционального зонирования, архитектурно-композиционные и объемно-планировочные решения, строительные параметры и конструктивные решения, соответствие концепции устойчивого развития и особенности формирования производственной среды.

В результате анализа была определена тенденция к уменьшению общей площади предприятий. Все изученные объекты отличаются лаконичностью и компактностью объемно-композиционных решений. Кроме того, отмечено, что различные приемы устойчивой архитектуры воплощены в большей части рассмотренных объектов. Были выявлены различия в основных строительных параметрах и функциональных программах. Последнее обусловлено увеличением числа основных направлений деятельности предприятий с целью повышения их эффективности и рентабельности.

Проведенный анализ позволил выявить те тенденции и направления проектирования архитектурно-композиционной структуры и функционально-пространственной организации современных высокотехнологичных производственных зданий, на основе которых автором сформулированы пять основных принципов формирования архитектуры ИФ.

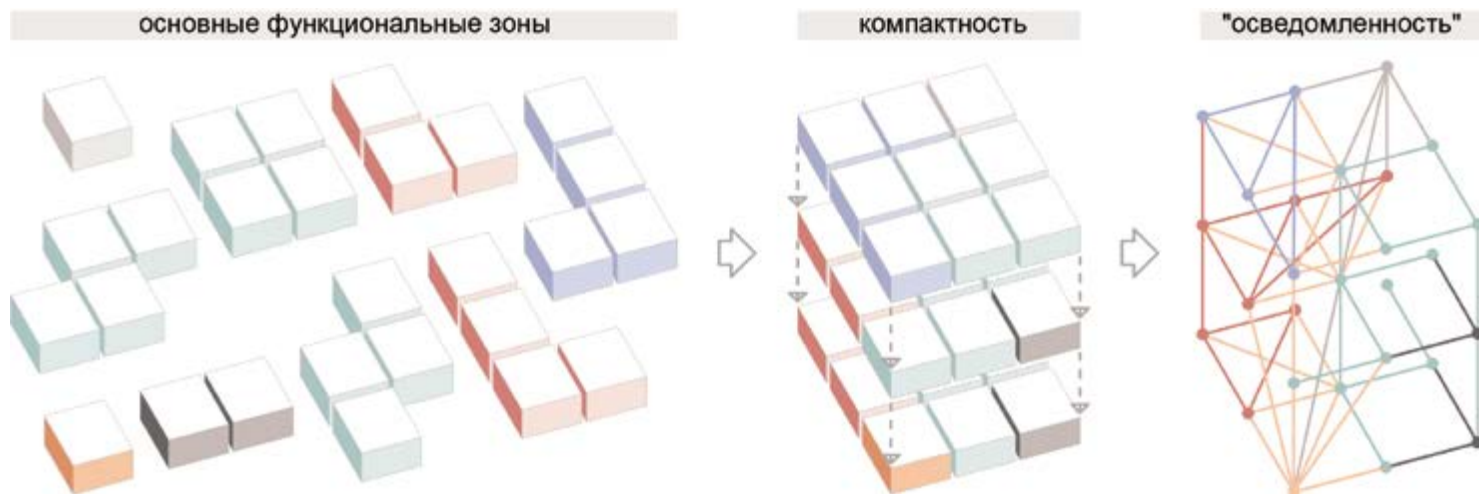
Функциональная диверсификация

Интеграция офисных, научно-исследовательских и социально-рекреационных функций в структуру производственных предприятий является широко распространенным явлением. Но специфика современного общества потребления и тенденция к персонализации продукции размывают границы между сферами производства и предоставления услуг, поэтому в функциональную структуру ИФ органично включаются различные сервисные составляющие, например, представительские и демонстрационные функции, отделы продаж и обслуживания. Постоянное ускорение научно-технического прогресса приводит к регулярной модернизации оборудования и изменениям технологий производства. В связи с этим сотрудники предприятий должны непрерывно получать новые знания, совершенствовать свою квалификацию и даже осваивать новые профессии. Это явление получило название «обучение длиною в жизнь» (lifelong learning) [6], для осуществления которого в производственные объекты внедряются функции тренинга и обучения. Рост энергопотребления актуализирует вопросы энергетической безопасности и бесперебойного снабжения производства электричеством. Для обеспечения этого требования новые помещения, в которых размещаются силовые установки, интегрируются непосредственно в структуру производственных зданий.

Таким образом, на ИФ расширяется номенклатура видов деятельности и появляются новые функции, не свойственные традиционным промышленным объектам. В контексте данного исследования это явление получило название функциональной диверсификации.

Реализация этого принципа осуществляется как переход от монофункциональности к полифункциональности, от доминирования производственной функции к паритетному размещению нескольких функционально-техно-

^ Рис. 1. Уровни функциональной диверсификации ИФ

^ Рис. 2. Формирование оптимальной компактности ИФ

логических зон в структуре одного производственного здания. Было выделено три возможных уровня функциональной диверсификации ИФ: низкий, средний и высокий (рис. 1). Низкий уровень функциональной диверсификации предполагает, что зона производства занимает доминирующее положение в структуре объекта, в то время как остальные функции представлены в минимальном объеме, достаточном для нормальной работы. Средний уровень предполагает, помимо производства, еще одно направление деятельности ИФ в качестве основного, а оставшиеся функциональные зоны оказываются подчиненными по отношению к ним. Высокий уровень подразумевает равноправное сосуществование трех и более функций в одном производственном объекте, а также более широкий набор второстепенных и дополнительных площадей.

Наиболее эффективными для функционирования высокотехнологичных предприятий являются средний и высокий уровни функциональной диверсификации; они же обладают более сложной объемно-планировочной структурой.

Многофакторная гибкость-адаптивность

В условиях стремительного развития технологий жизненно важное значение приобретают гибкость и адаптивность внутреннего пространства ИФ для новых производственных нужд, технологий, промышленного оборудования и инженерных систем [7, с. 15–16; 8, с. 264–264]. Гибкость – это возможность вариативного использования помещений для размещения различных функций и оборудования, а также возможность быстрой и малозатратной перепланировки без внесения капитальных изменений в структуру производственного объекта. Принцип многофакторной гибкости выходит за границы производственной зоны и предполагает возможность трансформации организационной, социальной и даже эстетической составляющих. С позиций многофакторной гибкости процесс строительства понимается уже не как однонаправленное действие по возведению неизменяемого объекта, а как одна из стадий жизненного цикла здания, допускающего возможность его частичной трансформации и демонтажа в процессе эксплуатации

или даже полной деконструкции по истечению срока службы.

Для реализации принципа адаптивности используется совокупность традиционных и новых приемов формирования архитектуры ИФ. В целом, традиционные приемы состоят в выборе наиболее рациональных конфигураций помещений, габаритов несущих конструкций, мест и способов трассировки инженерных сетей. Новые способы обеспечения гибкости заключаются в следующих решениях:

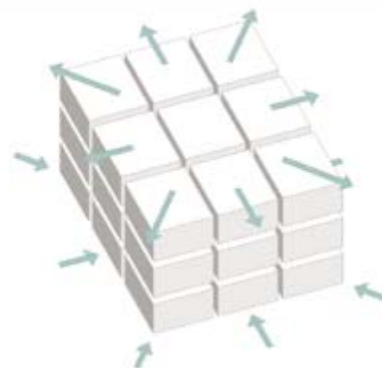
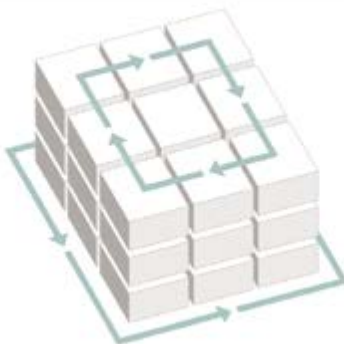
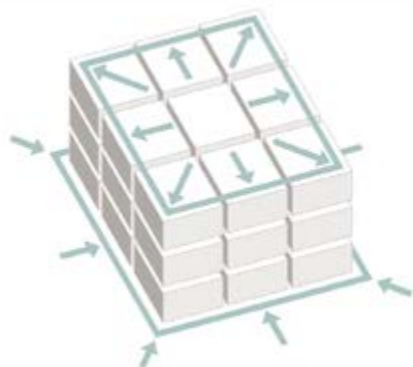
- освоение всего пространства этажа (в том числе и высоты) и увеличение этажности объекта;
- замена ряда стационарных компонентов сборно-разборными структурами;
- межсистемная модульность – согласованность размеров и габаритов, частей и целого за пределами одной подсистемы (производственно-технологической и конструктивной);
- унификация элементов инженерного обеспечения;
- организация эффективного и равномерного естественного освещения внутреннего пространства.

Применение многофакторной гибкости позволяет быстрее и эффективнее адаптироваться ко всем внутренним (функционально-технологическим) и внешним (социально-экономическим) изменениям и увеличить период комфортного и рентабельного функционирования производственного здания. А экономические затраты на обеспечение многофакторной гибкости полностью покрываются снижением расходов на адаптацию объекта в процессе эксплуатации.

Оптимальная компактность

Соблюдение принципа компактности вызвано необходимостью размещения высокотехнологичных производственных предприятий преимущественно в городах и городских агломерациях в условиях сложившейся застройки. С одной стороны, «городская» локация обеспечивает ряд преимуществ: близость к потребителям, источникам инноваций и высококвалифицированным трудовыми ресурсам. С другой – отсутствие свободных участков достаточной площади и необходимой конфигурации побуждает к поиску компактных объемно-плани-

ровочных решений. Принцип оптимальной компактности согласуется с общей тенденцией к уменьшению площадей новейших производственных предприятий. Компактная организация внутреннего пространства способствует созданию «осведомленности»¹, увеличению числа функциональных связей, коммуникаций и росту межличностного общения [9, pp. 94–96, 114]. Компактность обеспечивает построение кратчайших технологических цепочек, сокращает протяженность инженерных сетей (рис. 2).

Кроме того, оптимальная компактность является одним из основных аспектов формирования устойчивой архитектуры. С позиций «устойчивости» компактность объемно-планировочных решений вызвана возможностью энергосбережения за счет минимизации теплообмена с окружающей средой через ограждающие конструкции, путем сокращения поверхности «оболочки» при сохранении требуемых площади и внутреннего объема здания.

Энергоэффективность и экологическая ответственность

В связи с постоянным ухудшением экологической обстановки во всем мире принцип энергоэффективности и экологической ответственности становится обязательным для всех типов современных архитектурных объектов. Более десяти лет назад Международным союзом архитекторов была разработана и принята программа «устойчивой архитектуры» – концепция развития архитектуры в рамках стратегии устойчивого развития [10]. А сегодня активно развиваются и совершенствуются различные системы рейтинговой оценки и сертификации зданий с позиций «устойчивости» (DGNB в Германии, LEED в США, BREEAM в Великобритании и Зеленые Стандарты в России). Если еще в начале XXI века существовали только единичные примеры «устойчивых» производственных объектов, то сейчас в мире насчитываются уже тысячи сертифицированных предприятий [11, p. 50].

Энергоэффективность и экологическая ответственность заключаются в гармоничном сосуществовании архитектурных объектов и живой природы, эффективном расходовании ресурсов, сохранении окружающей среды для будущих поколений и удовлетворении социально-экологических потребностей человека на протяжении

всего времени существования архитектурного объекта. Этот принцип включает в себя три аспекта реализации (рис. 3):

- превентивная составляющая представляет собой совокупность мер по предотвращению негативного воздействия на окружающую среду в результате эксплуатации ИФ, а также неблагоприятного влияния внешнего климата на внутреннюю среду объекта;
- компенсационный аспект включает в себя действия по восполнению энергетических затрат, потерь природных и других ресурсов в ходе строительства, эксплуатации и возможной последующей трансформации или деконструкции объекта;
- стимулирующая компонента состоит в реализации архитектурных и инженерно-технических решений, создающих положительное влияние объекта на окружающую среду и природное разнообразие, на энерго- и ресурсосбережение на ИФ.

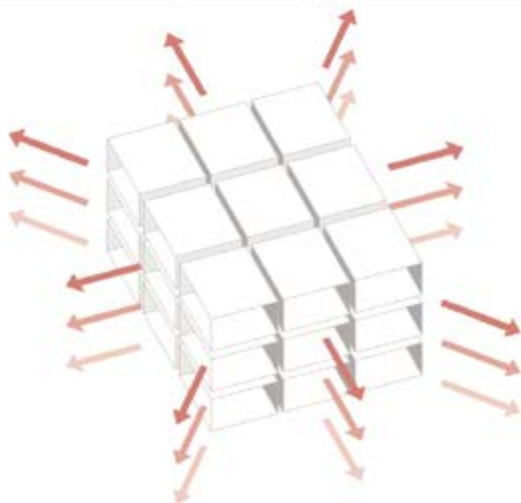
Энергоэффективность и экологическая ответственность – это важнейший принцип, соответствовать которому должны архитектурные сооружения любых функциональных типов. Но наиболее актуален этот принцип при проектировании, строительстве и эксплуатации именно производственных зданий, так как именно промышленные объекты потребляют наибольшее количество энергии и других ресурсов, одновременно являясь источником разного рода негативных воздействий на окружающую среду.

Социальная экстраверсия

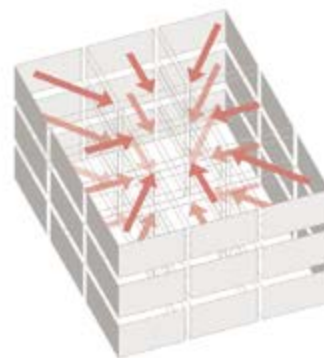
В условиях непрерывных трансформаций производства (автоматизация, усложнение и диджитализация производственных процессов) и социальных изменений (демократизация, толерантность и индивидуализация) растет значимость интеллектуальных способностей отдельной личности и человеческого капитала в целом. Социально-гуманистические, этические и эстетические аспекты формирования архитектурной среды промышленных предприятий приобретают особое значение. Таким образом формируется принцип социальной экстраверсии, который состоит в создании позитивного психологического и физиологического влияния ар-

¹ Рис. 3. Три аспекта принципа энергоэффективности и экологической ответственности ИФ

внешняя социальная дружелюбность

внутренняя социальная дружелюбность

> Рис. 4. Два направления социальной экстраверсии ИФ

хитектурного объекта ИФ на человека – сотрудника, посетителя или стороннего наблюдателя; в гуманизации и демократизации производственной среды и формировании высокой коммуникативности («осведомленности») пространства [12, с. 12].

Автором выделено два направления реализации этого принципа: внешний и внутренний (рис. 4). Внутренняя социальная экстраверсия отвечает за создание максимально комфортной, эргономичной и безопасной внутренней среды для организации плодотворной работы всех сотрудников предприятия вне зависимости от должности и характера труда. Так как продолжительная высокая производительность труда невозможна без отдыха и разных видов межличностных коммуникаций, при реализации внутренней социальной экстраверсии особое внимание должно быть уделено проектированию различных типов рекреационных и коммуникационных пространств [13, р. 34–40].

Внешняя социальная экстраверсия предполагает визуальную и физическую «открытость» объекта и его территории, обращение вовне и взаимодействие с окружающими его элементами, дружелюбность в отношении «соседей» и сторонних наблюдателей. Реализация этой составляющей осуществляется за счет благоустройства территории, повышения экологической безопасности и эстетической выразительности архитектуры.

В результате соблюдения принципа социальной экстраверсии на ИФ [14, р. 46]:

- повышается производительность труда, формируются мотивация сотрудников;
- кадровый состав пополняется квалифицированными рабочими, востребованными на современном высокотехнологическом производстве;
- повышается конкурентоспособность предприятий в борьбе за рынки сбыта, клиентов и партнеров;
- формируется позитивный имидж современного промышленного предприятия;
- создается уникальный архитектурный образ, отличающий ИФ от объектов других функциональных типов.

Рассмотренные выше принципы формирования архитектуры ИФ взаимосвязаны и гармонично дополняют друг друга. А их комплексное соблюдение синтезирует

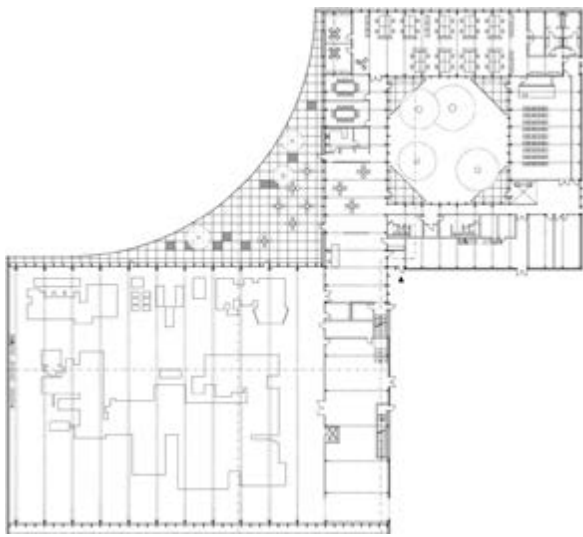
синергетический эффект – взаимное усиление положительного влияния отдельных аспектов при взаимодействии в системе.

Практика

Архитектура ИФ – это промышленная архитектура ближайшего будущего. Сегодня в мировой архитектурной практике существует не так много примеров высокотехнологичных производственных предприятий, которые включают в себя все или большую часть из синтезированных выше принципов. В целом, хотя и с определенной степенью условности, такие объекты можно отнести к ИФ.

Новая «умная фабрика» производителя лазерных станков «TRUMPF» (арх. бюро **Barkow & Leibinger Architects, США, 2017**) совмещает в себе функции производственного предприятия и выставочного павильона, а также административно-офисные и ряд сопутствующих функций. Здесь функциональность и экономичность сочетаются с высоким качеством архитектурных решений и эстетической выразительностью. Предприятие, оснащенное автоматизированным, подключенным к промышленному Интернету оборудованием, на практике демонстрирует достижения Индустрии 4.0. Вся технологическая цепочка – от заказа металлической заготовки и ее разработки до производства и доставки – осуществляется и экспонируется как целостный интеллектуальный процесс.

Производственное здание является архитектурным аттрактором на фоне окружающей промышленной застройки. «Умная фабрика» состоит из двух почти квадратных в плане объемов: производственно-демонстрационного зала на юге, офисов, кафетерия, конференц-зала и подсобных помещений на севере (рис. 5, б). Эти два объема соединяются по диагонали, создавая незамкнутые дворики с обеих сторон. Общая скатная кровля (высота здания составляет от 4,5 до 13 м) наклонена вглубь участка к водоему, аккумулирующему осадки и поверхностные стоки с прилегающей территории. Южный, полностью остекленный фасад производственно-выставочного объема позволяет увидеть технологическое оборудование, находящееся внутри. Производственно-демонстрационный зал перекрыт одиннадцатью металлическими ферма-

^ Рис. 6. «Умная фабрика» «TRUMPF». План 1 этажа.
Фото с сайта <https://www.archdaily.com>

^ Рис. 7. «Умная фабрика» «TRUMPF». Интерьер производственного зала.
Фото с сайта <https://www.archdaily.com>

ми с длиной пролета около 45 метров. В уровне нижнего пояса ферм расположен смотровой галерея-мост, пройдя по которому посетители могут более подробно познакомиться со всеми производственными процессами и оборудованием, расположенным в зале.

Во внешней отделке элегантно сочетаются облицовка из патинированных панелей кортеновской стали и фрагменты сплошного остекления. В интерьерах использованы металлические конструкции, окрашенные в черный цвет, бетонные наливные полы, отделка стен широкоформатными металлическими и деревянными панелями. Контрастные строительные материалы и высокое качество обработки поверхностей создают комфортное и функциональное пространство для логичной и гармоничной взаимной интеграции производства и выставки (рис. 7).

Инновационная продукция требует инновационных стратегий производства, а «инновационная фабрика» по производству мехатронных систем «WITTENSTEIN» (арх. бюро Henn Architects, Германия, 2014) является отличной иллюстрацией этого высказывания (рис. 8). Отделы разработок, продажи, маркетинга и производственные функции сосредоточены под одной крышей настолько компактно, что полный цикл создания новой продукции – от первоначальной идеи до серийного производства – происходит в пределах 30-метрового радиуса. Благодаря этому плодотворному сближению различных функциональных зон прогнозируется сокращение сроков выполнения проектов на 30%.

Габариты несущих конструкций и открытая структура пространства позволяют размещать в производственных помещениях изменяемые технологические процессы (рис. 9). Многочисленные открытые пространства, меблированные для отдыха, и небольшие конференц-залы положительно влияют на интенсивность и продуктивность делового и неформального общения. С внутренних галерей многоуровневого коммуникационного пространства открываются панорамные виды на интерьеры объекта: просторные, светлые помещения, в которых созданы оптимальные условия для инновационных, производственных процессов. Максимальное естественное освещение, полное кондиционирование и увеличенный воздухообмен способствуют формированию комфортной

^ Рис. 5. «Умная фабрика» «TRUMPF». Общий вид.
Фото с сайта <https://www.archdaily.com>

рабочей среды. Большое значение придается созданию «вдохновляющей атмосферы» – все рабочие места, предназначенные и для персонала, занятого на производстве, и для работающего в офисе, спроектированы одинаково качественно. Просторные и открытые помещения, светопрозрачные перегородки и мобильные офисные компоненты гарантируют эффективное взаимодействие между сотрудниками и максимальную гибкость пространства.

Основной целью компании «WITTENSTEIN» было создание эффективной «умной фабрики», полностью соответствующей концепции устойчивого развития. Тройное остекление, собственная когенерационная теплостанция и система из фотоэлектрических панелей на крыше являются лишь небольшой частью целостной экологической и экономической концепции. Экологически безопасные и сертифицированные строительные материалы, отказ от использования монтажной пены – вот только несколько примеров «устойчивых» архитектурных решений. Значительные инвестиции в ресурсосберегающие и энергоэффективные мероприятия окупились благодаря сокращению эксплуатационных расходов вдвое.

Новая «умная фабрика» «Future Stitch» (арх. бюро AZL Architects, Китай, 2018) может выпускать весь широкий ассортимент кастомизированных изделий американской компании «Stance». Помимо самого производства в здании размещаются дистрибьюторский центр, офисные и лабораторные помещения. Несмотря на полное соответствие объемно-планировочных решений требованиям производственного процесса и цепочкам

> Рис. 8. «Инновационная фабрика» «WITTENSTEIN». Общий вид. Фото с сайта <http://www.henn.com/en#design>

> Рис. 9. «Инновационная фабрика» «WITTENSTEIN». Интерьер производственного помещения. Фото с сайта <http://www.henn.com/en#design>

поставок, в структуре здания нашлось место и для расширенных социальных функций. В центре объекта спроектировано многосветное циркуляционное пространство, доступное для всех служащих и посетителей фабрики, которое одновременно играет роль художественной галереи. На стенах экспонируются яркие постеры, картины и фотографии всех сотрудников предприятия (рис. 10). Во внутреннем дворе на эксплуатируемой кровле, помимо озелененных рекреационных зон, расположена полноценная баскетбольная площадка.

Прогнозируя будущее стремительное развитие и расширение производства, организованы максимально гибкие пространства цехов – цельные открытые помещения без перегородок с квадратной сеткой колонн 10 × 10 м. С этой же целью эвакуационные лестницы и коридоры вынесены за пределы основного объема здания. Выкрашенные в ярко-красный цвет, они напоминают извилистые горные тропы на лаконичных серых фасадах фабрики (рис. 11, 12).

Расширенная функциональная программа и большая площадь объекта (26,8 тыс. кв. м) потребовали особого внимания к сценариям перемещения внутри здания. Через главный вход, расположенный по центру восточного фасада, посетители и офисные сотрудники попадают в атриум – художественную галерею, минуя зоны исследований и разработок с особым режимом конфиденциальности. Рабочие, занятые на производстве, могут воспользоваться дополнительным входом с южного

фасада, откуда организован кратчайший доступ к санитарно-бытовым помещениям и производственным зонам. При этом все желающие (сотрудники и посетители) имеют доступ на эксплуатируемую кровлю для отдыха и общения во время перерыва или в конце рабочего дня.

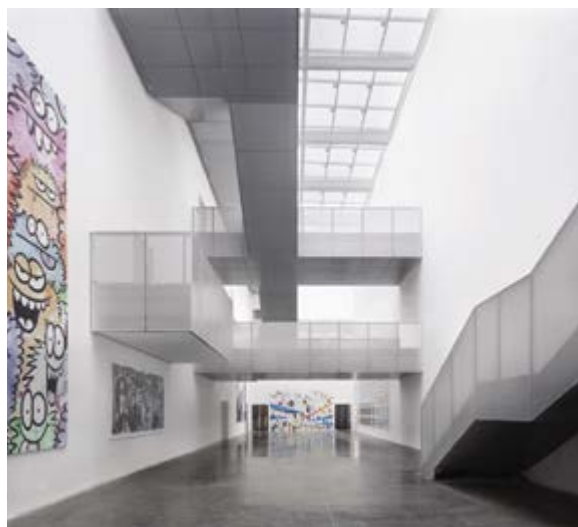
Заключение

Архитектура промышленных предприятий должна рассматриваться как одна из важнейших составляющих производственного процесса. Вслед за знаменитым промышленным архитектором XX века Альбертом Каном можно сказать, что «форма следует за производительностью» (*form follows performance*), способствуя высокой продуктивности производства, сокращению эксплуатационных расходов, созданию гуманной среды, формированию корпоративной идентичности и эстетизации внешнего вида предприятия. Обозначенные в статье принципы архитектурной организации новейших производственных зданий наиболее полно отражают специфику технологического прогресса, современных и будущих форм организации производства, а также общие тенденции развития цифрового общества и глобальные экологические изменения. Эти принципы в достаточной степени универсальны и, помимо высокотехнологичных производств и ИФ, применимы к широкому спектру типов производственных зданий и сооружений. Рациональные архитектурные решения новейших производственных объектов, основанные на вышеизложенных принципах, будут способствовать формированию эффективных и глобально конкурентоспособных предприятий, станут основой их продолжительного существования и развития.

Литература

- Burke R., Mussomeli, A., Laaper, St., Hartigan, M., Sniderman, Br. The smart factory: Responsive, adaptive, connected manufacturing. – New York: Deloitte University Press, [2017]. – 24 p. – URL: <https://docplayer.net/56014630-The-smart-factory-responsive-adaptive-connected-manufacturing.html> (дата обращения: 06.05.2020)
- Волков, А. А. Интеллект зданий: формула // Промышленное и гражданское строительство. – 2012. – № 3. – С. 54–57
- Hatuka, T., Ben-Joseph, E., Peterson, S. M. Facing Forward: Trends and Challenges in the Development of Industry in Cities // Built Environment. – 2016. – № 1 (43). – P. 145–155

в Рис. 12. «Умная фабрика» «Future Stitch». План по уровню антресолей 1 этажа. Фото с сайта <https://www.archdaily.com>

< Рис. 10. «Умная фабрика» «Future Stitch». Интерьер атриума. Фото с сайта <https://www.archdaily.com>

в Рис. 11. «Умная фабрика» «Future Stitch». Общий вид. Фото с сайта <https://www.archdaily.com>

4. Шваб, К. Четвертая промышленная революция – Москва: Эксмо, 2016. – 138 с.
5. Фабрики будущего. – URL: <https://technet-nti.ru/article/fabriki-budushchego> (дата обращения: 06.05.2020)
6. Моченов, А., Федулова, В. Будущее рынка труда: после 2020-го. – URL: <https://www.if24.ru/totalnyj-diktant-kak-vsemirnoe-obrazovatelnoe-sobytie-pr-proekta/> (дата обращения: 06.05.2020)
7. Газарьян, Р. К. Принципы формирования адаптивной архитектуры научно-исследовательских информационных центров: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры. – Москва, 2013. – 29 с.
8. Морозова, Е. Б. Архитектура промышленных объектов: прошлое, настоящее и будущее. – Минск: УП «Технопринт», 2003. – 316 с.
9. Allen, TH. J., Henn, G. W. The Organization and Architecture of Innovation: Managing the Flow of Technology – Oxford (UK): Butterworth – Heinemann, 2006. – 136 p.
10. Кокс, Л. Копенгагенская декларация 7 декабря 2009 года // Проект Байкал. – 2011. – №27. – С. 42–43. – URL: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/issue/view/27/70> (дата обращения: 06.05.2020)
11. Caterino, J. Green Industrial // Architect. – 2011. – № 1. – P. 50–58
12. Ковалев, В. А. Проблемы промышленной архитектуры: гуманистический аспект. – Москва: О-во «Знание» РСФСР, 1989. – 40 с.
13. Wagner, J., Watch, D. Innovation Spaces: The New Design of Work. – Washington: The Brookings Institution, 2017. – 64 p. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/cs_20170404_innovation_spaces_pdf.pdf (дата обращения: 06.05.2020)
14. Corporate architecture. – Innsbruck: ATP architects and engineers, 2007. – 76 p.

References

- Allen, TH. J., & Henn, G. W. (2006). The Organization and Architecture of Innovation: Managing the Flow of Technology. Oxford (UK): Butterworth – Heinemann.
- Burke R., Mussomeli, A., Laaper, St., Hartigan, M., & Sniderman, Br. (2017). The smart factory: Responsive, adaptive, connected manufacturing. New York: Deloitte University Press. Retrieved May 06, 2020 from <https://docplayer.net/56014630-The-smart-factory-responsive-adaptive-connected-manufacturing.html>
- Caterino, J. (2011). Green Industrial. Architect, 1, 50–58.
- Corporate architecture (2007). Innsbruck: ATP architects and engineers.
- Cox, L. (2011). Copenhagen Declaration as of December 7, 2009. Project Baikal, 8(27), 42-43. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.27.356>

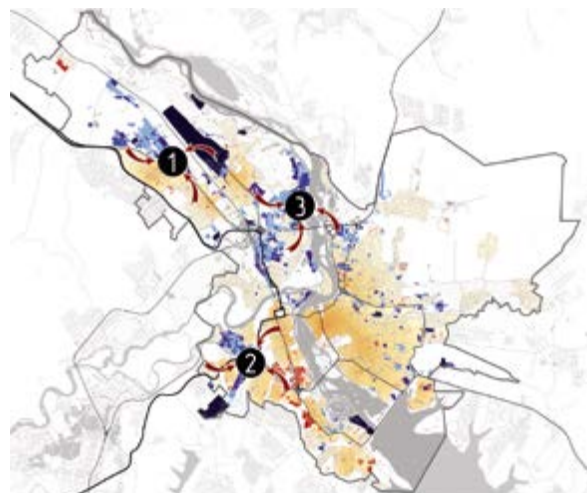
- Fabriki budushchego [Factories of the future]. (n.d.). Retrieved May 06, 2020 from <https://technet-nti.ru/article/fabriki-budushchego>
- Газарьян, Р. К. (2013). Principy formirovaniya adaptivnoy arhitektury nauchno-issledovatel'skih informacionnyh centrov: avtoref. dis. kand [Principles of forming adaptive architecture of research information centers: cand. dis. thesis]. Moscow.
- Hatuka, T., Ben-Joseph, E., & Peterson, S. M. (2016). Facing Forward: Trends and Challenges in the Development of Industry in Cities. Built Environment, 1(43), 145-155.
- Kovalev, V. A. (1989). Problemy promyshlennoj arhitektury: humanisticheskij aspekt [Problems of industrial architecture: humanistic aspect]. Moscow: Obshchestvo "Znanie" RSFSR.
- Mochenov, A., & Fedulova, V. (2018, February 27). Budushchee rynka truda: posle 2020-go [The Future of the labor market: after 2020]. Retrieved May 06, 2020 from <https://www.if24.ru/totalnyj-diktant-kak-vsemirnoe-obrazovatelnoe-sobytie-pr-proekta/>
- Morozova, E. B. (2003). Arhitektura promyshlennyh ob'ektov: proshloe, nastoyashchee i budushchee [Architecture of industrial facilities: past, present and future]. Minsk: UP «Tekhnoprint».
- Shvab, K. (2016). Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya [Fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo.
- Volkov, A. A. (2012). Intellekt zdaniy: formula [The intelligence of buildings: formulation]. Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo, 3, 54-57.
- Wagner, J., & Watch, D. (2017). Innovation Spaces: The New Design of Work. Washington: The Brookings Institution. Retrieved May 06, 2020 from https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/cs_20170404_innovation_spaces_pdf.pdf

Анализируются возможности реконструкции заброшенных промышленных территорий в Иркутске для организации научного, образовательного и культурного кластера, соответствующего современным градостроительным требованиям. Рассматриваются его функции, архитектурные принципы переустройства пространства, возможности создания условий для экономического роста и закрепления населения на территории Иркутской области. **Ключевые слова:** реорганизация промышленных территорий; инновационный кластер; Ново-Ленино; научно-исследовательская и образовательная деятельность; человеческий потенциал. /

The article analyses the possibilities for reconstruction of deserted industrial areas in Irkutsk and arrangement of a scientific, educational and cultural cluster that would meet current town-planning requirements. The article reviews the functions of the cluster, architectural principles of spatial rearrangement and possible conditions for economic growth and settlement of people on the territory of the Irkutsk region.

Keywords: reorganization of industrial areas; innovative cluster; Novo-Lenino; research and educational activity; human potential.

Инновационный кластер на промышленных территориях Иркутска / An innovative cluster in industrial areas of Irkutsk

текст
Софья Шутова
Цыредарь Дагданова /
text
Sofia Shutova
Tsyredar Dagdanova

Развитие техники и технологий в постиндустриальную эпоху, рост и расширение городов, вытеснение промышленных предприятий с городских территорий, использование и сохранение зданий бывших цехов повлекли реорганизацию и перепрофилирование некоторых промышленных территорий, что наблюдается и в Иркутске.

Основной задачей работы является исследование ряда заброшенных промышленных территорий в Иркутске с целью выработки рекомендаций для реконструкции или трансформации, приспособления этих территорий в период перехода от индустриальной эпохи к наукоемким экологичным производствам. Задачи второй части – формулировка предложений по улучшению экологического и эстетического состояния городских территорий, увеличению социальной и архитектурной значимости среды, созданию условий для устойчивого развития города.

В качестве «мотора» перспективного развития предлагается организация инновационного кластера на заброшенной промышленной территории, что одновременно приведет к улучшению качества среды, ее функциональному и эстетическому преобразованию. В Иркутске существует большой потенциал для развития крупных инновационных научно-исследовательских и образовательных, творческих кластеров на базе научных центров СО РАН из 9 институтов и 2 филиалов; СО РАМН, НИИ Россельхозакадемии; ряда крупных отраслевых научных и проектных институтов и 13 высших учебных заведений, в том числе ИГУ и ИРНТУ.

При градостроительном анализе возможных площадок для научного исследования были выявлены три наиболее подходящие для организации инновационного кластера территории.

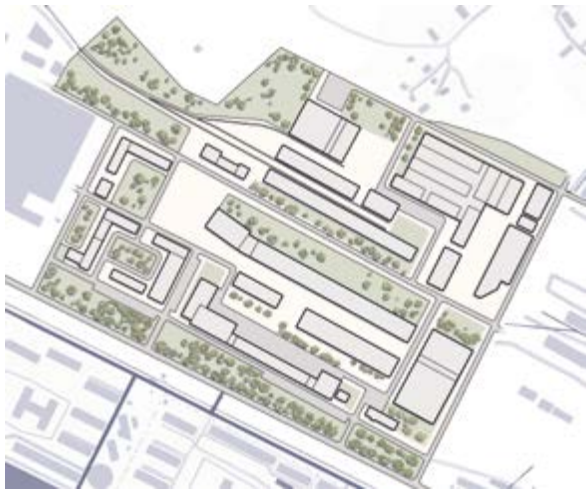
1. Коммунально-складская зона в микрорайоне Ново-Ленино крупный участок земли площадью около 36 га. Участок ограничен улицей Розы Люксембург с юга, улицей Блюхера с севера, производственной территорией «Радиян» с запада и улицей Тухачевского с восточной стороны. На выбранной территории имеются складские и торговые здания, мелкая бесструктурная усадебная застройка. Критериями для выбора участка были: близость к жилой застройке (пешеходная доступность для инженерно-технических и научных кадров); близость к железнодорожным путям, что дает преимущества для эффективной доставки сырья, отправки готовой продукции (робототехники) отправки готовой продукции в другие регионы страны и предполагаемому заказчику – Иркутскому авиазаводу; наличие готовых инженерных сетей. Территория проектируемого кластера представляет собой многофункциональное производственное и общественное пространство с научно-исследовательскими, производственными корпусами, складскими помещениями, образовательным центром для подготовки необходимых кадров, центром культуры и отдыха, ресторанами, магазинами и кафе для сотрудников с возможностью доступа для жителей микрорайона. Композиционно микрорайон и кампус объединены «зеленой» осью-бульваром, на которой расположена входная зона в кампус. Фрагмент территории, занятый частной жилой застройкой, может стать ухоженным парком, «легкими» для всего района.

2. Завод радиоприемников в советское время был крупным градообразующим предприятием в районе Ново-Мельниково. Огромная территория бывшего завода находится в окружении трех крупных жилых районов:

Статья написана на материале выпускной квалификационной магистерской работы Софьи Шутовой «Формирование инновационного кластера на примере некоторых промышленных территорий Иркутска». Руководитель – профессор кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ Цыредарь Дагданова.

Синюшина гора, Кайская гора и микрорайон Первомайский. Такое географическое сочетание районов определило предпосылки для создания на бывшей промышленной территории крупного градостроительного узла, центра притяжения населения трех крупных районов, лишенных с советских времен развитой инфраструктуры. Концентрация в Свердловском округе трех крупных университетов (ИГУ, ИРНИТУ, ИРГУПС), колледжей, областной и научно-технической библиотек, Академгородка с научными институтами определяют направленность кластера как развитого научно-исследовательского, образовательного, культурного центра. Предлагается модернизация находящихся в относительно хорошем состоянии зданий цехов, их перепрофилирование в многофункциональный комплекс с научными учреждениями и вузами для целенаправленной подготовки специалистов на предприятия высокотехнологичных отраслей промышленности, развитой инфраструктурой, жилой застройкой. Все это наряду со строительством новых образовательных центров для переподготовки и повышения квалификации сотрудников высокотехнологичных производств, обучения новых кадров поможет ликвидировать отток молодежи и привлечь молодежь из соседних регионов. Современная архитектура всего комплекса, реконструкция непривлекательных серых коробок цехов, благоприятная дружественная среда даст толчок для инноваций и формирования новой общности креативных людей.

3. Более подробно в выпускной работе рассматривается трансформация нефункционирующей территории бывшего мясокомбината «Иркутский» в пос. Жилкино недалеко от центра города, на западном берегу Ангары. Площадка

с раскрытием в сторону реки, с архитектурой зданий, возведенных в середине XX века, предполагают замечательную творческую атмосферу, поэтому на данной территории предлагается создание инновационного творческого, креативного кластера. После реконструкции и модернизации бывший главный производственный корпус, обращенный главным фасадом к центральной площади и реке, может стать композиционным центром всего комплекса,

организуящим началом планировочной и функциональной структуры кластера. Привлекающая внимание советская архитектура крупного здания послужит дополнительным «магнитом» – центром притяжения творческих людей и горожан. Художественное и техническое творчество, музыка, медиа, IT-технологии, дизайн и т. п., размещенные в реконструированных и заново построенных зданиях, образуют единый «организм», объединенный общей территорией, атмосферой созидания и радости. Различные площади, площадки, благоустроенная набережная будут использоваться для отдыха и встреч, для проведения выставок, ярмарок, тематических фестивалей.

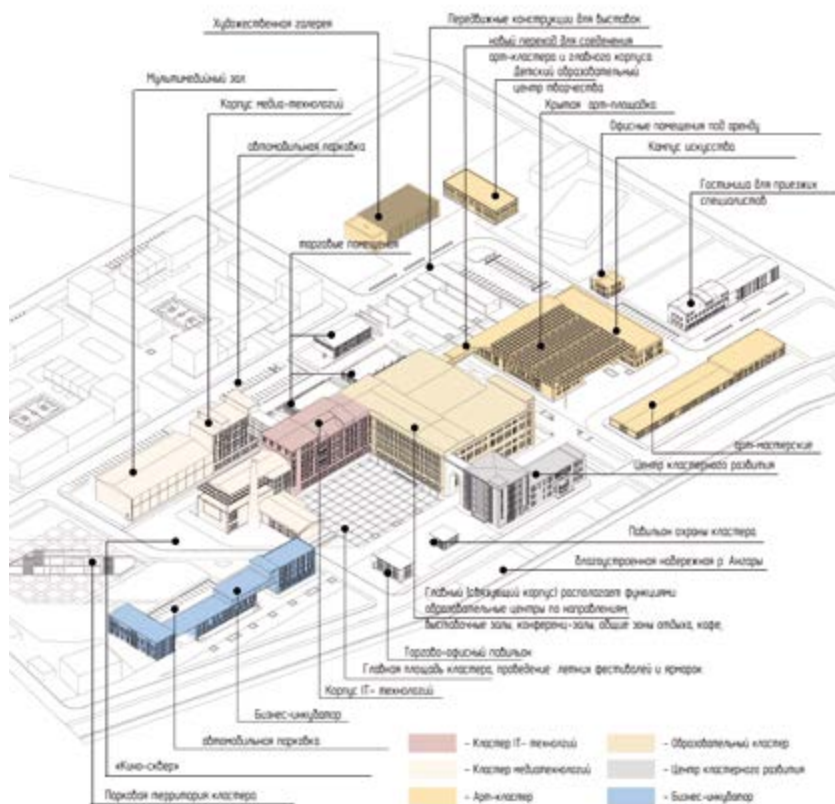
Перепланировка бывших цехов, переходы-связи между корпусами, надстроенные этажи, современный дизайн фасадов новых зданий дадут возможность наполнения кластера новыми функциями:

- творческими с предоставлением лабораторий, мастерских и выставочных залов, музыкальных и актерских классов, холлов для отдыха;
- образовательными с лекционными и конференц-залами, лабораторными классами;
- информационными с главным центром кластера, бизнес-инкубатором для помощи стартапам и пр.;
- административными со зданиями управления кластера, офисными помещениями;
- тематическими корпусами в сферах IT-технологий, медиа;
- торговыми с кафе, ресторанами, павильонами и пр.

Кроме того, автор проекта предлагает строительство новых жилых домов средней этажности для работников комплекса. Образование на месте бывшего мясокомбината подобного кластера необходимо и востребовано для развития и расширения креативного инновационного потенциала в городе.

Исследования, выдвинутые новые стратегические идеи и предложения задают доминирующее направление дальнейшего развития Иркутска. Образование нескольких научных, исследовательских, творческих центров, обеспеченных объектами культуры, работы, учебы, жильем, инфраструктурой на базе промышленных площадок, расположенных в разных районах города, и организация «чистого» экологичного производства могут определить перспективное развитие территории и в корне улучшить качество окружающей городской среды.

Реализация проектных предложений может повлечь эстетическое преобразование коммунально-складских и других заброшенных территорий с низкой плотной застройкой, что должно повлиять на экономический и социальный потенциал региона, стать основой развития человеческого потенциала, создания условий для экономического роста и закрепления населения на территории Иркутской области.

Стремительное развитие интернета во многих смыслах стирает географическое понятие провинции. В «странстве всемирной сети» центры образуются, становятся влиятельными и снова теряют свой статус так быстро, что просто не успевают стать метрополиями. И архитектурное образование в полной мере ощущает на себе эти тенденции.

Общий кризис образовательной системы в глобальном масштабе создал мощный запрос на дистанционные формы профессиональной подготовки, а пандемия коронавируса дополнительно ускорила развитие интернет-образования.

Меняется и тематика учебных проектов: провинциальные города становятся популярной темой для студентов столичных вузов. И даже архитектура студенческих кампусов испытывает всепроникающее влияние интернета.

Подборка статей, посвященных проблемам и перспективам развития архитектурного образования в новом контексте, заявляет тему с установкой на продолжение в следующих номерах журнала.

Константин Лидин

The rapid development of the Internet blurs the geographical concept of province. In the “space of the worldwide web”, centers emerge, become influential and then lose their status so quickly that they simply have no time to become a metropolis. Architectural education experiences these trends to the full extent.

The global crisis of the educational system has created a strong demand for distant forms of the professional training; while the coronavirus pandemic has boosted the development of online education.

The themes of students' projects are also changing: provincial cities have become a popular topic for students of metropolitan universities. Even campus architecture is under the pervasive influence of the Internet.

The collection of articles devoted to the problems and prospects of the development of architectural education in the new context brings up the topic that will be continued in our next issues.

Konstantin Lidin

образование / education

Статья посвящена проблеме развития онлайн-форм архитектурного образования. Рассмотрены процессы развития архитектурного образования от Витрувия до наших дней. Выделены две различные парадигмы такого обучения. Комбинаторная парадигма опирается на конечный набор стандартных элементов и рассматривает проектирование как соединение этих элементов по заранее определенным правилам. Вторая парадигма (метаморфическая) трактует архитектурное проектирование как непрерывный процесс творческого развития первоначальной идеи. Обучение в этом случае строится на постоянном взаимодействии учителя и ученика и их совместном творческом поиске. Сделан вывод о необходимости синтеза двух парадигм для создания полноценного онлайн-образования в архитектурной сфере.

Ключевые слова: онлайн-образование; архитектура; архитектурное образование; история; парадигма. /

The article is devoted to the problem of the development of online forms of architectural education. The processes of the development of architectural education from Vitruvius to the present day are examined. Two different paradigms of such learning are highlighted. The combinatorial paradigm is based on a finite set of standard elements and considers design as a combination of these elements according to predetermined rules. The second paradigm (metamorphic) interprets architectural design as a continuous process of creative development of the original idea. Education in this case is based on the constant interaction of the teacher and student and their joint creative search. It is concluded that it is necessary to synthesize two paradigms in order to create a complete online education in the architectural field.

Keywords: online education; architecture; architectural education; history; paradigm.

Нет провинций в интернете / There are no provinces in the Internet

текст
Елена Булгакова /
text
Elena Bulgakova

Введение. Онлайн-обучение, его актуальность и неизбежность

Пандемия коронавируса сделала очевидным и обострила давно назревший тренд перехода образования в «пространство интернета». Стремительно растущий объем образовательных программ, семинаров, курсов, проходящих в режиме онлайн, по-видимому, еще далеко не достиг своего предела и в ближайшие годы будет увеличиваться.

В текущем году группа российских компаний EdMarket провела исследование рынка онлайн услуг в России на фоне глобальных трендов [1]. Согласно исследованию, к 2023 году общий объем рынка онлайн-образовательных услуг приблизится к 300 млрд долларов. Сумма выглядит солидно, но в общем объеме мирового рынка образования (около 6,5 трлн долларов, а к 2025 году – 8 трлн) онлайн-образование составляет меньше 4%. Однако рост онлайн-сектора происходит опережающим образом (на 8–10% в год), так что эксперты уверенно прогнозируют непрерывное увеличение этой доли во всем мире. Особенно быстро растет рынок онлайн-образования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Уже сегодня этот регион покрывает 54% мирового потребления таких услуг, и скорость роста здесь также почти в два раза выше среднего значения. Образовательные компании Индии (такие, как BYJU»S) и Китая (VIPKID, Yuanfudao и другие) уверенно держат лидерство на этих рынках и уступать его вовсе не собираются.

Согласно оценкам EdMarket, по итогам 2019 года объем российского B²C-рынка онлайн-образования достиг 38,5 млрд руб. при среднегодовых темпах роста на уровне 20%. В конце 2023 года его величина перевалит отметку 60 млрд руб. в год при среднегодовых темпах роста на уровне 12–15%. Впрочем, оценки различных экспертов по текущему объему российского рынка очень сильно различаются – от 21,2 до 80 млрд рублей. Такой разброс обусловлен тем, что значительная часть образовательных онлайн-услуг продается по «серым» и даже «черным» схемам, без регистрации в фискальных органах.

В любом случае можно смело утверждать, что индустрия онлайн-образования в России развивается весьма успешно. Целый ряд отечественных компаний (iSpring,

Нетология-групп, Алгоритмика, Учи. ру, Puzzle English, StudyFree, Яндекс. Практикум и другие) уверенно выходят на международные рынки Азии и обеих Америк.

Как ни парадоксально, но высшее профессиональное образование в нашей стране сильно отстает по уровню «онлайнизации» от среднего и даже дошкольного сектора. Только 4% курсов высших школ доступно онлайн. Здесь открываются обширные перспективы, в том числе для развития новейших технологий архитектурного образования. Особенно заинтересованы в этом негосударственные вузы. Их вклад в общий объем высшего профессионального образования и так невелик – меньше 10%; кроме того, эта доля постоянно снижается. Частные вузы проигрывают государственному в конкурентной борьбе, и поиски новых образовательных технологий для них являются жизненной необходимостью.

1. Онлайн и конец провинциализма. Столица везде, провинция нигде

Быстрый рост онлайн-образования является элементом более общего процесса выравнивания условий и образа жизни в глобальном масштабе. Сто лет назад качественное профессиональное образование нельзя было получить, оставаясь внутри большинства стран мира. Чтобы получить образование на передовом уровне, жителю большинства стран Африки, Азии, Южной Америки необходимо было мигрировать в Европу или США хотя бы на время обучения.

С тех пор число вузов, расположенных в провинциях, быстро растет. В конце XIX века в Российской империи было двенадцать университетов (в том числе университеты Варшавы и Гельсингфорса (Хельсинки)), и размещались они исключительно в столичных городах (включая такие локальные столицы, как Казань или Томск). В начале XX века университетов стало 72, а в 2010 году их число перевалило за тысячу [2]. Расширяется география вузов высокого уровня. По данным Всемирного банка, за двадцать лет текущего столетия число азиатских вузов высшего уровня (так называемых «университетов мирового класса») практически сравнялось с таким же числом в Западной Европе [3]. Можно сказать, что понятие провинции применительно к возможности получения высшего

образования стирается и размывается. Вузы перестали быть элементом столичности, и понятие провинциального университета больше не воспринимается как некий оксюморон. Развитие интернета приводит к размыванию географической определенности. Люди свободно общаются друг с другом, порой даже не зная, где именно находится их собеседник. Лектор может читать свои лекции в Европе, а его слушатели при этом – располагаться в самых различных регионах мира, от Африки до Антарктиды.

Сочетание мощных каналов связи с техникой видео- и аудиозаписи делает процесс преподавания таким же независимым от времени, как и от пространства. Можно прослушать курс, записанный несколько лет назад, ничего не теряя в качестве восприятия. Зачастую прослушивание курса в записи даже удобнее и комфортнее, чем посещение занятий офлайн. Запись позволяет регулировать темпоритм изложения материала, делать паузы и повторы трудных для восприятия моментов, а развитие средств автоматического перевода позволяет прослушивать курсы на малознакомых языках.

Создавшийся тренд делает крайне актуальной проблему методического обеспечения высшего профессионального обучения. Чему и как учить в ситуации принципиально новых возможностей, которые онлайн-образование несет одновременно с жесткой конкуренцией между вузами, курсами, программами и преподавателями?

Особенно остро эти проблемы выглядят, когда речь заходит о высшем профессиональном образовании в одной из самых сложных, комплексных и междисциплинарных областей – в сфере архитектуры и зодчества, где в один узел завязаны специальные проблемы архитектуры, но также и экономика, демография, политика, логистика и так далее [4].

2. Традиции архитектурного образования-1. Комбинаторная парадигма

Самым старым учебником архитектурного проектирования, дошедшим до наших времен, является трактат Марка Витрувия Поллиона. В первом веке до нашей эры картина мира, сформированная и отшлифованная веками поступательного движения античной мысли, приобрела черты завершенности и, казалось, вплотную приблизилась к абсолюту. Десять книг Витрувия содержат подробные и не подлежащие сомнению рецепты гармоничной архитектуры, начиная от общих пропорций человеческого тела и здания, заканчивая составом строительных красок шести основных цветов и чертежами строительных машин.

Рецептурность трактата в полной мере соответствовала контексту расширяющейся Римской империи. Провинции, которых становится все больше, а сами они – все обширнее и все дальше от столицы, нуждаются в четких и однозначных инструкциях для массового строительства. Ведь архитектура – это не просто искусство возведения прочных, красивых и полезных сооружений. Римская архитектура несет в себе систему ценностей, в которой Порядок и Закон обладают несомненной, вечной и абсолютной ценностью.

Примерно в те же сроки аналогичная ситуация сложилась на другом конце Евразии, в Китае. Эпоха Сражающихся царств (Чжуньго) завершилась, империя Цинь захватывала одну провинцию за другой, и задача унификации всех сторон повседневной жизни людей становилась приоритетной. Именно тогда появился известный трактат «Као гун цзи» – свод правил и стандартов для всех ремесел, включая архитектуру и строительство. Закономерно, что и структура, и способ изложения материала, и даже иллюстрации в римском и китайском трактатах чрезвычайно похожи. Сходные задачи решаются сходными приемами.

Унифицирующее влияние идей порядка и вечной гармонии снова возобладало в Европе в эпоху Ренессан-

са. Трактаты Альберти и Палладио сыграли важнейшую роль в построении своеобразной «культурной империи». Зародившись в нескольких городах Италии, она в течение нескольких веков захватывала и подчиняла своему влиянию обширные «культурные провинции» сначала на севере и западе Европы, затем все дальше на запад, в государства Нового света и на восток, вплоть до российских просторов. Образование Российской империи не случайно совпало с активным проникновением идей унификации в архитектуру. Строительство Санкт-Петербурга связано с первыми опытами введения государственных стандартов, разработанных Доменико Трезини. Введение типового проектирования продолжилось при Екатерине Второй и распространялось вместе с движением границ империи на юг и на восток [5].

Интересно отметить, что аналогичные процессы снова повторились на китайской почве, и опять в сходные сроки. В начале XII века был опубликован трактат «Инцзао Фаши» (Образцы строительства), который затем многократно переиздавался и в последующие века сыграл роль, весьма сходную с влиянием книг Палладио в западной архитектуре.

Объединяющая структура этих, таких различных во времени и пространстве учебников архитектурного проектирования опирается на общую парадигму. Стремление к упорядоченности, осмысленности каждого проекта неизбежно приводит к идее конечного набора постоянных элементов и правил, по которым эти элементы могут соединяться. Комбинаторный принцип на первый взгляд может показаться ограниченным, недостаточно свободным. Но только на первый взгляд. Уже несколько десятков «элементарных деталей», согласно законам математической комбинаторики, дают миллионы возможных сочетаний. Увеличивая число элементов до сотен (как в трактатах Ренессанса), архитектор получает поистине неисчерпаемое число возможных вариантов и безграничный простор для творческой фантазии.

В Новое время комбинаторный принцип архитектурного проектирования был предельно четко сформулирован в книгах Кристофера Александера [6]. Его «Язык шаблонов» по своей структуре напоминает руководство к детскому конструктору – вот набор деталей, а вот – правила их соединения для двух с половиной сотен типовых ситуаций. Инструкция настолько приближена к пользователю, что необходимость в профессиональном архитекторе вовсе исчезает. Сами жители домов, городов и офисов могут спроектировать и построить себе здание в соответствии со своими запросами. Вышедшие в семидесятых годах книги Александера несут отчетливый провокативный характер. Однако его идеи продолжают и сегодня привлекать внимание архитекторов – например, в теории и практике Притцкеровского лауреата Алехандро Аравены [7].

Советское архитектурное образование второй половины XX века уверенно опирается на унифицирующую, комбинаторную парадигму. Учебник Б. Г. Бархина, ставший базовым для нескольких поколений архитекторов (вплоть до сегодняшнего дня), построен по тем же принципам, что и классические трактаты античности и Ренессанса [8]. Менее известные современные ему пособия – например, учебник М. Тосуновой [9] или учебник под общей редакцией В. Ф. Кринского [10] – содержат разный по объему и направлению материал, но структурно почти не отличаются от учебника Б. Бархина.

Четкая и ясная, однозначно алгоритмизируемая комбинаторная парадигма легко поддается переносу на методики онлайн-образования. Классический трактат по архитектурному проектированию точно так же не привязан к месту или времени, как онлайн-курс. Тем более, что онлайн-курс в комбинаторной парадигме больше

похож не на курс как таковой, а на учебник. Комбинаторная парадигма в значительной мере способствует самостоятельному изучению предмета, и учебник (или его современное воплощение, онлайн-курс) не включает постоянное и обязательное присутствие наставника – книга наставляет учеников, даже если учитель находится в других странах или в другой эпохе.

3. Традиции архитектурного образования-2. Метаморфическая парадигма

В середине XIX века, живя в разваливающейся империи Наполеона Третьего, Эжен Эммануэль Виолле ле Дюк писал учебник по архитектурному проектированию, во многом противоположный классическим трактатам. Отличие обозначено даже в названии: книга представляет собой не монолог учителя, а живую беседу. Автор спорит с современниками и с предшественниками, высказывает совсем неочевидные мысли и тут же сам подвергает их сомнению. В результате возникает ощущение мысли, рождающейся и меняющейся прямо здесь и сейчас. Происходит метаморфозис, и проект «вырастает» в процессе обсуждения и преобразования первичного образа, как растение из семечка.

Нет оснований утверждать, что Виолле ле Дюк впервые применил такой подход к преподаванию архитектуры. Например, трактат ренессансного архитектора Филарете (Антонио Аверлино) методически построен сходным образом, хотя и написан за четыре века до книги ле Дюка. Как отмечает переводчик и комментатор Филарете В. Глазычев, книга написана в жанре, тяготеющем к диалогу и больше похожа на запись живых бесед архитектора с миланскими и флорентийскими герцогами Медичи и Сфорца. Книга первоначально написана не на классической латыни, а на тосканском наречии, что дополнительно привязывает ее к определенному месту и времени [11].

Мощный подъем методики обучения, которую уместно обозначить как метаморфическую, происходит в начале XX века, в период ослабления центральной власти и начинающегося распада мировых империй. В самых разных странах провинции ощущают себя все более самостоятельными и независимыми. Жесткая централизация слабеет, вместо одного центра возникает множество «точек роста» и, соответственно, возрастает роль личности учителя, его уникального творческого метода, пусть даже спорного и не обладающего абсолютным авторитетом.

В Западной Европе крупным центром развития преподавания архитектуры и дизайна в русле метаморфической парадигмы становится Баухаус. Несмотря на огромную роль, которую Баухаус сыграл в развитии зодчества, в этой школе так и не родилось ни одного фундаментального учебника, сравнимого с многотомными компендиумами Витрувия или Палладио. Вальтер Гропиус предпочитал вместо книг писать полемические статьи в журналах. Свои подходы к обучению архитекторов он обобщил и опубликовал гораздо позже, через много лет после закрытия школы [12].

Наиболее известные учебники Баухауса в области архитектурного проектирования – «Педагогические эскизы» Пауля Клее [13] и «Точка и линия на плоскости» В. Кандинского [14]. Обе книги несут отчетливый отпечаток дискуссионной, неустоявшейся, рождающейся в процессе преподавания мысли. Обе книги невелики по объему и не содержат ни классификационных схем, ни четких правил построения архитектурного проекта. Книга Пауля Клее действительно насыщена эскизами, как бы возникающими прямо по ходу рассказа. Текст Василия Кандинского поэтичен, метафоричен и скорее предназначается для стимулирования воображения студента, чем для сообщения ему объективных знаний.

В России распад империи стимулировал бурный расцвет отечественной школы архитектуры. Крупнейшим

центром экспериментов в этой области стали Высшие государственные художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС).

К сожалению, из методического наследия ВХУТЕМАСа до наших дней не дошло почти ничего. В своей фундаментальной монографии С. О. Хан-Магомедов описывает почти детективные эпизоды поиска, находок и утрат материалов этого уникального вуза в частных архивах [15]. Из официальных изданий хорошо сохранился единственный альбом курсовых и дипломных проектов под редакцией Эль Лисицкого [16]. Уже после преобразования ВХУТЕМАСа в МАРХИ был издан альбом «Архитектурные фантазии» Я. Чернихова – сборник 101 примера решения архитектурных задач в русле конструктивизма [17]. Методики преподавания во ВХУТЕМАСе сегодня в основном реконструируются по косвенным данным.

Причина скудости архивных источников заключается не только в сложных поворотах отечественной истории. Преподаватели ВХУТЕМАСА были настолько увлечены поисками новых путей развития архитектуры, что их опыт просто не успевал принять законченные формы учебных пособий. Непрерывный поток экспериментов и открытий не давал мастерам авангарда ни времени, ни желания для писания трактатов; тексты этого периода производят впечатление бешеной гонки, стремительного потока новых идей, которые не успевают принять сколько-нибудь законченную форму, ибо сменяются идеями новейшими [18].

В течение двадцатого века архитектурная педагогика никогда уже не достигала такой концентрации творческого экспериментаторства, но метаморфическая парадигма постоянно присутствует в практике ведущих мастеров. Так, Луис Кан, несмотря на обширную и результативную педагогическую деятельность, не составлял учебников. Только после его смерти благодарные ученики собрали и издали записи о беседах Л. Кана с учениками. Из них видно, как совместный поиск проектного решения учителя и учеников составляет основу обучения [19].

Очевидно, метаморфическая парадигма архитектурного образования ставит гораздо более значительные барьеры для внедрения онлайн-обучения. Парадигма не предусматривает отделения необходимых элементов обучения от необязательных (как в комбинаторной парадигме). Обучение является нерасчлененным потоком событий, знания и навыки усваиваются в непрерывном «аналоговом» процессе. Поэтому метаморфический подход требует постоянного контакта между учителем и учеником. В средневековой боттеге ученики делили с мастером кров и пищу, и все этапы работы над проектом выполнялись совместно. Аналогичным образом современные методики обучения в рамках метаморфической парадигмы подразумевают, что ученик постоянно находится в диалоге с мастером и перенимает профессиональные навыки в ходе совместной работы. Очевидно, подобный режим сложно реализовать в ходе онлайн-обучения, когда между учителем и учениками находится несколько промежуточных девайсов.

Тем не менее, именно метаморфическая парадигма способна уникальным образом стимулировать творческую индивидуальность ученика и дать ему возможность для развития самостоятельного, смелого и передового профессионального мышления. В такой специфической сфере, как профессиональное архитектурное образование, эти особенности метаморфической парадигмы становятся не просто желательными, но совершенно необходимыми.

4. Заключение. В поисках синтеза

История развития архитектурного образования убеждает нас: ни одна парадигма не способна в одиночку обеспечить подготовку следующих поколений зодчих в длитель-

ной перспективе. Комбинаторный тип учебных программ без потерь воспроизводит достижения предыдущих поколений, но постепенно становится все более заметным препятствием для поиска новых архитектурных идей и форм. Парадигмы метаморфического типа способны дать мощный выплеск новаторской энергии, но быстро «выгорают», исчерпывают себя и начинают тяготеть к формалистическим крайностям за гранью здравого смысла.

Быстрый рост и новые возможности онлайн-образования – это, в первую очередь, возможности для провинциальных центров конкурировать на равных с признанными столицами, для небольших и молодых вузов – состязаться с авторитетными и знаменитыми школами [20].

Вполне может получиться так, что вечная задача синтеза парадигм архитектурного образования, задача балансировки традиций и новаторства, структурированности и свободного поиска будет, наконец, успешно решена.

Литература

1. Исследование российского рынка онлайн-образования. – URL: <https://research.edmarket.ru/> (дата обращения: 11.06.2020)
2. По данным Росстата. – URL: <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml> (дата обращения: 11.06.2020)
3. Салми, Дж. Создание университетов мирового класса. – Москва: Весь мир, 2009. – 134 с.
4. Lidin, K. L., Meerovich, M. G., Bulgakova, E. A., Zabelina, S. A. Information flows balance and price of real estate. – *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. – 2017. – Т. 8. – № 2. – Р. 496–504
5. Ожегов, С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII – XIX веках. – Москва: Стройиздат, 1987. – 224 с.
6. Александер, К., Исаикава, С, Силверстайн, М. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство. – Москва: изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. – 1096 с.
7. Aravena, A. *Elemental: Incremental Housing and Participatory Design Manual*. – Ostfildern: Hatje/Cantz, 2012
8. Бархин, Б. Г. Методика архитектурного проектирования. – Москва: Стройиздат, 1969. – 225 с.
9. Тосунова, М. Архитектурное проектирование. – Москва: Высшая школа, 1968. – 361 с.
10. Кринский, В. Ф., Колбин, В. С., Ламцов, И. В., Туркус, М. А., Филасов, Н. В. Введение в архитектурное проектирование. Учебное пособие по курсу. – Москва: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962. – 176 с.
11. Филарете (Антонио Аверлино). (1999) *Трактат об архитектуре*/Пер. и прим. В. Глазычева. – Москва: Русский университет. – 448 с.
12. Гропиус, В. Границы архитектуры/перевод А. С. Пинскер, В. Р. Аронова, В. Г. Калиша; сост., научная ред. и предисл. В. И. Тасалова. – Москва: Искусство, 1971. – 287 с.
13. Клее, П. Педагогические эскизы/пер. с немецкого Н. Дружковой, под ред. Л. Монаховой. – Москва: изд. Д. Аронов, 2005. – 71 с.
14. Kandinsky, V. (1926) *Punkt und Linie zu Fläche, Beitrag zur Analyse der malerischen Elemente*, München: A. Langen
15. Хан-Магомедов, С. О. ВХУТЕМАС. – Москва: Ладья, 1995. – 343 с.
16. Архитектура: Работы Архитектурного факультета Вхутемаса: 1920–1927. Обложка работы Л. М. Лисицкого; Фотографии С. Г. Хлыстова; Предисловие Павла Новицкого; Вступительный текст профессора Н. Докучаева. – Москва: Издание Вхутемаса, 1927. – 45 с.
17. Яков Чернихов. Архитектурные фантазии: 101 композиция в красках, 101 архитектурная миниатюра/при участии Д. Копаницына и Е. Павловой. – Ленинград: издание Ленинградского областного отделения Всесоюзного объединения Международная книга, 1933. – 102 с., 101 л. цв. ил.
18. Ладовский, Н. Основы построения теории архитектуры (под зна-

ком рационалистической эстетики) // *Известия АСНОВА*. – Москва. – 1926. – С. 3–5

19. Булгакова, Е. А., Лидин, К. Л. Преодоление прекариатства. Архитекторы для экономики переживаний // *Проект Байкал*. – 2018. – № 57. – С. 150–152

20. Булгакова, Е. МИТУ – МАСИ. Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт – архитектурная школа нового типа // *Проект Байкал*. – 2017. – № 53. – С. 54–57

References

- Alexander, C., Ishikawa, S., & Silverstein, M. (1977). *A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction*. Oxford University Press, 1977
- Aravena, A. (2012). *Elemental: Incremental Housing and Participatory Design Manual*. Ostfildern: Hatje Cantz.
- Архитектура: Работы Архитектурного факультета Вхутемаса: 1920–1927 [Architecture: Works of Vkhutemas Architectural Faculty: 1920–1927]. (1927). Moscow: Izdanie Vkhutemasa.
- Barkhin, B. G. (1969). *Metodika arkhitekturnogo proektirovaniya* [Methods of architectural design]. Moscow: Stroiizdat.
- Bulgakova, E. (2017). Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute is an innovative architectural school. *Project Baikal*, 14(53), 54–57. doi:10.7480/project-baikal.53.1212
- Filarete (Antonio Averlino). (1999). *Traktat ob arkhitekture* [Treatise on architecture] (V. Glazychev, Trans.). Moscow: Russkii universitet.
- Gropius, W. (1971). *Granitsy arkhitektury* [Scope of total architecture] (A. S. Pinsker, V. R. Aronova, & V. G. Kalisha, Trans.; V. I. Tasalova, Ed.). Moscow: Iskusstvo.
- Issledovanie rossiiskogo rynka onlain-obrazovaniya [Research of the Russian online education market]. (n.d.). EdMarket research. Retrieved June 11, 2020, from <https://research.edmarket.ru>
- Kandinsky, V. (1926). *Punkt und Linie zu Fläche, Beitrag zur Analyse der malerischen Elemente*. München: A. Langen.
- Khan-Magomedov, S. O. (1995). *VKHUTEMAS*. Moscow: Ladya.
- Klee, Paul (1925). *Pädagogisches Skizzenbuch*. München: A. Langen.
- Krinskiy, V. F., Kolbin, V. S., Lamtsov, I. V., Turkus, M. A., & Filasov, N. V. (1962). *Vvedenie v arkhitekturnoe proektirovanie. Uchebnoe posobie po kursu* [An introduction to architectural design. Manual]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo literatury po stroitelstvu, arkhitekture i stroitelnyim materialam.
- Ladovskiy, N. (1926). *Osnovy postroeniya teorii arkhitektury (pod znakom ratsionalisticheskoi estetiki)* [Fundamentals of the architectural theory (under the sign of rationalist aesthetics)]. In *Izvestiya ASNova* (pp. 3–5). Moscow.
- Lidin, K., & Bulgakova, E. (2018). To overcome the precarity. *Project Baikal*, 15(57), 150–152. <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1376>
- Lidin, K. L., Meerovich, M. G., Bulgakova, E. A., & Zabelina, S. A. (2017). Information flows balance and price of real estate. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 8(2), 496–504.
- Ozhegov, S. S. (1987). *Tipovoe i povtornoe stroitelstvo v Rossii v XVIII-XIX vekakh* [Standard and repeated building in Russia in XVIII–XIX centuries]. Moscow: Stroiizdat.
- Po dannym rosstata [According to the Russian statistics data]. (n.d.). Retrieved June 11, 2020, from <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml>
- Salmi, J. (2009). *Sozdanie universitetov mirovogo klassa* [The challenge of establishing of world-class universities]. Moscow: Ves mir.
- Torsunova, M. (1968). *Arkhitekturnoe proektirovanie* [Architectural design]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Yakov Chernikhov. *Arkhitekturnye fantazii: 101 kompozitsiya v kraskakh, 101 arkhitekturnaya miniatyura / pri uchastii D. Kopanitsyna i E. Pavlovoi* [Yakov Chernikhov. Architectural fantasies: 101 compositions in colour, 101 architectural miniatures / with contributions from D. Kopanitsyn and E. Pavlova]. (1933). Leningrad: izdanie Leningradskogo oblastnogo otdeleniya Vsesoyuznogo obyedineniya Mezhdunarodnaya kniga.

Дистант как возможность? / Distance learning as an opportunity?

текст

Елена Булгакова
Алексей Буйнов
Михаил Скворцов /
text
Elena Bulgakova
Alexei Buiinov
Mikhail Skvortsov

Нет сомнений, что именно сейчас мы находимся в центре академической революции, и март 2020 г. стал ключевой датой для российской высшей школы, поскольку именно тогда студентов перевели на дистанционное обучение для профилактики распространения коронавируса.

Академический подход в высшем образовании, выработанный веками, в настоящее время является фактором, который снижает скорость изменений, поскольку речь идет не об «изменениях ради изменений», а о месте университета в системе глобальной перестройки образовательной деятельности. Как обычно появляются образовательные новации? Чаще всего это заимствование отдельных форматов у зарубежных школ.

Как правило, обязательный набор приемов, который должен якобы увести от традиционной «образовательной трубы», состоит из таких позиций: междисциплинарный подход, проектные кейсы (от заказчика), блок майнеров и индивидуальная образовательная траектория. Казалось бы, все хорошо, но здесь мы сталкиваемся с тем, что заимствованная модель «лучших практик» не настраивается под нужды творческих направлений, где без поиска своего «вектора развития» никак не обойтись.

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт (МИТУ – МАСИ) имеет достаточно большой послужной список передового опыта преподавания, и сегодняшний «вирус ускорения» как раз явился фактором, заставившим максимально использовать информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе [1].

Можно смело утверждать, что методика преподавания архитектурных дисциплин еще никогда не достигала такой концентрации экспериментальных моделей, как этой весной. Не пытаюсь в одной статье описать процесс разработки комплексного подхода подготовки студентов-архитекторов посредством дистанционных форм обучения, авторский коллектив раскрывает особенности интенсификации образовательного процесса [2] путем интеграции в проектный интенсив по программе УНТИ 20.35, разработанный специально для вузов.

Университет Национальной технологической инициативы (УНТИ) «20.35» является проектом, в котором фокус

Рассматривается нестандартный опыт реализации проектной деятельности в дистанционном формате на кафедре архитектуры и дизайна МИТУМАСИ, раскрываются особенности цифровизации как способа осовременивания и ускорения образовательного процесса

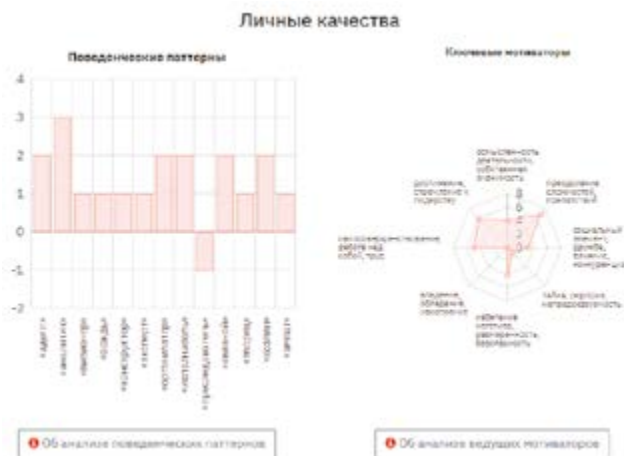
Ключевые слова: проектный интенсив; индивидуальная образовательная траектория; творческая деятельность; цифровой след; комфортная среда; образовательная цифровая платформа. /

The article considers a non-standard design practice in a distance learning format at the Department of Architecture and Design of Moscow Information and Technology University-Moscow Architecture and Construction Institute (MITU-MACI). It also reveals the peculiarities of digitalization as means of modernization and advancement of the learning process.

Keywords: intensive design course; individual educational trajectory; creative activity; digital footprint; comfortable environment; educational digital platform.

усилий сконцентрирован на подготовке кадров для цифровой экономики и опережающего технологического развития России [3]. Он устроен как сетевой проект в виде цифровой платформы с постоянно расширяющимся списком образовательных возможностей и рекомендуемых сервисами, с возможностями искусственного интеллекта, например, сбор индивидуальной траектории развития, помощь в сборке образовательного пространства и др. Это формат, в котором главным является работа студентов над реальными задачами индустрии; он является привычным для архитекторов и сочетает в себе командную работу над проектом, обучение по индивидуальным образовательным траекториям и анализ цифрового следа. Таким образом, весной 2020 г. МИТУ – МАСИ и еще 9 российских вузов включились в проектный интенсив, где было собрано уникальное образовательное пространство для достижения конкретных результатов (у каждого вуза они относятся к своей сфере деятельности), с использованием незнакомых ранее цифровых инструментов. Основная цель, которую мы преследовали – это цифровая трансформация вуза с попыткой создания стандартов для использования дистанционных методик обучения, меняющая привычное представление о процессе подготовки архитекторов [4]. Сформированная в результате партнерства МИТУ – МАСИ и Университета 20.35 инновационная система преобразовала наше образовательное поле, и территорией смелого эксперимента стал основной профильный предмет – архитектурное проектирование. Поскольку изменилась методика работы, перешедшая полностью на удаленный цикл, было естественно, что задание, которое обычно выполняют студенты, также претерпело изменения. Исходя из этого, были проанализированы возможные варианты заданий, которые бы соответствовали задаче командной работы, и выбор пал на один из востребованных сегодня видов деятельности архитектора в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» – создание комфортной городской среды.

Одной из задач интенсива было привлечение индустриальных партнеров; в нашем случае ими выступили Минстрой России и Всероссийская общественная организация «Городские реновации», предоставившие для раз-

< Рис. 1

< Рис. 2

работки кейсы заданий по формированию общественных территорий малых городов РФ. География кейсов была весьма обширна (от г. Биробиджана до Ленинградской области), и студентам предстояло отработать методологию полного цикла проектной деятельности, в которой сформированные команды получают заказ на создание проекта комфортной городской среды от реального заказчика – малого города. В таком типе проектной деятельности партнер является экспертом, а студенты учатся работать с ним и его ожиданиями.

Таким образом, студенческим командам нужно было не просто работать над заданием по проектированию, которое обычно выдает кафедра, а фактически сформировать его самостоятельно, проведя все стадии предпроектного социокультурного исследования, используя все инструменты, начиная от использования камер видеонаблюдения для оценки жизни территории, рассмотрения всех цифровых методов анализа территории, изучения истории города, сбора глубинных интервью о проблемах места благоустройства [4]. Непростая задача была осложнена временной изоляцией всей страны и сложностью комплексного разбора территории с точки зрения маркетингового анализа.

Но если диалог с администрацией был уже выстроен благодаря индустриальным партнерам, то обязательное требование соучаствующего проектирования поставило перед командами интенсива непростую задачу создания механизма диалога с горожанами, которые фактически помогают сформировать законченное задание на проектирование. Именно здесь помог набор цифровых сервисов Университета 20.35, благодаря которому можно было разработать алгоритм программирования территории с позиции выбранной гипотезы.

Немного о работе цифровой образовательной платформы, которая построена таким образом, чтобы отражать образовательную траекторию каждого студента. Знакомство студентов с платформой начинается с анкетирования и прохождения различных тестов, ориентированных на выявление профессиональных и личностных качеств. Результаты данных испытаний впоследствии отображаются в личном кабинете студента в виде диаграмм (рис. 1).

Данная функция помогает студенту правильно выбрать траекторию своего учебного и профессионального пути, понять, какие качества ему еще необходимо развивать для достижения намеченной цели.

Благодаря платформе студент вправе сам выбирать лекции и вебинары, которые хочет посетить. Возможность выбора и дополнительные лекции действительно заинтересовали студентов (судя по отзывам); благодаря им студент может перенять опыт действующих архитекторов и профессионалов, деятельность которых так или иначе связана с архитектурным проектированием. Общее представление о смежных специальностях помогает студентам в их проектной деятельности: они легче выстраивают цепочку поиска необходимой информации для создания того или иного проекта.

После посещения мероприятий, если спикер оставил задание, которое могло бы подтвердить усвоение пройденной темы, и студент выполнил данное задание, информация о пройденной теме или о приобретенном навыке отобразится на личном цифровом профиле студента, который находится также в личном кабинете. Таким образом, у студента появляется дополнительная мотивация к приобретению новых знаний (рис. 2).

Цифровой профиль имеет множество направлений и, помимо конкретной информации о знаниях студента, дает и общее представление, в каких компетенциях студент имел наибольшую активность.

Участники платформы имеют возможность оставить запрос на тот или иной вид информации, которая им необходима, что позволяет еще более индивидуально выстроить учебный трек каждого из студентов. У слушателя есть возможность оставить рефлексию после каждого мероприятия (отзыв о полученной информации, насколько она была полезной, какой информации не хватило на данном этапе, в каких компетенциях данная информация могла бы быть полезной).

Команда проектного интенсива включала достаточно много ролей, которые требовали освоения совершенно новых как для преподавателей, так и для студентов компетенций. Среди прочих выделялись роли координатора проекта, руководителя проектной деятельности, ментора

проекта, проектного наставника, роль разметчика образовательного пространства, администратора платформы, выстроенные в иерархическую структуру.

Командная работа потребовала четкого разграничения полномочий, и в результате сформировалось 24 команды, в составе которых было до 7 человек во главе с капитаном, отвечающим за координацию работы в группе. У каждой команды были закрепленный проектный наставник и ментор проекта, подчиняющиеся, в свою очередь, руководителю проектной деятельности, отвечающему за образовательное пространство в онлайн формате. Проектные задачи решались посредством новых онлайн инструментов: Trello, Miro, Zulip, которые стали неотъемлемой частью повседневной работы проектных команд.

Студенты получили редкую возможность «перепрыгнуть» этап стандартных проектных упражнений и неожиданно для себя оказались в роли не учеников, а действующих архитекторов (и все это внутри образовательного процесса) [5].

Сменилась не только форма: на смену привычному ритму учебного плана, извечной цепочке рефератов и курсовых пришел список нестандартных задач, затрагивающих множество аспектов, дополняющих привычные стандартные подходы, рассчитанные на так называемого «среднего» студента. И пресловутая индивидуальная траектория образования выстроилась сама собой, поскольку все были призваны влиться в общий процесс; от каждого теперь в равной степени зависело, сможет ли команда дойти до финала с полным пониманием и верным решением поставленных задач.

Активная творческая работа была подкреплена большим количеством поддерживающих и вузовских, и проходящих на платформе УНТИ 20.35 мероприятий, поэтому, несмотря на отсутствие прямого контакта, участники создания проектов по благоустройству гораздо больше, чем обычно, проявляли активность, а название «интенсив» пришлось как нельзя более кстати.

Данный проектный интенсив дал возможность более глубоко рассмотреть проблемы преподавания дисциплины «Архитектурное проектирование», которые особенно остро встали во многих вузах, где была сделана попытка просто переноса практических занятий в онлайн-формат.

Современная основа архитектурного проектирования – это исследование предпосылок для создания проекта, исследование особенностей поставленной задачи и самой ситуации проектирования. Даже при всех стандартных, на первый взгляд, предпосылках для проектирования всегда существует набор особенностей проектного задания или территории, которые влияют на конечный итог работы. Стандартизированное и типовое задание на проектирование не освобождают архитектора от необходимости находить для него индивидуальность и аутентичность. Современные принципы проектирования готовы адаптировать индивидуальную эстетику проекта, исходя из исторических, социальных, этических особенностей составляющих задания на проектирование и окружающего участка [6].

В современных архитектурных проектах важны интерпретации смысла, идеи, пространства, формы, материала, а не их привычное значение или основание для применения. Новый взгляд на обыденный предмет позволяет создавать пространственные композиции иного свойства, нежели просто сочетание объемов и их соподчинение друг другу. В проект вносятся трактовки пространства и объемов совершенно иного порядка. Образная составляющая проекта, его личная проектная эмпатия, открытость к окружающему пространству – вот те достоинства, которые формируют современную архитектуру. Поэтому тема первичного исследования поставленной задачи и условий ее реализации является ключевым моментом

в обучении современному архитектурному проектированию. Уделяя больше внимания этому аспекту в своем внутреннем содержании, архитектурное образование приходит к необходимости переформатировать предмет «Архитектурное проектирование» в предмет «Архитектурное проектное исследование (АПИ)».

В данном случае слово «исследование» – это выражение и самого процесса, и конечной цели проектирования. Спроектированное здание является одновременно и предметом, и целью исследования. В начале исследовательской части проекта делается предположение (в виде архитектурной концепции) о возможном объекте проектирования на заданной площадке с заданными техническими характеристиками. Описываются его эстетические, структурные, функциональные возможности, способность влиять на окружающее пространство, его размещение в окружающей экосистеме, экономическая и социальная составляющие проекта. В дальнейшем во время проектно-исследовательских работ данное предположение подтверждается или опровергается итогами работы. Качество архитектурного проекта доказывает истинность или ложность сделанного предположения.

Таким образом, именно исследуя собственную творческую гипотезу, студент приходит к осмысленному пониманию, правильно ли было предположение или нет. Происходит изменение статуса студенческой семейной работы. Она переходит из разряда проектной в исследовательскую сферу. Этот переход закрепляет важность фиксации в процессе проектного исследования такого понятия, как концепция. Тот момент, в который происходит формирование сущностного наполнения будущего проекта, становится точкой, к которой сводятся нити исследовательской части и расходятся нити проработки и углубления проектных разработок. Это узловое место для предварительных исследований и последующего комплекса проектных разработок. Именно этот момент является максимально сложным в процессе обучения архитектурному проектированию, так как в нем сконцентрированы не только приобретенные навыки проектной работы студента, но и его творческий потенциал, креативность сознания, образность мышления.

Суть современной работы архитектора, который берется за проектную работу, может свестись к тому, что после проведения предварительных исследований он придет к выводу о противоречии содержания задания на проектирование действительности, и лучшим ответом на задание будет НЕ строительство какого-либо объекта на исследованной территории.

Этот пример показывает, какое важное место сейчас уделяется истории места строительства, особенностям существования окружающего пространства, взглядом на строительство проживающих поблизости различных социальных групп населения. Сейчас не существует твердого понимания того, что любое здание или изменение среды проживания необходимо в любом случае. Последствия поступка важнее самого поступка...

Индивидуальная, а особенно командная работа требуют современных цифровых пространств, на которых происходит накопление, структурирование и обработка собранной информации. Такими площадками для работы по архитектурному проектированию, коллективной цифровой работы, служат платформы Miro и Trello.

В рамках проектного марафона по «вводу» команд в проектный интенсив была использована популярная программа Miro. Программный продукт позволяет оставлять цифровой след и создавать поле презентаций при индивидуальной и коллективной работе. Единоразовно при проведении Марафона в программе участвовало до 100 человек. Задействованная совместно с программой Miro программа Microsoft Teams позволила осуществить голосовую связь со студентами их наставни-

ков, а также позволила при необходимости обмениваться изображением экрана наставника. При этом вся проектная работа шла на доске Miro.

В пространстве доски было создано несколько полей для командной работы. Каждая команда выполняла работу по началу анализа разрабатываемого участка. Для этого был создан алгоритм исследовательской работы, который должен был структурировать и спланировать командную работу. Первые шаги в исследовании проектного участка, которые делаются в цифровой среде, показали эффективность и перспективность такой модели преподавания. Структура выданного задания позволила в короткий срок создать у студентов представление о поставленной задаче и спланировать будущее командное взаимодействие внутри цифровой среды. Алгоритм работы складывался из работ по нахождению информации, ее анализу и выработке лучшего проектного предложения. Сначала идет работа в проектом поле программы Miro по сбору исторических справок о месте проектирования, составе жителей, социального состава проживающих. Собирается дополнительная информация через соцсети и городские сайты.

Дальше перед командами ставятся задачи по анализу собранной информации, начиная с создания облака идентичности, продолжая его мозговым штурмом, далее классифицируя идеи и на последнем этапе – принятие единой концепции. Порядок работы на досках Miro частично напоминал работу над первым клаузурным заданием, когда от студентов за короткий срок требуется сформировать первичную идею проекта.

Но обычно основная масса подобных клаузур ничем не заканчивалась, являлась творческим пустоцветом и не продолжала свою жизнь в последующей работе студента над проектом [7]. В нашем проектом модуле сложилась иная ситуация. Первоначальный поиск проектной идеи формировался не сам по себе, а исходил из предпроектного анализа территории, который выполняли студенты, сразу пытаясь оценить влияние собранной информации на поставленную проектную задачу. При этом они опирались не только на ситуационный анализ, содержащий те или иные факты о территории, а пытались оценить информацию по признакам типичности или нетипичности для данного места. Это эффективный способ с первых проектных шагов ставить задачу не просто сбора информации (энциклопедический способ получения знаний), но получить на ее основе дополнительную информацию путем именно анализа и проектной аналитики, сравнения фактов и предположений.

Стоит отметить, что первые исследования и проектные предложения, которые делают студенты, начинают создавать единую для всей команды проектную площадку в пространстве Miro. На ней всеми членами команды накапливаются интеллектуальные и творческие проектные ресурсы, которые переводят техническую задачу поиска и анализа информации в первые графические цифровые композиции. Они начинают формировать образ и концепцию будущего проекта и сопровождают команду в их совместной работе на всем протяжении проектного модуля. Графическая среда формирует рабочую среду для проектирования. Студенты создают свою «цифровую мастерскую» для командной работы. На завершающей стадии проекта пространство Miro становится местом презентации всего творческого багажа, который накоплен коллективом за время проектного модуля. На ней можно отследить творческий рост или отсутствие такового у команды. Важно, чтобы в конце творческого проектного модуля студенты видели и осознавали собственный путь, который они преодолели. Подчеркнем, что доска Miro не формальная презентационная вещь, созданная перед сдачей проекта, а живое поле работы и общения студен-

тов. Эта **новая искренность** в проектной работе – гарантия правильного отношения к уже профессиональной практике студентов. **Накопительный способ формирования конечного проектного продукта** – это создание альбомов и презентаций, включающих весь визуальный ряд проведенных исследований и проектных разработок. Накопительный, или поточный, способ формирования проектного продукта сводится к формированию поля концепции, которое выражается в создании единого объемно-пространственного языка проекта и выработке определенного графического языка для его подачи. Это важное свойство современного метода проектирования поддерживает и развивает программа Miro.

Платформа Trello становится следующим шагом в работе над проектом. Платформа дает возможность создавать рабочие карточки производимых проектных действий и передвигать их по полю в процессе исполнения работы. Этот метод разделения и учета работы хорошо проявляет себя при командном взаимодействии студентов. Карточки позволяют проектным наставникам отслеживать, какой объем работы выполнен каждым из студентов, их успех или торможение в проектной деятельности. Карточки Trello перемещаются по трем столбцам: надо сделать (to do), в работе (doing), сделано (done). В зависимости от того, в каком состоянии и на какой стадии находится работа, ее карточка располагается в том или ином столбце. Для более качественного прохождения проектного модуля лучше делить большие проектные задачи на небольшие подзадачи. Это позволяет студентам четче понимать цепочку проектных событий, из которых складывается реальное проектирование; помогает точнее определить ближайшие рабочие задачи, которые необходимо выполнить; равномернее распределяет рабочую нагрузку между всеми членами команды.

В процессе работы интенсива возникло незнакомое ранее понятие – цифровой след как новый критерий оценки работы студента. Цифровой след, который должен оставлять студент на платформе Университета 20.35, в первую очередь необходим для выработки у студентов опыта организации и администрирования собственной работы. Любую лекцию или вебинар, которые слушает студент, ему необходимо самостоятельно осмысливать и понимать их суть. Суть образования не в сказанном, а в услышанном. Описывая прослушанную лекцию или выполненную творческую задачу некоторым количеством предложений, студент учится находить суть в полученной или сформированной им самим информации, разделять информацию на факты и суждения, выполняет часть «рутинной» работы, которая всегда сопутствует проектной деятельности. Такая последовательность

^ Лодейное Поле. Вид на Маяк – детский клуб Юных спасателей со смотровой площадкой

^ Лодейное Поле. Набережная реки Свирь. Вид на регулярный парк с садом цветов

^ Лодейное Поле. Фрагмент генерального плана участка благоустройства

**Составы команд
Лодейное Поле,
благоустройство
набережной реки Свирь:**

Батютова Надежда Михайловна
Бурмистрова Елизавета Дмитриевна
Бунделева Ирина Андреевна
Зарницкая Оксана Славиковна
Колмакова Екатерина Александровна
Кадыров Азамжан Абдукахарович
Котченко Татьяна Сергеевна

действий служит развитию у студентов навыка сосредоточенности и ответственности в том деле, которым он занимается, что особенно важно в современном обществе, насыщенном тонкими вербальными связями, плотным информационным потоком и временными цепочками взаимоотношений.

Современный уровень информационного поля таков, что архитектор, не начав еще создавать проект здания или территории, обладает большим количеством информации о месте проектирования и его окружении. Они порождают особенную культуру предпроектного мира, которая начинает подавлять образные инициативы. Именно этот массив знаний начинает формировать взгляд человека на образ будущего здания или пространства еще до того, как сформирован художественный образ здания и его эмоциональный характер.

Собранные аналоги и примеры из подобного рода проектов служат фиксатором уже как будто найденных решений без прохождения полного цикла поиска решений. Началом проектирования становится визуальный ряд подобранных аналогов, чьи эстетические характеристики зачастую не совпадают с теми образами, которые могли бы родиться в голове архитектора, если бы он не прибегал к помощи такого рода иллюстраций. Это становится новым явлением **информационной стандартизации** в процессе проектирования, но теперь уже на уровне идей, а не только проектно-экономического диктата власти. Объективная идея для заданных условий подменяется субъективным предложением, исходящим из принципов собранного в интернете красивого визуального ряда. Инициатива в формотворчестве, которая принадлежит цифровому контенту, должна быть обязательно скорректирована, осмыслена и понята методом построения пространства через образы, эмоции и идею.

Предлагаемая идея пространственного решения здания очень часто базируется на визуальном ряде примеров, не содержащих идею, которая непосредственно может считаться «гением места». Случайный набор картинок из интернета порождает случайный выбор идеи для проектируемого пространства. Случайный выбор подкреплен «крепким» визуальным рядом и поэтому воспринимается как здоровое творческое предложение.

Такому явлению можно противопоставить только глубокий и осмысленный анализ того пространства и задания на проектирование, над которым работает студент. Принцип анализа сводится, прежде всего, к правильно заданным вопросам, которые обращены к массиву информации, собранного студентами.

Информация, которую собрали студенты, не столь важна, сколько правильный ее анализ и умелое применение в процесс проектирования.

В рамках проектного модуля студентам на стадии формирования концепции проекта предлагалось создать шаблон-описание для презентации проектной идеи. Процесс создания концепции проектного решения – один из главных навыков, которым должны овладеть студенты за годы обучения. Научить создавать современные творческие концепции для архитектурного проекта – самый трудный момент в обучении студентов. Кроме того, над проектом благоустройства они работают командной, стало быть, им надо учиться находить общий язык и компромиссы в своем совместном творческом поиске. Первые проектные предложения формируются в концепцию генерального плана и зонирования участка. Эта творческая командная работа студентов поддерживается лекциями на тему существующих примеров благоустройства, их эстетических и пространственных характеристик. Таким образом, итогом работы становится экватор, после прохождения которого студенты, преподаватели и наставники отвечают на вопросы анкеты про существующий порядок проведения проектного модуля, указывая все плюсы и минусы рабочего процесса.

Этот тип взаимодействия очень важен в работе такого рода, так как позволяет на стадиях прохождения нового творческого задания сразу собирать отзывы у всех задействованных в учебном процессе сторон: преподавателей, наставников и студентов.

Для архитектурного ракурса оценки данного явления особый интерес представляет описание самих проектных решений, которые дают возможность раскрыть потенциал новой формы обучения. Отметим, что в основу работы были положены задачи, аналогичные конкурсным заданиям Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды, который уже

< Лодейное Поле. Вид на набережную реки Свирь

третий год проходит в рамках национального проекта «Формирование комфортной городской среды».

Команды работали над 5 реальными кейсами, которые предложили на выбор индустриальные партнеры интенсива: это участки в городе Биробиджане, рабочем поселке Кулой Архангельской области, городах Курган, Задонск и Лодейное Поле.

Инструкции по выполнению и составу работ также были аналогичны конкурсным.

Выбрав кейс, студенты проанализировали ситуацию и выявили ее особенности, уяснили для себя ее проблематику и постепенно начали формировать решения. В процессе работы они вырабатывали свое отношение к участку, определяя его идентичность:

- изучали историю мест и городов в целом;
- выстраивали ряд исторических личностей, имевших отношение к истории этих мест;
- пытались найти и проанализировать истории, легенды и различные факты, имеющие отношение к данному населенному пункту;
- рассматривали природно-ландшафтные характеристики участка, лучшие качества которого, очевидно, нужно сохранить и подчеркнуть [8].

В рамках этой статьи мы рассмотрим особенности выполнения заданий на трех участках: в г. Лодейное Поле Ленинградской области, в рабочем поселке Кулой Архангельской области и г. Биробиджане.

В ходе работ проводились видеоконференции, в которых участвовали представители администраций Ленинградской области и города Лодейное Поле, Архангельской области и рабочего поселка Кулой, города Биробиджана, а также представители общественных организаций и жители городов и поселений.

Иногда в стартовые задания вносились корректировки; так, например, уже в ходе первой видеоконференции по площадке в городе Лодейное Поле всеми участниками было признано, что очевидным композиционным и смысловым центром территории является Дом народного творчества – один из крупнейших общественных центров города. Воссоздание рядом с ним домика Петра I, первоначальные работы по благоустройству территории, на которой находится большое количество памятников

и памятных знаков, близость к речному вокзалу только усилили значение места для города. Соответственно, продолжая тему этой территории, можно сказать, что идея организации туристическо-экологического маршрута вдоль участка лежала на поверхности. Такой маршрут позволял осуществить первоначальное знакомство с городом, его историей, знаковыми событиями. В конечном итоге основная мысль проекта преобразовалась в идею туристической оси, которая проходит через 4 знаковых элемента и опирается на серьезный общественный центр, территория которого была планировочно усовершенствована: перед ДК предполагается организовать многофункциональное общественное пространство, связанное с набережной, вдоль которой предлагается создать 3 общественных подпространства, одним из которых эта ось и будет завершена. Конечной точкой маршрута станет детская досуговая зона с декоративным маяком и обзорной площадкой.

Кроме того, можно сказать, что создается единая система, которая объединяет все функциональные зоны для комфортного передвижения по территории набережной. Она представляет собой множество троп, ведущих из одного пространства в другое, как бы направляя людей по разным функциональным площадкам. От площади у Дома народного творчества пути расходятся по разным направлениям: первый представляет собой ход к дублирующему общественному пространству – саду цветов; другой ход сориентирован по пространству улицы, которая будет задействована под туристическую тропу; третий ход ведет нас вдоль улицы с историческими мотивами и идет ко второй базовой точке – зоне общественного питания.

Данный участок должен стать Территорией опережающего развития города, местом особой привлекательности для жителей и гостей Лодейного Поля, любимым местом отдыха горожан, местом приложения трудовых навыков многих из них. При этом территория должна сохранить свое основное назначение: она была и должна остаться «визитной карточкой» города.

Реализовывать проект предполагается в три этапа.

Несколько иначе сложилась ситуация с работой «Благоустройство территории вокруг озера Кулой в ра-

^ Рабочий поселок Кулой. Вид на ротонду на набережной озера

^ Рабочий поселок Кулой. Генеральный план проекта благоустройства набережной озера Кулой

**РП Кулой,
благоустройство
набережной озера Кулой:**

Гусева Светлана
Михайловна
Кизилова Виктория
Игоревна
Кузнецова Елизавета
Алексеевна
Новикова Дарья
Александровна
Пилаева Диана Алексеевна
Рожковский Павел
Олегович
Селиванов Иван Сергеевич
Теник Кристина Вадимовна

v Рабочий поселок Кулой,
набережная озера Кулой.
«Стена» – элемент благоустройства,
совмещающий функцию смотровой
площадки и пункта торговли

бочем поселке Кулой». Проанализировав информацию о данной площадке, изучив историю поселка и пообщавшись с местными жителями, студенты четко охарактеризовали ее как территорию с расширенными функциями Центрального городского парка, которая играет значительную роль в жизни местных жителей. Во-первых, озеро располагается рядом с одним из крупнейших общественных центров, центром социальной активности – местным Домом культуры. В нем и на площади перед ним проводятся все общественно-массовые и праздничные мероприятия поселка. В обычные дни территорию парка посещает множество жителей разных возрастов. Спортивные мероприятия, которые в Кулое проходят с завидной регулярностью, также проводятся в непосредственной близости от проектируемого участка. Данная спортивная зона, включающая в себя спортивное ядро с футбольным полем и беговыми дорожками, хоккейный корт, две волейбольные площадки и площадку с уличными тренажерами граничат с проектируемым участком с западной стороны. Очевидно, недопустимо было бы не связать данные общественные центры с рекреационной зоной близ озера.

Вторым аспектом, характеризующим данную площадку, стала ее неповторимая и живописная природа. Сохранение ее аутентичности легло в основу проектного решения. Удивительная форма озера, почти идеально круглого в плане, продиктовала основные композиционные решения: радиальные элементы и лучевая композиция, оси которой ведут к основным точкам общественной активности. Сама крупная пешеходная ось проходит от главной площади перед Домом Культуры. В праздничные дни именно эта дорога будет наиболее оживленной. Концепцией предусмотрено расположение на ней мобильных киосков для праздничной ярмарки. Непосредственно на проектируемом участке располагается мемориал памяти погибшим в годы Великой Отечественной войны. Это место, куда приходят почтить память умерших, поэтому очевидно, что данный объект должен планировочно и функционально занимать отдельное, почетное место в композиции парка. Для выполнения данной задачи необходимо было сохранить достаточно большое пространство вокруг мемориала в тихом природном состоянии (каким оно на данный момент и является), а также обозначить входную зону пешеходной торжественной площадью и выполнить проход непосредственно к мемориалу на уровне, достойном данного сооружения. Радиальные элементы композиции в основном представлены лаконичным деревянным покрытием, которое опоясывает озеро, а со стороны лесного массива превращается в комфортное зеленое покрытие из экоплитки, растворяющейся в зелени травы. Пирсы, завершающие основные оси композиции, также имеют каждый свое значение: один из них сохраняет функцию пожарного, а второй является причалом для водного инвентаря. пляжная зона сохраняет расположение и нетронутое природное состояние. Концепция предполагает дополнение зоны спорта трибунами (двумя открытыми и одной крытой, с подтрибунным пространством для раздевалок, судейских и тренерских), позволяющими проводить спортивные мероприятия межрайонного уровня. Проектным предложением предусмотрено создание новой общественно-досуговой точки открытого амфитеатра, который может выполнять функцию зрелищно-развлекательного пространства, совмещающая ее с функцией

> Биробиджан. Генеральный план благоустройства площади им. Ленина

тихого, созерцательного отдыха. Образ романтической ротонды, дополнивший композицию с южной стороны озера, хорошо вписывается в общую концепцию создания пространства для отдыха, подчеркивая неповторимую красоту северной природы, венчает основную радиальную ось композиции и лаконично завершает ее. В рамках сложившейся ситуации наиболее подходящим решением территории было бы улучшение качества среды в существующих зонах и следующие дополнения.

Предполагается добавление к спортивному ядру малой спортивной площадки для активного досуга (утренняя зарядка, воркаут) и создание велодорожки, опоясывающей озеро и частично проходящей по территории лесного массива. Основным концептуальным решением было создание обзорной прогулочной трассы, контур которой читается на генплане. Эта тропа местами возвышается над уровнем земли, создавая обзорные площадки. Такой ход позволит создать возможность размещения киосков для продажи еды, напитков, сувенирной продукции. Зону детской площадки предполагается усовершенствовать, дополнив ее зонами для разных возрастных групп и переместив в более отдаленное от мемориала место. В восточной и южной части парка планируется максимально сохранить природную и естественную среду. Благоустройство прогулочных и рекреационных зон предполагается дополнить различными креативными объектами. В концепции применен принцип безбарьерной среды и перетекающих пространств, где более активные и оживленные зоны плавно перетекают в спокойную, естественную природную среду. На карте-схеме озеленения участка были отмечены некие ландшафтные композиции, являющиеся неотъемлемой частью «английских парков», где вмешательство в природный ландшафт минимально.

На третьей площадке – в городе Биробиджане – от студентов требовались предложения по реконструкции центральной площади города. Тема крайне серьезная, несомненно, требующая участия в обсуждении самых широких слоев городского сообщества [9]. Но этого не произошло в связи пандемией.

Поэтому студенческое проектное решение основывалось на комплексном развитии градостроительной

композиции площади с учетом окружающих пространств, объектов и доминант. К их числу относились памятник В. И. Ленину, проспект 60-летия СССР, одна из главных магистралей города, сквер с мемориальной зоной и общественное пространство набережной. С двух сторон площадь фланкируют здания Суда Еврейской автономной области и Правительства Еврейской Автономной Области. Основным и неперенным условием работы оставалось многофункциональное использование главного пространства города в разное время года и в периоды главных городских, региональных и государственных праздников, максимально соответствуя духу и букве массовых мероприятий.

Возможность для этого дала двухосевая композиция, основанная на принципе перетекания пространства. Первая из осей начинается в «нижнем» юго-восточном углу площади. Она стартует от амфитеатрального пространства, состоящего из площадки, радиальных рядов сидений и стоящего на небольшом постаменте арт-объекта, который студенты про себя назвали «кубик в кубиках». У этого объекта предполагалось несколько функций, основной из которых являлась роль сценического портала для различного рода театрализованных и концертных действ. Вторая – центр праздничных световых шоу в вечернее время, третья – игровое пространство и т. д. А композиционная ось, поддержанная низким помостом амфитеатра, пронизывает место установки главной новогодней городской доминанты – елки, пересекает проспект и логично завершается памятником В. И. Ленину. Для того, чтобы остановить это движение, сохранить при этом ощущение торжественности, за памятником предлагается установить две вертикальные плоскостные стелы, а пространство непосредственно рядом с ним углубить. На стелах можно разместить информацию особо памятного для города и региона характера.

Вторую ось начинают два многофункциональных объема так называемых «пропилеев», находящиеся в другом, «нижнем», юго-восточном углу площади, и обрамляют на первом этапе ряды плоскостных фонтанов. Далее она пересекает первую ось рядом с местом установки новогодней елки и уходит через проспект к скверу «Пограничникам – защитникам Амурских рубежей» с мемори-

Биробиджан, благоустройство площади им. Ленина:

Шленкова Ульяна
Алексеевна
Бурсаковски Алена
Марчеловна
Белицкая Анастасия
Владимировна
Лебедева Моника
Збигневна
Левшукова Кристина
Максимовна
Попова Анна Юрьевна
Трофимов Олег Сергеевич

альной зоной, где, кроме самого мемориала, установлены артиллерийские орудия и танк Ис-2.

Восточнее пропилеев располагается площадка для размещения объектов общепита. В юго-западном углу площади предлагается разместить площадку для мусорных контейнеров с подъездом к ним. Практически все зеленые насаждения, существующие на площади, сохраняются, корректируется лишь форма газонов и пересекающих их пешеходных проходов.

Далее в проекте студентов развивались уже присущие площади функции и частично привносились функции новые. В соответствии с этими идеями студенты отработали схему функционального зонирования площади и прилегающих к ней пространств. В нее вошли:

- зона сцены с присутствующим арт-объектом «кубик в кубиках»;
- площадь для публики перед сценой;
- зона амфитеатра, обрамляющая «праздничную» зону;
- парк-мемориал;
- зоны плоскостных фонтанов;
- место, на котором располагается мобильный «сад цветов», пешие парадные расчеты 9 мая и ледяной городок в новогодние праздники.

«Сад цветов» является мобильным, миксборды легки в сборке и удобны в обслуживании. Были разработаны 3 варианта цветочных композиций (весна, лето, осень).

Зона «сада цветов» является отличным местом отдыха. Ко Дню Победы миксборды демонтируются, освобождая место для пешеходных парадных расчетов. В новогодние праздники на этом месте появляется ледяной городок.

В правом, юго-восточном углу площади предлагается построить пропилю, поддержанные каскадом плоскостных фонтанов. Это классическое решение площади. Пропилю выполнены в стиле минимализма и имеют функции:

- элемент отдыха;
- элемент для детских игр;
- торговое место;
- уличная выставка.

Студентами разработана серия мобильных киосков для дополнительной торговли на площади во время различных общественных мероприятий и в праздничные дни.

К этому можно добавить, что освоение всего комплекса общественных пространств оптимально было бы разбить на две очереди, во вторую из которых выделить мемориал «Пограничникам – защитникам Амурских рубежей» с новым зонированием и благоустройством.

Заключение

Что этот проектный интенсив дал вузу? В современных реалиях дистанционный режим обучения доказал дееспособность, продемонстрировав свою актуальность в кризисной ситуации. Следующий фактор – внесение в учебную программу практико-ориентированного вектора, в котором процесс обучения происходит в деятельностном формате и где перед студенческими командами стоят реальные заказные задачи, решая которые, они получают компетенции, востребованные на рынке. В идеале это образовательное пространство, которое ориентируется на запросы каждого студента.

Студент участвует в формировании своей траектории развития, что, безусловно, требует от него высокой степени включенности и ответственности за свой выбор. Но нельзя забывать о том, что на этом этапе далеко не каждому студенту под силу осознанно сделать такой выбор, поэтому ни в коем случае нельзя отказываться от плюсов так называемой «немецкой школы» с ее системным подходом и выверенными программами.

Выявленные плюсы дистанционного режима еще предстоит проанализировать и систематизировать, но есть одна особенность, на которую так или иначе указывали

все участники процесса – и студенты, и преподаватели – это резко возросшие сложности во взаимодействии в ходе обучения так называемым «творческим дисциплинам», к которым относятся архитектурное проектирование, рисунок, скульптура и др. Дистанционные формы обучения, конечно, не должны полностью заменить непосредственное общение ученика и учителя, но изменившийся за последние несколько месяцев контекст меняет и представление о том, как и чему должен учиться представитель творческой профессии: образование прошлого несоразмерно с вызовами, которые сейчас стоят перед нами. Очевидно, при этом стоит задача творчески совместить новые подходы в обучении с плюсами «старой школы», что и предстоит сделать в самое ближайшее время.

Литература

1. Булгакова, Е. А., Горшков, Г. С., Забелина, С. А. МИТУ – МАСИ: цифровизация // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 125–130
2. Булгакова, Е. А., Буркин, В. П. Дистанционные образовательные технологии как инновационный метод преподавания архитектурных дисциплин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 8 (50). – С. 4
3. URL: <http://intensive.2035/university/> (дата обращения: 20.07.2020)
4. Булгакова, Е. А. Интегрирование инновационных методов образования в систему подготовки архитекторов // Электронное обучение и дистанционные технологии в образовании: опыт и перспективы развития. – 2015. – № 1. – С. 10–13
5. Булгакова, Е. А. Конкурсы МИТУ – МАСИ. Опыт конкурсной деятельности в контексте непрерывного творческого образования архитектора // Проект Байкал. – 2017. – № 54. – С. 150–152
6. Булгакова, Е. А., Лидин, К. Л. Преодоление прекариатства. Архитекторы для экономики переживаний // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 150–152
7. Булгакова, Е. А. МИТУ – МАСИ. Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт – архитектурная школа нового типа // Проект Байкал. – 2017. – № 53. – С. 54–57
8. Буйнов, А. Н.; Булгакова, Е. А. Крапивна. Попытка реабилитации // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 152–155
9. Lidin, K. L., Meerovich, M. G., Bulgakova, E. A., Zabelina, S. A. Information flows Balance and Price of real Estate // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 496–504

References

- Buinov, A., & Bulgakova, E. (2019). Krapivna. Rehabilitation Attempt. Project Baikal, 16(62), 152-155. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1564>
- Bulgakova, E. A. (2015). Integrirovaniye innovatsionnykh metodov obrazovaniya v sistemu podgotovki arkhitektorov [Integration of innovative methods of education in the training of architects]. E-learning and distance technolgis in education: experience and prospects, 1, 10-13.
- Bulgakova, E. (2017a). MITU-MACI Competitions. Participation in competitions in the context of continuous creative training of architects. Project Baikal, 14(54), 16-19. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.54.1241>
- Bulgakova, E. (2017b). Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute Is an Innovative Architectural School. Project Baikal, 14(53), 54-57. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.53.1212>
- Bulgakova, E. A., Burkin, V. P. (2016). Distance educational technologies as an innovative method of teaching architectural disciplines. International research journal, 8(50), 4.
- Bulgakova, E. A., Gorshkov, G. S., & Zabelina, S. A. (2020). MITU-MACI: Digitalization. Project Baikal, 17(64), 125-130.
- Lidin, K., & Bulgakova, E. (2018). To Overcome the Precarity: Architects for the Experience Economy. Project Baikal, 15(57), 150-152. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1376>
- Lidin, K. L., Meerovich, M. G., Bulgakova, E. A., & Zabelina, S. A. (2017). Information flows balance and price of real estate. Journal of Advanced Research in Law and Economics, 8(2), 496–504.
- Proektnyi modul Universiteta 20.35 (n.d.). <http://intensive.2035/university/>

Кампус ННГАСУ расположен на исторической территории Нижнего Новгорода, в Започаинье, поэтому в тексте переплетаются тема ревитализации историко-архитектурной среды и вопросы методики архитектурного проектирования. Неразрывная связь образования, науки и практики как главный инструмент подготовки архитекторов в ННГАСУ определила подходы к рассмотрению эволюции университетского городка. Приводятся проекты профессиональных архитекторов и студенческие проекты, продиктованные необходимостью решения как утилитарных, так и идеологических задач – превращение университетского кампуса в жизнеспособное общественное пространство.

Ключевые слова: университетский кампус; ННГАСУ; Започаинье; историко-архитектурная среда; общественное пространство. /

The Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (NNSUACE) campus is located in Zapochainie, a historical area in Nizhny Novgorod, so the issues of revitalization of the historico-architectural environment and those concerning the methods of architectural design are interwoven in the text. The symbiotic relationship between education, science and practice used as a principal tool for the training of architects at NNSUACE made it possible to envision the evolution of the university campus. The article presents the projects proposed by professional architects and students in response to the need to meet both practical and ideological challenges – to transform the university campus into a viable public space.

Keywords: university campus; NNSUACE; Zapochainie; historico-architectural environment; public space.

Векторы развития кампуса ННГАСУ / Development vectors for the NNSUACE campus

Введение

Тема статьи была задана двумя актуальными векторами: программами редевелопмента историко-архитектурной среды и формирования общественных пространств российских городов, с одной стороны, и 90-летием одного из ведущих архитектурно-строительных университетов страны – ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет» (ННГАСУ) – с другой. Объединяющим для этих тем является то, что кампус ННГАСУ (рис. 1) находится в историческом центре Нижнего Новгорода, в районе Започаинье, которое трактуется как достопримечательное место с большим количеством объектов культурного наследия. Актуальность темы обостряется в преддверии 800-летия Нижнего Новгорода, которое будет в 2021 году.

Започаинье – территория в нагорной части города за рекой Почайной на мысе, образованном с одной стороны Почаинским оврагом, с другой – откосом Волги и Оки. Природные характеристики продиктовали определенную обособленность этого места от центра города [1]. Эта «закрытость», наверное, и помогла уцелеть особой историко-культурной среде. Основной магистралью является улица Ильинская, направление которой задавала проходившая здесь дорога на Владимир и Москву. Место включает в себя весь набор закономерных и особенных черт Старого Нижнего Новгорода: выраженный рельеф, близость кремля, исторически сложившуюся застройку, берущую начало с палат XVII в., сохранившиеся храмы, каменные купеческие дома, городские усадьбы. Отсюда открывается обзор заволжских и заокских далей. Глубокие овраги разрезают ее на несколько функциональных зон, для каждой из которых характерен свой «дух места». Тем не менее, Започаинье отличается целостностью архитектурного облика, уникальность которого определяется прежде всего тем, что здесь сохранилась историко-архитектурная среда: культурный ландшафт, планировочная структура, разновременная застройка, система доминант – культовых зданий, в настоящее время отреставрированных (рис. 2).

Историческая справка

Нижегородский государственный архитектурно-строи-

тельный университет был образован в 1930 г. как Нижегородский инженерно-строительный институт на базе Инженерно-строительного факультета Нижегородского государственного университета (НГУ) при разделении его на шесть профильных институтов. До НГУ реализация инженерно-строительных специальностей в Нижнем Новгороде осуществлялась с 1916 по 1918 на базе Инженерно-строительного отделения Варшавского (затем – Нижегородского) политехнического института. В 1932 г. вуз стал именоваться Горьковским инженерно-строительным институтом (ГИСИ), которому в 1938 г. было присвоено имя В. П. Чкалова. Новый вуз воспринял научно-педагогические традиции вузов-предшественников, но уже первое десятилетие его существования характеризовалось динамичным изменением структурных подразделений и специальностей по перечню, содержанию, наименованиям. Так, в 1930 г. были образованы отделения: промышленного строительства, гражданского строительства, санитарно-техническое, дорожного строительства и заочное, которые в 1933 г. были преобразованы в факультеты [2].

История архитектурного образования в стенах ННГАСУ начинается с 1966 г. Основателем архитектурного факультета и специальности «Архитектура» стал Юрий Николаевич Бубнов, бывший в то время главным архитектором города. Ранее в ГИСИ на специальности «Строительство» велась углубленная архитектурная подготовка инженеров-строителей, включавшая занятия по рисунку и живописи. Эту работу возглавлял заведующий кафедрой архитектуры профессор Константин Дмитриевич Блохин, затем – заведующий кафедрой архитектуры профессор Михаил Семенович Седов. Многие выпускники этой специальности в дальнейшем стали известными нижегородскими архитекторами, а в 1960-е составили основу профессорско-преподавательского состава архитектурного факультета. Среди них Юрий Николаевич Бубнов, Николай Иванович Покровский, Дмитрий Павлович Сильванов, Юрий Геннадьевич Самойлов, Геннадий Николаевич Павлов. Плеяду преподавателей пополнили архитекторы, окончившие другие, в том числе столичные архитектурные вузы и работавшие архитекторами-практиками: Святослав Леонидович Агафонов, Леонид Алек-

текст

Анна Гельфонд
Андрей Лапшин /
text

Anna Gelfond
Andrei Lapshin

^ Рис. 1. ННГАСУ.
Вид с ул. Ильинской

> Рис. 2. Започаинье

сандрович Нифонтов, Виктор Яковлевич Чашин, Валентина Васильевна Баулина, Юрий Иванович Коновалов, Сергей Александрович Тимофеев. В 1971 г. в Горьком состоялся первый выпуск архитекторов. И сегодня уже выпускники ГИСИ – ННГАСУ, защитившие диссертации и получившие ученые степени докторов и кандидатов архитектуры, составляют основу профессорско-преподавательского состава кафедр, осуществляющих подготовку архитекторов [3].

«Дух места»

Первый корпус университета, расположенный по ул. Ильинской, является объектом культурного наследия, памятником архитектуры первой половины XIX в. Это бывшее здание Мариинской женской гимназии, размещавшейся в доме А. Д. Рычина, построенном по проекту архитектора Г. И. Кизеветтера в 1839 г. в классицистическом стиле. Руствованный первый этаж, пилястры и полуколонны коринфского ордера, треугольные сандрики над окнами второго этажа, строго осевое расположение ризалитов в виде классических портиков – характерные декоративные приемы для территории Започаинья. В начале XX в. с ростом числа учащихся разрабатывались проекты расширения здания. Проект пристройки дополнительного корпуса был разработан в 1872 г. предположительно архитектором Л. В. Далем, но реализован только в 1901 архитектором Е. А. Татариновым. После 1917 в здании находилась школа. С 1930 в нем стал размещаться Горьковский инженерно-строительный институт. В 1939 здание было надстроено двумя этажами, (арх. Д. П. Сильванов), что отмечено на фасаде белым профилированным карнизом (рис. 1). В начале 1970-х вдоль красной линии ул. Ильинской был построен корпус № 2.

Так начался процесс формирования современного университетского комплекса ННГАСУ. В 1980-е по проекту архитектора Ю. Н. Бубнова были выстроены пятый, шестой учебно-лабораторные корпуса и блок столовой (рис. 3). Пройдя целый ряд серьезных этапов, связанных с масштабным новым строительством, сегодня территория ННГАСУ имеет сложную неоднородную исторически сложившуюся застройку. Развиваясь долгие годы вглубь квартала, в 2010 кампус университета снова вышел

на красную линию ул. Ильинской. В бывшем главном доме усадьбы А. В. Маркова (рис. 4) был организован Центр международного сотрудничества ННГАСУ (ныне – Международный институт технологий бизнеса ННГАСУ). Городская усадьба конца XIX в. – объект культурного наследия регионального значения – включает главный дом, каретник, корпус служб, ворота. Построенный в начале XX в., главный дом имеет сложную объемно-пространственную композицию и выделяется на фоне нижегородских построек начала XX в. необычным архитектурным обликом. В его фасадах прочитываются черты флорентийского палаццо периода раннего Возрождения, тогда как интерьеры выполнены в стиле модерн.

Таким образом, пройдя целый ряд серьезных этапов, связанных с масштабным новым строительством, сейчас комплекс университета состоит из десяти учебных корпусов, общежития, спортивного корпуса, столовой.

Проект «Ильинская слобода»

Академик А. В. Иконников писал, что «...» форма архитектурного объекта выражает способ его организации и способ существования в контекстах среды и культуры» [4, с. 12]. Согласно этой версии, ученые занимают проблемы, близкие архитектурному объекту, в котором ведутся научные исследования. Некая инверсия теории географической среды. ННГАСУ находится в историческом центре города, в центре достопримечательного места Започаинье, вуз искренне озабочен проблемами сохранения целостной историко-архитектурной среды Нижнего Новгорода.

В 2003–2005 учеными ННГАСУ под руководством академика РААСН ректора Валентина Васильевича Найденко (1938–2005) была разработана концепция развития Започаинья. Проект носил название «Ильинская слобода» по названию улицы Ильинская, которая является смысловой осью района. В концепцию вошло описание проблемного поля, раскрывающего разносторонний потенциал проекта, научно-исследовательских и проектных работ, включающих разработку историко-культурного-опорного плана, программ-заданий на реконструкцию и приспособление для современного использования существующих объектов культурного наследия и проектирование новых

^ Рис. 3. Пятый и шестой корпуса ННГАСУ.
Вид с ул. Гоголя

^ Рис. 4. Главный дом усадьбы А. В. Маркова.
Международный институт технологий бизнеса ННГАСУ

общественных зданий, экспертизу сооружений; составление туристических маршрутов и механизмы реализации всех этих направлений.

Главным на тот период было аналитически выявить и практически восстановить историко-культурный каркас этого участка – каркас на современном каркасе, т. к. территория не свободна от временных наслоений. Легко прочитывается планировочная структура за счет трассировки улиц и системы доминант – сохранившихся культовых зданий. Здесь сохранилось восемь приходских церквей, на то время (2004) частично перестроенных, обезглавленных, функционировавших долгое время не по назначению. В соответствии с концепцией систему храмов-доминант решено было восстановить прежде всего; на всех культовых объектах проведены реставрационные работы, и достаточно изящные здания церквей стали «удерживать» исторически сложившуюся застройку, в которую входят 5-ти, 9-ти и даже 14-этажные дома [5].

Именно в рамках этой концепции появились знаковые для города объекты – ансамбль благоустройства площади Народного Единства (арх. А. Гельфонд, Ю. Карцев, М. Дuceв, А. Копылов; 2005) с памятником К. Минину и Д. Пожарскому скульптора З. К. Церетели (рис. 5). Это

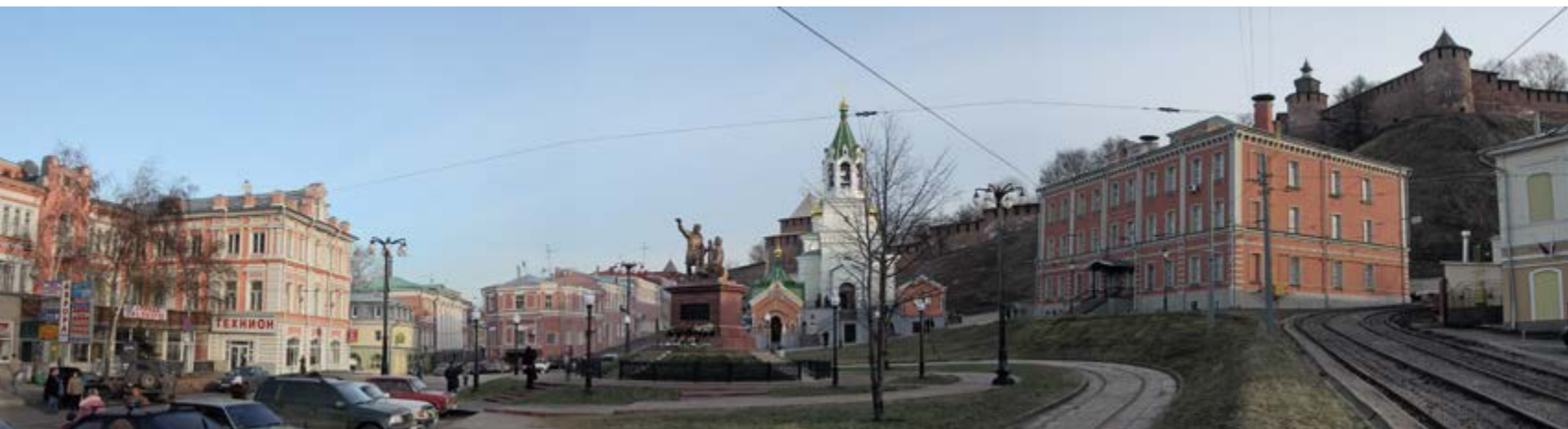
уникальное общественное пространство, являющее собой модель соединения нового (площадь, памятник, звонница набатного колокола) и старого – отреставрированный храм Рождества Иоанна Предтечи (ЗАО ТИК «Старый Нижний Новгород»), историческое окружение. Позже рядом, в непосредственной визуальной связи с площадью у подножия Зеленского съезда и близко к месту ранее утраченной была построена церковь во имя Казанской иконы Божией Матери (арх. Е. Пестов, 2015).

Таким образом, был полностью восстановлен пространственный каркас, закрепленный культовыми зданиями как доминантами.

Учебное проектирование

Тогда же, исходя из необходимости научно обоснованного проектного подхода, кафедра архитектурного проектирования ННГАСУ включила проект реконструкции историко-культурной территории «Ильинская слобода» (Започаинье) в учебную программу по архитектурному проектированию. Перед студентами ставились задачи под руководством преподавателей кафедры архитектурного проектирования выполнить историко-культурный опорный план, выявить бассейны видимости и зоны

v Рис. 5. Площадь Народного Единства

> Рис. 6. Культурный центр в историческом районе Започаинье. Магистр А. Аблесимов, рук. проф. М. В. Дущев. 2018

наилучшего визуального восприятия доминант, ценного природного ландшафта, определить ценностную градацию исторически сложившейся застройки с выявлением объектов историко-культурного наследия, ценных объектов среды и диссонирующей застройки, а также определением зон регулирования застройки.

На основе данного историко-культурного анализа перед студентом ставилась задача выполнить проект застройки, разместив в ней также музей, и в дальнейшем его запроектировать. Во всех студенческих работах сохранен природный ландшафт и применен главный концептуальный принцип реконструкции этой территории – сохранение основного фронта исторической застройки с нейтральными вставками современных зданий при полном восстановлении церквей и ОКН в соответствии с федеральным законом об объектах культурного наследия. В своих проектах студенты предлагали сочетание преимущественно двух посылов: «Ильинская слобода» как центр туризма и как среда обитания для постоянного жителя. В рамках первого посыла – приспособление существующих зданий под новые функции, проектирование общественных зданий, предназначенных для обслуживания туристов на формирующихся туристических маршрутах (небольших гостиниц, магазинов, выставочных залов, предприятий бытового обслуживания, автомобильных стоянок). Второй включает проектирование жилых и общественных зданий для жителей Започаинья, причем при удалении диссонирующей застройки ставится задача сохранения плотности населения.

В ряде работ студентам удалось разгадать градостроительный код территории: построены соответствующие сетки, на которых, по мнению авторов, мастера прошлого выстраивали систему акцентов и доминант. Задача студентов – не оставить на этой территории брошенных, забытых мест. Необходимо было отработать все участки, в том числе те, где, казалось бы, все сохраняется. Особый акцент следовало сделать на систему благоустройства территории. Не секрет, что именно она, градостроительно, планировочно, функционально и знаково направляет человека, привносит жизнь в подчас забытые уголки города, района или квартала. Наверное, поэтому такова красивая топонимика слова: «благо – устройство».

Теперь, с позиции сегодняшних (2020) национальных проектов, в частности, «Формирование комфортной городской среды» ясно читается, что эти установки были прогностическими и даже «провидческими».

Такое экспериментальное, поисковое проектирование своей вариативностью призвано указать пути реального решения профессиональных проблем. Так, в частности, в 2004–2005 гг. материалы комплексного предпроектного анализа вошли в историко-культурный опорный план, разработанный НИП «Этнос».

Проектирование в исторических центрах городов помимо развития профессиональных навыков диктуется также заботой о создании у студента социально ориентированной морали, в основе которой – осознание собственной идентичности (рис. 6). Сказав об «идентичности», вероятно, уместно упомянуть, что бережные подходы к работе с историко-архитектурной средой роднят целый ряд вузов. О многолетнем вузе-партнере ННГАСУ – Политехнике Милана – М. В. Дущев пишет: «Итальянский подход к профессии, в том числе к профессиональному образованию, по понятным причинам в большой степени удерживает охранительные позиции. В институтах настоятельно прививается знание истории архитектуры, изучение морфологии города, принципов ее развития. На практике жестко регламентированы работы с ценным наследием. При этом архитектурная глобализация все равно распространяется на самые выгодные по экономическим причинам районы, размывая характер среды» [6].

Программы редевелопмента. IT-квартал на Ильинской
В 2019 г. Започаинье стало одним из объектов в программе редевелопмента исторической застройки в преддверии 800-летия Нижнего Новгорода. Победителем конкурса на редевелопмент Започаинья, объявленного Институтом развития городской среды Нижегородской области, стал консорциум из трех компаний: ООО «Ленгипрогор», Фонд «ЦСР Северо-Запад» и компания «CSoft – Нижний Новгород». В качестве генерального проектировщика выступает ООО «Ленгипрогор» (Санкт-Петербург), первый подготовительный этап проводит Архитектурное бюро «Рождественка», руководитель –

< Рис. 7. Схема кампуса ННГАСУ

- 1 Учебный корпус №1
- 2 Учебный корпус №2
- 3 Учебный корпус №3
- 4 Учебный корпус №4
- 5 Учебный корпус №5
- 6 Учебный корпус №6, библиотека ННГАСУ
- 7 Столовая университета. Бар «Наутилус»
- 8 2 Учебный корпус №8
- 9 Учебный корпус №9
- 10 Учебный корпус №10, общежитие №1
- 11 Спортивные залы
- 12 Плавательный бассейн
- 13 Котельная университета
- 14 Хозяйственные помещения
- 15 Жилые дома для сотрудников университета
- 16 Жилой дом для сотрудников университета
- 17 Международный институт технологий бизнеса ННГАСУ
- 18 Памятник сотрудникам, преподавателям и студентам, погибшим в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг

Н. Тютчева (Москва). Главный инженер ООО «Ленгипрогор» Ю. Перелыгин отмечает, что опыт редевелопмента исторических территорий в Санкт-Петербурге, Иркутске, Вологде, Томске, Красноярске показывает, что такие кварталы живут «своей замечательной жизнью». Якорную функцию улицы Ильинской и всей территории Започаинья предложено отвести IT-сектору; при этом подчеркивается, что 800 лет истории города и IT в одном проекте – это уникальное предложение и определенный вызов [7]. В конце 2019 г. проект развития Започаинья обсуждался на международной кафедре ЮНЕСКО ННГАСУ. В ходе многоаспектной дискуссии сформировалось мнение, что важным центром притяжения в Започаинье должен остаться Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет.

Конечно, для этого кампус ННГАСУ должен динамично развиваться в соответствии с актуальными тенденциями.

Кампус ННГАСУ. Проекты расширения и реконструкции

В статье «Архитектурная идентичность организации: пространственные схемы кампусов» М. В. Пучков приводит классификацию университетских кампусов согласно градостроительным, функциональным и композиционным особенностям [8]. Он указывает, что университетские кампусы как градостроительные объекты можно разделить на четыре типа: городского рассредоточенного типа, городского локального типа, загородного (пригородного) локального типа, «микст». Локальные комплексы представляют собой кампусы (как территориальные единицы) высокой плотности, обособленные в городской застройке.

Согласно этой классификации кампус ННГАСУ – локальный комплекс, обособленный в городской, причем исторической, застройке. Его территория имеет в плане форму вытянутой трапеции, ограниченной по длинным сторонам ул. Ильинской и ул. Гоголя, по коротким – ул. Малой Покровской и примыкающими внутридворовыми территориями ул. Нижегородской (рис. 7). Конечно, у такой территориальной единицы достаточно ограниченные возможности для развития. Тем интереснее остановиться на отдельных проектах реконструкции, реставрации и расширения ННГАСУ.

Так, до настоящего времени не полностью сформирован фронт застройки по улице Гоголя, на которую выходит один из фасадов всего комплекса. В 2007 г. по проекту профессора кафедры архитектурного проектирования архитектора А. А. Худина (НПП «Архитектоника») был построен жилой дом для сотрудников ННГАСУ. Это 7–10-этажный Г-образный в плане объем, который примыкает к общежитию № 1, отделяя жилую зону кампуса от учебной и организуя площадь перед 5–6 корпусами университета.

С 2006 г. по настоящее время (2020) в Архитектурной мастерской ННГАСУ под руководством главного архитектора мастерской заведующей кафедрой архитектурного проектирования профессора А. Л. Гельфонд выполнен целый ряд проектов расширения комплекса университета и реконструкции его отдельных корпусов. В 2008 г. – проект приспособления ОКН главного дома усадьбы Маркова для современного использования: под Центр международного сотрудничества ННГАСУ. Позже коллектив авторов под руководством арх. С. М. Шумилкина разработан и осуществлен проект его реставрации.

В 2006 г. архитектором М. В. Дущевым был выполнен эскизный проект корпуса архитектурного факультета по ул. Гоголя (рис. 8). Постановка объема предполагала решение как функционально-практических – восполнение нехватки учебных и неучебных пространств для архитекторов, так и градостроительных задач – закрепление угла пересечения ул. Гоголя и Малой Покровской. Обозначенный таким образом курдонер перед фасадом университетского комплекса предполагал создание благоустроенного общественного пространства.

Но этот проект еще ждет своей реализации, как и ряд других проектов по преобразованию кампуса, выполненных в Архитектурной мастерской ННГАСУ. Среди них необходимо отметить наиболее значимые. Так, проект реконструкции корпусов № 5 и № 6, предполагавший остекление веранды второго этажа и создание за счет этого дополнительных площадей для кафедры рисунка и живописи, а также для библиотеки, существенно менял фронтальную композицию фасадов по ул. Гоголя, придавая подиуму большую значимость. Разработанный в 2013 году проект реконструкции общежития № 1

> Рис. 8. Проект учебного корпуса архитектурного факультета.
Арх. М. В. Дуцев. 2006

(арх. Д. П. Сильванов, К. Д. Блохин, инж. Н. И. Покровский. 1950–1952) предусматривал надстройку мансарды и размещение в ней учебных помещений. Проект часовни в честь Преподобного Серафима Саровского выполнен в 2012–2013 (арх. А. Л. Гельфонд, Я. Л. Шаболдин) и предполагал постановку небольшого (7,8 × 11 м в плане) изящного объема во дворе 5 корпуса на территории, непосредственно примыкающей к кампусу университета, но юридически ему не принадлежащей. Такая идеология также лежит в плоскости повышение роли и «притяжения» ННГАСУ для горожан.

Основным инструментом архитектурного образования в ГИСИ – ННГАСУ традиционно является связь архитектурного образования, архитектурной науки и архитектурной практики. Эти традиции имеют глубокие корни и самые различные направления. Это и особенности профессорско-преподавательского состава, и СКБ ГИСИ, и сегодняшняя Архитектурная мастерская ННГАСУ, где студенты и магистранты проходят проектные и научно-исследовательские практики. Кроме этого, курсовые и дипломные проекты на кафедре архитектурного проектирования всегда выполняются на реальных топографических подосновах. Выше уже было отмечено, что это поисковое, экспериментальное проектирование, отработка «белых пятен», «черных дыр» на карте города. «Одной из показательных экспериментальных площадок поиска актуального содержания и отработки формы традиционно является образовательная среда, где на сегодняшний день также очевидно плюралистическое многообразие подходов и методов» [9, с. 56]. Конечно, при такой установке в число объектов внимания и исследования входит территория кампуса и непосредственно корпуса университета. В последние годы эта работа отмечена широким межкафедральным сотрудничеством, отражающим разностороннее отношение к архитектурной среде университета.

Кампус ННГАСУ глазами студента

Среда университета... Что же видит в ней студент?

В статье А. Л. Гельфонд 2017 г. [10], написанной в форме полилога с магистрами – выпускниками кафедры

архитектурного проектирования ННГАСУ разных лет – была основана на их письмах. Приведем две цитаты.

Максимова Анна: «Кроме общежития и стипендии, магистратура (год окончания 2016) дала возможность еще два года быть в университетской среде <...>».

Жаркова Ольга: «Когда я решила пойти в магистратуру (год окончания 2014), я не понимала, зачем я туда иду. Просто не хотелось уходить из университета <...>».

Реконструкция ННГАСУ – нередкая тема ВКР. В разные годы студентами архитектурного факультета выполнялись проекты, направленные прежде всего на решение задач расширения факультета (рис. 9).

В 2018 г. выполнен дипломный проект «Реконструкция комплекса ННГАСУ», предполагавший «сборку» всего кампуса в единый организм (бакалавр М. С. Дурасова, рук. профессор А. Л. Гельфонд) (рис. 10). В пояснительной записке к проекту студентка описывала проблемы участка проектирования, выявленные ее в ходе предпроектного градостроительного анализа:

- хаотичность, физический и моральный износ существующей застройки;
- запутанная планировочная структура, нарушение явных пешеходных связей между корпусами, сложная навигация;
- недостаточное благоустройство территории, отсутствие рекреаций и озелененных зон отдыха для студентов;
- недостаток парковочных мест и, как следствие, дворы и обочины, заставленные автомобилями.

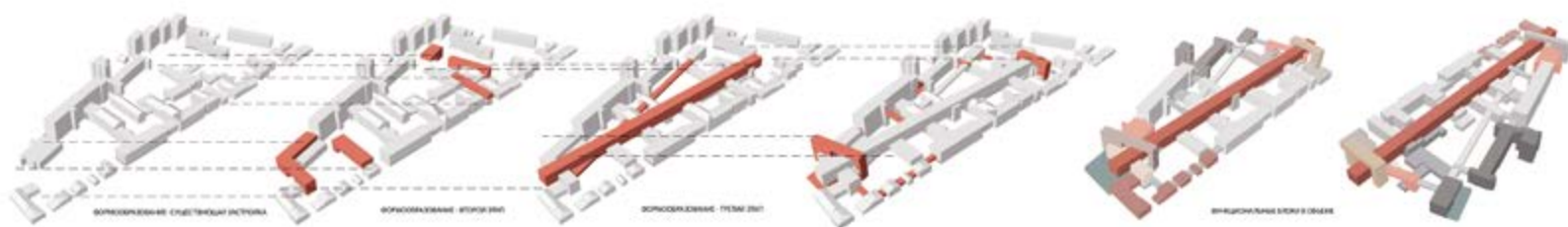
Исходя из этих посылов, сформировано проектное предложение реконструкции университета. Причем, идею обновления и жизнеспособности решено было привнести в университетский кампус при сохранении существующего функционального зонирования кампуса как снаружи, так и внутри посредством переформатирования большинства из зон. Нельзя не согласиться с М. В. Пучковым, который писал: «Одна из основных планировочных идей современного университетского кампуса – сформировать единую архитектурно-пространственную среду с максимальной открытостью и динамичностью всех объектов учебного, социального и жилого профилей. В кампусах публичное и общественное пространство всегда важнее

^ Рис. 9. Реконструкция комплекса ННГАСУ. Магистр Ю. Парфенова, рук. проф. О. В. Орельская. 2007

^ v Рис. 10. Реконструкция комплекса ННГАСУ. Бакалавр М. Дурасова, рук. проф. А. Л. Гельфонд, 2018

личного, что провоцирует рост социального капитала университета, поскольку общественное пространство порождает социальные взаимодействия между студентами, между преподавателями, порождает также практику самоорганизации студентов, и эти принципы инициативного действия позволяют воспитать активных лидеров, развить структуры самоуправления и саморегулирования жизни кампуса» [11].

В основе глубинно-пространственной композиции лежит идея объединения разновременных и разномасштабных сооружений кампуса в целостную структуру. Объединяющим элементом выступает линейная лежащая призма, которая пронизывает весь комплекс по диагонали и к которой крепятся непосредственно и визуально примыкающие корпуса и открытые пространства. Основная идея – неразделение на внешнее и внутреннее – осуществляется за счет решения дворов, которые демонстрируют постепенный переход от городской среды к пространствам внутри здания. С утилитарной точки зрения такой прием был продиктован наиболее короткими путями передвижения студентов и преподавателей университета. Основное центральное коммуникационное пространство подразумевает зоны отдыха и рекреации, что дает возможность для широкого использования.

Главный вход организован на углу пересечения улиц Гоголя и Малая Покровская. Он представляет собой парадную лестницу – открытый амфитеатр. Акцентируя главный вход, главный призматический объем пронизывает арку-портал и нависает над парадной лестницей – открытым амфитеатром. Проектируемые учебные корпуса имеют в основном галерейную схему группировки помещений. Большинство переходов между корпусами запро-

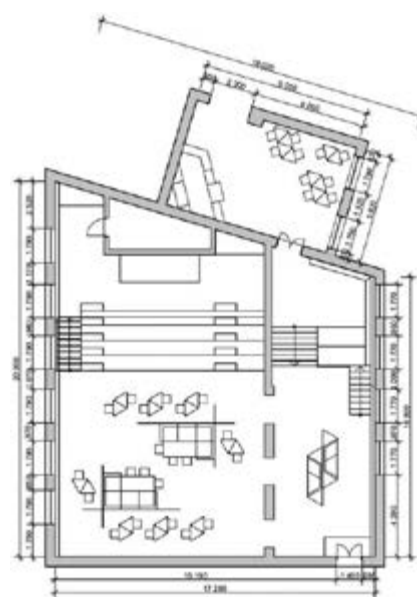
ектировано на уровне 4 этажа, что делает четвертый этаж транзитным и позволяет вынести туда большие поточные аудитории, рекреационные помещения, буфеты. Предложена эксплуатируемая кровля, которую предлагается использовать для увеличения рекреационных площадей и озелененных территорий. В отделке зданий используется большое количество остекления для придания им легкости и воздушности, а также для обеспечения связи между внутренним и внешним пространством.

На уровне ассоциаций автору проекта удалось превратить генеральный план разновременного кампуса в супрематическую композицию; вероятно, сработал 1930 год – год основания ГИСИ! Впрочем, оценивать стилистические особенности проектных решений или предпочтения авторов (в том числе студентов) при сегодняшнем проектировании в исторически сложившейся среде, вероятно, еще преждевременно. Так эту мысль сформулировала Е. И. Григорьева: «Что касается определенного стиля современной застройки в «Иркутских кварталах», то здесь нет конкретики. Современная архитектура тем и отличается, что еще не имеет четко сформулированных определений. Наука движется вслед за практикой: сначала стиль нарабатывается, а после теоретики формулируют его отличительные черты и дают название» [12].

Общественное пространство ННГАСУ

В 2019 г. была проведена реставрация исторических фасадов 1 корпуса, и внимание сосредоточилось на внутренних пространствах вуза. В конце 2019 г. «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (АСИ) объявило конкурс проектов общественных

^ Рис. 11. Внутренние общественные пространства ННГАСУ. Проект преподавателей и студентов кафедры дизайн-проектирования и изобразительных искусств. 2019

пространств среди организаций высшего образования [13]. По предложенной АСИ методике в ННГАСУ конкурсная заявка была сформирована на основе совместной работы преподавателей и студентов кафедр архитектурного проектирования, дизайна архитектурной среды, дизайн-проектирования и изобразительных искусств.

Разработка концепции внутреннего общественного пространства вуза определяется несколькими аспектами:

- изучение потребности в наличии доступного во внеучебное время общественного пространства в студенческой и преподавательской среде;

- анализ потребностей в дополнительном общественном пространстве в вузе для реализации мероприятий различного уровня во внеучебное время;
- анализ возможностей безболезненного выведения необходимого аудиторного фонда вуза из учебного процесса;
- обоснованность функционального наполнения пространства по результатам мониторинга.

В мониторинге, направленном на выявление потребностей в данном пространстве, приняли участие 1058 студентов старших курсов очной и заочной форм обучения, 43 преподавателя и 56 сотрудников АУП ННГАСУ.

По результатам укрупненного анализа итогов опроса выяснилось, что 85% опрошенных высказались за необходимость создания в вузе доступного общественного пространства на предложенной в разработке территории. Приоритеты его функционального наполнения распределились в следующей последовательности:

- возможность реализации самостоятельной деятельности в период вынужденного ожидания 21%;
- групповое общение по интересам 15%;
- знакомство с новыми интересными людьми 7%;
- самостоятельная подготовка к занятиям 12%;
- работа студенческих объединений 11%;
- дополнительные консультации и беседы с преподавателями 2%;
- освоение новых образовательных программ 5%;
- физическое расслабление и отдых 10%;
- развлечения и игровая деятельность 9%;
- услуги студенческого буфета 8%.

Для организации внутреннего общественного про-

странства, которое должно стать замковым камнем, объединяющим разнохарактерную среду университета, выбрано четыре взаимосвязанных помещения на границе 6 и 3 корпусов: две аудитории и рекреация перед ними. Такой выбор места продиктован несколькими факторами:

- доступность и связанность: выбранное место – это коммуникация на средокрестье взаимно перпендикулярных корпусов, в непосредственной близости от библиотеки, музея, выставочного зала, а также буфета и столовой, здесь по определению всегда много народа;

- многофункциональность: функции нового общественного пространства – досуговая – возможность отдыха после занятий; экспозиционно-выставочная – возможность наблюдать и изучать макет города Нижнего Новгорода, который планируется установить здесь; учебная – возможность проведения мастер-классов и презентаций;

- комфорт и облик места: выбранный для организации общественного пространства участок состоит из четырех помещений: помещение прямоугольной формы в плане площадью 108,8 м² с плоским полом; помещение трапециевидной формы в плане площадью 94,4 м² с амфитеатром; рекреация площадью 85 м², а также примыкающее помещение буфета; на участке имеется перепад отметок;

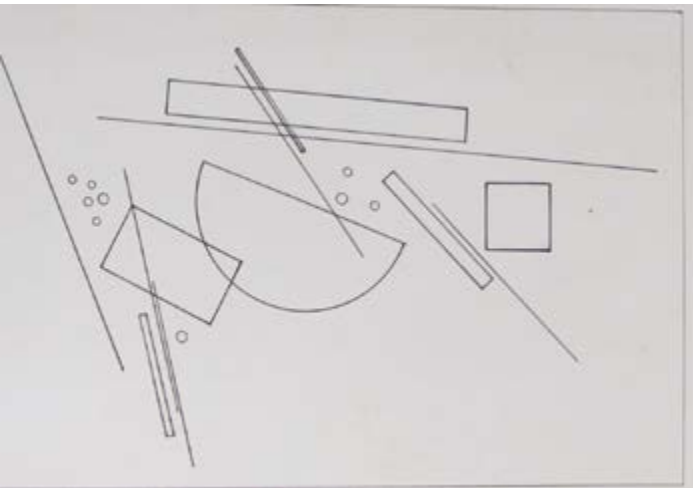
- ощущение безопасности и возможности общения: основано на высоком потенциале развития этого места: в основу идеи положено сочетание открытых и закрытых пространств, что непременно найдет разных пользователей.

Соединение этих посылов обеспечит постоянное присутствие в этой «точке» студентов, что является определяющим фактором жизнеспособности общественного пространства. Оценивая высокий потенциал выбранного места с точки зрения каждого из четырех приведенных выше критериев, отметим, что по каждому из них у данного места имеются как сильные, так и слабые стороны, которые можно определить как вызовы:

- наличие глухой стены между помещением и рекреацией;

- преобладание транзитной функции при наличии учебной и рекреационной как доминирующих, необходимость насыщения другими функциями;

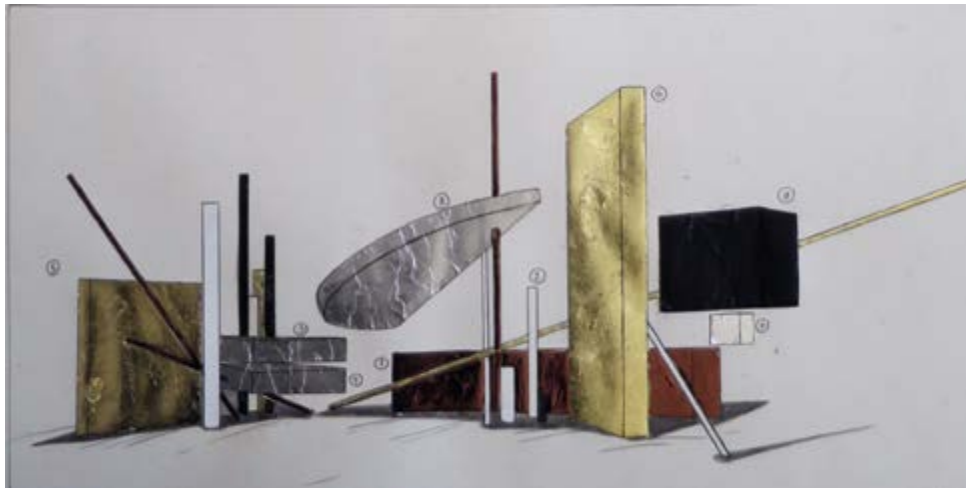
^ Рис. 13. Арт-объект «Лента времени». Клаузура студентки 3 курса К. Фоминой, 2020

– отсутствие мест для отдыха в рекреации, а также мест для размещения верхней одежды и сумок в помещении буфета;

– отсутствие единого композиционно-художественного решения, придающего месту привлекательный характер для возможности свободного общения.

В основе концепции формирования общественного пространства лежит идея чередования открытых и закрытых пространств, а также идея создания перетекающих пространств как в плане, так и по высоте. Для осуществления этой идеи предлагается организация проемов в глухой стене, равных по высоте существующему дверному проему, заполнение которого демонтируется. Таким образом, рекреация объединяется с существующим помещением аудитории арочными проемами. Для обострения идеи многоуровневого перетекающего пространства в рекреации организован еще один уровень – Г-образная в плане антресоль. Это расширяет площадь для свободного общения и коворкинга. Вариант насыщения пространства функцией коворкинга с возможностью периодической трансформации предусмотрен также в прямоугольном помещении с плоским полом. Предусмотрена выставочная функция общественного пространства с организацией сменной экспозиции. Предусмотрены также сидячие места для отдыха и работы.

Помещение трапециевидной формы в плане трактуется как закрытое, автономное для возможности проведения мастер-классов и презентаций. В нем сохраняется амфитеатр. Организуется небольшая приподнятая площадка – эстрада – зона спикера. Над ней выполняется антресоль с возможностью размещения дополнительных мест для буфета. На уровне антресоли делается проем в стене, через который антресоль переходит в примыкающую рекреацию. На перепаде высот в рекреации выполняется амфитеатр на всю ширину помещения с настилом для отдыха. Это дает возможность проведения досуга. Под антресолью амфитеатр врезается в остекленный стеллаж с полками, подхватывающими отметки уровней амфитеатра. Сохраняется функция питания: непосредственно примыкающий к реконструируемому пространству буфет также преобразуется в неотъемлемую составную часть общественного пространства. Темой композиции стано-

в Рис. 12. Открытое выставочное пространство. Клаузуры студенток 3 курса А. Борисовой, А. Ларюшкиной, А. Лисовой, 2020

вятся три ниши с местами для сидения; пилястры между ними имеют западания для возможности складывать сумки и верхнюю одежду. Навигация осуществляется направляющими дорожками из различных по цвету материалов, смонтированными в напольное покрытие.

Необходимо отметить, что этот конкурс определил один из актуальных векторов развития университетского кампуса – реновацию внутренних общественных пространств (рис. 11).

Потенциал развития. Событийность

Подробно остановившись на актуальной теме формирования общественных пространств, в завершение статьи поставим отдельный акцент на одной из важных составляющих темы – теме событийности. «Пространство со-бытийности, не случайности существования здесь и сейчас, во многом формируются архитектурным окружением, когда архитектура является не только и не столько стенами, сколько таким же учителем жизни, мудрости,

человеческих ценностей, как и учебная программа университета» [14]. Вероятно, в случае, когда речь идет об архитектурной среде университетского кампуса, наполнение событиями приобретает особо острый смысл.

И действительно, вокруг ННГАСУ в географическом и смысловом ракурсе традиционно происходят актуальные события. Вуз как аккумулятор архитектурно-строительных идей и символ постоянного обновления и историко-архитектурная среда как источник вдохновения и неразрывной связи с традициями находятся в постоянном взаимодействии.

Так, уже случились первые события, посвященные 90-летию ННГАСУ: Междисциплинарный архитектурно-педагогический форум «Среда и ее влияние на человека. Теория и практика в педагогике, архитектуре и дизайне»; студенческий конкурс клаузур на тему «Арт-объект в стиле авангард» (рис. 12). Интересно, что один из арт-объектов, предложенных студентами на территории кампуса ННГАСУ, носит название «Лента времени» (рис. 13). Наверное, это не случайно, в этом вектор будущего и открытый потенциал непрерывного устойчивого развития.

Литература

1. Нижний Новгород: Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, расположенных на территории Нижнего Новгорода/отв. ред. А. Л. Гельфонд: [В 2 книгах]. – Н. Новгород: Изд-во «Кварц», 2017. – Кн. 1. – С. 249–273
2. ННГАСУ: Историческая справка. – URL: <http://www.nngasu.ru/about/history/> (дата обращения: 12.12.2019)
3. Гельфонд, А. Л. Архитектурное образование в Нижнем Новгороде. ГИСИ – ННГАСУ // Архитектура. Строительство. Дизайн. – 2017. – № 2. – С. 46–54
4. Иконников, А. В. Функция, форма, образ в архитектуре. – Москва: Стройиздат, 1986. – 288 с.: ил.
5. Дuceв, М. В. Архитектурная встреча в Италии: Проблемы проектирования в исторической среде. Преподаватели и студенты ННГАСУ в Миланской политехнике // Приволжский научный журнал (Нижний Новгород). – 2018. – № 2. – С. 94–98
6. Гельфонд, А. Л. Историко-культурная территория Започаинья в Нижнем Новгороде. Концепция и реализация // Academia. Архитектура и строительство. – 2005. – № 4. – С. 23–26
7. IT-квартал на Ильинской: как бизнес изменит Започаинье? – URL: <https://www.gipernn.ru/zhurnal/tehnologii/stati/it-kvartal-na-ilinskoy-kak-biznes-izmenit-zapochaine> (дата обращения: 12.12.2019)
8. Пучков, М. В. Архитектурная идентичность организации: пространственные схемы кампусов // Архитектон. Известия вузов. Уральская госуд. архит.-худож. Академия. – 2012. – № 2 (38). – URL: http://archvuz.ru/2012_2/3 (дата обращения: 02.02.2020)
9. Дuceв, М. В. Магистратура как «форма» кризисного мышления // Приволжский научный журнал (Нижний Новгород) – 2017. – № 1. – С. 56–61
10. Гельфонд, А. Л. Магистратура как форма полилога – опыт ННГАСУ // Проект Россия. – 2017. – № 1. – С. 148–153
11. Пучков, М. В. Университетский кампус. Принципы создания пространства современных университетских комплексов // Вестник ТГАСУ (Томский госуд. архит.-строит. ун-т). – 2011. – № 3. – С. 79–88
12. Елена Григорьева: Проект «Иркутские кварталы» реализуется ритмично. – URL: <https://irkutsk.news/novosti/2017-12-11/49743-elena-grigoreva-proekt-irkutskie-kvartaly-realizuetsja-ritmichno.html> (дата обращения: 02.02.2020)
13. АСИ объявило конкурс проектов общественных пространств для вузов <https://asi.ru/news/115384/> (дата обращения: 22.10.2019)
14. Соколова, М. А. Формирование образовательных пространств при проектировании университетских кампусов // Architecture and

modern information technologies (архитектура и современные информационные технологии) (Московский архитектурный институт (государственная академия). – Москва. – 2018. – № 4 (45). – С. 377–401

References

- Ducev, M.V. (2017). Magistratura kak «forma» krizisnogo myshleniya [Master courses as the “form” of crisis thinking]. *Privolzhskij nauchnyj zhurnal*, 1, 56-61. N. Novgorod: NNGASU.
- Ducev, M.V. (2018). Arhitekturnaya vstrecha v Italii: Problemy proektirovaniya v istoricheskoy srede. Prepodavateli i studenty NNGASU v Milanskoj politehnikе [Architectural meeting in Italy: problems of designing in the historical environment. professors and students of NNGASU in Politecnico di Milano]. *Privolzhskij nauchnyj zhurnal*, 2, 94-98. Nizhny Novgorod: NNGASU.
- Elena Grigoryeva: Proekt «Irkutskie kvartaly» realizuetsya ritmichno [Elena Grigoryeva: The “Irkutsk quarters” project is being implemented rhythmically]. (2017, December 11). Retrieved February 2, 2020 from <https://irkutsk.news/novosti/2017-12-11/49743-elena-grigoreva-proekt-irkutskie-kvartaly-realizuetsja-ritmichno.html>
- Gelfond, A.L. (2005). Istoriko-kulturnaya territoriya Zapochainya v Nizhnem Novgorode. Konceptiya i realizaciya [The historical and cultural territory of Zapochainya in Nizhny Novgorod. The conception and realization]. *Academia. Arhitektura i stroitelstvo*, 4, 23 – 26.
- Gelfond, A.L. (2017a). Arhitekturnoe obrazovanie v Nizhnem Novgorode. GISI – NNGASU [Architectural education in Nizhny Novgorod. GISI – NNGASU]. *Arhitektura. Stroitelstvo. Dizajn*, 2, 46-54.
- Gelfond, A.L. (2017b). Magistratura kak forma poliloga – opyt NNGASU [Master courses as a form of polylogue – the experience of NNGASU]. *Project Russia*, 1, pp. 148-153.
- Gelfond, A.L. (Ed.). (2017c). Nizhny Novgorod. Illyustrirovannyj katalog obektov kulturnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kulturny) federalnogo znacheniya, raspolozhennyh na territorii Nizhnego Novgoroda [Illustrated catalog of cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of Federal significance located on the territory of Nizhny Novgorod]. Book 1, 249-273. N. Novgorod: Izd-vo «Kvarc».
- Ikonnikov, A.V. (1986). Funkciya, forma, obraz v arhitekture [Function, form, and image in architecture]. Moscow: Strojizdat.
- Mokrova, I. (2019, December 12). IT-kvartal na Ilinskoj: kak biznes izmenit Zapochaine? [IT-quarter on Ilinskaya street: how business will change Zapochaine?]. Retrieved December 12, 2019 from <https://www.gipernn.ru/zhurnal/tehnologii/stati/it-kvartal-na-ilinskoy-kak-biznes-izmenit-zapochaine>
- NNGASU: istoricheskaya spravka [NNGASU: historical background] (n.d.). Retrieved December 12, 2019 from <http://www.nngasu.ru/about/history/>
- Puchkov, M.V. (2011). Universitetskij kampus. Principy sozdaniya prostranstva sovremennyh universitetskikh kompleksov [The University campus. The Principles of creating the space of modern University complexes]. *Vestnik TGASU. Tomskij gosud. arhit.-stroit. un-t*, 3, 79-88. Tomsk.
- Puchkov, M.V. (2012). Arhitekturnaya identichnost organizacii: prostranstvennye shemy kampusov [Architectural identity of an organization: spatial schemes of campuses]. *Arhitekton. Izvestiya vuzov. Uralskaya gosud. Arhit.-hudozh. Akademiya*, 2 (38), 3. Retrieved February 2, 2020 from http://archvuz.ru/2012_2/3
- Sokolova, M.A. (2018). Formirovanie obrazovatelnyh prostranstv pri proektirovanii universitetskikh kampusov [The Formation of educational spaces in the design of University campuses]. *Architecture and modern information technologies (arhitektura i sovremennye informacionnye tehnologii)*, Moskovskij arhitekturnyj institut (gosudarstvennaya akademiya), 4(45), 377-401. Moscow.
- Vasilieva, V., & Dubov, G. (2019, October 22). ASI obyavilo konkurs proektov obshchestvennykh prostranstv dlya vuzov [ASI announced a competition of projects for public spaces for higher educational institutions]. Retrieved October 22, 2019 from <https://asi.ru/news/115384/>

Провинция, провинциальная культура неразрывно связана с региональными школами архитектуры и зодчества. В продолжение темы предыдущего номера мы публикуем две статьи, посвященные сложным процессам генезиса локальных архитектурных школ и их связей с географическими (статья П. Капустина) и историческими (Е. Багина и М. Арустамян) особенностями региона.

Константин Лидин

ps к региональным школам /
ps to regional schools

Provinces and their culture are strongly related to regional architecture schools. In continuation of the topic of the previous issue, we are publishing two articles devoted to complex processes of the genesis of local architecture schools and their relations with geographical (article by P. Kapustin) and historical (article by E. Bagina and M. Arustamyan) peculiarities of the region.

Konstantin Lidin

Категория школы стала в последнее время одной из наиболее привлекательных, видимо, в силу своей парадоксальности: в ней отчетливо слышны как мотивы традиции и укорененности, так и претензия на захват тех или иных ареалов грядущего – уже у в силу инерции, предполагаемой мощи исторического тренда. Однако в «школах» сего дня нет ничего натурального, их действующие конфигурации оттого и действуют заметное время, что были спроектированы и достаточно искусно введены в известные тенденции современности. Увы, нередко смена тенденций происходит чрезвычайно быстро, не оставляя особых ресурсов идеям, ориентированным на традицию и ценности существования – а в архитектуре сегодня востребованы именно такие. Эти перипетии времени и места обсуждаются в статье на материале, полученном в ходе разработки концептуальных оснований архитектурной школы Центрального Черноземья.

Ключевые слова: архитектурная региональная школа; содержание архитектурного образования; организационная форма архитектурного образования; регион; регионалистика; архитектурное проектирование. /

The category of schools has recently become one of the most attractive. It may be due to its paradoxical features: it contains both the tunes of tradition and rootedness and the pretensions to capture certain areas of the future – already under its own inertia and the would-be power of the historical trend. However, today's "schools" have nothing natural; their current configurations remain in force for quite a long time because they were designed and rather skillfully introduced into the well-known present trends. Unfortunately, changes in trends occur too quickly to leave special resources for ideas that are focused on traditions and values of existence and are in highest demand in contemporary architecture. These twists of time and place are discussed in the given article based on the studies of conceptual foundations for the architectural school of the Central Black Earth Region.

Keywords: regional architecture school; content of architectural education; organizational form of architectural education; region; regional studies; architectural design.

Региональные школы: от проектов к надеждам / Regional schools: from projects to hopes

ТЕКСТ

Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Проблема идентификации школы

Россия обладает выдающимся разнообразием ландшафтом, охватывает несколько климатических зон, располагает множеством культурных, научных, технологических центров, крупными и крупнейшими городами, самобытными национальными ареалами. Различия локусов друг от друга на широкой карте страны не подлежат сомнению, равно как и вариации способов отношения к природному и антропогенному окружению, к освоению и артикуляции пространства. Архитектура и градостроительство по факту присутствия их в хозяйственной активности традиционно признают наличие разнообразия, привычно выдвигают местные особенности в ранг значимых для себя факторов формообразования и даже стилиформирования. Однако до сих пор крайне затруднительно предъявить некоторую концептуальную, идейную целостность, о которой можно было бы с уверенностью сказать: это и есть региональная архитектурная школа, принципиально непохожая на соседние или даже отдаленные. Глобализм и унификация делают свою серую работу. Школы присутствуют морфологически, по факту наличия, но самобытность содержания остается проблемой. Категория школы предполагает легко опознаваемую суверенность принципов и идей, но также и устойчивую воспроизводимость этих принципов и идей в стремительно меняющихся условиях современной жизни. Естественный дефицит интенсивной и масштабной концептуально-теоретической работы, распыленность ресурсов, прежде всего интеллектуальных, привычная ориентация на образы и прототипы, созданные центральными архитектурными школами, косность общеобразовательных систем и, наконец, недостаток организационной инициативы – все это выступало и до сих пор выступает (хотя и уже в ином смысле, о котором ниже) реальным препятствием к складыванию автономных региональных архитектурных школ.

Внимание к этнографическим или тем паче к природно-климатическим особенностям, которое и до сих пор нередко ставится в центр поисков региональной идентичности, сколь-либо значимого отношения к обсуждаемой проблеме не имеет. Стилизаторский регионализм в отношении «современного движения» уже продемон-

стрировал в свое время убогость ресурсов подобных фигур самоопределения. Разумеется, ориентация на морфологические и символические реалии места – элементарная составляющая современной проектной культуры, вне которой нет ни сообразного проектирования, ни культуры вообще. Однако пора признать: подчеркнуть внимание к таким вещам проистекает от недостатка возможностей обсуждать действительно принципиальные вопросы. Разговоры об «учете» и «выражении» в архитектурных решениях региональных особенностей – разговоры в пользу бедных. И здесь ни в коем случае нет ничего персонально обидного: мы все, все архитектурное образование в целом, находимся практически в ситуации жесточайшего дефицита идей и средств концептуального прорыва того самого непробиваемого щита, которым до сих пор надежно (но, видимо, уже не столь равномерно) покрыта карта архитектурных школ страны. Проблема присутствия в концептуальном пространстве образования до сих пор остра.

Хартия МСА/ЮНЕСКО по архитектурному образованию, получившая подтверждение и в последующих документах, гласит: «Методы образования архитекторов разнообразны, и это составляет культурное богатство, которое должно быть сохранено» [1]. Эта установка непосредственно обращает наше внимание на... нетривиальное: на гуманитарное содержание архитектурно-градостроительной проектной культуры. В нем, в гуманитарном, но отнюдь не в естественно-научном, инженерном и даже художественном (так легко подпадающем под вкусовые веяния и моды) стоит искать основания идентичности.

Уже универсалистские притязания архитектурного, градостроительного и дизайнерского проектирования в середине XX века вынудили остро ставить проблему регионального самоопределения, еще более обостряющуюся в процессе глобализации. Однако лишь к нашему времени стало понятно: обнаружение региональных качеств проектной культуры как основания проектного действия, адекватного целям и ценностям развития региона, возможно вовсе не путем имитации местных традиционных морфологических или символических характеристик пространства или формы, но посредством выявления культурных значений и феноменологических свойств

^ Воронежская область, Костомарово

^ Ландшафты Центрального Черноземья. Воронежская область, Дивногорье

тех объектов и проектных идей, которые, собственно, и создали образ региона, его *genius loci*. Поскольку подобные исследования требуют обращения к методологии гуманитарного знания, то весь выявляемый план знаний, значений и представлений, не выявляемых никаким иным способом, может быть назван гуманитарным содержанием проектной культуры. Задача осознания и сознательного развертывания гуманитарного содержания проектной культуры предстает сегодня в качестве наиболее актуального направления развития архитектуры, дизайна и других проектных практик в русле гуманистических и социально-экологических ценностей. И это прежде всего задача изменения и развития содержания архитектурного образования, освоения им нового корпуса понятий и представлений, методов и средств.

Ландшафт и метод освоения пространства

Н. А. Бердяев тесно связывал характер российского самосознания с пространственным, географическим положением страны. Он писал: «Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное государственное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа» [2, с. 2]. Но для Бердяева эта проблематика не сводится к проявлениям «демона российской государственности», о котором, например, столь ярко писал Даниил Андреев в своей знаменитой «Розе Мира». Бердяев делает парадоксальный ход, который, как нам кажется, в новом свете представляет интересующую нас здесь проблему – проблему метода творческого действия по организации пространств человеческой жизни, специфичного для российской культуры. Он продолжает: «Гений нормы – не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы... Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ и эта безграничность не освобождает, а поработает ее. И вот духовная

энергия русского человека вошла внутрь, в созерцание, в душевность.... Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры (выделено нами. – Авт.). От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности [2, с. 2]. Именно это соотношение экстенсивности и внутренней созерцательной сосредоточенности дают базовые черты российского характера и российского отношения к пространству, неизбежно выражающиеся и в российской архитектурно-градостроительной традиции (об этом см., например, у Ф. Разумовского [3, 4]).

При всей значимости для архитектурно-пространственного опыта категории «место» и при всей ее роли для выстраивания оппозиции глобализму необходимо осознать двойственность отношения к этой категории в российском мировосприятии. Вышесказанное – в самых общих чертах – может быть выражено в следующей схеме. На локальной территории российский духовно-пространственный тип способен порождать культурные ценности, способен находить для них уникальные средства и способы выражения, не уступая в этом западным и восточным типам. Но он не отождествляет себя с территориальной локальностью, как бы «не вмещается» в нее и всегда имеет потенции развития, развертывания в иные локальности, в иные пространства и ситуации. То есть отсутствие интенсификации в методе освоения пространства компенсируется, с одной стороны, умением организовать волю «по месту», а с другой – экстенсивностью действия и связанной с ним гибкостью перестройки инструментария действия, широтой «палитры» деятельностных средств.

Эти выводы имеют принципиальное значение, поскольку ясно показывают, какие черты российского пространственного самосознания и характера составляют силу творческого метода освоения пространства и создания среды обитания в нашем регионе, а какие требуют дополнительной и специальной педагогической заботы. Об этом пишет и Бердяев: «Власть шири над русской

душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны... Вопрос об интенсивной культуре, предполагающей напряженную активность, еще не делался для него (российского самосознания) вопросом жизни и судьбы» [2, с. 2].

Видимо, культурная и проектная рефлексия подобных суждений, в том числе и опровергающая их ригоризм, остается основным инструментом в обсуждаемой нами теме. Географический детерминизм сегодня непопулярен, однако иных внятных оснований для понимания различий в отношении к пространству до сих пор нет, а значит, остается справедлив тезис: «Природа – главный козырь регионов в борьбе за человеческий капитал» [5]. Богатство и разнообразие природного (естественного), осмысленное в ценностном и целевом контекстах (искусственное) остается стержнем поиска действенных опор для обновления практик работы с большими локусами, такими как область или край, – опор, хоть сколь-либо отличных от всеобщего нормативного горизонта архитектурно-градостроительной деятельности.

Районирование как унификация

Главнейшим организационным принципом производственно ориентированной деятельности и обслуживающей ее системы «подготовки кадров» являлось, как известно, территориально-экономическое районирование. Понятие «район» было широко включено в централизованные системы экономики поставка (Gestell у Хайдеггера) и являлось понятием соответствующей теории управления; с ним связаны такие институты административно-распределительной системы народного хозяйства, как территориально-производственный комплекс, экономический район и т. п. Но так организовано и интеллектуальное пространство деятельности, работающей с естественнонаучным комплексом понятий и представлений. Оно точно так же безразлично к экзистенциальным качествам ландшафтов и поселений, так же далеко от архитектурной интуиции и живого чувства. Но, мало того, образовательное интеллектуальное пространство отечественной архитектуры и специально выстраивалось по принципу гомогенности и равномерности, по принципу содержательной энтропии (только за качественным уровнем сохранялась функция различения центра и периферии). Один комплекс знаний и представлений покрывал всю страну. «Места» были лишь инертными «емкостями», «получателями» Единого. В пространстве знания территориально различные «места» страны выглядели абсолютно одинаково, они не присутствовали в этом пространстве. Районы были, но регионов не существовало, ведь этимологически эти слова – отнюдь не синонимы [6].

Регион vs район

Заметной концептуальной антитезой глобализму и всякой унификации вообще становится разработанная в географии и смежных науках парадигма региона. Регион – не столько территория или место, сколько фигура локальной культурной идентичности, представленная в конструктивном ключе, открытая к взаимодействию с другими регионами и лишь благодаря этому имеющая возможность состояться как самобытная единица организации человеческой жизни. Более того, именно включенность в мировую систему «сетей», обретение собственного функционального места в ней позволяет региону осознать и проявить свою уникальность, освободиться от необходимости дублировать или имитировать других [6, 7].

В отличие от района, регион – не столько территориальное, сколько деятельностное и «идейное» понятие

– существует не в физическом пространстве экономгеографии, а в пространстве идей, знаний, методов деятельности, это – «воспроизводственная структура на мировых путях развития» [6, с. 48]. Регионы не назначаются сверху и не обнаруживаются на карте, они создаются, выращаются. Регионализация, до сих пор почти тотально ассоциирующаяся с приватизацией «мест» и местечек, представляет все же по природе своей нечто совсем иное. Регионализация есть процесс диверсификации и переконфигурирования пространства знаний (в частности, лежащего в основании архитектурного образования), процесс выделения новых «островов» и «материков» – регионов – в некогда Едином «океане Соляриса» тотально организованной мысли. И в этом смысле никакой угрозы территориальной целостности регионализация не представляет, напротив, является стратегией поддержания естественных ресурсов разнообразия, без которых, как известно в экологии, целое не выживает: любое единое и монотонное обречено на догматизацию и вырождение. Видимо, события пандемии 2020 года заставят вновь обратиться к идеям регионализации деятельности, причем в мировом масштабе, поскольку громогласно заявленные идеалы Единого очередной раз обнаружили фиктивность.

Топологическое (и топографическое) соответствие так именно понятым регионам тем или иным географическим локальностям – вопрос второстепенный. Присутствие же в так именно понятых регионах архитектурной деятельности и образования содержаний этнографического, историко-культурного, средового, природно-ландшафтного и прочего, значимого для проектной мысли происхождения, – вопрос рабочий, утвердительно решаемый в горизонте повседневной профессиональной нормы существования таких регионов. Указанное понимание регионов позволяет определить сверхзадачи архитектурно-градостроительной деятельности, придает искомый масштаб проектированию региональной школы.

Форма и пустота. Реалии централизованного образования

Обсуждаемое нами, судя по всему, применимо в отношении многих российских центров архитектурного образования – как в смысле осознания оснований, так и в смысле опыта построения на них новых форм и нового содержания. Опыт этот на данный момент неоднозначен. Примером могут служить инициативы автора и его коллег. Все описанные выше соображения и смыслы легли в свое время в основу проекта Центрально-Черноземной архитектурной школы – проекта, поддержанного несколькими программами Минобрнауки России в 2000-х гг. Проект представлял собою достаточно подробное описание потребных дисциплин нового типа, их принципов и их содержания [8, 9]. Возможности, предоставленные ФГОС ВО третьего поколения, позволили эту заявку осуществить в учебном плане специалитета «архитектура» в Воронежском архитектурно-строительном университете (ныне ВГТУ), а последующие ФГОСы не помешали развертыванию его в учебных планах бакалавриата и магистратуры [10]. Особенное внимание было уделено гуманитарно-ориентированным дисциплинам в составе профессионального блока («Методология проектирования», «Семиотика в архитектуре», «Символика и феноменология в архитектуре», «Понимание архитектурной формы и среды» и др., рефлексивным в отношении остального учебного процесса), проблематика региональных и средовых ценностей, их осуществление в архитектурном проектировании сего дня получила отражение во многих учебных курсах. Не все удалось осуществить, но открывшиеся перспективы и лучшее понимание в ходе реализации проекта задачи активно осмысливались инициативным коллективом, выдвигались планы новых этапов.

Однако постепенно новое содержание все более и более становилось заложником крепчайших внешних форм, призванных вернуть образование в стране к измеряемому, а значит, единым стандартам и образцам. Свобода школ остается, как известно, провозглашаемой в центральных документах, но все более... по умолчанию. Контроль над образовательной деятельностью, распространяющийся на неумолимо ширящийся круг аспектов, оставляет в стороне содержание и специфику, поскольку ответственность за их обеспечение (научное, организационное и учебно-методическое) оценивается по тем же общим и негибким параметрам. Формализация схватывает, как всегда, «мертвое», а живое остается делом энтузиастов – факультативным и, по сути, невостребованным. Идентичность, своеобразие школы остаются в одиночестве и тонут в пустоте бюрократической работы, вал которой накрыл преподавателей, заведующих кафедрами, руководителей образовательных программ. Меняется штатный состав, люди стареют, умирают, уходят на более престижные и благодарные работы, подготовленную молодежь трудно оставить в вузе на существующих условиях оплаты труда и при массе скучных, но неизбежных формальных обязанностей. «Добраться» до тающего на глазах содержания или восстановить исходные тезисы школы становится все труднее...

Рефлексия и надежда

Итак, регионы – организованности деятельности и знания, а не территории. Для их организации требуются весьма продвинутое теоретико-методологические представления и рафинированная культура в самых различных сферах деятельности. Популярность слова «регион» не должна вводить в заблуждение: основные работы еще предстоят. И это прежде всего работы в сфере проектной регионалистики, непосредственно выходящей на территории и создающей их самобытность, ведь в этой сфере до сих пор царит разобщенность и конфликт интересов основных участников, который сегодня приходится заново осмысливать в рамках концепции пространственного развития [11]. Можно утверждать: регионы начинают создаваться только сейчас, и этот мировой процесс далек как от завершения, так и от существенных успехов. Очевидно, такое понимание диаметрально противоположно широко распространенному стойкому убеждению в том, что раньше региональная (историко-культурная) самобытность была, а сегодня ее становится все меньше, и что процесс глобализации эту самобытность стремительно сокращает. Возьмем на себя смелость парадоксального, на первый взгляд, суждения: проблема региональной самобытности в архитектуре и градостроительстве еще даже и не поставлена сколь-либо осмысленным образом, и именно угрозы глобализации (каково бы ни было ее конкретное воплощение, ведь глобализацию было бы неосмотрительно сводить к одному лишь америкоцентричному политико-экономическому тренду) позволяют впервые об этой проблеме говорить.

Обсуждаемая нами проблематика, весь обозначенный комплекс идей, судя по всему, не устареют со временем. Возврат к ним неотвратим, если в стране вообще останутся архитектурное, проектное образование. Разумеется, могут временно взять верх совсем иные тенденции, иная политика в отношении архитектурной деятельности и образования – индифферентная, а то и прямо противоположная высказанному в настоящей статье. Такие тенденции, увы, уже проявляются.

Поэтому надежда наша – на осознание необходимости новой, собственной, российской системы рейтингования и оценки деятельности высших творческих школ, поскольку становится очевидно: подчинение заимствованным рейтингам ставит школы, все образование в стране во вторичную позицию, отодвигает на периферию. Из-

вестно: кто разрабатывает и контролирует рейтинговые системы, тот и впереди в соответствующих показателях. Мы успели убедиться, что самое осмысленное и ценное, на что мы всегда делали ставку, удивительно легко и быстро «вымывается», ускользает сквозь сетку формальных категорий. Как и в отношении реальной экономики, реальные ценности образования должны быть наконец осознаны и развернуты.

Литература

1. Хартия МСА/ЮНЕСКО по архитектурному образованию. – Барселона, препринт XIX конгресса МСА, 1996. – С. 1
2. Бердяев Н. А. О власти пространства над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России. – Азбука-Классика, 2016. – 416 с.
3. Разумовский Ф. Большое пространство малого города // Наше наследие. – 1989. – № 6. – С. 30–39
4. Разумовский Ф. Внимая свету и простору // Знание-сила. – 1989. – № 3
5. Григорьева Е. Места силы // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 77
6. Левинтов А. Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // Вопросы методологии. – № 3. – 1991 [Электронный ресурс]. – <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1991/3/v913lev0.html> (дата обращения 20.03.2020)
7. Копылов Г. Г. Регион-сеть и региональные программы // Кентавр. – 1993. – № 2 [Электронный ресурс]. – <http://www.kilouma.ru/safia/g-g-kopilov-region-sete-i-regionalenie-programmi/main.html> (дата обращения 20.03.2020)
8. Кармазин Ю. И., Капустин П. В. Тезисы к проекту Центрально-Черноземной региональной архитектурной школы // Центральные и региональные архитектурные школы: материалы Междунар. научн. конференции. – Саратов, 1998. – С. 20–24
9. Kapustin P. V., Karmazin Yu. I. Place Value in the Architectural Creativity and Education Updating // Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Construction and Architecture. – № 4 (28). – 2015. – P. 76-91. [Электронный ресурс]. – <http://vestnikvgasu.wmsite.ru/ftpgetfile.php?id=491> (дата обращения 20.03.2020)
10. Капустин П. В. От всеобщего к конкретному: тренды архитектурного образования // Архитектура и строительство России. – 2017. – № 2 (222). – С. 74–79
11. Боков А. О социокультурных предпосылках формирования российского пространства. Треугольник и элита // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 48–49

References

- Berdyayev, N. A. (2016). O vlasti prostranstva nad russkoi dushoi [On the power of the space over Russian soul]. In Sudba Rossii. Azbuka-Klassika.
- Bokov, A. (2017). On socio-cultural prerequisites for formation of Russian space. The triangle and the elite. Project Baikal, 14(52), 48-49. doi:10.7480/projectbaikal.52.1160
- Grigoryeva, E. (2017). Places of strength. Project Baikal, 14(52), 77. doi:10.7480/projectbaikal.52.1169
- Kapustin, P. V. (2017). Ot vseobshchego k konkretnomu: trendy arkhitekturnogo obrazovaniya [From the general to the special: trends of architectural education]. Arkhitektura i stroitelstvo Rossii, 2(222), 74-79.
- Kapustin, P. V., & Karmazin, Yu. I. (2015). Place Value in the Architectural Creativity and Education Updating. Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Construction and Architecture, 4(28), 76-91. Retrieved March 20, 2020 from <http://vestnikvgasu.wmsite.ru/ftpgetfile.php?id=491>
- Karmazin, Yu. I., & Kapustin, P. V. (1998). Tezisy k proektu Tsentralno-Chernozemnoi regionalnoi arkhitekturnoi shkoly [Theses to the project of a Central Black Earth Region architecture school]. Tsentralnye i regionalnye arkhitekturnye shkoly: Proceedings of the International scientific conference, 20-24. Saratov.
- Kopylov, G. G. (1993). Region-set i regionalnye programmy [A network region and regional programs]. Kentaavr, 2. Retrieved March 20, 2020 from <http://www.kilouma.ru/safia/g-g-kopilov-region-sete-i-regionalenie-programmi/main.html>
- Levintov, A. E. (1991). Ot raiona k regionu: na puti k khozyaistvennoi geografii [From a district to a region: on the way to economic geography]. Voprosy metodologii, 3. Retrieved March 20, 2020 from <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1991/3/v913lev0.html>
- Razumovsky, F. (1989a). Bolshoe prostranstvo malogo goroda [A large space of a small town]. Nashe nasledie, 6, 30-39.
- Razumovsky, F. (1989b). Vnimaya svetu i prostoru [Regarding the light and the wide open space]. Znanie-sila, 3.
- UNESCO-UIA Charter for Architectural Education. (1996). Preprint of the XIX UIA Congress, 1. Barcelona

Генеральный план-1924 Еревана, созданный А. Таманяном и Н. Буниatianом, отражал военно-политическую ситуацию на территории Армении после Первой мировой войны, геноцида 1915 года, революций в Турции и России, иллюзий армянской диаспоры и политических партий о создании независимой Республики Армения. Новый заказчик, Советская власть, поддерживал идеи города-сада и Еревана как столицы Армении, поэтому планировочные принципы А. Таманяна сохранились. Деятельность Комитета армянской помощи позволяла реализовать идеи генплана.

Ключевые слова: Александр Таманян; Николай Буниatian; Генеральный план 1924; город-сад; столица; Комитет армянской помощи. /

The master plan of Yerevan created in 1924 by Alexander Tamanyan and Nikolay Buniatian is a reflection of the military-political situation prevailing in Armenia after the First World War, the genocide of 1915, the revolutions in Turkey and Russia, the social illusions of the Armenian diaspora and political parties that set out to create an independent Republic of Armenia as a center for the preservation of Armenian culture. The change in the "client" of this project and the political plans did not affect the idea of a "garden city" and the planning principles laid down by Tamanyan. The activities of the Armenian Assistance Committee made it possible to realize the ideas of the master plan.

Keywords: Alexander Tamanyan; Nikolay Buniatian; 1924 Master Plan of Yerevan; garden city; capital; Armenian Assistance Committee (AAC).

v Рис. 1. Портрет Таманяна

Ереван-1924: генеральный план / Yerevan 1924: master plan

ТЕКСТ

Елена Багина
Мargarita Arustamyan /
text
Elena Bagina
Margarita Arustamyan

> Рис. 2. Генеральный план Еревана. 1924

Историки архитектуры и искусствоведы при советской власти научились писать гладко и осторожно. Они в совершенстве овладели искусством обходить острые углы. Результат такого творчества – формирование множества мифов, где крупницы правды перемешаны с идеологически выверенной ложью. В XXI веке, казалось бы, эти мифы должны уйти в небытие, стать фактом истории.

Но нет: они продолжают жить. Их внедряют в головы школьников и студентов. А уважаемые профессора продолжают писать так, как их научила нелегкая жизнь.

Если верить «написанному пером» (а теперь уже и с помощью компьютера), успешный архитектор академик Александр Ованесович Таманян уехал из Петербурга в 1919 году (!) в Ереван по зову сердца для того, чтобы проектировать генплан столицы Армении.

«Их было несколько человек – крупнейших деятелей культуры-армян, которые переехали жить в Армению после обретения ею независимости. Это был исключительно патриотический порыв...» – так пишет Карен Бальян в статье 2006 года [1].

Вспомним о послереволюционной разрухе и голоде 1919–1920 года, о гражданской войне, терроре, о том, что в это время архитекторы ничего не проектировали и не строили. Не от хорошей жизни во ВХУТЕМАСе учили полуграмотных студентов Щусев, Жолтовский, Буниatian... Преподавание давало возможность получать продуктовые карточки. Об этом и прочих фактах известно.

Известно и то, что Александр Таманян, окончив архитектурное отделение Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств в 1904 году, был успешным архитектором, строил особняки для знати, получил звание академика, женат был на Камилле Эдвардс, внучке архитектора Николая Леонтьевича Бенуа, его принимали в высшем петербургском обществе [2, 3].

История создания генерального плана Еревана в изложении учебников истории архитектуры кажется логичной и кристально ясной: генплан советское руководство заказало именитому архитектору, который по зову сердца оказался в Армении. Отсюда в некоторых советских источниках и дата прибытия Таманяна в Армению – 1920 год (ошиблись на год, зато все сходится: столицу Армении в Ереване решила сделать советская власть; разве не так?). В учебнике «История советской архитектуры» под редакцией Н. П. Былинкина и А. В. Рябушина читаем: «Большие реконструктивные работы проводились в Армянской ССР – Ереване. Реконструкция началась сразу после образования советской Армении. Автором первого генерального плана был акад. А. Таманян, крупный мастер архитектуры, приобретший известность еще до рево-

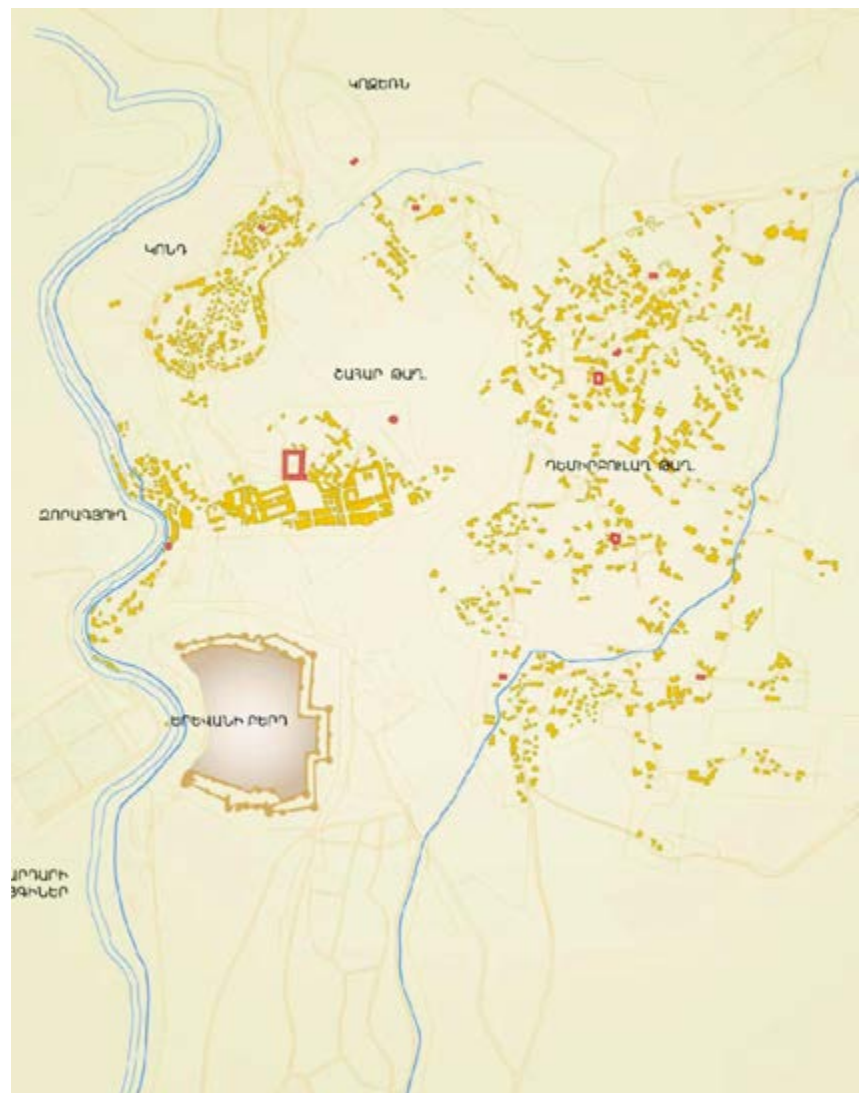

< Рис. 3. Ереван.
Фото начала XX в.

люции» [12, с. 96]. Далее в учебнике говорится, что Таманян расположил центральную часть города на плато, откуда открывается прекрасный вид на Арарат. Все, что написано в учебнике, истинная полуправда. Студенты, сдавая экзамен по истории советской архитектуры, должны были сказать (если хотели получить хорошую отметку), что в основу генплана Еревана были положены новые принципы, отражающие отсутствие частной собственности на землю, равенство всех граждан, создание условий для обеспечения трудящихся здоровым жилищем и пр. Да, советское руководство в лице Александра Мясникяна [4] в 1924 году утверждало этот план, но работы над ним начались еще до установления Советской власти на территории Закавказья. Таманян приехал в Ереван в 1919 году по приглашению Ованеса Качазнуни, члена правительства Демократической Республики Армении, а впоследствии видного деятеля Комитета армянской помощи. И работы над планом были начаты еще в 1919 году.

Карен Бальян пишет: «В годы перестройки я высказал гипотезу относительно времени и заказчика генплана Еревана на основании анализа его структуры и заложенных в нем идей. Историографическими фактами я не располагал. И только спустя годы, когда были опубликованы воспоминания последнего председателя правительства дашнакской республики С. Врацяна, доказательства получили фактическое обоснование – генплан был заказан А. Таманяну не Советами, а правительством Первой республики» [1]. А могло ли быть иначе, если работа над генпланом Еревана началась еще до установления советской власти в Закавказье?

Факты известны. При советской власти никто не скрывал, что в начале XX века западная часть Армении находилась под властью Османской империи, а восточная была частью Российской [5]. После Первой мировой войны и революции ситуация в России и Турции изменилась. Империи, делившие территорию Армении, перестали существовать. Но обрести независимость в политических и экономических условиях 1919–1920 года для Армении было практически невозможно, хотя реализация этой идеи была выгодна многим политическим силам. Идея сделать Ереван столицей армянского государства в это время бередила умы и лидеров диаспоры, пополнившей-

^ Рис. 4. Генеральный
план Еревана. 1808

^ Рис. 5. Ереван. Фото начала XX в.

^ Рис.6. Генеральный план района Нубарашен. 1926

v Рис. 7. Ереван.
Фото начала XX в.

ся после геноцида армян 1915 года, и политиков, которые не уезжали с исторической родины. Казалось бы, звезды сошлись: провинциальный Ереван, где в начале XX века проживало 12 тысяч жителей и было лишь 60 процентов армян [5], должен был стать 12-й столицей Армении. Одного желания иметь независимое национальное государство было недостаточно, но отчаянная попытка, стоившая жизни многим идеалистам, была сделана.

До начала Первой мировой войны экономическими и культурными центрами армянской диаспоры в восточной части мира были Константинополь (Стамбул), Тифлис (Тбилиси), Александрополь (Гюмри) Карс и другие. После геноцида армян 1915 года проживание армян в Константинополе стало невозможным. Судьба Карса была решена

в 1918 году, когда без предупреждения жителей-армян по решению новой власти его «передали» Турции. Что это означало – понятно. Кроме Карса, были и другие армянские города, которые ранее находились под юрисдикцией Российской империи, но по итогам войн и политического торга оказались под властью Турции.

В апреле 1918 года Закавказским сеймом была провозглашена Закавказская Демократическая Федеративная Республика, объединившая территории Грузии, Армении и Азербайджана. Через месяц по требованию Турции Закавказский сейм был распущен, и в конце мая 1918 года появилось три государства: Грузинская Демократическая Республика, Азербайджанская Демократическая Республика и Республика Армения [6]. Однако точные границы между Грузией, Арменией и Азербайджаном не были определены, что привело к острому конфликту между тремя республиками и породило кратковременные локальные войны, в которых участвовали и Турция, и РСФСР. До сих пор давние территориальные споры и смешанный национальный состав населения приводит к вооруженным конфликтам.

Армяно-турецкая война (сентябрь – декабрь 1920) закончилась поражением Армении и подписанием Александропольского мирного договора, невыгодного для нее. Но армянская делегация к моменту подписания договора утратила свою правомочность, поскольку правительство Республики Армения во главе с партией «Революционная Федерация Дашнакцутюн» ушло в отставку, передав власть коалиционному правительству, в состав которого вошли армянские националисты и большевики, а на территорию Армении к этому времени вошли части 11-й Армии РККА РСФСР [6].

5 декабря 1920 года власть перешла к Ревкому, и независимая Республика Армения перестала существовать. Но надежда на создание нового национального административного и культурного центра в Ереване еще жила. Близость к Еревану Эчмиадзина – старейшего религиозного центра армянской автокефальной церкви, резиденции Католикоса Всех армян – тоже принималась во внимание.

После череды войн и социальных потрясений в начале 1920-х годов экономика Армении была в упадке.

^ Рис. 8. Генеральный план дер. Лукашен для детей-сирот. 1925

^ Рис. 9. Фото одного из зданий в деревни Лукашен. 1925

Положение усугублялось еще и тем, что после турецкого геноцида 1915 года в городах и селах были толпы беженцев, не имеющих ни жилья, ни работы. Многие армяне в это время покинули родину, пополнив многочисленную армянскую диаспору. Положение армянских беженцев и в Европе, и в Америке, и на территории Армении было незавидным.

Сирануш Матинян (прабабушка Маргариты Арустамян) вспоминала, что в 1918 году ее семья, бросив дом и все имущество в Карсе, вынуждена была бежать. Александрополь (ныне Гюмри), расположенный неподалеку от новой турецкой границы, был переполнен. Именно туда старались попасть образованные люди, но надежды на квалифицированную работу в Александрополе у Сирануш не сбылись. В Ереване, где жила ее сестра – Салвиназ Африкян – была хоть какая-то надежда устроиться на работу и получить жилье. Образованных людей в Ереване после геноцида 1915 года. Всю жизнь она вспоминала Карс и мечтала туда вернуться.

В 1921 году был создан «Комитет армянской помощи» (КАП). Он был связующим звеном между мировой армянской диаспорой и Арменией. В это время деятельность КАП и идеи возрождения Армении поддерживались советским руководством. Вопрос, где взять деньги на восстановление экономики Армении и создание ее новой столицы, решался за счет пожертвований богатых представителей мировой армянской диаспоры [7]. Были ли донаторы из КАП исполнены альтруизма? Верится с трудом. Хотя и патриотические устремления, конечно, были. Отрицать их было бы неправильно. Идеями социальной справедливости болели в начале XX века многие видные политики и деятели культуры. Вложенные в создание независимого армянского государства деньги могли сторицей окупиться. Как известно, власть дает огромные возможности для развития бизнеса. Так было всегда, так есть и сегодня, и это прекрасно понимали организаторы КАП. Но если бы богатыми членами диаспоры двигала только идея власти и выгодного вложения капитала, то действия КАП были бы прагматичнее. Не строились бы

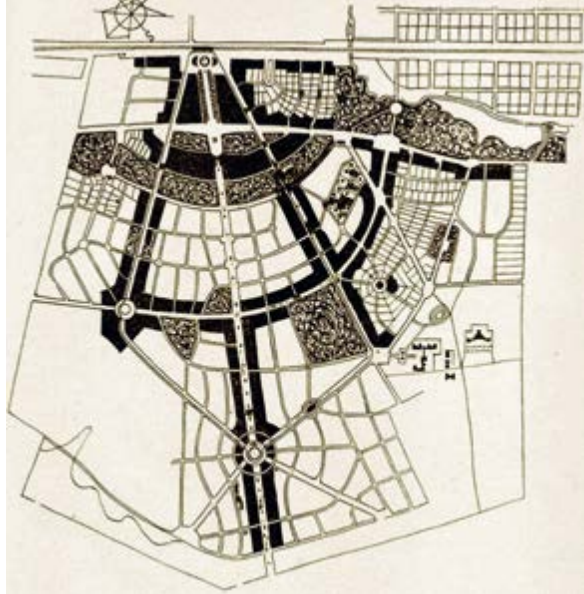
приюты для детей-сирот, не финансировался бы приезд в Армению видных деятелей науки и искусства [7, 9]. Ведь на деньги КАП были в это время построены целые районы, например, Нубарашен, ставший впоследствии частью Еревана. Решения о строительстве Нубарашена было принято Армянским благотворительным фондом, расположенным в Филадельфии (США), а деньги передавались через КАП. Целью проекта было строительство жилья для пострадавших от геноцида репатриантов. Основное финансирование поступало из личных средств Погоса Нубара-Паши, в честь него район получил название Нубарашен, что означает построенный Нубаром [7]. На строительство было потрачено около 253 тыс. долларов. Чтобы понимать, много это или мало, можно вспомнить, что в США в 20-х годах XX века, «согласно архивам Sears, дом Greenview – дом с четырьмя спальнями, идеально подходящий для «пригорода или фермы» – можно было купить всего за 1152 доллара» [14].

Построен был также «идеальный город» Лукашен для детей-сирот, потерявших родителей во время геноцида. Их предполагалось содержать и воспитывать на деньги американских спонсоров в самых комфортных условиях, а заодно проверить на практике новейшие педагогические и градостроительные идеи, заложенные в основу этого небольшого поселка [8].

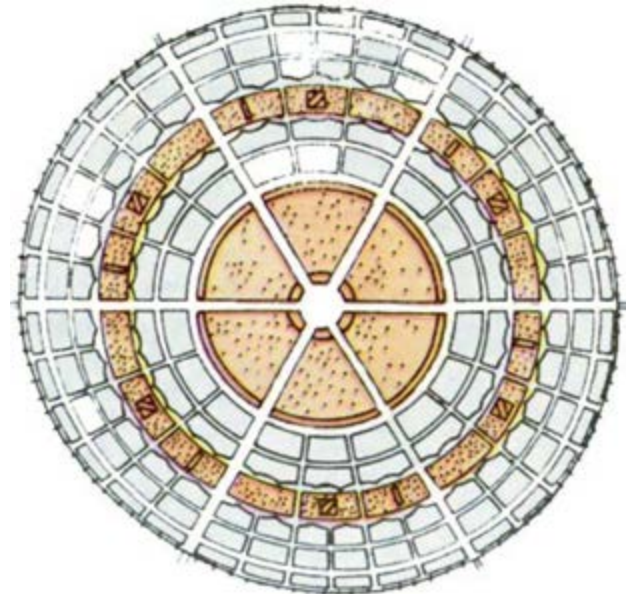
Идея создания в Ереване общемирового культурного армянского центра была во многом утопической. Тем не менее, видные деятели науки и искусства армянского происхождения приняли приглашение КАП и приехали на историческую родину. В их числе были художник Мартирос Сарьян, композитор Александр Спендиарян, языковед Рачия Ачарян, хирург Амбарцум Кечек и другие. По разным причинам они решили жить на исторической родине. Многие из них родились в России, получили российское образование и свободно владели русским языком. Мартирос Сарьян, Амбарцум Кечек и Александр Мясникян, к примеру, родились в Нахичевани-на-Дону, Александр Таманян – в Екатеринодаре (ныне Краснодаре), Александр Спендиарян – в Каховке Таврической губернии, Рачия Ачарян – в Константинополе (Стамбуле), Николай Буниатян – в Тифлисе (Тбилиси) [7, 9].

Надежды создать независимое национальное госу-

^ Рис. 10. Генеральный план города-сада на ст. Прозоровское. 1912

^ Рис. 11. Схема идеи Э. Говарда. Город-сад на 100 тыс. жителей

дарство рухнули в 1920 году, однако Комитет армянской помощи действовал с 1921 до 1937 года. История всех, кто сотрудничал с КАП в 1920–1930-х годах, трагична. Комитет был признан шпионской организацией и все, кто был с ним связан, репрессированы.

По разным причинам многие видные армянские деятели культуры и науки приняли приглашение КАП вернуться на историческую родину. Но по приезду в Ереван им стало понятно, что жить негде [7, 9]. Город был переполнен репатриантами, число которых превышало население, жившее на территории Еревана до Первой мировой войны. В 1921 году в городе жило уже около 50 тысяч человек. В первую очередь Комитет армянской помощи помогал обустроиться приглашенной интеллигенции. Некоторые из них, правда и сами смогли построить для себя особняки, но большинство жило в арендованных домах и квартирах; некоторым предоставили временное жилье.

Архитектор Александр Таманян приехал в Армению в 1919-м году. КАПа в это время еще не существовало. Работа предстояла большая, и Таманян получил разрешение пригласить в Армению своего друга Николая Буниатяна, который в это время жил в Москве и преподавал во ВХУТЕМАСе. Когда Буниатян приехал в Армению, была сформирована группа специалистов для разработки генплана столичного города Еревана [9]. Но вскоре проектирование пришлось остановить. Обстановка в Армении в это время была крайне напряженной, власть менялась. Многих сотрудников Таманяна арестовали, и он сам вынужден был бежать в 1921 году в Персию (Иран). Два года он жил в Тавризе. В Персии в это время была многочисленная армянская диаспора, и Таманян мог работать по профессии. Вернулся он на территорию Армении только в 1923 году [2]. Рубен Гюльмисарян утверждает, что за Таманяном и его семьей «<...> послали в Тавриз специальный поезд» [17].

Идея создать в Ереване столицу стала опять актуальной. Правда, заказчиком этого проекта была уже новая власть, положение которой в Закавказье в это время укрепилось. Представления о том, какой должна быть новая столица Армении, у людей, принимающих решения, было весьма туманное. Таманяну и Буниатяну, которого вновь привлекли к работе над генпланом, пришлось по-

лагаться на свои знания и те нормы и стандарты, которые были характерны для градостроительства конца XIX – начала XX века. Социальные утопии большевиков в качестве технического задания мало подходили, тем не менее, влияли на выбор архитектурно-планировочного решения. Отмена частной собственности на землю давала небывалую свободу проектировщикам.

Генеральный план Еревана был закончен в кратчайшие сроки и представлен в правительственную комиссию, которую возглавлял в то время Александр Федорович Мясникян – личность уникальная во всех отношениях. Уроженец Нахичевани-на-Дону, значит он мог знать в юности многих своих знаменитых землячков, оказавшихся в 20-х годах в Ереване, он закончил Армянскую семинарию в Москве в 1903 году, затем Лазаревский институт в 1906 году, получил диплом юриста в Московском университете в 1912 году, ещё в 1906 году увлёкся идеями социализма и стал членом РСДРП. Его биография, воистину, достойна авантюрного романа. С 1922 года Мясникян – председатель Союзного Совета Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики, затем первый секретарь Закавказского крайкома РКП (б). В утверждении генплана 1924 года его голос был решающим. Мясникян поддержал планировочные идеи архитекторов. В марте 1925 года в авиационной катастрофе Мартуни погиб – так звали Мясникяна товарищи по партии, что само по себе было необычно. На траурном митинге выступал Лев Троцкий [4].

Итак, Ереван по плану Александра Таманяна и Николая Буниатяна 1924 года должен был превратиться в социалистический город-сад, административную и культурную столицу Армении. Возможно, в этом генплане была изначально заложена и символика, о которой пишет Карен Бальян: «Перед Таманяном стояла ясная задача – генеральный план столицы должен был выражать основную идею нового государства. Для Армении с ее древней историей и культурой эта идея заключалась в возрождении утраченных традиций, на которых должно было происходить современное развитие страны. Независимость, демократия, национальные традиции, единение народа и целостность исторических территорий – вот основные аспекты, которые должны были найти выражение в генеральном

^ Рис. 12. Генеральный план г. Барнаула. 1917

^ Рис. 13. Генеральный план Лечворта, первого Города-Сада. 1908. (Илл. из кн.: «Постройка городов, их план и красота»)

плане Еревана. (Доктор архитектуры О. Х. Халпахчян, который в 1930-е годы работал в мастерской Таманяна, когда я рассказал ему о своих мыслях относительно генплана Еревана, вспомнил интересную деталь: когда руководители республики приводили своих гостей в мастерскую Таманяна, неизменно подчеркивали, что генплан, раскрытый на Арарат, выражает идею целостности Армении, идею воссоединения утраченных территорий). <...> Постоянное движение к Арарату и есть выражение национальной идеи армян, писал выдающийся армянский поэт Паруйр Севак. Естественно, Арарат явился главным пространственным ориентиром и идейным стержнем плана Таманяна» [1].

Линии генерального плана можно интерпретировать и так. Но основной идеей нового государства в градостроительстве в 20-х годах XX века был отказ от традиции. Гораздо позже, уже в начале 1930-х годов, началось «освоение исторического наследия», в том числе и в градостроительстве.

Наиболее прогрессивной идеей начала XX века был город-сад. Ее поддерживали все социалисты, в том числе и большевики. В 1913 году А. О. Таманян совместно с В. А. Семеновым, А. В. Щусевым, А. П. Иваницким, Н. Г. Буниatianом участвовал в проектировании города-сада на станции Прозоровское. Заказчиком был Николай фон Мекк (председатель правления Общества Московско-Казанской дороги с 1892 по 1917 г.).

Говардовская идея города-сада оказала сильное влияние на разрабатываемые в начале XX века планы новых городов и принципы реконструкции существующих. Города-сады стали проектироваться во многих странах. Однако в этих проектах и реализациях была забыта экономическая составляющая и осталась только романтическая. Малоэтажные города-сады строились крупными промышленниками для рабочих, но проживать в них рабочие могли только при условии работы на предприятии. По сути, это были озелененные ведомственные поселки для квалифицированных рабочих [10, 11]. При реконструкции существующих городов идея города-сада инициировала появление в генеральных планах многочисленных парков, скверов, бульваров, принималась невысокая плотность застройки, центр проектировался

обыкновенно как классицистический ансамбль, что предполагало симметрию, озелененные парадные эспланады, обширные площади с фонтанами и скульптурами и прочие атрибуты «красивого города» [10].

В Прозоровском на территории более 700 га решили строить благоустроенный поселок, состоявший из малоэтажных домов (при каждом – участок в 12 соток), культурный центр, а также больничный и школьный городки. Все поселение должна была пререзать система кольцевых и радиальных дорог, по самым крупным из которых предполагалось пустить электрический трамвай. В качестве «исходного материала» для обустройства Прозоровского специально по заказу фон Мекка с лондонской Международной выставки привезли фотографии, описания, схемы уже существующего города-сада в Лечворте. Многие из «подсмотренного» у англичан решено было воплотить в российском варианте «поселка будущего» [15, 16].

Таманян и Буниatian, таким образом, имели представление не только о схеме Говарда, но и о генплане города-сада Лечворта. Информация об этом проекте неоднократно появлялась в профессиональной печати; опубликован был план Лечворта и в книге Диканского «Постройка городов, их план и красота», напечатанной большим тиражом в 1913 году.

Там публиковался, в частности, и план Лечворта – первого города-сада, который строился под руководством самого Эбенизера Говарда, автора этой идеи. Книга дает представление о круге градостроительных идей, характерных для начала XX века.

В центре городов, которые проектировались по принципу города-сада, планировали обыкновенно общественно-административное кольцо, затем садово-парковый пояс, отделяющий жилые кварталы от шумной центральной части. Этот планировочный прием прослеживается и в генплане Еревана Александра Таманяна и Николая Буниatianа 1924 года.

Не стоит забывать ещё и о том, что выпускники Петербургской Академии художеств академик Таманян и будущий главный архитектор Еревана Буниatian проектировали не просто город-сад, а столичный город. Представление о том, как должна выглядеть столица, у них было характерное для рубежа XIX – XX веков.

Рис. 14. Генеральный план г. Дальнего

В Ереване были предусмотрены парадные ансамбли административных и общественных зданий, музеи и театры, площади-звезды, прямые проспекты. И, конечно, выделено место для университета и научных учреждений. Здания институтов должны были соседствовать с домами для ученых, был предусмотрен университетский кампус по образцу лучших учебных заведений мира.

План 1924 года строился на предположении, что за 20 лет население города увеличится примерно до 150 тыс. человек. Чем будут заняты жители Еревана, из генплана не очень ясно. В начале XX века в Ереване была развито в основном ремесленное производство. Крупных фабрик не было. Планировал ли авторы генплана 1924 года размещение промышленности в Ереване – не очень понятно. Скорее всего, предполагалось, что Ереван будет в чем-то подобен Вашингтону. Новому Еревану отводилась роль административной и культурной столицы, а поэтому в плане были оставлены свободные территории, которые можно было использовать для разных целей.

Судя по генплану 1924 года, историческая вернакулярная застройка старейших районов Еревана ценностью для Таманяна и Буниатяна не была. К примеру, на холме, где располагается Конд, они нарисовали концентрические круги новых улиц, трассировка которых игнорировала сложившуюся застройку [13].

Итак, в генплане Еревана 20-х годов воплотилась символика национального возрождения, идея города-сада, а также представления начала XX века о том, что такое столичный город.

Есть и еще одна особенность этого генплана: предусмотрена возможность развития, поскольку план не имеет замкнутой структуры.

Можно сказать, что в генплане Еревана 1924 года нашла выражение градостроительная парадигма, характерная для конца XIX – начала XX века. Если посмотреть генеральные планы новых городов, которые разрабатывались в России в начале XX века, можно найти много сходных черт с генпланом Еревана в плане города Дальнего, плане города-сада Барнаула, в плане Харбина и других.

Каркас города, запроектированный в 1924 году, принципиально не менялся. Сохранился он и в генеральном

плане 1935 года, который был разработан Ленинградским Гипрогором (архитекторы И. Малоземов, Н. Загорян и С. Клевицкий). Как будет видоизменяться план города при последующих реконструкциях в XXI веке и будет ли ценностью для проектировщиков наследие Таманяна и Буниатяна – трудно сказать.

Р. С.

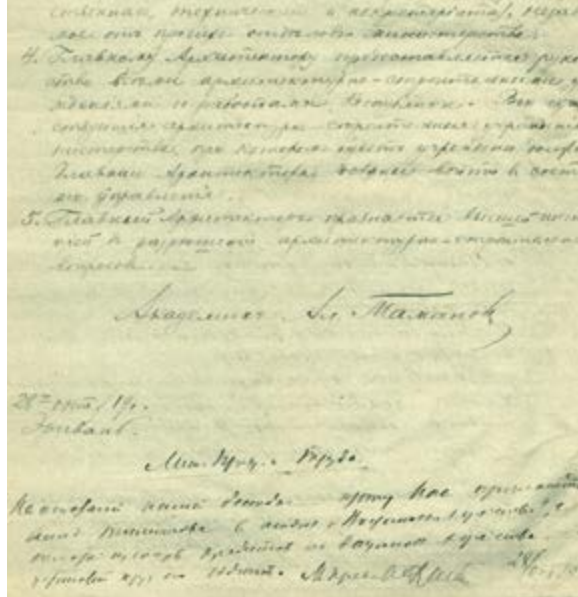
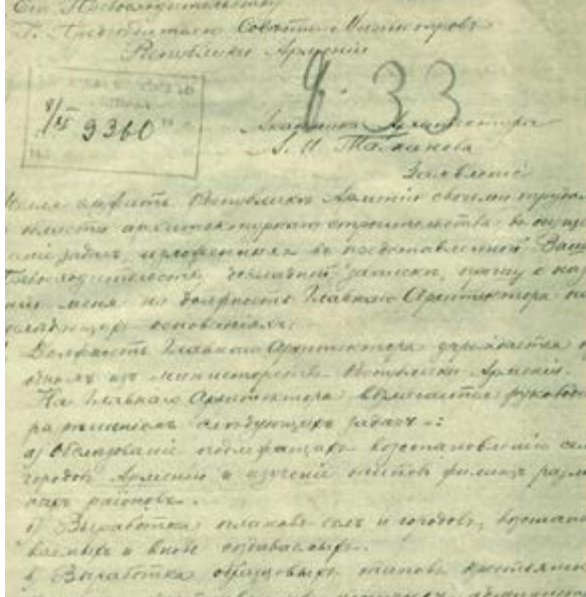
Ереван времен молодости моих родителей значительно отличается от города, в котором родилась я в 1994 году. Сегодня нет уже Еревана начала 1920-х годов, который помнила моя бабушка Сирануш. Застройка XIX века почти полностью исчезла. Еще можно что-то увидеть в полуразвалившемся Конде и в закоулках центра, но состояние этих домов плачевно. То, чем мы продолжаем гордиться – постройки архитекторов круга Таманяна и Буниатяна – существуют ныне в совершенно другом окружении. Им не дают «дышать» новые высотные дома, построенные наспех. Вид на гору Арарат и связанная с этим символика застройщиков сегодня мало волнует, и поэтому силуэтные характеристики города стали совсем другими. Но если изменится каркасная основа центра города, запроектированная почти столет назад Таманяном и Буниатяном, уйдет в небытие не только XIX век Еревана, но и XX. О «Розовой столице» мы будем вспоминать в старости, как вспоминала моя бабушка о частных домах на берегах Раздана, которые любил рисовать Мартирос Сарьян. А пока каменный Таманян уже сорок шесть лет стоит, склонившись над планом Еревана у подножия недостроенного Каскада, заканчивающегося на вершине ямой, из которой торчит арматура недостроенного фундамента.

Маргарита Арустамян

Р.Р.С.

В Ереване, в Историческом музее Армянской революционной федерации хранится интереснейший документ – заявление Александра Таманова (Таманяна) первому премьер-министру Демократической Республики Армении Ованесу Каджасуну от 28 октября 1919 г. На самом деле это не заявление, а скорее ультиматум. Академик Таманов хотел стать если не министром,

< Рис. 15. Заявление Александра Таманова (Таманяна) первому премьер-министру Демократической Республики Армения Ованесу Каджасуну от 28 октября 1919 г.

отвечающим за развитие архитектуры и строительства Первой республики, то Главным архитектором не Еревана – всей Армении. Он хотел разрабатывать планы реконструкции старых городов и планировать новые поселения, проектировать и строить крупные общественные здания, хотел иметь возможность выбирать «самое вкусное» и определять стилистику сооружений, которые будут проектироваться его коллегами. Он видел себя при Советах единственным «придворным архитектором», обладающим всей полнотой власти в области архитектуры и строительства Армении. Но и не только... Таманян понимал, что войны и революции губят одних и дают шанс подняться другим, обладающим силой, энергией и работоспособностью. Власть уходит и приходит, а здания и сооружения остаются на века – это он знал твердо.

Первой республике суждена была короткая жизнь. Но Александр Таманян готов был сотрудничать и с советской властью. На самом деле ему было все равно, какая власть даст ему возможность строить на века. Он действовал так же, как Огюст Монферран, явившийся в Париже с альбомом своих проектов к победителю Наполеона Александру I, как поступил И. В. Жолтовский, пришедший к В. И. Ленину в том же 1919 году с рекомендательным письмом А. В. Луначарского [18]. Вернувшись из Ирана в 1923 году в Армению, Таманян стал главным инженером местного Совнаркома и членом ЦИКа Армянской ССР (1925–1936), разработал первый генеральный план современного Еревана, генеральные планы ряда армянских городов и поселков, в том числе Гюмри (1925), Гавара (1927) и Ахта-Ахпара (1927), Эчмиадзина (1927–1928) и др.

«Париж стоит мессы», – сказал в 1593 году сорокалетний Генрих Наваррский. В 1919 году талантливому и честолюбивому Александру Таманяну был 41 год, и за возможность заниматься Архитектурой в государственном масштабе он дорого заплатит впоследствии. Умер Главный архитектор Армении 20 февраля 1936 года. Он месяца не дожил до 58 лет. Постоянный стресс и напряжение подорвали его здоровье. Ни одно из начинаний Таманяна не было закончено при его жизни...

Елена Багина

Его Превосходительству
Г. Председателю Совета Министров Республики Армения
от Академика Архитектуры А. И. Таманова

Заявление

Желая служить Республике Армении своими трудами в области архитектурно-строительства в осуществлении задач, изложенных в представленной Вашему Превосходительству докладной записке, прошу о назначении меня на должность Главного Архитектора на нижеследующих условиях:

1. Должность Главного Архитектора учреждается при одном из министерств Республики Армении. На Главного Архитектора возлагается руководство разрешением следующих задач:

- Обследование подлежащих восстановлению сел и городов Армении и изучение типов жилищ различных районов.
  - Выработка планов сел и городов восстанавливаемых и вновь создаваемых.
  - Выработка образцовых типов крестьянских жилищ, хозяйственных построек, административных и общественных зданий и пр., а также организация технического надзора на местах при осуществлении таковых.
  - Разработка планов урегулирования городов Армении в связи с благоустройством и ростом их.
  - Разработка проектов и руководство осуществлением зданий для нужд государственных учреждений.
  - Подготовка законопроектов и организация государственного технического надзора для регулирования общественного и частного строительства и прочие вопросы, связанные с архитектурным строительством государства.
2. Главный Архитектор подчиняется и имеет доклад непосредственно министру. При Главном архитекторе организуется его управление, состоящее из отделов архитектурно-художественного, технического и секретариата, независимое от прочих отделов министерства.
3. Главному Архитектору предоставляется руководство всеми архитектурно-строительными учреждениями и работами Республики.
4. Все существующие архитектурно-строительные учреждения, при которых будет учреждена должность Главного Архитектора, должны войти в состав его управления.
5. Главный Архитектор признается высшей инстанцией в разрешении архитектурно-строительных вопросов.

Академик Ал. Таманов, 28. октября 1919 г. Эривань.

Мин. «Природы и Труда»

На основании нашей беседы прошу Вас пригласить Акад. Таманова в надзор «Водного Хозяйства» с оплатой и соответствующего представления «Водному хозяйству» круг его советов и рекомендаций

Подпись неразборчива

^ Рис. 16. Памятник Александру Таманяну. Ереван. 2017

Литература

1. Бальян, К. В. Город, смотрящий на Арарат / Проект классика. – 2006. – URL: <https://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569743&fl=5&sl=1> (дата обращения: 16.03.2020)
2. Անանյան Է. 12-րդ մայրաքաղաքի ճարտարապետը / imyervan.am.: Ереван. – 2013. – URL: <https://imyerevan.com/hy/society/view/4893> (дата обращения: 18.03.2020)
3. Галстян, Р. Камилла Эдвардс, любимая жена Александра Таманяна / Армянский музей Москвы и культуры наций. – 2017. – URL: <https://armuseum.squarespace.com/news-blog/2017/5/11/-8789866> (дата обращения: 18.03.2020)
4. Մաղալյան, Վ., Ալեքսանդր Մյասնիկյան. Ծննդյան 125-ամյակի առթիվ / Историко-филологический журнал. – Ереван. – 2011. – № 3. – С. 28–50. – URL: [http://hpj.asj-oa.am/5699/1/2011-3\(28\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/5699/1/2011-3(28).pdf) (дата обращения: 18.03.2020)
5. Շահազիզ Եր., Հին Երևանը (Старый Ереван) / Шахазиз Ерванд. – Ереван : Мухни, 2003. – 271 с.
6. Հայոց պատմություն, հ. IV. Նորագույն ժամանակաշրջան, գիրք առաջին (1918–1945 թթ.) / Институт истории НАН РА. – Ереван : изд-во «Зангак-97». – 2010. – 800 с. : 24 прил.
7. «Antsanot Yerevan. (2018) Episode 1 Antsanot Yerevan Abovyan32 ATV TV company // YouTube. 18 март (<https://www.youtube.com/watch?v=Arm3Rvabsv8>)
8. «Antsanot Yerevan. (2018) Episode 4 Antsanot Yerevan Amerikyan vorbanots, Lukashin gyugh ATV TV company // YouTube. 18 март (<https://www.youtube.com/watch?v=Arm3Rvabsv8>)
9. «Antsanot Yerevan. (2018) Episode 6 Antsanot Yerevan Nalbandyan 21& 23 ATV TV company // YouTube. 18 март (<https://www.youtube.com/watch?v=EQXMNjoedhU>)
10. Меерович, М. Г. Рождение и смерть города-сада. Градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. – 340 с.
11. Диканский, М. Г. Постройка городов, их план и красота: 135 рисунков в тексте. — Петроград : Издание Н. П. Карбасникова, 1915. – 308 с. – URL: <http://tehne.com/event/arhivsyachina/dikanskiy-m-g-postroyka-gorodov-ih-plan-i-krasota-1915> (дата обращения: 10.03.2020)
12. История советской архитектуры. 1917–1954 гг. Учебник для архитектурных вузов / Под общ. ред. Н. П. Былинкина. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Стройиздат, 1985. – 256 с.
13. Иванов, А. В. Этюды о вернакулярном Гюмри // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 172–189
14. Что за \$1000 можно было купить 10, 50 и 100 лет назад. – URL: <https://www.forumdaily.com/что-за-1000-mozhno-bylo-kupit-10-50-i-100-let-nazad/> (дата обращения: 19.03.2020)
15. Старостенко, Ю. Д. Больничный городок «первого в России города-сада» у платформы Прозоровская: история проектирования и строительства (1912–1930). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

bolnichnyy-gorodok-pervogo-v-rossii-goroda-sada-u-platforny-prozorovskaya-istoriya-proektirovaniya-i-stroitelstva-sh2-1930/viewer (дата обращения: 19.03.2020)

16. Как поселок Кратово чуть не стал воплощенной мечтой. – URL: <https://mosregtoday.ru/neizvedannoe-podmoskov-e/kak-poselok-kratovo-chut-ne-stal-voploshchennoy-utopiey/> (дата обращения: 19.03.2020)

17. Рубен Гюльмисарян. Город жизни – город потерь. Страшная трагедия армянского гения архитектуры – URL: <https://ru.armeniasputnik.am/columnists/20180316/10935447/gorod-tamanyan-tragediya-arkhitektura.html> (дата обращения: 04.04.2020)

18. Багина, Е. Ю. Три жизни Ивана Жолтовского // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 90–98

References

Antsanot Yerevan. (2018a). Episode 1 Antsanot Yerevan Abovyan32 ATV TV company. Retrieved March 18, 2020 from <https://www.youtube.com/watch?v=Arm3Rvabsv8>

Antsanot Yerevan. (2018b). Episode 4 Antsanot Yerevan Amerikyan vorbanots, Lukashin gyugh ATV TV company. Retrieved March 18, 2020 from <https://www.youtube.com/watch?v=Arm3Rvabsv8>

Antsanot Yerevan. (2018c). Episode 6 Antsanot Yerevan Nalbandyan 21& 23 ATV TV company. Retrieved March 18, 2020 from <https://www.youtube.com/watch?v=EQXMNjoedhU>

Bagina, E. (2019). Three lives of Ivan Vladislavovich Zholtovsky. Project Baikal, 16(59), 90-98. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1437>

Balyan, K. V. (2006). Gorod, smotryashchii na Ararat [The city looking at Ararat]. Retrieved March 16, 2020 from <https://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569743&fl=5&sl=1>

Bylinkin, N. P. (Ed.) Istoriya sovetskoi arkhitektury. 1917-1954 gg. [The history of Soviet architecture. 1917-1954]. Uchebnik dlya arkhitekturnykh vuzov (2nd ed.). Moscow: Stroizdat.

Chto za \$1000 možno bylo kupit 10, 50 i 100 let nazad [What could be bought for \$1000 10, 15 and 100 years ago]. (2017). Retrieved March 19, 2020 from <https://www.forumdaily.com/что-за-1000-mozhno-bylo-kupit-10-50-i-100-let-nazad/>

Dikanskiy, M. G. (1915). Postroyka gorodov, ikh plan i krasota: 135 risunkov v tekste [Construction of cities, their plan and beauty: 135 pictures in the text]. Petrograd: Izdanie N. P. Karbasnikova. Retrieved March 10, 2020 from <http://tehne.com/event/arhivsyachina/dikanskiy-m-g-postroyka-gorodov-ih-plan-i-krasota-1915>

Galstyan, R. (2017). Kamilla Edwards, lyubimaya zhena Aleksandra Tamanyana [Camilla Edwards, Alexander Tamanyan's beloved wife]. Retrieved March, 18, 2020 from <https://armmuseum.squarespace.com/news-blog/2017/5/11/-8789866>

Gyulmisyaryan, R. (2018). Gorod zhizni – gorod poter. Strashnaya tragediya armyanskogo geniya arkhitektury [The city of life – the city of losses. A terrible tragedy of the Armenian architectural genius]. Retrieved April 4, 2020 from <https://ru.armeniasputnik.am/columnists/20180316/10935447/gorod-tamanyan-tragediya-arkhitektura.html>

Ivanov, A. (2019). Studies of Vernacular Gyumri. Project Baikal, 16(61), 172-189. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1522>

Kak poselok Kratovo chut ne stal voploshchennoi mechtoi [How the settlement Kratovo nearly became a realized dream]. (2015). Retrieved March 19, 2020 from <https://mosregtoday.ru/neizvedannoe-podmoskov-e/kak-poselok-kratovo-chut-ne-stal-voploshchennoy-utopiey/>

Meerovich, M. G. (2008). Rozhdenie i smert goroda-sada. Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1917-1926 gg [The birth and death of the garden city. Urban planning policy in the USSR in 1917-1926]. Irkutsk: Izdatelstvo Irgtu.

Shahaziz, Ervand. (2003). Շահազիզ Եր., Հին Երևանը (Old Erevan). Erevan: Mukhni.

Starostenko, Yu. D. (2018). Bolnichnyi gorodok “pervogo v Rossii goroda-sada” u platforny Prozorovskaya: istoriya proektirovaniya i stroitelstva (1912-1930) [A campus of the “first in Russia garden city” at the Prozorovskaya platform: the history of design and building (1912-1930)]. Retrieved March 19, 2020 from <https://cyberleninka.ru/article/n/bolnichnyy-gorodok-pervogo-v-rossii-goroda-sada-u-platforny-prozorovskaya-istoriya-proektirovaniya-i-stroitelstva-sh2-1930/viewer>

Անանյան Է. 12-րդ մայրաքաղաքի ճարտարապետը. (2013). imyervan.am. Erevan. Retrieved from <https://imyerevan.com/hy/society/view/4893>

Մաղալյան, Վ., Ալեքսանդր, Մյասնիկյան Ծննդյան 125-ամյակի առթիվ. (2011). Histoico-phylogological journal, 3, 28-50. Erevan. Retrieved March, 18, 2020 from [http://hpj.asj-oa.am/5699/1/2011-3\(28\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/5699/1/2011-3(28).pdf)

Հայոց պատմություն, հ. IV. Նորագույն ժամանակաշրջան, գիրք առաջին (1918–1945 թթ.). (2010). Erevan: Institut istorii NAN RA, izdatelstvo “Zangak-97”.

авторы

Антонова Наталья Евгеньевна – старший научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ЦГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва)

Арустамян Маргарита Ареговна – аспирант и ассистент Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (УрФУ, Екатеринбург)

Асташов Денис Юрьевич – аспирант, преподаватель кафедры дизайна Борисоглебского филиала Воронежского государственного технического университета (филиал ВГТУ, Борисоглебск)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент строительного института УрФУ

Базилевич Михаил Евгеньевич – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета (ИАИД ТОГУ, Хабаровск)

Белобрыкина Ольга Афанасьевна – кандидат психолог. наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии психолог. ф-та Новосибирского гос. университета (НГПУ)

Бодэ Андрей Борисович – кандидат архитектуры, научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ЦГБУ ЦГБУ «ЦНИИП Минстроя России»)

Буйнов Алексей Николаевич – архитектор, доцент кафедры архитектуры и дизайна МИТУ–МАСИ (Москва)

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, зав. кафедрой архитектуры и дизайна МИТУ–МАСИ

Гаевская Злата Анатольевна – кандидат архитектуры, доцент Высшей школы промышленно-гражданского и дорожного строительства Инженерно-строительного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (ИСИ СПбПУ)

Гельфонд Анна Лазаревна – доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой архитектурного проектирования, главный архитектор архитектурной мастерской Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ)

Григорьева Анна Сергеевна – зам. директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корр. РААСН, вице-президент СА России (Иркутск)

Дагданова Ирина (Цыредарь) Баторовна – проф. кафедры арх. проектирования ИРНТУ

Дианов Сергей Александрович – доктор исторических наук, проф. кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ); проф. кафедры частного права Пермского института ФСИН России

Дианова Юлия Викторовна – магистр дизайна, преподаватель Пермского строит-го колледжа

Дмитриева Алёна Олеговна – аспирант, преподаватель кафедры «Архитектура промышленных сооружений» МАРХИ (Москва)

Дружинина Инна Евгеньевна – доцент ВАК, профессор кафедры арх. проектирования ИРНТУ

Ермакова Анна Андреевна – архитектор-реставратор, преподаватель Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ)

Запова Елизавета Андреевна – бакалавр ИРНТУ

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент ИАИД ТОГУ

Иванова-Ильичева Анна Михайловна – кандидат архитектуры, зав. кафедрой истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации Южного фед. университета (Ростов-на-Дону)

Казакова Валентина Игоревна – ведущий архитектор Сибирской лаборатории урбанистики (Иркутск)

Капустин Петр Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, зав. кафедрой теории и практики архитектурного проектирования ВГТУ

Ковалевский Андрей Владимирович – аспирант кафедры социологии, политологии и регионоведения ТОГУ

Косенкова Юлия Леонидовна – доктор архитектуры, главный научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ЦГБУ «ЦНИИП Минстроя России»)

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, проф. каф. архитектуры и урбанистики ИАИД ТОГУ

Кудрявцев Федор Сергеевич – доцент кафедры градостроительства МАРХИ, член Международного общества городских и региональных планировщиков (ISOCARP)

Лапшин Андрей Александрович – кандидат технических наук, профессор, ректор ННГАСУ, заведующий международной кафедрой ЮНЕСКО ННГАСУ «Экологически безопасное развитие крупного региона – бассейна Волги»

Лидин Константин Львович – кандидат техн. н., докторант психологии (София, Болгария)

Лисицина Яна Юрьевна – канд. истор. наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента Института филологии, иностр. языков и медиакоммуникаций Ирк. гос. университета

Митягин Сергей Дмитриевич – доктор архитектуры, академик МАНЭБ, профессор кафедры градостроительства архитектурного факультета СПбГАСУ

Петрусенко Юлия Викторовна – аспирант каф. истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации, ассистент кафедры основ арх.-худ. проектирования ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Рендинжер Патрис де – профессор Высшей школы Архитектуры и Ландшафтной архитектуры г. Бордо (Франция)

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна УРГАХУ (Екатеринбург)

Скворцов Михаил Евгеньевич – ст. преподаватель каф. архитектуры и дизайна МИТУ–МАСИ

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва

Токарева Елена Константиновна – магистр по направлению «Архитектура» МАРХИ

Фальковский Дмитрий Константинович – генеральный директор мастерской архитектуры и дизайна «ФОКС» (Иркутск)

Шутова Софья Александровна – магистр по направлению «Архитектура» ИРНТУ

Щенков Алексей Серафимович – доктор архитектуры, профессор, главный научный сотрудник и руководитель отдела НИИТИАГ (филиал ЦГБУ «ЦНИИП Минстроя России»)

authors

Natalia Antonova – senior researcher, Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAg), Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia (Moscow)

Margarita Arustamyan – Ph.D. student, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (UrFU, Yekaterinburg)

Denis Astashov – Ph.D. student, Borisoglebsk Branch of Voronezh State Technical University

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Institute of Construction of UrFU (Yekaterinburg)

Mikhail Bazilevich – Ph.D. in Architecture, Department of Architecture and Urbanistics, Pacific National University (PNU, Khabarovsk)

Olga Belobrykina – Ph.D. in Psychology, Department of Social Psychology and Victimology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University

Andrey Bode – Ph.D. in Architecture, researcher, NIITIAg, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Alexei Buinov – architect, Ass. Prof., Department of Architecture and Design, Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute (MITU-MACI)

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, advisor of the RAACS, head of the Department of Architecture and Design, MITU-MACI

Zlata Gaevskaya – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Higher School of Industrial, Civil and Road Construction of Institute of Civil Engineering of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Anna Gelfond – Doctor of Architecture, head of the Department of Architectural Design, chief architect of the architectural bureau at Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (NNSUACE)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corr. member of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR) (Irkutsk)

Irina (Tsyredar) Dagdanova – professor, Department of Architectural Design, Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Sergey Dianov – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Government and History of Perm National Research Polytechnic University, professor of the Department of Private Rights of Perm Institute of the Russian Federal Penitentiary Service

Julia Dianova – Master of Design, lecturer at Perm College of Building

Alena Dmitrieva – Ph.D. student, Department of Architecture of Industrial Buildings, MArchI (Moscow)

Inna Druzhinina – Ass. Professor of the Department of Architectural Design of INRTU

Anna Ermakova – conservation architect, lecturer, Moscow State University of Civil Engineering

Elizaveta Zapova – Bachelor, INRTU

Alina Ivanova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Institute of Architecture and Design, PNU

Anna Ivanova-Ilicheva – Ph.D. in Architecture, head of the Department of History of Architecture, Art and Architectural Restoration, Southern Federal University (SfEdU, Rostov-on-Don)

Valentina Kazakova – leading architect of Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Andrey Kovalevsky – Ph.D. student, Department of Sociology, Politology and Regional Studies, PNU

Julia Kosenkova – Doctor of Architecture, chief researcher, NIITIAg, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, professor of the Department of Architecture and Urbanistics, PNU

Fedor Kudryavtsev – Ass. Professor of the Department of Urban Planning of MArchI, member of ISOCARP

Andrei Lapshin – Ph.D. in Engineering, professor, rector of NNSUACE, head of the UNESCO Chair “Ecologically safe development of a large region – the Volga basin”

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Yana Lisitsina – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor of the Department of Journalism and Media Management of Irkutsk State University

Sergey Mityagin – Doctor of Architecture, academician of MANEB, professor of the Department of Urban Planning, SPbGASU

Yuliya Petrusenko – Ph.D. student, Department of History of Architecture, Art and Architectural Restoration, SfEdU (Rostov-on-Don)

Patrice de Rendinger – professor of Bordeaux School of Architecture and Landscape (France)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Mikhail Skvortsov – senior lecturer, Department of Architecture and Design, MITU-MACI

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Elena Tokareva – Master in Architecture, MArchI

Dmitry Falkovsky – general director, FOX Architecture & Design (Irkutsk)

Sofia Shutova – Master in Architecture, INRTU

Alexei Shchenkov – Doctor of Architecture, professor, chief researcher and head of the department, NIITIAg, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism